

УрГПУ – в 2005г. – 75 лет

ИЗВЕСТИЯ

УрГПУ

ЛИНГВИСТИКА

ВЫПУСК 16

Екатеринбург – 2005

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

Л 59

Редакционная коллегия:

Доктор филологических наук, профессор А.П. ЧУДИНОВ (отв. ред.)

Доктор филологических наук, профессор Л.Г. БАБЕНКО

Доктор филологических наук, профессор Т.А. ГРИДИНА

Доктор филологических наук, профессор Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

Доктор филологических наук, профессор В.И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Ассистент ШИНКАРЕНКОВА М.Б.

Л 59 Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 16./ Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2005. 249 С.

ISBN 5-7186-0131-3

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвистики, обсуждение фундаментальных и прикладных проблем языкознания, а также вопросов взаимоотношения языка, культуры и общества. Два основных раздела посвящены политической лингвистике и лингвокультурологии. Сборник предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами лингвистики.

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект №05-04-83402 а/У

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

**НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ИЗВЕСТИЯ УрГПУ. ЛИНГВИСТИКА.
ВЫПУСК 16**

Подписано в печать 27.06.05. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 15,1. Тираж 120 экз. Заказ 1501

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@dialup.uk.ru

ISBN 5-7186-0131-3

© Известия УрГПУ. Лингвистика, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Базылев В.Н. Москва	Национальная идентичность: фрагмент русской общественно-политической мысли	5
Басовская Е.Н. Москва	Политическая терминология в языковом сознании семнадцатилетних	12
Васильев А.Д. Красноярск	Динамика слова в дискурсе СМИ и лексикографии как следствие и воплощение экстралингвистических факторов	19
Будаев Э.В. Н-Тагил	Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000-2004)	41
Дедова С.А. Омск	Содержание понятийного компонента концепта «зло» в политическом дискурсе	52
Докучаева Р.М. Коми	Речевые стратегии и тактики в политическом мониторинге	61
Лассан Э.Р. Вильнюс	Изображение речи власти как средство ее десакрализации	73
Маркова О.А., Харламова Т.В. Саратов	Лингвокультурологический анализ речей российских и американских президентов	82
Светоносова Т.А. Псков	Языковая репрезентация «свободы» как политической ценности в посланиях В.В. Путина Федеральному Собранию	98
Солопова О.А. Челябинск	Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе Великобритании	102
Стрельников А.М. Н.-Тагил	Метафорический оценочный портрет И.М. Хакамады в дискурсе президентских выборов	115

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Андросова О.В. Екатеринбург	Структурно-семантические типы демонологем	121
Васильева С.П. Красноярск	Топонимическое поле «человек»	123

Воробьева Н.А. Екатеринбург	Сакральное как компонент языковой идиоматики	131
Глушак В.М. Сургут	Речеповеденческий аспект проклятий в немецкой лингвокультурной общности	139
Долевец С.Н. Ростов	Об иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности	145
Зацепина М.В. Екатеринбург	Семантическая структура ключевых слов концептов Отчуждение и Entfremdung в сопоставительном аспекте	149
Кабаченко Е.Г. Екатеринбург	Экономическая метафора в современном педагогическом дискурсе	155
Кайгородова Н.Г. Екатеринбург	Эффективность диалога в художественном произведении	161
Каримова Р.Х. Стерлитамак	Семантика зоонимов во фразеологии немецкого и русского языков	169
Кузнецова И.В. Екатеринбург	Семантика демонологемы в русском языковом сознании	176
Кушнерук С.Л. Челябинск	Прецедентные имена как символы прецедентных феноменов в рекламных дискурсах России и США	182
Мальцева И.Г., Пестова Н.В. Екатеринбург	Об эквивалентности и ментальной адекватности переводов цветковых концептов Г. Тракля	189
Моисеев А.А. Екатеринбург	Интертекст в русской рок-поэзии: аспекты исследования	197
Олешков М.Ю. Н.-Тагил	Интенциональность в коммуникативном процессе	204
Пестова Н. В., Потапова Н. В., Чванов Н. А. Екатеринбург	Концепт «верх-низ» в языковом сознании разных культур как отражение наивной модели мира	208
Покровская Е.А. Ростов	Чужая речь и диалог в потоке сознания (на материале русской литературы XX в)	217
Шаповал В.В. Москва	Псевдоархаизмы в словарях жаргона	225
Шинкаренкова М.Б. Екатеринбург	Структура дискурса русской рок-поэзии	232
Шустрова Е.В. Екатеринбург	Идиостиль Ф. Дугласса	241

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ.....247

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФРАГМЕНТ РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Адекватность языка общественной политической мысли, непременно содержащим философские, религиозные и политические ингредиенты, обеспечивается не умением «вызвать все до конца», а умением убедить, склонить читателя или слушателя на свою сторону. Почти неразличимые переходы от логических доказательств к аксиоматике всепобеждающей веры – важнейший дифференциальный признак общественной политической мысли.

В данном небольшом фрагменте – фрагменте советского российского политического дискурса – я бы хотел представить некоторые факты и факторы, обуславливающие функционирование концепта национальной идентичности в русской общественной политической мысли XX века.

Для того чтобы задать тон этому фрагменту, процитирую П.Н.Денисова – одного из наиболее ярких руководителей группы филологов, занимавшихся в свое время языком В.И.Ленина. *Политический игрок стремится захватить вершинные термины политической аксиоматики, как правило, эмоционально теплые и приятные, что открывает ему простор «логических доказательств». Таким образом, для языка общественной мысли характерна острота конфликта между разными взглядами на одно и то же. В роли алфавитов общественно-политических «исчислений» выступают **ключевые слова и фразы**, которые для разных общественных сил могут быть разными. Далее следуют подбор фактов, логические доказательства и то, что называют в общем плане, риторикой, словесный искусством, стилем изложения. В этом отношении язык общественной политической мысли предельно синкретичен...* [Денисов, 1998: 7-8].

Именно на такие **ключевые слова и фразы** я хочу остановить свое внимание при обсуждении **национальной идентичности** как фрагмента русской общественно-политической мысли XX века.

В отечественной общественно-политической мысли необычайно сильна культурно-историческая доминанта, что обусловлено необходимостью постичь место и миссию России во всемирной истории. В этом отношении сегодняшние поиски моделей дальнейшего развития нашего общества продолжают традиции историсофской проблематики, всегда волновавшей общественную и философскую мысль России. Переживаемый нами критический период отечественной истории диктует необходимость выработки принципиально нового подхода к проводимым реформам, что закономерно повышает интерес исследователя к общественно-политическим идеям прошлого. Вместе с тем, задача освоения имеющегося духовного наследия во всем его богатстве и многоплановости еще далека от своего положительного решения. В первую очередь это относится к творческому наследию российской эмиграции «первой волны» 20-30-х годов. Ее лучшие представители надеялись, что придет время и на родине, в России, станет возможным объективное и беспристрастное исследование *великого многообразия того наследия, которое русская эмиграция передаст будущему* [Адамович, 1961: 11]. Интерес к духовной культуре российского зарубежья может и должен носить, помимо социально-философского, филологический характер, имеющий целью изучение малознакомого дискурсного пласта. Это тем более важно, что позволит восполнить некий, опять-таки, пробел, возникший в развитии русского

философского дискурса, и включить этот дискурс и его рефлексии в контекст современных дискуссий об исторической судьбе России и ее будущем.

Богатое духовное наследие, оставленное нам российским зарубежьем 20-30-х годов, представляет большой интерес с точки зрения изучения процесса самоидентификации в российском общественно-политическом сознании. Уровень самопознания культуры, как известно, является одним из важнейших индикаторов, указывающих на степень зрелости духовной жизни общества. Особую роль в развитии самопознания играют острые социальные кризисы. Сопровождаясь разрушением сложившейся системы ценностей, высвечивая доселе неизвестные, скрытые потенции культуры, они побуждают, по крайней мере, интеллектуальную элиту общества к пересмотру традиционных представлений о своей нации и ее месте среди других наций.

Период 20-30-х годов XX века заслуживает в этом отношении специального внимания, ибо именно в это время часть российской интеллигенции, оказавшись за границей после событий революции и гражданской войны, целенаправленно пыталась заново определить quintessence русской культуры, смысл национальной истории для того, чтобы понять причины происшедшего. Необходимо отметить, что если многое из богатого духовного наследия, оставленного нам первым поколением российской эмиграции, уже стало предметом научного внимания отечественных исследователей, то национальная проблематика в трудах Н.А. Бердяева, П.М. Бицилли, И.А. Ильина, П.Н. Милюкова, П.А. Сорокина, Н.С. Трубецкого, Г.П. Федотова и других еще только ожидает своего глубокого изучения и адекватной интерпретации. Не стоит забывать, что XX век, особенно первая его четверть, в лице своих философов был глубоко и искренне убежден в том, что мир дан нам только в языке и благодаря ему. Поэтому предполагалось и полагалось изначально при обращении к вечным и проклятым вопросам бытия, что все репрезентации, какими бы реалистичными или научными они ни казались, не репрезентируют ничего, кроме дискурсивных механизмов. *Дискурсивные практики* названных мыслителей, вскрываемые археологией гуманитарного знания, дают нам возможность по-новому, по-иному взглянуть на проблему национальной идентичности. Сразу же уточню, что сам термин – национальная идентичность – ими не применялся. Но тема национального самосознания и национальной проблематики в целом были одними из главных для философов «первой волны» российской эмиграции. При этом принципиально важным моментом для них был пересмотр одного из понятий, играющих сейчас в науке и в жизни исключительную по своему значению роль. Это – понятие нации. Справедливо считалось уже тогда, что свободное обращение с этими терминами и понятиями служит источником не только теоретических заблуждений, но и *величайших житейских опасностей и бедствий* [Бицилли, 1928: 342].

Тема национального самосознания, активно обсуждавшаяся в историко-социологической и общественно-философской литературе России к XIX–нач.XX в., вызвала особый интерес в среде российской научной интеллигенции, оказавшейся в эмиграции после 1917 г. В своих исследованиях они продолжали традиции отечественной научной мысли, связанные с исследованиями этнической психологии. Вместе с тем ими были предложены новые подходы к осмыслению этих сложнейших феноменов общественно-политического бытия. Так, известный историк П.Н. Милюков, анализируя признаки национальности – язык, религию, территориальную общность, нравы, обычаи, традиции, – приходит к справедливому выводу о том, что все признаки национальности условны, ни один из них, взятый отдельно, не сможет дать полную и цельную характеристику определенной национальности. Вместе с тем он признает, что то или иное сочетание признаков необхо-

димо, чтобы была **налицо национальность**. Каждый признак необходим тогда и постольку, когда он становится средством общения между людьми или результатом их длительного взаимодействия [Милюков, 1925: 63]. К такому же выводу приходит и Бердяев, отмечая, что **бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия**. Но наиболее правы, по его мнению, те, кто определяет нацию как единство исторической судьбы. **Сознание этого единства и есть национальное сознание...** Именно оно служит для распространения выработанного этим сознанием понятия о самом себе, то есть об отличиях **национального типа** [Бердяев, 1990: 93-94].

К национальной проблематике обращался и П.А.Сорокин. Интересно его определение нации как социокультурной системы: **Нация является многосвязной многофункциональной солидарной, организованной, полузакрытой социокультурной группой, по крайней мере, отчасти осознающей факт своего существования и единства** [Сорокин, 1990: 466]. Эта группа, по его мнению, состоит из индивидов, которые являются гражданами одного государства, имеют общий или похожий язык и общую совокупность культурных ценностей, происходящих из общей прошлой истории этих индивидов и их предшественников, занимают общую территорию, на которой живут они и жили их предки. Такое интегрированное полисемантическое определение нации включает в себя государственную, этническую, социокультурную детерминанты, что придает методологии П.А.Сорокина широту и многосторонность. При этом нация, по его мнению, является социальной системой, отличающейся от этих трех систем – государственной, языковой и территориальной, - взятых в отдельности. Только тогда, когда группа индивидов принадлежит к одному государству, связана общим языком и территорией, она действительно образует нацию.

Такой же подход к расшифровке понятия нации с помощью понятия государства как одного из определяющих факторов мы встречаем у П.М. Бицилли и Н.А. Бердяева. **Нацию П.М. Бицилли определяет как объективирующуюся в культурных ценностях идею, ее творческое становление**. Борьба же нации с тем, что не есть сама она, приводит ее к созданию основной и необходимейшей для нее ценности – государства. **Без государственного оформления невозможно само существование нации** [Бицилли, 1928: 380]. По Н.А. Бердяеву, государственное бытие есть нормальное бытие нации. Каждая нация стремится образовать свое государство, укрепить и усилить его. Через государство нация раскрывает свои потенции. С другой стороны, само государство должно иметь национальную основу, национальное ядро. Но при этом племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным.

Послеоктябрьское время столкнулось вплотную с понятием национализма. Неслучайно поэтому одна из принципиальных и основополагающих работ известного лингвиста и этнографа Н.С.Трубецкого называется «Об истинном и ложном **национализме**» [Трубецкой, 1921]. Национализм, по его мнению, имеет позитивный момент. Но необходимо отличать истинный национализм от ложного. Истинный, морально и логически оправданный национализм должен исходить из самобытной национальной культуры или быть направленным к такой культуре. В его основе должен лежать принцип самопознания. Развивая свою мысль о самопознании, Н.С.Трубецкой приходит к выводу, что самопознание логически связано с понятием личности, а народ можно рассматривать как коллективную личность. Внешним образом истинное самопознание выражается в гармонически самобытной жизни и деятельности данной личности. Для народа – это самобытная национальная куль-

тура. От искаженных форм национального чувства и национальной политики предостерегал и И.А. Ильин. Он сводил эти искажения к двум главным. В первом случае во главу национальной жизни ставятся внешние ее проявления: экономика, политическая мощь, размеры государственной территории. В соответствии с этим посягаются государства, в которых основным становятся успехи народного хозяйства (экономизм), мощь и блеск государственной организации (этатизм) или же военные завоевания (империализм). Самое же главное – дух народа – превращается в орудие хозяйства, политики или завоеваний и отрывается от истинного смысла и цели народной жизни. Во втором случае утверждение своей национальной культуры превращается в отрицание чужой. По И.А. Ильину, *суждение мое национальное бытие оправдано перед лицом Божиим превращается вопреки всем законам жизни и логики в нелепое утверждение: национальное бытие других народов не имеет перед моим лицом никаких оправданий. Эта ошибка имеет совсем не логическую, а психологическую и духовную природу: здесь и наивная исключительность примитивной природы, и жадность власти, и узость национального горизонта, и, конечно, неодухотворенность национального самосознания. Для истинного националиста право других не кончается там, где начинается интерес его народа, а право его народа не простирается до пределов его силы, но лишь до пределов его духовной необходимости* [Ильин, 1993: 215]. Исходя из этого, И.А. Ильин категорически осуждал современные ему проявления шовинизма и воинствующего империализма. Одолеть соблазны деформированного, искаженного национального чувства можно лишь с помощью духовного, творческого национализма, который необходимо прививать людям с раннего детства. Правда, не каждый народ самостоятельно создает свою самобытную национальную культуру. Народы, которым это удалось, есть *духовно ведущие народы, народы же, которые не сделали этого, становятся духовно ведомыми*. Задача ведущего народа состоит не в том, чтобы подавить и искоренить народ ведомый, а в том, чтобы дать ему возможность приобщиться к духовной культуре ведущего народа. Тогда ведомый народ находит свою родину в лоне ведущего народа и, не теряя своей *исторической и биологической национальности*, вливается духовно в национальность ведущего. И.А.Ильин приводит примеры такого патриотического симбиоза народов: *я – римлянин, и притом галл; я – англичанин, и притом африканский негр; я – русский, и притом калмык*. Эта формула означает, что ведущему народу удалось выработать *национальный акт* такой ширины и гибкости, а может быть, и глубины, что он образует для ведомых народов, как бы, родное духовное лоно, которое они могут видоизменять по-своему, оплодотворяя и оживляя из него свою духовную жизнь.

При исследовании национальной проблематики российское зарубежье ставило вопросы не только методологического, общетеоретического, но и конкретно-исторического характера. Вполне понятно, что эти вопросы в особенности касались культурно-исторического развития России. При этом на первый план выдвигается проблема целостного осмысления национальных особенностей России как основ для построения российской истории. Эту направленность мысли российского зарубежья можно обозначить как проблему *национальной самоидентификации* России.

Подходы к осмыслению проблемы национальной самоидентификации России были далеко не однозначны. Напротив, эта проблема порождала в российском зарубежье крайние точки зрения, напряженные идейно-теоретические дискуссии. Они были актуализированы революцией 1917 года, которая вызвала необходимость переосмысления исторического опыта России, определения путей ее дальнейшего развития. Одной из таких попыток

переосмысления явилось евразийское движение. Как известно, главная суть евразийской идеи состоит в том, что Россия-Евразия – это особый социокультурный мир. Россия в силу своего географического положения на границе двух миров – восточного и западного – исторически и геополитически играет роль некоего культурного центра, объединяющего эти два начала. В этой связи представляется интересным взгляд евразийцев на развитие России-Евразии как *на историю сообщества различных народов на почве евразийского месторазвития, их взаимных между собой притягиваний и отталкиваний и их отношения вместе и порознь к внешним (внеевразийским) народам и культурам.... Это сообщество различных народов есть особая многонародная нация и в качестве таковой обладает своим национализмом. Эта нация – евразийская, ее территория – Евразия, ее национализм – евразийство* [Вернадский, 1934: 423].

Особого внимания заслуживают достаточно глубокие исследования евразийцев о роли “туранского” элемента в русской культуре. К туранцам они относили финно-угров, тюрков, монголов и маньчжур. По мнению евразийцев, сопряжение восточного славянства с туранцами составляло основной факт русской истории, который необходимо учитывать для правильного национального самопознания, которое понималось не только как долг всякой личности, но и как неперемное условие разумного существования личности, в том числе и *многочеловеческой личности – нации*. Так, на основе анализа языковых данных «туранских» народов и результатов их *национального творчества* в области духовной культуры была обнаружена взаимосвязь между этими народами и существование единого туранского психологического типа, который явился результатом долгого исторического синтеза, в результате чего появились некоторые общие черты для народов Евразии.

Лейтмотивом изысканий той эпохи явился призыв к подлинной и сердечной открытости по отношению к азиатским и другим народам, населяющим Россию-Евразию, к преодолению того высокомерия, которое долгие годы насаждалось *идеологией европоцентризма*. Однако такой призыв нельзя трактовать как полный отказ от европейской культуры, европейского элемента, как призыв к востокоцентризму. Суть концепции – в учете азиатского в России, сочетании европейского и азиатского в Евразии. И если евразийцы больше писали об азиатском влиянии, туранском элементе, то это следует понимать как стремление преодолеть многолетние европоцентристские традиции, игнорировавшие туранский элемент или приписывающие ему однозначно негативную роль. Исследованием туранского элемента евразийцы обосновывали свое собственное видение развития русской культуры и истории. Они, в частности, утверждали, что двумя ориентирами – на Византию и на Запад – не исчерпываются линии притяжения русской культуры. По их мнению, существовал и третий элемент, который сыграл выдающуюся роль в формировании русской национальной культуры и придал ей неповторимый, особый колорит, резко отличающий ее от культуры других славянских народов. Н.С. Трубецкой писал: *В русском образованном обществе распространено убеждение, что все своеобразные черты этого облика – облика России – являются славянскими. Это неверно. В общем, эта культура есть самая особая зона, в которую, кроме русских, входят еще угеро-финские инородцы, вместе с тюрками волжского бассейна. С незаметной постепенностью эта культура на востоке и юго-востоке соприкасается с культурами Азии.... По целому ряду вопросов русская народная культура примыкает именно к Востоку, так что границы востока и запада иной раз проходят между славянами и русскими...* [Трубецкой, 1921: 96-97].

В этой связи весьма интересным является тезис, который сделал П.М. Бицилли. Он

отметил, что евразийцы правы в утверждении того, что *русская нация и пространственно и духовно есть нечто неизмеримо более широкое и многообразное, нежели ее этнический субстрат – великорусская народность* [Бицилли, 1927: 21].

Таковые в основном ключевые подходы мыслителей российского зарубежья 20-х годов прошлого века к национальной проблематике. Продолжая традиции русской общественно-политической мысли, они вместе с тем внесли в них новые оригинальные подходы, приведшие к возникновению евразийского движения. *Полиэтничность, многоконфессиональность, культурное разнообразие*, которое подчеркивали евразийцы, являются особенностями национальной идентичности России. И это необходимо учитывать и сегодня при определении стратегии национального развития российского государства. Современные дискуссии о нациях не случайно выдвинулись на видное место в поисках модели будущего развития России. Сохранит ли Россия как государство свою традиционную многонациональную структуру или возьмут верх тенденции превращения ее в унитарное мононациональное государство? Примечательно, что споры идут не о том, отстаивать ли целостность России – ясно, что она необходима как гарантия будущего процветания. Но как добиться этой целостности – по данному вопросу мнения расходятся. Все это актуализирует проблемы самоидентификации России, связанные с выявлением и глубинным пониманием ее индивидуальной сущности и самобытности. Осознается необходимость становления подлинно национального самосознания и определения места российского государства среди других государств. При этом в условиях модернизации вопросы национальной самоидентификации России невольно приобретают общецивилизационный характер. В первую очередь они связаны с геополитическим положением России: Россия в системе отношений Азия-Европа, Восток-Запад. В связи с этим возникает вопрос: на какой основе возможна национальная самоидентификация России, ее сохранение как целостного, но не унитарного, демократического государства? В общем виде ответ на этот вопрос был дан нашей историей. Россия как единое государство вне зависимости от политического устройства, которое складывалось на протяжении ее развития, способно присоединения новых республик, государств и народов, формировалась как некая целостность, различные части которой развивались по схожим законам, имели общие правила жизни. Россия как Евразия складывалась как симбиоз народов, взаимно дополняющих друг друга в различных сферах жизни. За время своего существования они, объединяясь в различные государственные образования, выработали уникальную культуру. Это взаимное переплетение судеб и культур, совместное проживание создала между народами Евразии позитивную этническую конгенитальность, чувство внутренней симпатии и тяготения, выработало общую систему ценностных ориентаций, мироощущения и способов мышления. Духовно-культурное единство Евразии обусловлено также и тем исторически сложившимся разделением труда, которое определило структуру ее экономики. Это и геополитический фактор. Ведь Россия-Евразия геосторически представляет собой *срединный материк, континент-океан*, и нарушение законов ее развития всегда чревато серьезными последствиями.

Поэтому при всей полиэтничности и поликультурности перед народами Евразии стоит задача осознания своих коренных интересов и принадлежности к общности более широкого порядка. Вот что писал по этому поводу Н.С. Трубецкой: *Осознание своей принадлежности к многонародному целому должно включать в себя вместе с тем и осознание своей принадлежности к определенному народу, составляющей части многонародного целого...* [Трубецкой, 1995: 461]. Данная идея ведет к строительству поликультурной,

полиэтнической общности на основе двойной и не взаимоисключающей идентичности – культурно-этнической и государственно-гражданской, что представляется наиболее конструктивным и перспективным в решении задач строительства российского государства. При этом в соответствии со сложной полиэтничностью России необходимо формирование иной многогранной ментальности, необходимо воскресить в российском сознании, говоря словами Г.П. Федотова, *духовный облик всех народов России, то, что в них ценно, что вечно, что может найти место в системе вселенской культуры ...* [Федотов, 1932: 173].

Если все вышеприведенные рассуждения справедливы, то ясно: перед лицом такого всемогущего текста-дискурса недостаточно просто отстаивать внетекстуальный контекст. Чтобы вернуть себе мир таким, как он предстает в тексте, нужно сначала вернуть в этот мир субъекта-человека, а не трансцендентального субъекта классической философии и позитивизма начала XX века. Если разум создает мир, субстантивируя свои собственные формальные условия, то дискурс обязательно создает априори разум-В-мире, порождаемый совокупностью биологических и социальных условий его существования. Но если речь, как мы видели, идет о тотальности человеческого опыта, то тем самым заходит речь о многообразии форм мышления. Разве гетерогенность мышления не предполагает с необходимостью субъект, который служит ему принципом единства, но рискует оказаться элиминированным при постулировании гомогенности мышления? Объединенные субъективным сознанием, различные формы мышления не являются ни абсолютно разграничимыми, ни абсолютно переводимыми друг в друга, откуда, в частности, вытекают присущие мышлению и дискурсу внутренние противоречия. В этом контексте уместно пересмотреть обычную оппозицию мысли в словах и мысли в образах, оппозицию, которая сохраняется при условии, что язык рассматривается только как коммуникативная система. Но необходимо, прежде всего, деконструировать понятия, в нашем случае – национальную идентичность, чтобы увидеть многообразие скрывающихся за ними форм мышления. По словам И. Мейерсона, *не только та или иная человеческая черта объективируется и фиксируется в трудах человеческих, но и все человеческое стремится объективироваться и выразить себя в своих трудах ...* [Meyerson, 1948: 69]. И мне кажется, что сегодняшние историки вовсе не должны передоверять эту работу коллегам-филологам, как о том свидетельствуют положительные примеры дискурсивных практик мыслителей русского зарубежья первой четверти XX века. Именно многообразие ментальных функций открывает путь из замкнутой вселенной знаков общественно-политического дискурса, который и имеет какое-то отношение к внешнему реальному миру только потому, что весьма разнороден и противоречив и, наряду с психологическими факторами, может нести свою долю ответственности за противоречия в мышлении человека.

Таким образом, теоретическая разработка вопросов, связанных с проблемами национальной идентификации как фрагмента общественно-политического дискурса нынешнего тысячелетия, относится к комплексу задач по созданию научного инструментария исследований национальных отношений, которые являются сложнейшей сферой общественной жизни. При этом данные вопросы переходят из области теории в практическую плоскость. От ответов на них зависят судьбы народов, государств. Применительно к России – судьба всего евразийского государства, объединившего в себе различные народы и культуры. В этом плане творческое наследие российского зарубежья может послужить одним из подходов постижения нашей идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович Г.В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. – Париж, 1961.

2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М., 1990.
3. Бицилли П.М. Два лика евразийства. – Париж, 1927.
4. Бицилли П.М. Нация и народ. – Париж, 1928.
5. Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии с конца VI в. до настоящего времени. – Берлин, 1934.
6. Денисов П.Н. Язык русской общественной мысли к. XIX – перв. четв. XX вв. – М., 1998.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. – М., 1993.
8. Милюков П.Н. Национальный вопрос. – Прага, 1925.
9. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в XX столетии. – М., 1990.
10. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1985.
11. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме. – София, 1921.
12. Федотов Г.П. И есть и будет. Размышления о России и революции. – Париж, 1932.
13. Meyerson I. Les fonctions psychologique et les oeuvres. – Paris, 1948.

© Базылев В.Н., 2005

Басовская Е.Н.

Москва

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СЕМНАДЦАТИЛЕТНИХ
(по материалам ассоциативных экспериментов 1991, 1995 и 2004 гг.)**

«Мир, с которым мы вступаем в контакт в лингвистике, - это внутренний мир, это мир мысли, формируемый в нас нашими представлениями», - утверждает Г. Гийом [Гийом, 1992: 17]. Неразделимость мысли и речи дает основания для исследований сознания через слово. Причем несомненный интерес представляет не только спонтанное словоупотребление, но и вербализованное осмысление тех или иных понятий носителями языка. По замечанию Ю.Н. Караулова, «в принципах классификации и группировки понятий, в способах установления зависимостей между ними, безусловно, отражается известное представление о внешнем мире, некоторая «картина мира» [Караулов, 1976].

Язык может рассматриваться как отражение коллективной ментальности той или иной социальной группы. Отношение человека к слову предопределено так называемой ассоциативно-вербальной сетью. Она «фиксирует психологически релевантные связи и отношения, которые не находят отражения в системной и текстовой ипостасях языка» [Добровольский, Караулов, 1993: 5].

Особый интерес представляет эволюция ассоциативно-вербальной сети, идущая под заметным влиянием экстралингвистических, в первую очередь социально-политических факторов. Наблюдения над этим процессом дают нам возможность охарактеризовать некоторые тенденции развития общественного сознания.

Объект нашего исследования – студенты гуманитарных факультетов московских вузов; опрос проводился среди учащихся младших курсов (возраст - от 16 до 18 лет); в каждом опросе участвовало от 30 до 40 человек. Исходным материалом для эксперимента стали данные, полученные А.В. Михеевым в 1991-1992 гг. [Михеев, 1994: 1-10]. Участникам опросов предлагалось в короткое время дать осознанные реакции на стимулы (слова и словосочетания): **власть, гражданское общество, демократия, диктатура, коммунизм, консерватизм, консолидация, либерализм, национализм, обновление, плюрализм, популизм, правовое государство, радикализм, реакция, реформа, рынок, свобода,**

социал-демократия, тоталитаризм, социализм, центризм, экстремизм. Очевидно, что круг стимулов определялся с учетом актуальной терминологии средств массовой информации периода «перестройки».

Сопоставление данных, полученных А.В. Михеевым при проведении опросов с интервалом в полгода, позволило исследователю прийти к выводу о «жесткой временной обусловленности многих ассоциаций» [Михеев, 1994: 9]. Повторяя эксперимент в 1995 и 2004 гг., мы ставили целью изучение динамики одного из участков ассоциативно-вербальной сети, а именно политического ассоциативного поля молодых носителей русского языка.

Почему это представляется актуальным? Формирование данного сегмента языкового сознания личности неотделимо от процесса достижения социальной зрелости, определения гражданской позиции. Очевидно, что несформированность политического словаря косвенно свидетельствует о неясности соответствующих представлений и неготовности индивида к осознанному социальному поведению.

Напротив, четкость понятий и определенность оценок, отражающаяся в употреблении и восприятии политической лексики, есть показатели состоявшейся концептуализации социально-политической действительности в сознании носителя языка. Однако «завершенность» этого процесса к 16-18 годам нередко бывает обманчивой и говорит скорее о внушаемости и юношеском догматизме, нежели о зрелости политических воззрений.

Исходя из этого, мы полагаем, что изучение политической составляющей ассоциативно-вербальной сети молодежи чрезвычайно важно для полноценного социального диалога, и прежде всего для межвозрастной (в том числе педагогической) коммуникации.

Реакции испытуемых разделяются на выделенные и невыделенные. Основанием для выделения может стать значительное число отказов от какой бы то ни было реакции на стимул или, напротив, большое количество повторяющихся реакций.

Значимость устойчивых ассоциаций неоднократно отмечалась в лингвистической литературе, в частности в одной из ранних работ Д.С. Лихачева: «Индивидуальные эмоции человека могут быть переданы с большей или меньшей степенью полноты только в стилистически организованной речи... в отдельных же словах... могут получать отражение лишь наиболее социальные эмоции человека» [Лихачев, 1964: 342]. Следует уточнить, что лексема является носителем не только социальной эмоции, но и социальных смысловых оттенков и обобщенных представлений о связях между явлениями действительности.

Вслед за А.В. Михеевым мы устанавливаем нижнюю границу выделенности – 20 % от числа испытуемых.

Перечень невыделенных («размытых») понятий, не вызвавших ни одной устойчивой ассоциации, значительно видоизменяется с течением времени.

Таблица 1

	1991	1995	2004
Не выделенные («размытые») слова-понятия	<i>консерватизм</i> национализм <i>радикализм</i> <i>реакция</i> <i>социализм</i> <i>экстремизм</i>	коммунизм <i>консерватизм</i> консолидация обновление популизм <i>радикализм</i> <i>реакция</i> <u>свобода</u> социал-демократия	диктатура <i>консерватизм</i> <u>свобода</u>

		социализм тоталитаризм экстремизм	
--	--	---	--

Как видно из данных Таблицы 1, количество «размытых» понятий нарастает в 1995 по сравнению с 1991 и значительно сокращается в 2004 г. Можно предположить, что испытуемые 1991 и 2004 г. находятся под большим пропагандистским влиянием СМИ, нежели их ровесники в 1995 г., и потому закономерно дают большее число однотипных реакций.

Казалось бы, легко объяснимо исчезновение слов «радикализм» и «экстремизм» из данного перечня в 2004 г.: в ситуации официально объявленной и широко освещаемой СМИ борьбы с мировым терроризмом у молодежи складывается относительно устойчивое представление о политическом радикализме и экстремизме. В действительности же эти слова перемещаются в число стимулов, вызывающих максимальное число отказов. Условно говоря, термины, прежде значившие «что-то свое для каждого», в дальнейшем перестают значить что-либо отчетливое для большинства. Наблюдения показывают, что сверхчастотное употребление одних и тех же слов в политической речи дает эффект читательского, слушательского, зрительского «привыкания», обращая повторяющиеся словесные конструкции в информационный шум.

Заслуживает рассмотрения также стабильное пребывание слова «консерватизм» в числе лексем, называющих смутные понятия. Вероятно, это свидетельствует в первую очередь о невнимании средств массовой информации к данному явлению, об отсутствии направленного пропагандистского воздействия на аудиторию с целью сформировать то или иное представление о консерватизме.

Однако не все термины попали в число «размытых» по столь очевидной причине. Так, сложно объяснить нечеткость понятия «национализм» в сознании студентов 1991 г. На протяжении предшествующего периода – «перестройки», начавшейся в середине 80-х гг., - национальные движения и вспышки национализма широко комментировались СМИ и обсуждались на бытовом уровне. Не исключено, что именно разнообразие конкретных ситуаций, при описании которых использовалось слово «национализм», а также неоднозначность их публичных оценок повлекли за собой неясность понятия в сознании молодежи.

Характерно, что наибольшее количество «размытых» понятий отмечается в 1995 г. В этот период достигает пика насыщенность и пестрота политической жизни (ср. выборы в Государственную Думу, состоявшиеся в декабре 1995 г., когда в бюллетень были внесены 43 избирательных объединения и блока). Многие политические термины воспринимаются в такой ситуации как знакомые и вызывают различные ассоциации, но за словами не обнаруживается хотя бы относительно общих для носителей языка понятий.

В этом отношении данные 2004 г. демонстрируют принципиально иную ситуацию: хотя число слов, воспринимаемых в качестве «незнакомых» и «непонятных», растет, при этом большая часть стимулов из числа осознаваемых как «знакомые» и «понятные» порождает у испытуемых совпадающие ассоциации, что, несомненно, предпочтительно с точки зрения эффективной коммуникации.

Отказ от реакции в большинстве случаев свидетельствует, как уже говорилось, о том, что слово создается испытуемым как не вполне понятное, нередко – «чужое» (напр., научный термин). Статистика отказов не очень существенно меняется на протяжении 13 лет.

Таблица 2

	1991	1995	2004
--	-------------	-------------	-------------

отказы	<u>популизм</u> <u>социал-демократия</u> <u>центризм</u>	<u>консолидация</u> <u>плюрализм</u> <u>популизм</u> <u>радикализм</u> <u>социал-демократия</u>	<u>консолидация</u> <u>либерализм</u> <u>плюрализм</u> <u>популизм</u> <u>радикализм</u> <u>социал-демократия</u> <u>социализм</u> <u>центризм</u> <u>экстремизм</u>
--------	--	---	--

Данные Таблицы 2 свидетельствуют о том, что с течением времени постсоветская молодежь воспринимает все большее число единиц политического словаря как «трудные», «специальные», не предпринимая попыток вникнуть в их смысл. Если такие понятия, как «популизм» и «социал-демократия», остаются неясными на протяжении всего рассматриваемого периода, то в 2004 г. студенты не обнаруживают уже никаких ассоциативных связей слов «либерализм», «социализм» и даже «экстремизм», несмотря на несомненную актуализацию этого термина в СМИ.

В целом изучаемый участок ассоциативно-вербальной сети отличается у сегодняшних семнадцатилетних носителей русского языка меньшей четкостью, нежели у их ровесников девять и тринадцать лет назад. На этом основании можно сделать вывод о несколько меньшей политизированности сознания современной учащейся молодежи.

Анализ устойчивых ассоциаций показывает, что некоторые из слов-стимулов тесно сопряжены в языковом сознании участников опроса.

Таблица 3

	1991	1995	2004
ассоциативные «деревья»	либерализм – рынок – свобода – демократия – правовое государство – предпринимательство – торговля – гласность – народ – права – закон тоталитаризм – диктатура – власть – правительство – партия – сила реформа – обновление – перестройка – изменение	демократия – свобода – либерализм власть – рынок – диктатура – деньги – президент - сила	гражданское общество – демократия – либерализм – свобода – люди – права – равенство обновление – реформа – изменение - новое

Эксперимент 1991 г. продемонстрировал наличие в сознании испытуемых достаточно детализированного представления о правовом государстве. Ассоциативное поле охватывает различные его составляющие: экономическую (рынок, торговля, предпринимательство), юридическую (права, закон), социально-политическую (либерализм, демократия, гласность, народ, права).

В представлениях участников опроса 1995 и 2004 г. демократия, либерализм и свобода также связаны, но не ассоциируются ни с государством, ни с какими-либо явлениями экономического характера. Интересно, что в ответах испытуемых 2004 г. субъектом права, носителями свободы становятся «люди», а не «народ», как в 1991 г. В связи с этим можно

говорить о тенденции к персонификации социально-политической картины мира.

Результаты опросов 1995 и 2004 г. повторили (с некоторыми изменениями) по одному ассоциативному «дереву», полученному А.В. Михеевым в 1991 г.

В 1995 г. испытуемые так же, как и в 1991-м, соотнесли понятия «власть» и «диктатура». При этом у учащихся 1991 г. диктатура ассоциировалась с недавним советским прошлым («тоталитаризм», «партия»), а у студентов 1995 г. – с настоящим («рынок», «президент»). По данным 2004 г., понятия «власть», «сила» и «президент» также составляют единую ассоциативную цепь, но со словом «диктатура» не ассоциируются. В этом проявляется изменение социальной эмоции, формирование более терпимого отношения молодежи к власти, нежели в предыдущий исторический период.

Ассоциативный ряд «реформа» - «обновление» выглядит в 2004 г. принципиально иначе, нежели в 1991-м: с уходом из него слова «перестройка» он утрачивает актуально-политический характер. Реформа воспринимается студентами 2004 г. как обновление, проводимое в любой период и в любой области.

Устойчивые ассоциации, связанные с «изолированными» стимулами, представлены в Таблице 4.

Таблица 4

1991	1995	2004
		власть – сила – президент – деньги – государство – правительство
гражданское общество – люди	гражданское общество – люди – народ	гражданское общество – люди – права – свобода
		демократия – свобода – равенство
коммунизм – утопия		коммунизм – красный – Ленин
консолидация – согласие, объединение, единство		
		либерализм – свобода
	национализм – нация	национализм – скинхеды – фашизм (фашисты)
	обновление – <u>новое</u>	обновление – изменение – <u>новое</u>
плюрализм – <u>мнений</u>	плюрализм – <u>мнение</u>	
	правовое государство – <u>закон</u> – право	правовое государство – <u>закон</u> – права
		реакция – химия (химический)
	реформа – <u>изменение</u>	реформа – <u>изменения</u>
		рынок – деньги (денежный) – торговля (торговый) – экономика (экономический)

		тоталитаризм – Сталин
		экстремизм – террор (терроризм) – война (военный)

К 2004 г. конкретизируется представление молодых носителей русского языка о содержании понятия «власть». Интересно, что в ассоциативное поле этого слова входят не только «президент» и «правительство» как носители власти, но и «деньги», вероятно как ее неперенное условие.

Ассоциация «гражданское общество – люди» относится к числу наиболее устойчивых: она сохраняется на протяжении всего изучаемого периода. Но и в этом случае можно говорить о конкретизации представления: число повторяющихся реакций к 2004 г. становится больше, гражданское общество из «общества людей» превращается в «общество, где людям предоставлены права, дающие им свободу». Такая эволюция понятия позволяет характеризовать языковое мышление современного молодого поколения как несколько более зрелое, нежели то, которое было свойственно студентам 1991 и 1995 г.

К группе «конкретизировавшихся» понятий относятся также «демократия», «либерализм», «национализм», «реакция», «рынок», «тоталитаризм» и «экстремизм». При этом отмечается различная степень конкретизации. Так, «демократия» и «либерализм» переходят из числа «размытых» понятий в число «отмеченных», но вызываемые данными стимулами словесные ассоциации сами принадлежат к разряду абстрактных: «демократия – свобода, равенство», «либерализм – свобода».

«Тоталитаризм» устойчиво ассоциируется с именем Сталина. Парадоксально, что такие результаты получены в 2004 г., а не в 90-х, в разгар антисталинской разоблачительной кампании. Не исключено, что ответы студентов 2004 г. в определенной мере спровоцированы тем фактом, что в период проведения опроса телевидение демонстрировало сериал отчетливой антисталинской направленности «Московская сага».

Термины «реакция» и «рынок» подверглись с течением времени некоторой деполитизации. Среди ассоциативных связей слова «реакция» лидирует прилагательное «химическая». Политический компонент значения лексемы актуализируется преимущественно в научном, историческом контексте («декабристы», «Николай 1»); наряду с химической неоднократно упоминается и психологическая реакция (болезненная, бурная, быстрое движение, внимание, восприятие, действие, защита, испуг, мысль, мышление, ожог, ответ, отдернуть руку и т.д.).

«Рынок», конкретизируясь, также перемещается из политико-экономической сферы в экономико-бытовую: он ассоциируется не с капиталистическими принципами ведения хозяйства, а с деньгами и торговлей. Среди невыделенных реакций на этот стимул встречаются «арбузы», «апельсины», «рыба», «грязь», «крик», «жара» и прочие атрибуты рынка как места торговли.

Конкретизация понятий «национализм» и «экстремизм» всецело определяется социально-политической конъюнктурой. Если в 1995 г. участники эксперимента ограничились устойчивой деривационной реакцией «национализм – нация», то в 2004-м «национализм» связан в сознании молодежи с фашизмом и скинхедами. «Экстремизм», бывший ранее «размытым» понятием, воспринимается сегодня как часть одного семантического поля со словами «террор» и «война».

Обратная эволюция – от выделенности к размытости – встречается значительно реже. Слово-стимул «коммунизм», вызывавшее в 1991 г. реакцию «утопия», уже через четыре

года оказалось в числе «размытых» понятий. В 2004 г. коммунизм сопряжен в сознании семнадцатилетних с красным цветом и именем Ленина. Показательно, что обе эти ассоциации находятся вне оценочной плоскости. Представляется весьма значимой активизация связи «коммунизм – красный». Знание содержания понятия вытесняется зрительным образом. Причем в ряде анкет прилагательное «красный» включено в состав словосочетаний «Красная армия», «красное знамя», что свидетельствует об актуализации синтагматических связей. Думается, численное преобладание синтагматических ассоциаций чаще всего отражает наличие в сознании говорящего поверхностных, не осмысленных ассоциаций. (В целом мы обнаруживаем углубление понимания лексемы при следующем изменении типа реакции: фонетическая (случайное созвучие) – деривационная – синтагматическая (готовая конструкция, которая может в свою очередь быть не вполне ясной по содержанию) – свободная, основанная на личном опыте и представлениях о взаимосвязи явлений экстралингвистической действительности).

Такие слова как «консолидация» и «плюрализм» закономерно перешли к 2004 г. в ряд «размытых» понятий. Это предопределено изменением политической фразеологии, эволюцией языка средств массовой информации. Безусловно, в начале 1990-х эти термины были чрезвычайно актуальны (их можно назвать «компрессивными лозунгами» власти: за каждым стоит развернутая программа). С течением времени система декларируемых руководством страны ценностей претерпела существенные изменения. Призывы к плюрализму (многообразию политических мнений и движений) сменились концепцией единства; этот же термин вобрал в себя и идею консолидации. Уход «консолидации» и «плюрализма» из активного словаря СМИ влечет за собой затемнение смысла соответствующих понятий в сознании молодых носителей языка. Это наблюдение в очередной раз доказывает исключительную роль языка публицистики в формировании языкового сознания общества.

В целом результаты экспериментов, проводившихся в 1991, 1995 и 2004 гг., показывают, что политический участок ассоциативно-вербальной сети молодых носителей языка отличается нестабильностью и несамостоятельностью. Такие важные характеристики языковой картины мира, как система взаимосвязей и шкала эмоциональных оценок, находятся в прямой зависимости от средств массовой информации. В связи с этим надо постоянно помнить о высочайшей моральной ответственности работников СМИ.

Во все время нельзя и преувеличивать влияние пропаганды на сознание молодежи: эффект воздействия во многих случаях оказывается быстрым, но поверхностным. Частое повторение слов создает иллюзию их понимания. В действительности же значительная часть политических терминов скользит по поверхности сознания молодых носителей языка, не обрастая стабильными коннотациями и не соответствуя полноценным понятиям. Отсюда следует вывод о том, что представители старшего поколения должны принимать во внимание лакуны (очевидные и замаскированные), которые существуют в ассоциативно-вербальной сети учащихся. Межвозрастную коммуникацию необходимо строить с учетом помех, порождаемых несовпадением не только словарного запаса представителей разных поколений, но и семантической наполненности каждого слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992.
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.
3. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. – 1993. - № 2.

4. Михеев А.В. Динамика структур группового сознания // Научно техническая информация. – Сер. Информационные процессы и системы. – 1994. - № 4.

5. Лихачев Д.С. Арготические слова в профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964.

© Басовская Е.Н., 2005

**Васильев А. Д.
Красноярск**

ДИНАМИКА СЛОВА В ДИСКУРСЕ СМИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ КАК СЛЕДСТВИЕ И ВОПЛОЩЕНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Лексико-фразеологический уровень языка несомненно является наиболее информативным, например, для лингвокультурологических и политлингвистических изысканий. М. М. Бахтин, считая, что «язык, слово – это почти все в человеческой жизни», аргументировал свое мнение, в частности, тем, что слова выступают аббревиатурами высказывания, мировоззрения, точки зрения и т. п.; поэтому заложенные в слове потенции и перспективы, в сущности, бесконечны [Бахтин, 1986: 313,316]. Особенно отчетливо и динамично это обнаруживается в периоды социально-политических катаклизмов, причем не только войн и революций в их исторически традиционном понимании, но и относительно новых феноменов – таких, как информационно-психологическая война, или информационная, которую метафорически определяют как «целенаправленное обучение врага тому, как снимать панцирь с самого себя» [Расторгуев, 2003: 14]. Впрочем, тот же автор полагает, что «информационная война не есть детище сегодняшнего дня. Многие приемы информационного воздействия возникли тысячи лет назад вместе с появлением информационных самообучающихся систем - история обучения человечества это и есть своего рода информационные войны» [Расторгуев, 2003: 15]. По-видимому, лишь недавно подобные операции и процессы стали подвергаться тщательному научному исследованию. Следует исходить из того, что информационная война, кроме применяемого оружия, ничем от обычной не отличается: «...Для потерпевшей поражение стороны в той или иной степени характерны: гибель и эмиграция части населения; разрушение промышленности и выплата контрибуций; потеря части территории; политическая зависимость от победителя; уничтожение (резкое сокращение) или запрет на собственную армию; вывоз из страны наиболее перспективных и наукоемких технологий... Побежденная система как бы встраивается в общий алгоритм функционирования победителя... Таким образом, особой разницы для потерпевшей поражение системы от того, в какой войне – ядерной или информационной – она проиграла, нет» [Расторгуев, 2003: 155-156].

Один из основных сценариев конфликта, перенесенного с поля «горячей» или «холодной» войны за стол переговоров, гипотетически сводится к тому, что «одна из сторон, навязав оппоненту военное перемирие, продолжает добиваться своей *победы* иными, «ненасильственными» действиями. Экономическая экспансия или блокада, массивное насаждение своего образа жизни на территории вчерашнего врага – «это всего лишь иные, невоенные способы добиться от противника капитуляции», что позволяет без использования насильственных (в прямом понимании этого слова) подходить к победе, «достигаемой не мутьем, так катаньем, не мощью оружия, так мощью экономической или мощью интеллектуальной. Победа здесь равнозначна утрате противником его идентичности, отказу от собственной системы основополагающих жизненных ценностей» [Перцев, 2003: 31] – скажем, ее замене на «общечеловеческие».

Можно согласиться с мнением, согласно которому вследствие появления и развития СМИ в XX веке наступил «период проектируемой истории»: «человек попал, пожалуй, в самую страшную форму рабства – информационную» [Филатов, 2000: 212]. Статус подчиненности, подвластности, формирование такой зависимости – одна из целей, которым служат манипуляции сознанием, выражающиеся и в языковом манипулировании. Под ним понимают, например, «манипулирование, осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка» [Остроушко, 2000: 90].

Способность языковых единиц, прежде всего – лексико-фразеологического уровня, выступать в качестве инструмента воздействия на индивидуальное и общественное сознание обнаруживается в различные периоды. Хотя «слова языка ничьи», но «всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи «властителей дум» данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т. п.» [Бахтин, 1986а: 283]. Эти лексические феномены сменяют друг друга по мере необходимости, определяемой их творцами и проводниками, распорядителями манипулятивных дискурсов. Особенно заметны подобные явления при радикальных политических, экономических, культурных и прочих трансформациях социума. Следует учитывать, что слова – мифогены не просто манифестируют революционные катаклизмы, но и оказываются одновременно их импульсами и стимуляторами. Столь же важно иметь в виду специфику таких слов: они, как правило, обозначают референты, либо заведомо отсутствующие в реальной действительности, либо воспринимаемые и оцениваемые разными носителями языка и их группами настолько различно, что это подчас заставляет усомниться в наличии обозначаемых понятий. Мощнейшие факторы, поддерживающие бытование этих слов в дискурсе, – настойчивость штатных пропагандистов и иных распространителей семантических пустышек, с одной стороны; с другой – активно поощряемая вера в них аудитории, то есть совершенно некритическое, малоосмысленное отношение к навязываемым вербальным символам.

Проблемы манипулятивных технологий, методов воздействия на индивидуальное и общественное сознание рассматриваются специалистами в разных аспектах, среди которых, на наш взгляд, главным является анализ особенностей употребления лексико-фразеологических элементов в соответствующих дискурсах средств массовой информации (используем пока – в силу распространенности – это обозначение). В каком-то отношении подобный подход весьма традиционен: эффективность информационно-психологических операций основывается прежде всего на активизации именно вербальных единиц и их блоков, вне зависимости от сменяющих и/или дополняющих друг друга форм и способов хранения и передачи информации (устная речь, письменность, книгопечатание, звукозапись, радио, телевидение). И если в прошлом считалось, что «никакая власть, никакое правление не может устоять против всеразрушительного действия типографического снаряда» [Пушкин, 1978: 206], то сегодня революционно-деструктивные катаклизмы и в социуме, и в его сознании производятся в первую очередь телевидением.

Мощность создаваемого телевидением суггестивного эффекта (или, выражаясь несколько иначе, плотность огня и площадь поражения) несравнимо превышает аналогичный эффект более ранних средств передачи информации: под воздействием одной и той же телепрограммы, сочетающей устный текст с динамичным видеорядом, могут оказаться одновременно десятки миллионов телезрителей, даже находящихся в разных регионах и выступающих пассивными объектами манипуляций их сознанием. Более того: даже интервалы между просмотром телепрограмм или простейшее действие, связанное с переключением

чением телевизионных каналов, могут оказаться весьма значимыми с точки зрения стратегии и тактики ведения информационной войны, так как манипуляцию сознанием объекта в определенном смысле можно считать действительно перманентным процессом. Сравним следующие любопытные суждения: «Быстрое переключение телевизора с одной программы на другую, к которому прибегают, чтобы не смотреть рекламу, называют Zapping... Подобно тому как телезритель, не желая смотреть рекламный блок, переключает телевизор, мгновенные и непредсказуемые техномодификации изображения переключают самого телезрителя. Переходя в состояние *Homo Zapiens*, он сам становится телепередачей, которой управляют дистанционно. И в этом состоянии он проводит значительную часть своей жизни» [Пелевин, 1999:106-107] – и : «Зэпинг» - одна из форм телевизионной болезни, когда важно не смотреть телевизор, а переключать каналы» [Задунай, 2004: 309].

Результатом всего этого становится формирование так называемого общественного мнения, то есть настроений и мировоззрения аудитории, более или менее соответствующих ожиданиям заказчиков и исполнителей пропагандистских операций.

Совершенно естественно, что несомненные успехи в этом обеспечиваются языковыми новациями. Среди последних особенного внимания исследователей заслуживают слова и устойчивые словосочетания, обладающие в высшей степени диффузной семантикой, благодаря чему зачастую понятийно искажаются обозначаемые ими денотаты: во многих случаях с помощью подобных лексико-фразеологических единиц предпринимаются попытки либо придать именуемым понятиям желаемые коннотации (и даже сменить их на полярно противоположные имеющимся в общественном сознании), либо наклеить вербальный ярлык на пустоту, дав номинацию заведомо несуществующему.

Российская перестроечно-реформаторская речевая практика в этом отношении предоставляет внимательному наблюдателю весьма обширный иллюстративный материал, например: *человеческий фактор* (наиболее предусмотрительные отечественные лингвисты, кстати, незамедлительно изобрели *человеческий фактор в языке*), *общечеловеческие ценности* (почему-то никак не совпадающие с коренными интересами России и ее народа), *стратегия ускорения* (завершившаяся разрушением промышленности), *новое мышление* (результаты его применения слишком хорошо известны); *стабилизация экономики* (вряд ли состоявшаяся), *равноправное партнерство* (изначально неосуществимое), *мировое сообщество* (обычно речь идет о позиции одного-двух государств), *программа российских реформ* (известная лишь по реальным результатам), *оптимизация бюджета* (постоянное снижение финансирования образования, здравоохранения и др.), *социальная норма* (неизвестно как подсчитанный минимум расходов электроэнергии), *монетизация льгот* (ликвидация льгот), *правовое государство*...

Подобные элементы пропагандистского официоза квалифицируют по-разному. Их называют «словами-амебам»: «Они делятся и размножаются... - и пожирают старые слова. Важный признак этих «слов-амеб» - их кажущаяся «научность»... Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают самые монументальные понятия нашего мышления... Их применение дает человеку социальные выгоды» [Кара-Мурза, 2002: 90, 94]. Такие компоненты именуются также «языковыми симулякрами»: «Понятия *истина*, *ложь*, *достоверность* «перемальваются» в дискурсах-симулякрах, границы размываются, и никто уже не пытается разобраться, что достоверно, а что нет...» [Синельникова, 2003: 219].

Не менее адекватным определением этих явлений считаем «мифоген», поскольку с помощью интенсивного внедрения слов, словосочетаний, словесных блоков, лишенных

денотативной основы и виртуализирующих действительность, порождаются новейшие мифы, которые, в конечном счете, лишают общественное сознание способности к полноценной самостоятельной ориентации и почти всецело подчиняют его интересам манипуляторов [Васильев 1995: 49].

Кстати, интересно, что здесь наблюдается несомненная преемственность, сформулированная (применительно к более ранним историческим периодам) Е. Д. Поливановым: «...Во всей истории литературных (или стандартных) языков мы видим примеры того, как класс, переживающий эпоху своего господства, уступая свою руководящую позицию новому, идущему ему на смену классу, передает последнему... и языковую традицию. Стандартный язык, таким образом, как эстафета, переходит из рук в руки, - от одной господствующей группы к другой, наследуя от каждой из них ряд специфических черт» [Поливанов, 2001: 331]. Сегодняшние мифогены – преемники и по сию пору ожесточенно критикуемых (поскольку они принадлежали коммунистическому пропагандистскому инструментарию) «лексических фантомов», «когда отрыв слова от денотата обусловлен идеологической деятельностью человека, разработкой той или иной социальной иллюзии, поддержанием определенных социальных иллюзий»; за «словами-призраками» в реальной жизни ничего не стояло (либо... стояла их полная противоположность») [Норманн, 1994: 55-56]. Однако вполне естественным продолжением советского «новояза» стал перестроечно-реформаторский «постновояз» (см. [Васильев, 2003: 46-91]. Ср.: «Особо живучи и неистребимы политические симулякры. К ним относятся идеологизированные клише... «Химерические конструкции» тоталитарного прошлого спокойно перекечевали в демократическое настоящее, что дает возможность говорить о симулякрах как инвариантных признаках языка власти... Новомодный политический лексикон продолжает культивировать мнимые денотаты, разрывать, отделять друг от друга вербальный и предметный мир» [Синельникова, 2003: 221].

Справедливо, что «главная проблема идеологического творчества – это проблема интерпретации (истории, национальной культуры, религии и философии). Главная задача – обеспечение мобилизации с целью манипуляции. Проблемы интерпретации, мобилизации и манипуляции – это прежде всего проблемы языка» [Ветров 2000: 199] а главное в сообщениях российских телеканалов – «идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой» [Кара-Мурза 2002: 811].

Дискурс СМИ и политический дискурс весьма близки. Обе эти разновидности использования языковых средств по своей природе манипулятивны, чему немало способствует их насыщенность мифогенами (симулякрами); ср.: «Расплывчатая семантика языка способствует гибкому внедрению в чужое сознание: новый взгляд модифицируется... под влиянием системы устоявшихся мнений интерпретатора» [Демьянков, 2003: 117] – и: «...политический язык понимается как особая подсистема национального языка, предназначенная для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов, 2003: 11]. Таким образом, где заканчивается дискурс СМИ и начинается политический дискурс – сказать невозможно; если они и не абсолютно тождественны, то изначально обречены существовать в симбиозе.

Определенное же своеобразие антироссийской информационно-психологической войны, на наш взгляд, состоит в том, что она ведется при помощи активного участия фор-

мально российских средств массовой информации (в том числе и государственных): вероятно, это не только существенно удешевляет стоимость операций, но и заметно повышает их эффективность.

Принимается уже как догма то, что «СМИ сегодня есть инструмент идеологии, а не информации» [Кара-Мурза 2002:811]. Именно идеологии, сколько бы ни твердили о мифической «деидеологизации» [Купина, Михайлова 2002:25]: ведь и приверженцы «общечеловеческих ценностей» волюно или неволюно проговариваются насчет существования некоей «новой идеологии», правда, не стремясь уточнять, что под этим подразумевается [Вепрева 2002:323]; может быть, потому, что известные варианты ее дефиниций вряд ли могут вызвать всплески массового энтузиазма (ср.: «товарно-денежная идеология, проявляющаяся в релятивистской софистической риторике» [Романенко, 2004: 25]), - так что крайне дискусионен вывод: «массовая информация отделяется от ключевых вопросов идеологии» [Рождественский, 1999: 245].

В последние годы довольно распространенным и употребительным не только в специальных российских изданиях стал термин *толерантность*. Более того: авторы, рассуждающие о связанных с этим явлением кругом проблем, как правило, уже не столько декларируют толерантность в качестве одной из «общечеловеческих ценностей», сколько предпочитают исходить из некоей данности, служащей краеугольным камнем для построения теоретических изысканий и практических рекомендаций. Подобный подход характерен для многих выступлений на темы политологии, социологии, культурологии и ряда других гуманитарных дисциплин. Естественно, что и в лингвистических публикациях о толерантности сегодня говорится немало, например, по поводу межъязыковых контактов, дискурса средств массовой информации, культуры речи и проч. Таким образом, понятие толерантности многоаспектно, и подчас оказывается непростой задачей строго и четко разграничить компетенции разных научных дисциплин. Впрочем, это не всегда столь уж существенно, поскольку достигнутый ныне уровень взаимодействия отраслей гуманитарного знания подразумевает их тесную кооперацию под флагом антропоцентризма.

Тем не менее, лингвистический аспект проблемы толерантности следует признать доминирующим, ибо именно от принятия каких-то терминов в качестве ключевых для конкретного исследования в немалой степени зависит (или, по крайней мере, должна с ним согласоваться) концепция автора, логический ход его построений и их результат. Вербальные формулировки одних и тех же фактов могут быть (и бывают, как о том свидетельствует множество примеров) различными по своим коннотативным потенциям, вплоть до диаметрально противоположных. Ср.: «Великая Октябрьская социалистическая революция» // «октябрьский переворот»; «борцы за независимость» // «кровавые мятежники»; «кадровые перестановки» // «чехарда чиновников»; «жилищно-коммунальная реформа» // «ограбление населения»; «антитеррористическая операция в Чечне» // «чеченская война» и т. д. Объективный и непредвзятый анализ подобных номинаций и является одной из задач лингвистов, хотя на практике объективность и непредвзятость встречаются в их экскурсах далеко не всегда: слишком сильно, по-видимому, влияние разного рода экстралингвистических факторов.

Считают возможным «разбить» на несколько групп «людей с личностным статусом» в зависимости от их отношения к «новым ценностям»: «следующая за новой идеологией [значит, все-таки таковая имеется? – А. В.], примыкающая к ней часть общества – это тип активных личностей, логично мыслящих, обладающих высоким интеллектуальным статусом, с постоянным стремлением адаптироваться к изменениям в обществе» [т. е. в выс-

шей степени толерантных?-А. В.]; у этих «активистов» «происходит актуализация признаков, не свойственных национальному мировосприятию: гедонистическое отношение к обеспеченной жизни...; деньги – мерило полезных дел...; деньги – синоним счастья...; деньги – эквивалент духовных ценностей» и т. п.; почти бегло упоминаемые здесь же «материалисты» и особенно «ригористы», конечно же, значительно уступают «активистам» - кстати, слово из советского идеологического арсенала – в смысле «толерантности» [Вепрева, 2002: 323-324].

Актуальность толерантности для современного российского социума – «в период агрессивного проявления рефлексивной деятельности оппозиционной части общества» - видят в том, что она (толерантность) предполагает «формирование конструктивного диалога, направленного на постижение образа мысли оппонента, принятие его таким, какой он есть» [Вепрева, 2002:328-329]; однако принимают ли такими, какие они есть, «толерантные активисты» своих оппонентов, - сказать трудно.

Нельзя не учитывать также очевидного влияния на сегодняшний российский политический дискурс, транслируемый по каналам СМИ, такого явления коммуникативной практики, как «политическая корректность». Political correctness (иногда переводят также как «культурная корректность») – феномен, сконструированный в США и распространяемый оттуда по всему миру. В соответствии с требованиями политкорректности недопустима словесно выраженная дискриминация каких бы то ни было групп населения и их отдельных представителей (по расовым, национальным, сексуальным, религиозным, возрастным, физическим, психическим и иным признакам). Собственно, это и есть одно из наиболее зримых воплощений толерантности. «Политическая корректность» - по существу, одна из разновидностей цензуры: несоблюдение ее критериев может повлечь за собой весьма ощутимые последствия для неаккуратного речедеятеля (подорвать его репутацию, разрушить карьеру и создать для него множество других трудностей) [Бушуева, 200; Земская, 1996; Киселева, 1997]. Поскольку «политическая корректность» призвана «заменить наименования, которые стали восприниматься как ярлыки для обозначения определенных групп людей», то «любое изменение наименования вызывает иллюзию снятия отрицательной коннотации» [Шейна, 1999:129]; при этом широко применяются эвфемизация, клиширование и прочее, в результате чего рождаются номинативные единицы с весьма диффузной семантикой [там же]. Однако важно иметь в виду, что конструирование все новых вербальных этикеток вовсе не меняет существующего порядка вещей (социальных, политических, этических реалий) и их отношений и не отменяет эвфемистически обозначаемых феноменов (нищеты, преступности, неграмотности и проч.).

Заметим попутно, что, например, при анализе российской юридической терминологии случаи нечеткого различения многозначности условно разделяют на две группы: а) сознательное введение читателя в заблуждение; б) бескорыстная небрежность, затрудняющая правильную интерпретацию юридического текста [Милославская, 2000: 123]. Наверное, трудно четко дифференцировать на практике, какую именно цель преследовал простодушный законодатель. Ставится вопрос о том, не следует ли считать некоторые «чисто лингвистические фокусы» - в частности, обозначения старых, ни в чем не изменившихся объектов новыми номинациями, из которых выводятся экономические и иные последствия - особым видом уголовного преступления, квалифицируемым как речевое мошенничество [Осипов, 2000: 210].

С. Г. Кара-Мурза считает, что «правильный» (видимо, «политкорректный») язык Запада создавался перемещением из науки в идеологию, а затем и в обыванный язык прозрач-

ных слов – «амеб», настолько не связанных с конкретной реальностью, что они могут быть вставлены практически в любой контекст; сфера их применимости исключительно широка (например, *прогресс*). «Они делятся и размножаются... - и пожирают старые слова. Скажешь *коммуникация* вместо старого слова *общение* или *эмбарго* вместо *блокада* – и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают самые фундаментальные понятия нашего мышления. Слова-амебы – как маленькие ступеньки для восхождения по общественной лестнице, и их применение дает человеку социальные выгоды... Они [слова-амебы] быстро приобретают интернациональный характер» [Кара-Мурза, 2002: 90,94].

По-видимому, вышеупомянутая «прозрачность» «слов-амеб» есть не что иное, как их семантическая пустота, позволяющая наполнить фонетическую оболочку смыслами, соответствующими чьим-то целям и потребностям. Кроме того, амеба как таковая, по существу, аморфна – и столь же аморфны в семантическом отношении «слова-амебы».

Таким образом, экспликация толерантности может происходить (и происходит, как свидетельствует коммуникативная практика) прежде всего в вербальных формах; связь слова и дела демонстрируется здесь наглядно. Заметно влияние «политической корректности», эманация которой исходит от самого цивилизованного из демократических и само-го демократического из цивилизованных государств – США – и охотно принимается на вооружение российскими политтехнологами. На основе этих новейших методик упрочняются позиции постновояза, совершается лексико-фразеологический инструментарий манипуляций общественным сознанием. Несмотря на все обилие выступлений по поводу толерантности, ключевыми вопросами остаются, на наш взгляд, следующие. Насколько возможно абсолютно четкое различие толерантности – и интолерантности; на какой стадии насаждаемая толерантность превращается в интолерантность – или заведомо является таковой изначально (например, вследствие вполне вероятного и естественного отторжения какой-то частью социума навязываемой ему системы ценностей взамен директивно отмененных или по иным причинам утративших прежнюю доминирующую роль [Вепрева, 2002: 323-326]), а потому не сопрягается ли толерантность со своим антиподом – насилием, и проч. От ответов на эти вопросы в немалой степени зависит понятийное наполнение самого термина и его судьба: не превратится ли оно в «слово-пустышку» или «слово-перевертыш» [Лара, 2002:38] («слово-амебу»), не имеют ли места попытки реализовать в качестве базовой моральной ценности удобную политикам манеру поведения [Назаров, 2002: 39]; иначе говоря: не является ли слово *толерантность* очередным мифогеном?

Однако небезынтересно, что расплывчатое и весьма неоднозначно воспринимаемое понятие «толерантности» (подр. см.: [Васильев, 2004]) сегодня пытаются материализовать в российских условиях: «Постановлением Правительства Российской Федерации от 25. 08. 2001 г. № 629 принята и активно осуществляется Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 – 2005г.г.)». По сути, это заказ на новую идеологию, охватывающий разделы «Личность», «Семья», «Общество», «Государство» с заложенным в них механизмом перепрограммирования общества (раздел «Информационное и организационное обеспечение»). На карательные меры указываете связь понятий *толерантность* – *экстремизм*... Реализация Программы осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и внебюджетных средств. Общий размер финансирования – 397, 85 млн. рублей: руководство реализацией возложено на Министерство образования РФ.

Программа осуществляется с 2001 по 2005 г.г. в три этапа: первый включает в себя проведение научно-исследовательских работ и формирование в массовом сознании, в том числе с помощью СМИ, позитивного отношения к толерантности как социальной норме. Второй этап: участие субъектов РФ в программе. Третий – масштабное внедрение результатов работ предыдущих этапов» [Гуськова, 2004: 135-136]. Таким образом воплощается в жизнь очередной идеологический артефакт.

Слово *идеология* официально и публично в последние годы в России весьма редко употребляется в привычном ранее значении. Ср.: *идеология* – «система идей, представлений, понятий, выраженная в разных формах общественного сознания – философии, политике, праве, морали, искусстве, религии и отражающая коренные интересы классов, социальных групп» [Словарь русского языка в 4-х томах; Т. 1: 630]; *идеология* – «система взглядов, идей, которые характеризуют то или иное общество, тот или иной класс или политическую партию» [Словарь сочетаемости слов 1983: 197]; *идеология* – «система политических взглядов, которая разъясняет силам, действующим в политике, общую картину мира, ценности, которые лежат в основе действий, указывает средства, обеспечивающие реализацию этих ценностей, а также дает общие директивы действий» [Ветров, 2000: 196].

Вполне вероятно, что это объясняется результатами совсем недавней интенсивной пропаганды проекта «государства без идеологии» - кажется, беспрецедентного, но, впрочем, нашедшего юридическое закрепление в ч. 2 ст. 13 гл. 1 Конституции РФ: «Никакая идеология не устанавливается в качестве государственной или обязательной». Любопытно, однако, что при этом все более привычными – возможно, не без иноязычного влияния – на месте доктринально ориентированных и ориентировавших атрибутивных лексем (вроде *идеология марксистская, коммунистическая, прогрессивная, буржуазная, реакционная и т. д.* [Словарь сочетаемости слов, 1983: 197] оказываются номинации гораздо менее масштабных и стабильных, исторически почти сиюминутных разработок («проектов»), зачастую освященные именами высоких руководителей либо названиями их должностей. Ср.: «*идеология* реструктуризации угольной промышленности», «*идеология* федерального бюджета», «*идеология* формирования правительства», «гайдаровская *идеология*», «*идеология* президента» и т. п. (более подробно см. [Васильев, 2003: 70-72]). Самые свежие примеры такого рода из телепередач: «*идеологи* проекта [строительства промышленного предприятия] в элитной жилой зоне Москвы...» [24. Ren TV-7 канал. 11. 04. 05]; «...*идеологически* обрабатывать прилежащие территории для развития туризма» [Афрантово. 29. 05. 05] и проч. Вместе с тем, следует отметить, что буквально в последние месяцы некоторые российские политики почти неожиданно вновь стали использовать слово *идеология* и его производные в традиционном, казалось бы – уже архаичном значении: «Внятной *идеологической* концепции у партии [«Единая Россия»] нет» [В. Плигин 24. Ren-TV-7 канал 19. 04. 05.]. «Мы призываем сделать *идеологией* нашей партии [«Единая Россия»] социальный консерватизм» [А. Исаев. Время. ОПТ. 21.04.05.]. «У партии [СПС] есть *идеология!* Надо только донести ее до электората» [Н. Бельх. Вести. Подробности. РТР. 31. 05. 05.]. Впрочем, представляется пока что преждевременным говорить об устойчивом характере новейшей тенденции.

Лингвистические словари выступают одновременно как информативные источники исследования лексики и как культурно-исторические документы.

Словари, сосредоточивающие в относительно компактной форме лексическое богатство языка, аккумулируют историческую память народа – его носителя. Таким образом, словари выступают и в ипостаси барьера, препятствующего разрушению культурно-

исторического времени, утрате духовности и превращению народа (через стадию «населения») в популяцию.

Говоря о значимости лексикографии, уместно привести высказывание П. Флоренского о «последнем круге скептического ада, где теряется смысл слов», которые «перестают быть фиксированы и срываются со своих гнезд» [Флоренский, 1989: 38]. Словари же в известной степени остаются ориентирами, помогающими увидеть «законные места» слов в лексико-семантической системе языка, снизить отрицательные последствия «эффекта смысловых ножниц», то есть «разночтения», «речевого разобщения», возникающего из-за разного понимания одного и того же текста (например, в средствах массовой информации) разными адресатами, что может негативно повлиять на межличностные, внутригрупповые и межгрупповые связи.

Толковые словари в их классическом виде, описывая лексический состав языка определенной эпохи, отражают и доминирующую в ней философию, совокупность этических ценностей, присущих носителям языка в период составления каждого из словарей. Это проявляется по ряду параметров: в отборе и объеме словника, в характере дефиниций и системе стилистических помет, в подборе иллюстративного материала. Вероятно, поэтому на потенции лексикографии возлагают иногда весьма большие надежды, рассматривая ее в качестве некоего «общественного рычага» наук, стремящихся выработать общий для всех людей рациональный взгляд на мир, поскольку одной из самых существенных форм рационализации отношения к жизни и участия в ней является размышление о значениях слов, к чему и должно побуждать чтение словаря [Дорошевский, 1973: 65-66].

Нередкие высказывания лингвистов о неадекватности словарных толкований, самих теоретических основ описания лексики, по-видимому, объясняются прежде всего неисчерпаемостью, многогранностью слова, возможностями его субъективного восприятия (от чего вряд ли абсолютно избавлены и сами лексикографы) и вариативности трактовок его значения. На лексикографах лежит особая культурная и социальная ответственность, так как интерпретация значений слов – это интерпретация определенных форм деятельности людей [Дорошевский 1973: 66]. Как уже говорилось, сегодня среди отечественных представителей гуманитарных наук (не в последнюю очередь – среди лингвистов) весьма популярными становятся мнения о некоей деидеологизации, якобы имеющей место в постсоветской России и отражающейся – в том числе – и в лексикографии; в частности, в толковых словарях русского языка. Однако ряд фактов позволяет усомниться в справедливости подобных суждений.

Следует вспомнить о том, что в русской лексикографической традиции идеологический компонент выражается довольно отчетливо и всегда последовательно. В Словаре Даля *революционер* – «смутчик, возмутитель, крамольник, мятежник»; значение глагола *царствовать* иллюстрируется строкой российского гимна: «Царствуй над нами, царь православный»; *социалист* – «Социалисты и коммунисты, по духу учения своего, заказные враги всякого государственного порядка»; *благородный* - «происходящий из дворянского рода, дворянин» // «согласный с правилами чести и чистой нравственности; честный, великодушный, жертвующий своими выгодами на пользу других» (здесь примечательна иерархия значений); *декабристами* «называют бывших государственных преступников, по заговору 1825 г.»; *коммунизм* - «политическое учение о равенстве состояний, общности владений и о правах каждого на чужое имущество»; *нигилизм* - «безобразное и безнравственное учение, отвергающее все, чего нельзя осязать» и т. п.

Сегодня трудно со всей определенностью сказать, были ли многочисленные высказы-

вания русистов советского времени по этому поводу неизбежной данью доминировавшей тогда идеологии и государственно-политической системе, которую эта идеология обслуживала и в которой она воплощалась. Но ср. мнения Л.В. Щербы о том, что нормализаторская роль нормативного словаря состоит и в «ниспровержении традиции там, где она мешает выражению новой идеологии» [Щерба, 1974 а: 277]; относя идеологию к «трудным вопросам словаря», он считал, что и двуязычный «словарь должен отражать советскую идеологию»: так как «мы говорим и о советских, и не о советских вещах», «в конце концов идеология должна сказаться не только в составе словника, но и в переводах»; так, «совершенно очевидно..., что наш прокурор не то же самое, что и в буржуазных странах, но тем не менее мы переводим его словом *procurateur*» [Щерба, 1974: 311]. С. И. Ожегов подчеркивал «ответственное положение, которое занимает русская лексикография советской эпохи, и важность культурно-политической роли, ею выполняемой в Советском Союзе и за его пределами» [Ожегов, 1974: 160]. Ср. точку зрения А. М. Сухотина: «Лексикография – не беспристрастная регистрация бытующих в языке слов и их значений, а такая же идеологическая наука, как и вся другая» (цит. по: [Хан-Пира, 1994: 17-18]).

Можно считать вполне закономерным, что всеобъемлющие социально-политические изменения последних полутора-двух десятилетий повлекли за собой пересмотр и переоценку достижений лексикографии, причем не только советской. Полагают, что, с учетом раннее имевшегося «идеологического давления как на носителей языка, так и на работу лексикографов», «сохранение в дальнейшем мировоззренческого подхода при составлении словарей будет порождать тупиковые ситуации, поскольку ни один словарь не сможет отразить всего многообразия взглядов, которые будут возникать в атмосфере укоренившегося плюрализма» [Старовойт, 1996:38]. Именно с идеологических позиций «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, например, квалифицируют сегодня лишь как «уникальный памятник тоталитарного языка советского периода..., зафиксировавший константы новейшей идеологии» [Купина, 1995: 7] и т. п.

Однако, как свидетельствуют некоторые примеры, минимизация идеологического компонента словаря не может быть абсолютной: она всегда весьма относительна, причем идеологическая составляющая способна эксплицироваться по-разному. Так, в Толковом словаре современного русского языка под ред. Г. Н. Складчиковой (2001г.) знач. 3 прилагательного *советский* – с указанием на его активизацию – поддается с пометой неодобр. и с объяснением: «свойственный чему-либо в СССР или кому-либо живущему в СССР; совковый»; явная избыточность негативной оценки, и так уже выраженной с помощью пометы, усиливается за счет введения в эту дефиницию ранее жаргонного прилагательного *совковый* (стилистически малоуместного, остающегося пока все-таки разговорным; ср. здесь же *совковый* - разг. неодобр. прил. к *совок*, которое, в свою очередь также разг. неодобр.).

Другой пример: оказывается, что сравнение дефиниций, отражающих смысловую структуру лексемы *капитализм* в словарях русского языка разных эпох, позволяет отметить наличие негативной оценки у этой т. н. «идеологемы» («вербально закрепленного идеологического предписания» [Купина, 1995: 13]) в советский период – и положительной оценки в постсоветское время. Причем попытку Словаря Ожегова – Шведовой снять любой оценочный ореол с термина не считают удавшейся хотя бы из-за присутствия в составе дефиниции признаков «частная собственность» и «класс капиталистов», оставляющих все же за толкованием имплицитный оценочный смысл (а перегруппировка оценочного пласта в семантике слова приводит даже к информативным потерям денотативного характера, поскольку неизменным остается лишь один безоценочный компонент – «определен-

ный общественный строй») [Вепрева, 2002: 282-283].

Подобные сопоставления несомненно весьма показательны, если сравнивать дефиниции одной и той же лексемы не только в словарях разных эпох, но даже и в словарях, изданных в одно и то же время.

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова предлагал следующие определения слова: *социализм* – «1) первая фаза коммунизма, общественный строй, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства в условиях диктатуры пролетариата и уничтожения эксплуататорских классов и при котором осуществляется распределение по труду; 2) учение о построении такого общественного строя, идущего на смену капиталистическому; 3) название различных буржуазных и мелкобуржуазных учений о реформе капиталистического общественно-го строя [Г. IV. М., 1940. стлб. 413-414].

В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (изд. 2-е, испр. и доп. М., 1984) толкования семантики слова *социализм* в общих чертах совпадают с вышеприведенными (особенно знач. 2), однако очевидно учтены изменения реалий, произошедшие за десятилетия. Здесь *социализм* – это «1) первая или низшая фаза коммунизма – общественный строй, который приходит на смену капитализму и характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком, планируемым в масштабах всего общества товарным производством и при котором осуществляется принцип: «от каждого по его способностям, каждому по его труду»; 2) учение о построении социалистического общества; 3) с определением. Название различных мелкобуржуазных и буржуазных учений о реформе капиталистического общества на основе уравнительности или сглаживания антагонистических противоречий».

А вот Толковый словарь современного русского языка под ред. Г. Н. Складчиковой (2001г.) сообщает: *социализм* «1. В м а р к с и з м е л е н и н и з м е [разбивка здесь и далее наша – А. В.] – первая или низшая фаза коммунизма – общественный строй, который приходит на смену капитализму и характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком, планируемым в масштабе всего общества товарным производством и распределительным принципом «От каждого по его способностям, каждому по его труду». 2) Общественный строй, характеризующийся отсутствием частной собственности на средства производства, всеобщей плановостью хозяйства, неэффективной экономикой, однопартийной системой политической власти, отсутствием демократических прав и свобод». Первая из дефиниций, собственно, повторяющая формулировку МАС 2, снабженная ссылкой к *марксизму-ленинизму* (а словарная статья этого слова начинается пометой «в советск. время» -наверное, чтобы подчеркнуть архаичность толкования), по-видимому, должна показать некую ее «невсамделишность», неверную идеологическую ориентацию и неадекватность для современности. Вторая, поданная без каких-либо помет (вероятно, с позиции т. н. «общечеловеческих ценностей»), - явно негативно-оценочна; ср. «неэффективная экономика», «отсутствие демократических прав и свобод»; да и упоминаемые в этом же контексте «отсутствие частной собственности на средства производства», «всеобщая плановость хозяйства» и «однопартийная система», очевидно, тоже не должны вызывать никаких симпатий у читателя словаря.

Другой современный словарь (Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, изд. 4-е, доп. М., 2001), во вступительной статье которого сказано, что он «полностью освобожден от тех навязывавшихся извне идеологических и политических характе-

ристик и оценок именуемых понятий, которые в той или иной степени присутствовали в предыдущих изданиях и от которых ни авторы, ни редактор не в силах были избавиться, значение интересующего нас слова толкует следующим образом: *социализм* - «социальный строй, в котором основой производственных отношений является общественная ответственность на средства производства и провозглашаются принципы социальной справедливости, свободы и равенства». Конечно, и это определение вовсе не «освобождено» от оценочности, причем негативной: ведь указанные принципы, по мнению лексикографа, при социализме носят лишь декларативный характер.

Таким образом, по данным толковых словарей можно составить достаточно отчетливое представление об идеологических доминантах, присущих социуму на той или иной ступени его истории, о смене этих доминант и ремаркациях аксиологической школы. Впрочем, в последнее время отечественные лингвисты довольно часто предпочитают говорить о том, что на современном этапе лексикография «освобождается» от «навязывавшихся» ей ранее идеологических характеристик и оценок; что общество от системы «идеологем» перешло к системе «культурем» - языковых единиц, семантика которых «соотнесена с ценностным объектом и лишена политических наращиваний и вкраплений» [Купина 2000: 183]; что «деидеологизация стала фактором, в значительной мере определяющим внутрикультурную и межкультурную толерантность» [Купина, Михайлова 2002: 25] и проч. При этом как будто не замечаются замены одних коннотаций на другие, одновременно и более адекватные новой системе аксиологических координат, и формирующие ее.

Объективное рассмотрение дискурсов, включающих номинации общественно-политического характера, такие, как *переходный период, общечеловеческие ценности, цивилизованный подход, правовое государство* и т. п. позволяет увидеть все признаки несколько запоздало преданных анафеме «идеологем»: «размытую», диффузную семантику, способность манипулировать смыслом и, следовательно, сознанием адресата [Синельникова, 2002:189] (см. также [Васильев, 2003: 46-91]).

Что же касается «деидеологизации», то ее в российских условиях следует понимать в свете толкования (особенно – второй его части) этого слова, данного в Толковом словаре современного русского языка под ред. Г. Н. Складневской: *деидеологизация* – «устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (обычно коммунистической)». Ср. однако, и упоминания о некоей «новой идеологии» – впрочем, без расшифровки, что же она все-таки собой представляет; если не считать, конечно, высказываний, не принадлежащих, однако, официальным политикам, вроде: «...наше общество должно [!] эволюционировать от социализма к капитализму, от коллективизма к индивидуализму, от локализма к глобализму, от романтизма к рационализму» [Губогло, 2002: 36]. Таким образом, речь все-таки идет не о деидеологизации, а о реидеологизации.

По мнению некоторых авторов, это явление также нельзя назвать принципиально новым – его рассматривают как своеобразную реакцию на концепцию «эры конца идеологии» и замену ее в роли социального интегратора наукой, якобы наступающую в результате затухания социальных конфликтов: в 70-е г.г. XX в. на смену ей (концепции деидеологизации) приходит концепция реидеологизации. С точки зрения ее сторонников, «общественные науки не дают ответа на целый ряд вопросов о социальных и моральных ценностях. Следовательно, наука не может справиться с функцией интеграции. Идеология неизбежно возрождается. При этом возрождается и стремление каких-то идеологий к господству. Актуальной становится задача разработки стратегии поведения индивида в условиях господства идеологий» [Ветров, 2000: 198]. Важно учитывать, что «западное общество допус-

кает соперничество различных систем, предполагая, что в нужный момент в политический оборот будет пущена та или иная доктрина (либерализм, консерватизм, социал-демократизм)... При разработке новой идеологии разрабатывается и новый язык» [Ветров 2000: 198-199].

Слово идеологично по самой своей природе, поэтому трудности, связанные с семантизацией многих лексем, вполне объяснимы. То, что по прошествии времени, отделяющего сегодняшнего читателя, критика и интерпретатора конкретного словаря, может восприниматься как дань политической конъюнктуре, является прежде всего результатом объективных условий, исторических обстоятельств создания словаря, а в какой-то (возможно, немалой) степени – и отпечатком личности лексикографа. Это закономерно, ибо «гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении» [Бахтин, 1986 б: 303].

Указанную проблему нельзя считать специфической лишь для русской лексикографии. Так, ср. оценку польской лексикографии социалистического периода на примере Малого словаря польского языка, объявленного словарем идеологически-философских мистификаций; основной же акцент делается на присутствии в корпусе этого словаря слов, которые цитируемый автор именует *slowa-upiory* (такие, как *burzuzia, inteligencja, lud, imperialism, interesy klasowy, milicja, policja* и др.); здесь же обосновывается необходимость лексической и семантической «санации» словарей, чтобы «сбросить ярмо восточного тоталитаризма» [Jadacki, 1994: 134].

Х. Касарес в своем фундаментальном труде советовал составителю современного словаря на научной основе «быть постоянно начеку и следить за своим пером, пресекая всевозможные проявления своей личности, начиная с индивидуальной манеры выражения, т. е. со стилия, и кончая обнаружением своих симпатий и антипатий, политических взглядов, философских и религиозных убеждений и т. п. ... только при этом условии это произведение будет принято читателями как плод честного, серьезного и беспристрастного исследования» [Касарес, 1958: 159]. Можно, конечно, предположить, что добросовестные лексикографы будут пытаться каким-то образом следовать приведенным рекомендациям, но уже очевидно, что издаваемые сегодня словари так же несвободны от идеологической составляющей, как и их предшественники. Лексикография – неотъемлемый компонент идеологического обеспечения социума, а потому появление толкового словаря «без идеологии» весьма гипотетично.

Социально-политические изменения, происходящие с начала так называемой перестройки, имеют своей важнейшей составной частью (и, вероятно, стратегической целью) радикальные трансформации аксиологической шкалы – даже если это далеко не всегда эксплицируется. Одновременно все более зримым становится социальное расслоение, поляризация общества по имущественному признаку, проистекающие из наличия властных полномочий и/или материального богатства у одних – и их отсутствия у других. Отправная точка этих процессов – появление частного предпринимательства в финансово-промышленной сфере, что сопровождается непрерывной борьбой за передел собственности и сфер влияния, причем с помощью любых средств. Понятно, что диктовать «правила игры», то есть устанавливать свои этические нормативы и пропагандировать культурные ценности, наиболее созвучные эпохе перемен, стала теперь самая влиятельная социальная группа, включающая в себя (вероятно, в значительном количестве) элементы разной степени криминализированности. Материальное благополучие этой группы, особенно на фоне положения остальных, несомненно, стало одним из факторов, способствующих

формированию представления о ее престижности и у законопослушных обывателей; отсюда – исторически беспрецедентное распространение субстандартной лексики в текстах СМИ и массовом употреблении.

Критерий «престижности» обеспечил почти безраздельное торжество той разновидности культуры, которая ранее имела статус субкультуры (контркультуры, «третьей культуры» и т.п.). В качестве наиболее впечатляющего символа смены социокультурной парадигмы можно назвать транслированное российским телевидением в предновогоднем концерте 2001г. исполнение А. Розенбаумом его песни «Гоп-стоп» в сопровождении облаченного в парадную форму хора одного из так называемых силовых ведомств.

Статус «престижности» новой культуры очевидно переплетается с представлениями о доминантном социальном статусе ее адептов и глашатаев, их широчайших властных и потребительских возможностях. Нормы культуры вообще определяются во многом их ориентированностью на образцы, подаваемые в качестве высоких. Тенденция к аристократизации может иметь чуть ли не буквальный характер: стереотипы поведения (в том числе – речевого) высших слоев способны восприниматься членами низших стратов как санкционированные к воспроизведению (подражанию) уже самой социальной иерархией. Кроме того, попытки такого подражания дают низшим иллюзию некоего приближения к верхам общества, хотя бы внешнего их сходства. Естественно, что эта имитация не элиминирует оппозицию «мы»/ «они» («свои»/ «чужие» и т. п.), но позволяет, даже при внутреннем осознании сложившегося социального устройства, вести нечто вроде театральной игры, чувствовать себя сродни сильным мира сего – «хозяевам жизни» (впрочем, кажется, кавычки здесь излишни).

Рассмотрим в качестве примера динамику одного из слов, весьма употребительных сегодня в дискурсе российских СМИ, опираясь преимущественно на лексикографические сведения.

Неслучайно, что в последнее время заметно активизировалось употребление существительного *элита* (таже в форме множественного числа) и производных от него *элитный*, *элитарный*. Весьма поучительно проследить динамику слова *элита* в микродиакронии.

В еще недавний период истории русского языка рассматриваемое существительное тематически ассоциируется только с сельскохозяйственным производством: «глухие отборные растения или животные, получаемые в результате селекции и предназначенные для дальнейшего размножения» [Словарь иностранных слов 1954: 808]. По-видимому, позже семантика слова расширяется, и приведенная дефиниция дополняется еще двумя; в качестве переносного приводится *элита* - ...2) «наиболее видные представители какой-л. части общества, группировки и т. п.; в эксплуататорском обществе – верхний слой господствующего класса или отдельных его групп»; а также 3) «в некоторых иностранных армиях – отборные воинские формирования» [Словарь иностранных слов 1979: 596]. Интересно, что энциклопедический словарь, оставляя «сельскохозяйственное» значение слова лишь на второй позиции, на первую выносит то, что объясняется в следующей по порядку статье: *элиты теории* – «концепции, утверждающие необходимость деления общества на высшие привилегированные слои – элиту, и остальную массу людей». Здесь же рассказывается о разных модификациях этих концепций, различающихся как по признакам выделения элиты (политическим, технологическим, социально-иерархическим), так и по направленности: «от открыто антидемократических до буржуазно-либеральных», причем все они «скрывают подлинную природу классов и социальных антагонизмов в

эксплуататорском обществе, направлены против марксистского учения о классах и классовых борьбе» [Советский энциклопедический словарь 1983: 1540-1541].

В хронологически близком предыдущему толковому словаре [Словарь русского языка в 4-х тт., Т. IV: 758] слово представлено как многозначное, причем его первое значение принадлежит сфере не социально-иерархических отношений, но сельскохозяйственного производства: *элита* – 1) «лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-л. растений, животных, получаемые путем селекции для выведения новых сортов». Другое же значение, с точки зрения составителей, выступает как вторичное (возможно, метафорически-переносное): *элита* – «лучшие представители общества или какой-л. его части». Повидимому, в таком расположении частей словарной статьи отразилась не только история слова *элита* в русском языке (пусть, как обычно в лексикографии, в очень скомпрессированной форме), но и реалии советского общества: при официальном равенстве всех его граждан вряд ли целесообразным было бы акцентировать социально выраженный компонент семантики слова. Однако заметим, что каких-либо указаний на враждебную социализму сущность *элиты* не приводится.

Весьма симптоматичной и символичной следует считать формулировку значения слова, актуализирующегося в качественно иной ситуации: *элита* – «привилегированная верхушка общества или какой-либо его части, какой-л. группы людей» [Толковый словарь 2001: 869].

Теперь, вследствие радикально изменившихся социально-политических условий, упоминание о чужеродности элиты не присутствует совершенно естественным образом. Более того: знаменательно, что определяющим признаком для принадлежности к ней становится уже не наличие неких высоких качеств, отличающих их носителей от всех прочих, но обладание привилегиями, то есть исключительными правами, недоступными другим. Важно и то, что источник привилегий никак не конкретизируется: они, по-видимому, и должны восприниматься как нечто данное, естественное и неоспоримое.

Существительное *элита* и его дериваты сегодня частотны в телевизионном дискурсе: «Задача МИД (России) прежде всего помочь нашей *бизнес-элите* осваивать зарубежные рынки» [Вести. РТР. 12. 07. 02]. «Весь бизнес, вся *элита* (чеченцев) – здесь, в Москве, в Санкт-Петербурге...» [Д. Рогозин. Вести плюс. РТР. 26. 11. 02]. «На встрече с президентом обсуждалось, каким образом представители чеченской *элиты* (руководители республики и крупные бизнесмены, проживающие в Москве) могут помочь малой родине» [Вести. РТР. 17. 04. 02]. «Теперь (по мнению итальянского фотографа) вся *элита* – в российской столице» [Сегодня. НТВ. 21. 10. 03]. «Ивановская политическая *элита* начала настоящие разборки за власть в регионе» [24. Ren TV – 7 канал. 08. 11. 04]. «К земле потянулась даже [!] красноярская *элита*. Продавцы говорят, что некоторые депутаты присматривают для себя удобные орудия труда» [Новости. Афонтово. 18. 02. 05] и др. Интересно сопоставить два примера, содержащих попытки семантизации, причем они отделены друг от друга почти десятилетием реформ: «Понятие это существовало всегда; раньше *элита* – партономенклатура, а теперь – новый класс, который обустроит Россию... коммерсанты, которые не только продают воздух, и не только они» [главный редактор журнала «Элита». – Утро – Останкино. 31. 08. 93]; ср. «*Элитарные* группы России: президенты банков, владельцы крупных компаний, топ-менеджеры и чиновники» [Обозрение – 7. 7 канал. 09. 01. 04].

Следует отметить, что параллельно в текстах СМИ меняются семантика и коннотация прилагательного *народный*. Ранее это прежде всего производное от *народ* – 1) «населен-

ние, жители той или иной страны, государства»; 2) «нация, национальность, народность; 3) «основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах – угнетаемая господствующими классами)» - ср. *народный*, в первую очередь, «тесно связанный с народом, соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению», причем в этих значениях выступало обычно как мелиоративное. Теперь оно зачастую используется в значении, близком к тому, которое еще недавно можно было считать устаревшим: «в дореволюционной России: предназначенный для низших слоев общества; общедоступный» [Словарь русского языка в 4-х тт., Т. II. : 388-399]. Социальное противопоставление высших слоев низшим ныне совершенно откровенно обнаруживается в рекламных текстах вроде: «Цены – от *элитных* до *народных*». Любопытно, что градация обычно осуществляется именно в такой последовательности; ср. также другой рекламный текст: «Качество – царское, цены – холопские».

В цитированной выше статье советского энциклопедического словаря говорится также, что «в современной буржуазной социологии получили распространение концепции множества элит (политической, экономической, административной, религиозной, военной, научной, культурной), уравнивающих друг друга и якобы предотвращающих установление тоталитаризма». Очевидно, насколько можно судить по известным примерам, эта модель успешно реализована на российской почве.

Однако в некоторых случаях (а они не так уж редки) установить векторы динамики слова или фразеологизма, исходя только из лексикографических данных, не оказывается возможным – в том числе и по причине отсутствия интересующей исследователя единицы в словарях. Среди перестроечно-реформаторских штампов, обогативших солидный пласт общественно-политической лексики и фразеологии русского языка, кажется, и по сей день остается популярным словосочетание *общечеловеческие ценности*.

Если второй его компонент представляется семантически прозрачным, то первый, на наш взгляд, нуждается в некотором комментарии.

Прилагательное *общечеловеческий*, по-видимому, относительно позднего возникновения: оно не регистрируется лексикографическими источниками, отражающими словарный состав русского языка (в том числе и материалами картотек), почти до середины XIX века. И лишь в Большой картотеке Словарного отдела ИЛИ РАН (далее – БКСО) содержится ряд примеров употребления этого прилагательного. Самый ранний из них заимствован из «Статей о народной поэзии» В.Г. Белинского (1841г.). Несколько расширим приведенную в БКСО цитату, так как встречаем в тексте указанной работы одну из первых попыток семантизации интересующего нас слова: «Что такое *общечеловеческое*?... То, что составляет общий интерес всех и каждого, то, что всех волнует, во всяком находит отзыв, служит невидимым рычагом деятельности всех и каждого... Это – любовь... Благо, истина, красота, долг, честь, слава, доблесть, знание, все это – идеи, следственно, все это общее» (возможно, здесь не обошлось без влияния немецкого *Allgemeinheit* - «всеобщее»). По-видимому, в приведенном контексте *общечеловеческое* функционирует как субстантив, но довольно скоро адъективизируется; по крайней мере, об этом свидетельствует ряд хронологически близких примеров, зафиксированных БКСО: «*общечеловеческая черта*» (Герцен А. И. Былое и думы. II, глава XVIII), «ничто *общечеловеческое* не может быть чуждым на русской земле» (Огарев Н. И. Разбор книги Корфа); «*общечеловеческая мудрость*» (Чернышевский Н. Г. Что делать?) и некоторые другие.

Дополним приведенные цитаты. У Л. Н. Толстого находим: «Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических *общече-*

ловеческих целей» (Война и мир. Т. III. Ч. I, I). Это прилагательное фигурирует и в названии брошюры середины XIX века: «*Общечеловеческая* истина, прорвавшаяся наконец в сей адски мятущийся мир через все в нем сатанинские инквизиции или религия по разуму, разрушающая все б66 адски-суеверные христианства и сатанинское иудейство»; комментатор указывает, что автор брошюры Ильин – основоположник иеговистов, который «хотел соединить все христианские веры и секты в единстве веры, но где же такое общечеловеческое вероучение?» [Буткевич 1910:527, 554]. В БКСО также содержатся цитаты из произведений М. Горького: «*общечеловеческая* культура (Ответ интеллигенту); *общечеловеческие* ценности культуры (Под красными знаменами; по-видимому, это первый из зафиксированных примеров употребления столь распространенного словосочетания). Прилагательное *общечеловеческий*, по данным этой картотеки, используется разными авторами в качестве атрибутивного компонента словосочетаний, например: «*общечеловеческая* точка зрения» (В. И. Ленин), «*общечеловеческие* интересы» (Н. К. Крупская); «*общечеловеческие* культурные достижения» (Н. Я. Марр); «американские войска в Корее не считаются с элементарными требованиями общечеловеческой морали, пускают в ход газы, напалмовые бомбы, бактериологическое оружие» (А. Я. Вышинский), «культурой коммунизма... будет культура бесклассового общества, общенародная, *общечеловеческая*» (Программа КПСС). Отметим также, что при определенных условиях употребления это прилагательное – судя по вышеприведенным примерам, мелиоративное, - было способно обретать негативную окраску и становиться отрицательно оценочным, ср. довольно серьезную (по меркам того времени) инвективу: «Методология Веселовского, сложившаяся под влиянием позитивистской философии, грешила внеклассовой «*общечеловеческой*» точкой «зрения» (Общественные науки. Очерки истории Ленинграда. Т. II. 1957).

В русской лексикографии советского периода прилагательное *общечеловеческий* толкуется почти единообразно: иллюстрации в словарях позволяют говорить о том, что оно несет, скорее, положительную оценку обозначаемого. В СУ *общечеловеческий* – книжн. «свойственный всем людям, всему человечеству»: «Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, - такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм» (Сталин).

В БАС 1 *общечеловеческий* – «относящийся ко всем людям, свойственный всем людям, всему человечеству»: «Поэт смотрит глубоко на жизнь и в каждом ее явлении видит общечеловеческую сторону, которая затронет за живое сердце и будет понятна всякому времени» (Писарев). «С общечеловеческой точки зрения приговор палаты над Пановым есть прямая насмешка над правосудием» (Ленин). Однако устойчивое словосочетание *общечеловеческие ценности* не регистрируется словарями доперестроечного периода. Стоит попутно заметить, что семантическая диффузность терминоидов, заполнявших средства массовой информации по мере развертывания перестроечных процессов, по существу, инициировалась тогдашним высшим руководством (несмотря на излюбленный им призыв «определись») и получала соответствующее теоретическое обоснование. Так, в одном из научно-публицистическихopusов того времени сообщалось, что «словесный фетишизм проявляется у всех... членов общества, когда те, например, требуют предварительного определения (научные работники друг от друга – «точного определения») любого обсуждаемого слова, обозначающего то или иное социальное явление». Казалось бы, это требование – вполне здравое, а научная дискуссия без его соблюдения и вовсе не возможна. Но...такое «обращение со словом» здесь характеризуется как «абсурдность», которая даже и «не нуждается в растолковании» [Гусейнов, 1989: 69].

Именно подобный подход усиленно тиражировался во многих изданиях. Например, один из разделов книги «известного советского ученого, публициста, профессора Ф. М. Бурлацкого» (так в аннотации) озаглавлен «Общечеловеческая ценность». Но из этого раздела читатель узнает лишь, что «проблема сохранения всеобщего мира и недопущения катастрофического конфликта» поднялась «на уровень ценности номер один в любой иерархии международных ценностей, независимо от точки отсчета»; что «мир – это ценность, которая идет рука об руку с социальным прогрессом»; что «руководство нашей страны имеет в виду категорию всеобщего мира, который понимается как общечеловеческое достояние, как абсолютная ценность в отличие от относительных ценностей, имеющих значение для отдельных государств, наций, социальных групп и неизбежно носящих поэтому более частный характер»; что «новая система» международных отношений основана на приоритете общечеловеческих интересов и ценностей на принципах мира и сотрудничества» [Бурлацкий, 1989: 137-139]. Любопытно, что цитируемому автору представилось необходимым даже «уточнить само понятие «мир» [Бурлацкий, 1989: 138], чтобы рассказать об «общечеловеческой ценности», но семантические очертания штампа так и остались нечеткими. Впрочем, возможно, что в этом состоял авторский замысел либо творцам перестройки в тот момент еще приходилось избегать откровенного постулирования своих целей.

Известны и другие, позднейшие попытки толкования этого словесного блока. Так, указывалось, что «образование идет через усвоение общечеловеческих ценностей: 1. Человек и его здоровье. 2. Семья и общественное здоровье. 3. Труд и социальное здоровье. 4. Культура и историческое здоровье нации. 5. Отечество и духовное здоровье. 6. Земля и здоровье окружающей среды» [Казначеев 1999: 255]. Ср. иную «дешифровку»: «У всех она [культура] выполняет одни и те же функции, только по-разному. Это проявляется в единстве форм жизнеустройства, единых социальных институтов (семья, государство и т. д.), в наличии общечеловеческих ценностей, норм поведения и запретов. Так, у всех народов существует уважение к труду, материнству, осуждение разрушительных действий, одобряется гостеприимство, смелость, мужество, и самообладание. Этим объясняется общий характер нравственных заповедей, характерных для всех религий» [Иванова, 2000: 18-19]. Трудно все же сказать, учтены ли здесь догматы действительно всех религий. Кроме того, можно предположить, что атеисты оказываются таким образом чуть ли не совершенно исключаемыми из числа носителей и приверженцев «общечеловеческих ценностей» (все-таки ведь *общечеловеческих*, а не *общерелигиозных*).

Под *общечеловеческими ценностями* предлагают также понимать «исторически сложившуюся систему обобщенных оценочных представлений и отношений людей к важнейшим условиям их бытия, обеспечивающих их сохранение и прогрессивное развитие как представителей биологического вида и разумных социальных существ» [Карпенко, 2001: 64], при этом «к основным правам и духовным ценностям человечества относятся:

- 1) право на жизнь, право на здоровье,
- 2) право на человеческое сообщество, право на личную свободу,
- 3) право на труд, право на личную собственность;
- 4) право на познание, право на информацию;
- 5) право на общение, право на индивидуальность;
- 6) право на творчество, право на всестороннее развитие;

... никто не может лишить индивида его основных прав, не посягая тем самым на важнейшие условия сохранения и развития всего человеческого рода» [Карпенко, 2001: 64-65].

Однако непонятно, каким образом гарантируется реализация декларируемых прав, примеры же их несоблюдения слишком многочисленны и хорошо известны.

Примечательно, что и создатели новейших высокопрофессиональных лексикографических изданий, иллюстрирующих изменения в словарном составе русского языка конца XX столетия, вообще не приводят это словосочетание, несмотря на его несомненно высокую частотность в текстах описываемого периода. Вряд ли это следует считать случайным упущением. Скорее всего, поиски адекватной семантизации словосочетания оказались малорезультативными.

Фразеологизм *общечеловеческие ценности* занимает достойное место в ряду подобных ему лексических мифогенов, вроде *мировое сообщество, равноправное партнерство, цивилизованные государства* и т. д. Его семантика весьма неопределенна, причем настолько, что словосочетание вполне органично вписывается в пропагандистские инструментарию совершенно разных и даже противостоящих друг другу идеологических систем (от революционно-демократического просветительства и марксизма-ленинизма до сегодняшнего неоллиберализма). Если в одном случае *общечеловеческие ценности* – словесное воплощение декларируемой высшей человечности, достижимой при условии победы социального класса над своим антагонистом, то в другом – это символ постулируемого приоритета внеклассовых (надклассовых?) интересов, а также удачное обоснование минимизации учета интересов какого-то определенного государства (за исключением, конечно, тех, которые успели провозгласить себя оплотом *общечеловеческих ценностей*) или нации. В обоих описываемых случаях это сочетание выступает как одно из ключевых, причем его фетишизации вовсе не препятствует семантическая диффузность – черта, характерная и, вероятно, даже обязательная для элементов вербальной магии.

Заметим также, что сегодняшнее смысловое наполнение рассматриваемого словосочетания нередко заставляет вспомнить один из возможных вариантов его толкования, предложенный воображаемым собеседником В. Г. Белинского: «Что такое *общечеловеческое*? Разумеется, то, что составляет общий интерес всех и каждого, то, что всех волнует, во всяком находит отзыв, служит невидимым рычагом деятельности всех и каждого. «Стало быть – деньги! - воскликнет иной читатель. – Чему же другому и быть!» Не спорим с теми, кто уже так глубок в этом убеждении, что его нельзя переспорить» [Белинский 1986: 352]. Любопытно сопоставить с этой интерпретацией ироническое осмысление жаргонизма *лэвэз* (также *лаэз* – вероятно, от цыганского *лове* – «деньги» [Деметер, Деметер 1990: 96]) как сокращения словосочетания, аксиологически близкого анализируемому, в диалоге персонажей современного автора. «А ты не знаешь случайно, откуда это слово взялось – «лэвэз»? Мои чечены говорят, что его и на Аравийском полуострове понимают. Даже в английском языке что-то похожее есть... - Это от латинских букв «L» и «V». Аббревиатура *liberal values*» [Пелевин 1999: 23] (англ. «либеральные ценности»).

В. И. Даль комментировал лексемы с первым компонентом *обще-* в своем словаре (где *общечеловеческий*, впрочем, не приводится) следующим образом: «Слова этого образования не могут быть все пересчитаны, но они понятны сами по себе». Как видим, несомненно, нуждаются в семантизации те из них, которые особенно активно используются в процессах мифологизации общественного сознания, к тому же вряд ли возможно считать их абсолютными новациями. Ср.: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся..., стыдимся этого, за позор считаем и норвими быть какими-то небывалыми *общечеловеками*» [Достоевский, 1956: 244].

Так называемые средства массовой информации, по существу, выступают в роли

действенного инструмента, предназначенного для манипуляций общественным сознанием – то есть как мощное оружие информационно-психологической войны. В силу ряда причин (например, наличия видеоряда, повсеместного распространения и проч.) самыми сильными стимуляторами являются телевизоры, способные одновременно и на огромных пространствах контролировать и прогнозировать не только коммуникативное поведение многомиллионной аудитории, с высокой степенью точности предопределяя ее реакции на сообщения о каких-либо событиях (и даже не обязательно реальных фактах) – например, во время предвыборных кампаний или иных крупномасштабных мероприятий.

Как и другие СМИ, телевидение в пропагандистских целях использует слова, устойчивые словосочетания и словесные блоки-микротексты с крайне слабой денотативной соотносительностью или вообще не поддающиеся сколько-нибудь четко формулируемой семантизации. Тексты советского «новояза» таким образом получили вполне естественное и закономерное продолжение в текстах «постновояза»: типологически и функционально подобные своим предшественникам, лексико-фразеологические элементы насыщают и перенасыщают официальный телевизионный дискурс. Эти семантические пустышки (фантомы, мифогены, симулякры, амебы и т. п.) служат, как правило, для маскировки интенций адресанта, для затруднения восприятия высказывания путем выхолащивания его смысла: ведь если отдельные фрагменты речевого акта бессмысленны, то и весь текст превращается в аналог вербально-магического заклинания.

Конечно, такие феномены принципиально далеко не новы; ср. известное суждение: «Но почему умственная деятельность людей представляется историками культуры причиной или выражением всего исторического движения – это понять трудно. К такому заключению историков могли привести только следующие соображения: 1) что история пишется учеными... и 2) что духовная деятельность, просвещение, цивилизация, культура, идея – все это понятия неясные, неопределенные, под знаменем которых весьма удобно употреблять слова, имеющие еще менее ясные значения и потому легко подставляемые под всякие теории» [Толстой, 1981: 317]. Однако именно в последние десятилетия господство информационных технологий чрезвычайно усовершенствовало механизмы внедрения лозунгов новейшего агитпропа в массовое сознание.

При этом лексикографические издания, особенно толковые словари, продолжают оставаться одним из компонентов идеологического обеспечения жизнедеятельности социума. Использование лексикографических данных может быть продуктивным для исследования широкого спектра проблем, не в последнюю очередь – лингвокультурологического характера. Результаты таких изысканий могут быть сопоставлены с анализом фактов дискурса и таким образом дополнительно верифицированы (это в основном оправданно по отношению к синхронии). Обнаруживается, в частности, что декларируемое – не только некоторыми лингвистами – «отсутствие идеологии» в действительности представляет собой лишь плоды попыток заменить одни аксиологические доминанты на другие. А ведь «в задачи языкознания должно входить рассеивание мыслительной мути, которая может просачиваться из слов» [Дорошевский, 1973: 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986а.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986б.
3. Белинский В. Г. Статьи о народной поэзии // Белинский В. Г. Избранные эстетиче-

- ские работы. В 2 т. Т. 1. М., 1986.
4. Бурлацкий Ф.М. Новое мышление. 2-е изд., доп. М., 1989.
 5. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910.
 6. Бушуева Т. С. К проблеме табу и политкорректности в современном английском языке // Пятые Поливановские чтения. Ч. 3. Смоленск, 2000.
 7. Васильев А. Д. О мифотворчестве средствами массовой информации // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 1995. С. 49.
 8. Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире. М., 2003.
 9. Васильев А. Д. Своеобразие российской толерантности // Поліетнічне середовище: культура, політика, освіта. Т. 1. Луганськ, 2004.
 10. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.
 11. Ветров С. А. Идеология и ее язык // Язык. Человек. Картина мира. Ч. 1. Омск, 2000.
 12. Губогло М. Н. Представления о толерантности и толерантность представлений // Мир русского слова, 2002. № 5.
 13. Гусейнов Г. Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. №11.
 14. Гуськова Т. Ю. Толерантность – идеология диктатуры. // Славяно-русское духовное пространство в Сибири. Ч. 2. Тюмень, 2004.
 15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М., 1955.
 16. Деметер Р. С., Деметер П. С. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь. М., 1990.
 17. Демьянков В. З. Язык СМИ и тексты политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
 18. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
 19. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. IV. М., 1956.
 20. Задунай В. В. Заимствованное слово – прагматический центр газетного заголовка // Поліетнічне середовище: культура, політика, освіта. Т. 1. Луганськ, 2004.
 21. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
 22. Иванова Р. И. Родовая сущность человека и тенденции его развития // Личность, творчество и современность. Вып. 3. Красноярск, 2000.
 23. Казначеев С. В. Концептуальная модель организации системы воспитания, образования, обучения в XXI веке // Новые технологии науки и образования на пороге 3-го тысячелетия. Новосибирск, 1999.
 24. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2002.
 25. Карпенко И. М. Катарсисная педагогика // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. Вып. 2. Ч. 2. Луганск, 2001.
 26. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.
 27. Киселева Т. В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира. Кн. 1. Казань, 1997.
 28. Купина Н. А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь, 1995.
 29. Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1.
 30. Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. 2002. № 5.

31. Лара У. Злоключения слов – изгоев // Мир русского слова. 2002.
32. Милославская Д. И. Типовые трудности интерпретации юридического текста // Юрислингвистика – II: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.
33. Назаров Б. Скромное обаяние толерантности // Мир русского слова. 2002. № 5.
34. Норман Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура. Киев, 1994. С. 53-60.
35. Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
36. Осипов Б. И. Речевое мошенничество - вид уголовного преступления? // Юрислингвистика – II. Барнаул, 2000.
37. Остроушко Н. А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (к понятию языкового манипулирования) // Мир русского слова. 2002. № 5.
38. Пелевин В. Generation «Г». М., 1999.
39. Перцев А. В. Современный миропорядок и философия толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.
40. Поливанов Е. Д. Задачи социальной диалектологии русского языка // Е. Д. Поливанов и его идеи в современном освещении. Смоленск, 2001.
41. Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Изд. 4-е Т. VII. Л., 1978.
42. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. М., 2003.
43. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1999.
44. Романенко А. П. Русский литературный язык XX века: культуроведческий аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2004.
45. Синельникова Л. Н. «Гул языка»: о процессуальности бытия вербальной сферы // Структура и содержание связей с общественностью в современном мире. Вып. 3. Луганск – Цюрих – Женева, 2002.
46. Синельникова Л. Н. Языковые симулякры как материализованная энтропия, или В мире заблуждений // Структура представлення знань про світ, суспільство, людину: у пошуках нових змістів. Т. 1. Луганськ, 2003.
47. Словарь иностранных слов. М., 1954.
48. Словарь иностранных слов. М., 1979.
49. Словарь русского языка в 4-х томах // Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981 – 1984.
50. Словарь сочетаемости слов русского языка // Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. Изд. 2-е, испр. М., 1983.
51. Советский энциклопедический словарь. М., 1983.
52. Старовойт Ю. Л. Пережитки социализма и лексикография // Vocabulum et vocabularium. Вып. 3. Харьков, 1996.
53. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения // Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2001.
54. Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22-х томах. Т. VII. М., 1981.
55. Филатов В. И. Ценностный мир человека // Язык. Человек. Картина мира. Ч. 1. Омск, 2000.
56. Флоренский П. Столп и утверждение истины // Флоренский П. Собрание сочинений. Т. IV. Paris, 1989.

57. Хан-Пираз Э. И. Советский тоталитаризм и русский язык // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Ч. 1. Минск, 1994.
58. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Изд. 2-е. Екатеринбург, 2003.
59. Шеина И. Н. Роль языка в формировании коллективной картины мира // Номинация и дискурс. Рязань, 1999.
60. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. 1974а.
61. Щерба Л. В. Предисловие [к русско-французскому словарю] // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974б.
62. Jadacki J. Słowa-upiory: o potrzebie dezideologizacji wydawnictw słownikowych // *Vocabulum et vocabularium*/ Вып. 1. Харьков, 1994.

© Васильев А.Д., 2005

Будаев Э.В.

Нижний Тагил

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: НОВЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (2000-2004)

Перспективы исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации были намечены еще Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в их классической книге «*Metaphors We Live by*» [Lakoff, 1980] (в русском переводе см. [Лакофф, Джонсон, 2004]). Авторы постулировали, что идеологии формируются на основе метафор и показали, как эксплицитно нейтральная метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики социалистических и капиталистических государств [Лакофф, Джонсон, 2004: 252], а также рассмотрели милитарную метафору Дж. Картера и ее следствия (entailments) [там же: 184-186]. В дальнейшем Дж. Лакофф и ряд других исследователей применяли эвристики теории концептуальной метафоры к анализу политического дискурса, чьи работы вошли в фонд научных исследований по политической метафоре конца XX века [Bachem, Battke, 1991; Chilton, 1996; Chilton, Ilyin, 1993; Chilton, Lakoff, 1989; Howe, 1987; Lakoff, 1991, 1996; Rohrer, 1995; Semino, Masci, 1996; Schäffner, 1995; Straehle et al., 1999; Thornborrow, 1993 и др.]. За последние пять лет (2000-2004) в зарубежной политической лингвистике появились новые публикации, представляющие значительный интерес для отечественных исследователей концептуальной метафоры в политическом дискурсе. Несмотря на то, что существует тенденция рассматривать любой публичный дискурс как дискурс политический, в настоящий обзор не включены исследования, которые относятся к смежным дискурсам (экономическому, экологическому и т.п.). Рассматриваемые в обзоре публикации объединены в пять групп, отражающих основные аспекты изучения политической метафоры.

1. Исследования в области теоретических основ изучения политической метафоры.

Многие научные изыскания в области политической метафоры проводятся в рамках теории концептуальной метафоры, однако с момента ее появления некоторые зарубежные исследователи развивали и дополняли отдельные теоретические положения Дж. Лакоффа и М.Джонсона (ср. когерентную модель метафоры [Spellman et al., 1993]) или предлагали собственный подход к когнитивной метафоре [Turner, Fauconnier, 1995; Fauconnier Turner, 1994, 1998]. Теория концептуальной интеграции (теория блендинга), оказала значительное влияние на понимание когнитивных механизмов метафоризации,

однако, по нашим данным, исследований, посвященных политической метафоре, строго в рамках этой теории не проводилось.

Судя по исследованиям рассматриваемого периода, в европейской лингвистике отчетливо просматривается тенденция к развитию собственной версии концептуальной метафоры. Так, П. Друлак [Drulak, 2004] предпринимает попытку синтезировать теорию концептуальной метафоры с методами дискурс-анализа социальных структур по А. Вендту. А. Муссолфф в ряде работ [Musolff, 2000, 2004a, 2004b] отмечает, что необходимо пересмотреть тот взгляд на концептуальную метафору, при котором структура сферы-источника жестко детерминирует постижение сущностей сферы-мишени и предлагает дополнить теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной «эволюции» (conceptual evolution) метафор. Тот факт, что в политическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же метафоры, указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: экспериенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость». Другими словами, метафора функционирует в политическом дискурсе, подобно тому, как живой организм, обладающий свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействует с окружающей средой, т.е. «эволюционирует» и «выживает» наряду с другими метафорами. По существу, подчеркивается необходимость учета дискурсивных факторов, оказывающих значительное влияние на функционирование концептуальной политической метафоры.

В недавней работе Й. Цинкена проанализирован подход к концептуальной метафоре в Люблинской этнолингвистической школе [Zinken, 2004b]. Автор обсуждает возможность разработки лингвокогнитивной теории метафоры, объединяющей антропологический и когнитивный ракурсы в изучении языка, и указывает на необходимость учета социокультурных условий функционирования языка и когниции, что означает включение в поле интересов исследователя реконструкции языковых картин мира, анализа социальных (национальных, профессиональных, гендерных и др.) стереотипов, количественного анализа, широкого культурного контекста.

Й. Цинкен демонстрирует эвристики отдельных идей этого подхода для метафорического анализа на примере исследования корпуса текстов, отражающих метафорическое осмысление комплексных изменений в немецком публичном дискурсе кон. 80-х – нач. 90-х гг. XX в. (сфера-мишень – «Политика / Экономика / Общество»). Исследуя частотность метафорических моделей, автор разделяет модели на две группы: основные и образные. К основным относятся модели (сигнификативные дескрипторы) Персонализации, Пространства и Объекта, которые становятся основой для развертывания остальных моделей. Например, метафора войны имплицитно подразумевает наличие поля боя (Пространство), воинов (Персонализация) и оружие (Объект). Остальные модели (сигнификативные дескрипторы) немецкого дискурса, располагаются по мере убывания частотности следующим образом: ДВИЖЕНИЕ (период кон. 80-х – нач. 90-х получил в Германии название *Wende-Periode* – *Поворотный период*), ВОЙНА, АРХИТЕКТУРА, ДОРОГА. Далее следуют ОРГАНИЗМ и МИР РАСТЕНИЙ. Закрывают список ФАУНА, ПОГОДА, СПОРТ, МЕХАНИЗМ и др. Исходя из результатов, Й. Цинкен пытается установить корреляцию между частотностью моделей и доминантной перспективой (perspective) (подходом к описанию ситуации). Модели по убыванию частотности объединяются в кластеры:

ДВИЖЕНИЕ, ВОЙНА, АРХИТЕКТУРА, ДОРОГА – активная перспектива;

ОРГАНИЗМ, МИР РАСТЕНИЙ – естественная перспектива;

ФАУНА, РЕКА, ПОГОДА, ВОДОЕМ, РОДСТВО – перспектива недостаточного контро-

ля; и др.

Также Й. Цинкен предлагает дифференцировать метафоричный и мифологический типы осмысления действительности и, полемизируя с теорией телесного разума, отмечает, что не все способы осмысления несвязанной с сенсорным опытом человека действительности неизбежно носят метафорический характер.

Отдельного внимания заслуживают работы американского ученого Р.Д. Андерсона о роли метафоры в процессах демократизации общества. В публикации *The Discursive Origins of Russian Democratic Politics* [Anderson, 2001] автор излагает дискурсивную теорию демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях (под дискурсом автор понимает совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом – единичное коммуникативное событие), а не в изменении социальных или экономических условий. По Р. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа).

Для подтверждения своей теории Р.Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор [Anderson, 2002a, 2002b]. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период).

Исследовав частотность двух групп метафор (метафор размера и метафор личного превосходства и субординации) Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что частотность этих метафор уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти, а на смену «вертикальным» метафорам приходят метафоры «горизонтальные»: *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветные метафоры (*коричневые, белые* и др.), метафоры сторон (*сторонники, противники, левые, правые*) и др. Гигантомания и патернализм метафор, характерные для дискурса авторитарного периода в СССР, присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, поэтому пространственные метафоры субординации представляют собой универсальный индикатор недемократичности общества.

Р.Д. Андерсон [Anderson, 2002a] проводит важный для своего главного теоретического вывода историко-политологический анализ, показывая, что процессы демократизации общества наблюдаются как в странах, испытывающих большие экономические трудности, так и в экономически высокоразвитых странах. Особенно подчеркивается, что смена политических метафор предшествует процессу демократизации, из чего делается вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой. Чтобы опровергнуть это положение, отмечает автор, необходимо продемонстрировать общество, в котором процессу демократизации не

предшествовали бы изменения в системе политических метафор или найти третий фактор, всегда превосходящий изменение системы метафор и процесс демократизации, чего никому пока не удалось сделать.

Учитывая, что Р.Д. Андерсон отводит метафоре роль фактора, оказывающего влияние на общественные процессы, его теория вполне согласуется с взглядами на прагматический потенциал концептуальной метафоры в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

При всем различии подходов к метафоре (с апелляцией к процедурам обработки знаний или без нее), исследователей объединяет понимание метафоры как феномена мышления, играющего важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности

2. Исследования концептуальной метафоры в политическом нарративе.

Под политическим нарративом понимается совокупность политических текстов, тематически сконцентрированных вокруг определенного политического события [Чудинов, 2003: 162]. В публикациях этой группы исследователи анализируют, какие концептуальные метафоры актуализируются для осмысления сферы-мишени метафорической экспансии (выборов, референдума и т.п.). Хотя сами авторы публикаций термин нарратив не используют, выбранный для классификации исследований критерий вполне применим.

Как было доказано в исследовании К. де Ландтшир [Landsheer, 1991], количество метафор увеличивается в периоды политических кризисов, поэтому вполне закономерно, что политический нарратив «Вторая война в Персидском заливе» вызвал повышенный интерес среди исследователей политической метафоры. Первое исследование было опубликовано Дж. Лакоффом [Lakoff, 2003b] еще до начала военных действий. Анализируя метафоры, используемые администрацией и СМИ США для оправдания второй войны в Персидском заливе, исследователь выделяет базовые метафорические модели, которые, дополняя друг друга, занимают центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании.

1. *Государство – это индивид.* Развертывание метафоры «Ирак – это Саддам Хусейн» в американских СМИ позволяет представлять войну в Ираке, как войну против одного человека, и оттеняет тот факт, что тысячи бомб, которые будут сброшены на Ирак (исследование опубликовано в преддверии войны), будут сброшены не на одного человека. Согласно американским СМИ государства-взрослые, т.е. экономически развитые государства, имеют полное право учить и дисциплинировать государства-детей, тем более, если ребенок становится *вооруженным подростком-хулиганом*.

2. *Модель Рациональной Личности.* Рациональная личность (государство) всегда стремится приумножить доходы и минимизировать расходы. В американской прессе война в Ираке представлялась, как торговая сделка, в которой доходы превышают расходы (чужие расходы, т.е. жизни иракцев, в расчет не принимаются).

3. *Сказка о справедливой войне.* По Дж. Лакоффу, метафорическая сказка о войне, в которой всегда есть Герой, Жертва, Злодей и Злодеяние, реализуется в двух вариантах. «История о спасении» была реализована при осмыслении первой войны в Персидском заливе (Ирак – Злодей, Кувейт – Жертва, Злодеяние – изнасилование, Спаситель – США). Для оправдания второй войны американская администрация и СМИ актуализировали «Историю о самозащите», в которой Жертва и Герой совпали (США).

Метафорическому представлению второй войны в Персидском заливе посвящена публикация Дж. Андерхилла [Underhill, 2003], в которой автор выявляет 13 доминантных метафорических моделей в британской прессе. Дж. Гуднайт [Goodnight, 2004] анализирует

метафоры «Ирак – это Вьетнам Буша», «вьетнамское болото» в американских политических дебатах (апрель, 2004 г.).

Нередко исследования концептуальных метафор в политическом нарративе, дополненные методами критического дискурс-анализа, сопровождаются гуманистическим осмыслением анализируемых нарративов.

В январе 1998 года резко увеличилось количество курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Италии. Исследуя осмысление этих событий в австрийских газетах, Е. Рефайе [Refaje, 2001] выявляет, что доминантные метафоры изображают людей, ищущих убежища, как нахлынувшую водную стихию, как преступников или как армию вторжения. Регулярное использование этих тем во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем» [там же: 352], стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Ирландские исследователи Х. Келли-Холмс и О'Реган [Kelly-Holmes, O'Regan, 2004], определяя методологической основой исследования критический дискурс-анализ, анализируют концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. В 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако ирландский народ проголосовал против изменения конституции на первом референдуме, что не замедлило отразиться в немецкой прессе. Недовольство тем фактом, что 3 миллиона ирландцев должны решать судьбу 75 млн. новых членов ЕС, отображалось в немецкой прессе с помощью метафор дома и родства (*ирландцы хотят закрыть дверь перед двоюродными братьями и оставить их на пороге*), криминальных метафор (*ирландцы требуют выкуп за 12 стран*) и др., несмотря на то, что до проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и даже метафорически представлялись как любовные отношения. В преддверии второго референдума, который закончился положительным голосованием, в немецкой прессе активизировались негативные смыслы метафор из самых разнообразных сфер-источников: СЕМЬЯ (Германия/ЕС – *терпеливый родитель*, Ирландия – *непредсказуемый подросток, испорченный ребенок*); ШКОЛА (*ученика нужно наказать*, Брюссель ставит Ирландии *плохие отметки*); ДОМ (*Ирландия хочет разрушить дом*); БОЛЕЗНЬ (*Ирландия больна датской болезнью и может заразить Австрию* (датчане проголосовали против Маастрихтского договора в 1992 г.), ВОЙНА (*война за положительное голосование*) и др.

Как показали исследователи, метафорическая концептуализация событий накладывается на более общий уровень категоризации (оппозиционирования): МЫ-немцы – честные, щедрые, альтруистичные, высокоморальные / ОНИ-ирландцы – жадные, заблуждающиеся, неблагодарные, аморальные; хорошая старая Ирландия / плохая новая Ирландия).

Широкая панорама метафорических моделей в политическом нарративе «Переходный период в Германии» (*Wende-Periode* - кон. 80-х – нач. 90-х) на материале немецкой прессы представлена в публикациях Й. Цинкена [Zinken, 2004a, 2004b]. К. Халверсон [Halverson, 2003] анализирует метафоры в политическом нарративе «Война с террором (11 сент. 2001 – янв. 2002)» и выделяет две основные метафоры, моделирующие осмысление терроризма в американском политическом дискурсе: *Антропоморфизм ценностей* и *Сказка о справедливой войне*. Р. Хюльссе [Hülse, www] анализирует дебаты о возможном вступлении Турции в ЕС в немецкой прессе. Анализ метафор ДВИЖЕНИЕ и КОНТЕЙНЕР

показал, что немцы «помещают» Турцию в «между-пространство» (in-between-space), не считая ее ни европейским, ни азиатским государством.

3. Исследования концептуальных метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.

В этой группе исследований выделяются два подхода к анализу концептуальных метафор. В первом случае исследователи пытаются выявить ингерентные характеристики и типичные прагматические смыслы политических метафор определенной сферы-источника. Так, К. Мэлоун [Malone, www] указывает на широкую распространенность спортивной метафоры в американской политической речи и выводит из этого факта два негативных следствия для американской демократии. Во-первых, если политика – это соревнование, рассуждает автор, то избиратели – болельщики. Регулярное использование спортивной метафоры в политической речи формирует у избирателей психологию пассивного наблюдателя, формирует 'couch-potato electorate' (домоседливый электорат, букв. «диван-картофель избиратели»), т.е. электорат, предпочитающий лежать на диване и наблюдать за происходящим, вместо того, чтобы принимать активное участие в политических выборах. Во-вторых, спортивная метафора акцентирует внимание на тактике и стратегии политического соревнования, лишая избирателей «жизненно важной информации» о сущности политических программ и об интенциях политиков. Автор отмечает, что для избирателей эта информация намного важнее, чем особенности проведения предвыборного соревнования. Когда спортивная игра (выборы) подходит к концу, политики продолжают оказывать реальное влияние на повседневную жизнь американских граждан.

В ряде исследований Дж. Лакофф [Lakoff, 2003а, 2004] анализирует две модели со сферой-источником «Семья» во внутриполитическом американском дискурсе. Согласно *Модели Строгого Отца* дети рождаются плохими, потому что стремятся делать то, что им нравится, а не то, что правильно. Поэтому нужен сильный и строгий отец, который может защитить семью от опасного мира и научить детей различать добро и зло. От детей требуется послушание, а единственный способ добиться этого – наказание. Модель устанавливает прямую взаимосвязь дисциплины и морали с благополучием. *Модель Воспитывающего Родителя* несет смысл гендерной нейтральности: оба родителя в равной степени ответственны за воспитание детей. Дети рождаются хорошими, а задача родителей воспитать их таким образом, чтобы они могли улучшать мир и воспитывать других. Анализируя развертывание этих моделей применительно к различным вопросам внутренней политики (налоги, образование и др.), Дж. Лакофф соотносит политическое доминирование консерваторов с использованием *Модели Строгого Отца*, а неудачи либералов связывает с актуализацией *Модели Воспитывающего Родителя*.

Метафорам со сферами-источниками «Секс» и «Родство» уделены отдельные главы в учебнике по политической коммуникации Д. Ф. Хана [Hahn, 2003]. Морбильную метафору и ее прагматический потенциал в дискурсе европейской безопасности исследует М. Луома-ахо [Luoma-aho, 2002].

Второй подход связан с рядом публикаций А. Мусолффа [Musolf, 2000, 2001а, 2001b, 2003, 2004а, 2004b], посвященных метафорическому представлению европейских отношений последнего десятилетия XX века в британской и немецкой прессе. По мнению исследователя, одни и те же метафорические модели реализуются в политическом дискурсе для привнесения как пейоративных, так и мелиоративных смыслов. Конкретная сфера-источник – это точка отсчета для развертывания разнообразных метафорических сценариев, для отражения оценок и интенций участников коммуникации. А. Мусолфф не отрица-

ет частичную детерминацию осмысления событий структурой сферы-источника, но показывает, что значительное влияние на функционирование политической метафоры оказывают не только языковые и когнитивные факторы, но и экстралингвистическая среда.

Безусловно, два направления, выделенных по критерию традиция/инновация, акцентируют внимание на различных аспектах функционирования концептуальной метафоры и скорее дополняют друг друга, чем вступают в противоречие.

4. Исследования концептуальной метафоры в идиолектах политиков.

Как заметила Ш. Линд, «сильные мира сего с равным успехом навязывают свои метафоры и в национальной политике, и в повседневном общении» [Лакофф, Джонсон, 2004: 185]. Если учитывать, что метафоры несут в себе значительный прагматический потенциал, способны изменять понятийную систему человека и влиять на поведение, то вполне понятен интерес исследователей к концептуальным метафорам в речи политиков.

В этой группе исследований заслуживают внимания попытки найти практическое подтверждение того, как метафоры в речи политика воздействует на массовое сознание и побуждают к принятию определенных политических решений. Так, Д. Берхо [Berho, 2000] задается вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х.Д. Перрона. Сопоставив метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с метафорами идиолекта Х.Д. Перрона, А. Берхо показывает, как регулярное развертывание метафоры Politics Is Work (Политика – это труд) в политическом дискурсе принесло ему огромную популярность среди миллионов лишенных избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели Х.Д. Перрона к власти. Т. Оберлехнер и В. Майер-Шенберген [Oberlechner, Mayer-Schönberger, 2002] исследуют метафоры в дискурсе лидерства и выявляют доминантные метафорические модели в идиолекте британского промышленного «гуру» Дж. Харви-Джонса.

Отдельный интерес представляют корпусные исследования метафор в идиолектах политиков, что позволяет выявить общие закономерности метафорического моделирования действительности, стандартные метафорические сценарии в речи политиков. Так, Дж. Чартерис-Блэк [Charteris-Black, 2004], исследуя риторику британских и американских политиков (У. Черчилля, М. Л. Кинга, М. Тетчер, Б. Клинтон, Т. Блэра, Дж. В. Буша и др.), показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Сюда же относится публикация чешского лингвиста П. Друлака [Drulak, 2004]. Исследователь проанализировал метафоры, актуализированные в дебатах о составе и структуре Европейского Союза, в выступлениях лидеров 27 европейских стран и Турции за период 2000-2003 г. Выделив концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (Контейнер, Равновесие контейнеров и др.), П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Другими словами, лидеры стран ЕС предпочитают надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

5. Сопоставительные исследования концептуальных метафор.

Важное место среди исследований концептуальной метафоры в политической коммуникации занимает сопоставительный анализ метафор в национальных дискурсах. Такие исследования позволяют «отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только тому или другому националь-

ному дискурсу» [Чудинов, 2003: 32]. Как справедливо указывал Дж. Лакофф, «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных концептов этой культуры» [Лакофф, Джонсон, 2004: 46]. Так, З. Маалей [Maalej, www], сопоставляя систему концептуальных метафор английского языка и тунисского диалекта арабского языка, относит концептуальную арабскую метафору со сферой-источником СПОРТ к числу доминантных для осмысления сферы-мишени СПОР. Широкая распространенность рассматриваемой метафоры свидетельствует, по мнению автора, о меньшей «агрессивности» арабского языка по сравнению с английским языком (СПОР – ЭТО ВОЙНА у Дж. Лакоффа). Метафора войны тоже встречается в арабском языке, но у арабов есть альтернатива в выборе более или менее агрессивного варианта для концептуализации спора.

Основное внимание современных сопоставительных исследований концептуальной метафоры в политической коммуникации направлено на выявление прагматического потенциала метафор в дискурсе национальных противоречий. Так, Е. Семино [Semino, 2002] исследует метафорическую репрезентацию евро в итальянской и британской прессе и показывает, как метафоры в дискурсе этих двух стран отображают противоположные оценочные смыслы (евро – *здоровый ребенок* и евро – *поезд, сошедший с рельс*). А. Мусолфф [Musolf, 2000] прослеживает «эволюцию» метафоры «ЕВРОПА – ЭТО ДОМ / СТРОЕНИЕ» за последнее десятилетие 20 века на материале английских и немецких газет. Вслед за А. Чилтоном и Дж. Лакоффом [Chilton, Lakoff, 1995] автор моделирует два различных концепта: российский концепт «дом» (многоквартирный дом) и западноевропейский вариант (частный дом, обнесенный забором). При переводе метафоры Горбачева европейцы актуализировали другой прототип, что и объясняет, по мнению автора, популярность этой метафоры в европейском дискурсе.

Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989-1997 гг. - это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы* и др. По мере роста противоречий в 1997-2001 гг. начинают доминировать скептические (*реконструкция, хаос на строительной площадке*) или пессимистические (*горящее здание без пожарного выхода*) метафоры. Оптимистический период характеризуется значительным сходством британских и немецких метафор. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *окуланты евродома* или *рабочие, считающие себя архитекторами*).

В других публикациях А. Мусолффа [Musolf, 2001a, 2001b] сопоставляет метафоры со сферой-источником ДОРОГА / ДВИЖЕНИЕ / СКОРОСТЬ в британской и немецкой прессе, освещающей политические процессы в Европейском Союзе. Анализ материала обнаружил различия в эксплуатации прагматических смыслов метафор немцами и британцами, которые, используют потенциал сферы-источника, для отображения различных взглядов на перспективы развития ЕС: британцы критикуют Германию за излишнюю поспешность, немцы метафорически порицают Великобританию за медлительность.

Исследованию концептуальной метафоры *политическое тело* (*body politic*) в текстах английской и немецкой прессы 1989-2001 гг., посвящена публикация А. Мусолффа [Musolf, 2004a], в которой автор выявляет, что 45 % словоупотреблений концептуальной метафоры «ЕС – это (человеческое) тело» приходится на метафору *сердце Европы* (*heart of Europe / herz Europas*). Немцы предпочитают использовать метафору *сердце Европы* как ориента-

ционную, что неудивительно, если учесть, что географически Германия находится в центре Европы. Британцы намного реже используют ориентационный потенциал политической метафоры *heart* и акцентируют внимание на функциональном значении сердца для человеческого организма (Евросоюза) (по сравнению с Германией Великобритании относится к географической периферии Европы). А. Муссолфф прослеживает хронологические изменения («эволюцию») в актуализации метафоры *heart of Europe* в английской прессе. По мере усиления разногласий между Великобританией и ЕС в британской (но не в немецкой) прессе начинают доминировать метафоры болезни сердца, что отражает скептическое отношение британцев к политике ЕС, сменившее оптимистические настроения начала 90-х годов по поводу значимости Великобритании в европейской политике.

Большой интерес представляют сопоставительные исследования политических нарративов. Например, в исследовании Дж. Лакоффа [Lakoff, 2001] показано, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ (автор проводил исследование на примере газеты The New York Times) апеллировали все к той же *Сказке о справедливой войне* (Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой) и модели *Государство – это индивид*, а сербы использовали совсем другие метафоры. В сознании сербского народа Косово – исконно сербская, но завоеванная мусульманами территория, на которой к тому же расположены главные сербские святые. С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в *крестовый поход* ради возвращения сербам святой земли. Метафоры С. Милошевича – еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне.

На настоящий момент можно говорить об американском и европейском направлениях в исследовании концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации. Если американские лингвисты проводят исследования в рамках классического варианта теории концептуальной метафоры, ориентированы преимущественно на укорененные в сознании метафоры, то европейские ученые развивают собственную версию когнитивной политической метафоры и дополняют теорию эвристиками различных европейских школ дискурс-анализа. В свою очередь, как показал обзор, в европейском направлении можно выделить еще ряд подходов, характеризующихся своими исследовательскими целями и методами.

По разным причинам публикации зарубежных лингвистов труднодоступны для отечественных исследователей и, безусловно, представленный обзор не является полным, однако он показывает тот интерес, который вызывает феномен политической концептуальной метафоры в зарубежной лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. - М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003.
3. Anderson R. D., Jr. The Causal Power of Metaphor in Politics // www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/polilig.htm – 2002.
4. Anderson R. D., Jr. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // Anderson R.D., Jr., Fish M.S., Hanson S.E., Roeder P.G. Postcommunism and the Theory of Democracy. – Princeton: Princeton University Press, 2001.
5. Anderson R. D., Jr. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/polilig.htm – 2002.

6. Bachem R., Batcke K. Strukturen und Funktionen der Metapher Unser Gemeinsames Haus Europa im aktuellen politischen Diskurs // *Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik* Opladen / ed. F. Liedtke, M. Wengler, K. Boke. Westdeutscher Verlag. 1991.
7. Berhó D. L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // *Rocky Mountain Review of Language and Literature*. – George Fox University. 2000. Vol. 54. № 2.
8. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke, 2004.
9. Chilton P., Ilyin M. Metaphor in political discourse: The case of the common European house // *Discourse and Society*. – 1993. Vol. 4. № 1.
10. Chilton P., Lakoff G. Foreign policy by metaphor // *Language and Peace* / ed. C. Schäffner, A. Wenden. – Aldershot: Dartmouth. 1995.
11. Chilton P. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. New York, Bern, Frankfurt – M., Peter Lang, 1996.
12. Drulak P. Metaphors Europe lives by: language and institutional change of the European Union // www.arena.uio.no/events/documents/Paper_001.pdf – 2004.
13. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22. № 2.
14. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces <http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.ps> – 1994.
15. Goodnight G. T. "Iraq is George Bush's Vietnam". Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc – 2004.
16. Hahn D.F. Political Communication: Rhetoric, Government, and Citizens / 2nd ed. – New York University. 2003.
17. Halverson C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror // *Journal of Undergraduate Research*. 2003. Vol. 6.
18. Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1987. Vol. 3.
19. Hülse R. Looking beneath the surface – invisible othering in the German discourse about Turkey's possible EU-accession. Paper presented at the Ionian Conference, Corfu, Greece, May 19-22, 2000 // www.lse.ac.uk/collections/EPIC/documents/ICHuelsse.pdf
20. Kelly-Holmes H., O'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol. 3. № 1.
21. Koller V. "A Shotgun Wedding": Co-occurrence of War and Marriage Metaphors in Mergers and Acquisitions Discourse // *Metaphor and Symbol*. 2002. Vol. 17. № 3.
22. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. Chelsea Green Publishing, 2004.
23. Lakoff G. Framing the Dems. How conservatives control political debate and how progressives can take it back // *The American Prospect*. 2003. Vol. 14. № 8. 2003.
24. Lakoff G. Metaphor and War, Again // www.altemet.org/story.html?StoryID=15414 – 2003.
25. Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // D. Yallet (ed.). *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf*. Honolulu, 1991.
26. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
27. Lakoff G. Metaphors We Live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.

28. Lakoff G. *Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters*. December 1999 // www.frameworksinstitute.org/products/metaphoricalthought.pdf - 2001.
29. Landsheer C. *de Function and the Language of Politics. A linguistics uses and gratification approach // Communicatuon and Cognition*. 1991. Vol. 24. № 3/4.
30. Luoma-aho M. *Body of Europe and Malignant Nationalism: A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // taylorandfrancis.metapress.com/index/MEUR613TE7B16GY7.pdf* - 2002.
31. Maalej Z. *Metaphoric Discourse in the Age of Cognitive Linguistics, with Special Reference to Tunisian Arabic (TA) // www.kkheec.ac.ir /Linguistics%20articles%20index/Zouhair%20Maalej%20(U_%20of%20Tunis)%20Metaphoric%20discourse%20in%20the%20age%20of%20Cognitive%20Linguistics.htm*
32. Malone C. *The Sport of Politics // www.inthemix.org/shows/show_politics5.html*
33. Musolff A. *Cross-language metaphors: obstacles or pathways of international communication? // www.dur.ac.uk/modem.languages/depts/german/Musolff/ crosslang. doc* - 2001.
34. Musolff A. *Metaphor and conceptual evolution // Metaphorik.de*. 2004. № 7.
35. Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. Basingstoke, 2004.
36. Musolff A. *Metaphor scenarios in political discourse in Britain and Germany // Sinnformeln. Linguistische und soziologische Analysen von Leitbildern, Metaphern und anderen kollektiven Orientierungsmustern / ed. S. Geideck, W. Liebert. Berlin: W. de Gruyter, 2003.*
37. Musolff A. *The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe // Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process / ed. R. Wittlinger et al. Aldershot: Ashgate, 2001.*
38. Musolff A. *Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2000. Vol. 21. № 3.
39. Oberlechner T., Mayer-Schönberger V. *Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors // ksgnotes1.harvard.edu /.../9bd08de6da05da6b85256c5b006f0987/\$FILE/Leadership-1022.doc* - 2002.
40. Refaie E. *Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // Journal of Sociolinguistics*. 2001. Vol. 5. № 3.
41. Rohrer T. *The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 2.
42. Schäffner C. *The 'Blance' Metaphor in Relation to Peace. // Language and Peace / C. Schäffner, A.L. Wenden (eds). Aldershot: Dartmouth, 1995.*
43. Semino, E. *A sturdy baby or a derailling train? Metaphorical representations of the euro in British and Italian newspapers // Text*. 2002. Vol. 22. № 1.
44. Semino E., Masci M. *Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // Discourse and Society*. 1996. Vol. 7. № 2.
45. Spellman B., Ullman J., Holyoak K. *A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // Journal of Social Issues*. 1993. Vol. 49.
46. Straehle C., Weiss G., Wodak R., Muntigl P., Sedlak M. *Struggle as metaphor in European Union discourses on unemployment // Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 4.
47. Thornborrow, J. *Metaphors of security: A comparison of representations in defence discourse in post-cold-war France and Britain // Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. № 1.
48. Turner M., Fauconnier G. *Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 3.

49. Underhill J. W. The Switch: Metaphorical Representation of the War in Iraq From September 2002 – May 2003 // *Metaphorik.de*. 2003. № 05.

50. Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004. Vol. 25. № 5/6.

51. Zinken J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin // *Metaphorik.de*. 2004. № 07.

© Будаев Э.В., 2005

Дедова С.А.
Омск

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «ЗЛО» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Язык является главным хранилищем культуры, особенности которой выражаются через культурные семы, культурные концепты и коннотации. Закрепленные в языке культурные установки усваиваются каждым последующим поколением, которое может привносить в их содержание новое понимание. Культурные концепты, опираясь на принятую систему ценностей носителей языка, отражают специфику языковой картины мира определенной лингвокультурной общности. Чаще всего к концептам такого рода относятся имена абстрактных понятий, которые не имеют точных эквивалентов в других языках.

По мнению С.Г. Воркачева [Воркачев, 2003], наиболее сложными для исследования являются концепты высшего уровня - так называемые «мировоззренческие универсалии» («свобода», «справедливость», «судьба», «счастье», «любовь»), которые функционируют в различных типах дискурса и сферах общественного сознания. Это объясняется тем, что для концептов данного вида характерна «потенциальная разноименность», т.е. они обладают способностью к смене имени при переходе из одного дискурса в другой («справедливость» – «правда», «свобода» – «воля», «любовь» – «милость»). Как указывает С.Г. Воркачев [Воркачев, 2002], единственным типом дискурса, где «универсальные концепты» представлены в более или менее «чистом виде», т.е. в форме этических и логических терминов, является научный. Что же касается политического дискурса, то, судя по его специфике, определяющая роль в нем принадлежит концепту «власть», и соответственно концептам «жестокость», «лицемерие» и прочее, можно утверждать, что политика – сфера общественного сознания, где нет места для абсолютных моральных категорий.

Кроме того, мы принимаем во внимание идею Н.И. Азарова о том, что «нравственные категории «благ», «добро», «зло», «справедливость», используемые в политическом мышлении, выражают, как правило, иное содержание, чем в сознании моральном» [Азаров, 1997: 118]. Важно также отметить, что функционирование концептов в языке политики, являющейся одной из ключевых сфер человеческих интересов, способствует продуцированию их новых ситуативных значений [Ильин, 1997: 22]. Лингвокогнитивный анализ политического дискурса, по мнению М.В. Гавриловой, призван выяснить, «как в структурах языка проявляются знания человека о мире, в том числе о мире политического. Техника когнитивного анализа позволяет реконструировать представления человека об окружающем, его симпатии, антипатии и ценностные воззрения. При этом она дает возможность судить и о политической ситуации» [Гаврилова, 2004: 129]. Именно лингвокогнитивный анализ политического дискурса позволяет реконструировать языковую картину политического мира (концептуальную картину мира политики).

Прежде чем приступить к рассмотрению особенностей концепта «зло», функциони-

рующего в политическом дискурсе, необходимо напомнить, что вопрос о зле волновал исследователей во все времена (стоит лишь назвать Сократа, Лейбница, Канта). Несмотря на столь длительную историю формирования этого понятия, содержание концепта «зло» постоянно обновляется. Именно в настоящее время «зло» приобрело новые смыслы.

Сейчас вопрос о зле – не столько этический, сколько политический. Концепт «зло» занимает особенное место в политическом дискурсе. Начало этому процессу, как нам представляется, было положено трагедией 11 сентября 2001 года в США. Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что этим концептом спекулируют как политики, так и журналисты, тем самым, оказывая сильное воздействие на менталитет людей, что привело к изменению коллективного сознания.

Слово «зло» (и соответственно концепт «зло») в политическом дискурсе упоминается слишком часто и без каких-либо ограничений. «Зло» в политическом дискурсе не есть стабильная категория. Концепт «зло» всегда зависит от ситуации и субъекта. Именно субъект определяет, что есть зло.

Прежде чем перейти к изучению концепта «зло», функционирующего в политическом дискурсе, необходимо определить понимание самого термина «концепт». В современной лингвистике выделяются два направления, в рамках которых происходит осмысление этого понятия, - когнитивное и культурологическое. При когнитивном подходе концепт интерпретируется как ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, когнитивная структура, включающая разнородные единицы сознания (Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, И.А. Стернин и др.). В концептуально-культурологическом направлении концепт также рассматривается в системе «язык – сознание - культура», но в центре внимания при этом оказывается метаязык культуры (А.С. Аскольдов-Алексеев, А. Вежицкая, Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев).

А.П. Бабушкин [Бабушкин, 2001] понимает концепт как «дискретную единицу коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде». Однако при наличии инвариантного «ядра» в содержании концепта включается личный опыт носителя языка, и это придает концепту индивидуализируемый характер. А.П. Бабушкин считает, что в голове каждого человека есть своя концептосфера, элементы которой по своему содержанию могут отличаться от концептов, включенных в концептосферу общенационального языка, «поскольку в индивидуальном сознании существует избирательность, которая детерминируется условиями бытования, общим кругозором, профессиональными и возрастными интересами людей» [Бабушкин, 2001: 30]. Если предмет или явление окружающей нас действительности находится в «культурном фокусе» человека, то конфигурация и насыщенность концепта в его голове будет значительно отличаться от «усредненного» аналога, присущего коллективному сознанию в его словесной фиксации.

По мнению С.Г. Воркачева [Воркачев, 2002], в настоящее время в лингвистике наметилось три основных подхода к пониманию концепта.

1. В число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную языковую картину мира» носителей языка. Совокупность таких концептов образует концептосферу языка.
2. Концепты – семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры.
3. Концепты – семантические образования, список которых в достаточной степени ограничен и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как

специфического отношения к миру его носителей.

Обобщив различные интерпретации понятия «концепт», мы предлагаем рассматривать концепт как идеальную сущность, отражающую «определенные культурно обусловленные представления человека о мире "Действительность"» (А. Вежбицкой), которая «соотносится как с коллективным, так и индивидуальным сознанием» (Т.Ю.Ковалева) и «формируется в сознании человека, как глобальная мыслительная единица, представляющая квант структурированного знания» (И.А. Стернин), «представлений, ассоциаций, переживаний, который сопровождает какое-то слово» (Ю.С. Степанов). Судя по определению, концепт является феноменом со сложной структурой.

В процессе мыслительной или речевой деятельности мы не задумываемся о структуре и содержании концептов, выделение же конкретных характеристик концепта начинается лишь при использовании концептов как возможного значения. Эти характеристики в силу устоявшейся традиции и называют компонентами структуры концепта. Концепт, как считает Н.Н. Болдырев [Болдырев, 2001], не имеет жесткой структуры, однако в любом концепте можно выявить ядро, в состав которого входят конкретно-образные характеристики, являющиеся результатом чувственного восприятия мира. Дополняют ядро, или «базовый когнитивный слой» (И.А. Стернин), когнитивные слои, отражающие развитие концепта, его отношения с другими концептами. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляет объем концепта и определяет его структуру.

В.И. Карасик [Карасик, 2004: 109] и С.Г. Воркачев [Воркачев, 2004: 7] выделяют другие три структурных компонента концепта:

- Понятийный – отражает признаковую и дефиниционную структуру концепта;
- Образный – фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании;
- Ценностный / значимостный – определяет место, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда входят также его этимологические и ассоциативные характеристики.

И.В. Палашевская [Палашевская, 2001] доказала, что изучение этих компонентов с доминирующей ролью последнего способствует пониманию определенного концепта носителями той или иной лингвокультуры.

Различное содержание концептов дает возможность выделить их основные виды и типы. Анализ различных классификаций концептов, например Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2001, А.П. Бабушкина [Бабушкин, 1996], И.А. Стернина [Стернин, 2001], показал, что, несмотря на некоторые особенности, данные классификации описывают сходные типы концептов, например: конкретно-чувственный образ, понятие, концепт-схема, фрейм, сценарий.

Список типов концептов не является закрытым, он может пополняться новыми когнитивными структурами. Но, как известно, между концептами разных видов не существует резко очерченных границ.

Поэтому, обобщив различные взгляды на классификацию концептов, а также на их структуру, мы предлагаем рассмотреть концепт «зло» в политическом дискурсе по следующей схеме. Согласно трехкомпонентной структуре концепта, на данном этапе исследования рассмотрим понятийный компонент концепта «зло», используя данные лингвистических словарей и анкетирование носителей русского языка. Хотя слово представляет концепт не полностью, исследование словарных статей лексики «зло» дает нам доступ к

основным концептуальным признакам данного концепта. Целью опроса респондентов является получение информации о концепте «зло», которой располагают все носители языка и получить которую можно только путем целенаправленных действий. Мы предполагаем, что представления носителей языка о зле не будут иметь большого отличия от эксплицитного представления концепта «зло» в языковом мышлении. Однако мы считаем, что анкетирование респондентов позволит выявить некоторые особенности концепта «зло» в наивном сознании носителей русского языка.

Представляется, что понятийный компонент (отражающий дефиниционную структуру концепта) концепта «зло» логично рассматривать, опираясь на теорию фреймов. В данном случае фрейм рассматривается не как тип концепта, а как концептуальная структура. Известно, что фреймы описывают типичные связи стандартных ситуаций. Фреймовая структура представляет собой ассоциативный набор обязательных и факультативных компонентов — сети смысловых узлов (слотов) и терминалов. М. Мински указывал, что каждый узел должен быть заполнен своим «заданием», представляющим собой те или иные характерные черты ситуации, которой он соответствует. Для объяснения быстрого понимания человеком ситуации, представляемой сценарием, Р. Шенк [Шенк, 1980] предлагает отождествлять терминалы фрейма-сценария с наиболее характерными вопросами, обычно связанными с этой ситуацией. По существу фрейм-сценарий в этом случае является собранием вопросов, которые необходимо задать относительно некоторой гипотетической ситуации. Для того чтобы понять действие человек часто вынужден задать такие вопросы:

"Кто осуществляет действие (агент)?",

"Какова цель действия (намерение)?",

"Каковы последствия (эффект)?",

"На кого это действие влияет (получатель)?",

"Каким образом оно произведено (инструмент)?".

Разные люди могут задавать разное число вопросов относительно одной и той же ситуации. Число и характер этих вопросов в большой степени зависят от базы знаний относительно обсуждаемого объекта у того или иного индивидуума. Нам представляется, что структура фрейма, выявленная с помощью вопросов, напрямую соотносится с теорией *семантических ролей* (или падежей по терминологии Ч. Филлмора). Разные исследователи выделяют от 10 до тридцати таких ролей. Таким образом, за основные слоты исследуемого фрейма можно взять названия актантов (семантических ролей), которые и будут исполнять роль «задания», задавая основные характеристики исследуемой ситуации (в нашем случае «причинение зла»).

Мы предполагаем, что данные лингвистических словарей позволяют наметить основные слоты фрейма «зло». Следующим этапом исследования является проведение анкетирования носителей русского языка с целью получения информации об особенностях функционирования концепта «зло» (репрезентирующегося в политическом дискурсе) в национальном сознании. Результаты данного, начального этапа исследования послужат базисом для анализа особенностей концептуализации зла в политическом дискурсе.

Отправной точкой исследования понятийного компонента концепта, как нам представляется, является анализ семантемы ключевого имени концепта. Под семантемой, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин, 2003: 102] мы будем понимать всю совокупность семем одной лексемы. Анализ семантемы «зло» осуществляется на основе изучения словарных толкований лексемы «зло».

Данные лингвистических словарей и процедура ступенчатой идентификации позволяют нам выявить основные семы слова «зло», являющегося базовым именем исследуемого концепта. Проведенный анализ толкований данного слова, предложенных в ряде словарей русского языка (см. [СОж 1994], [СУш 2000], [СД 1981], [БТС 1998], [СРЯ 1985], [НОСС 1999], [ССРЯ 2001]), позволяет выделить основные синонимичные понятия, через которые толкуется «зло»: *нечто дурное, вредное, беда, несчастье, неприятность, досада, злость*.

В результате процедуры ступенчатой идентификации можно дополнить этот список еще некоторыми семами, а именно: *'отсутствие (положительных качеств)', 'нарушение (правил)', 'потеря', 'утрата', 'горе', 'событие', 'сообщение', 'способность', 'состояние', 'настроение'*.

По данным Русского ассоциативного словаря [Караулов 2002] основными сферами воплощения зла в политике являются следующие:

1. Проводимая политика государства, политической группы – нацизм, фашизм, расизм, сталинизм.
2. Определенные страны – Советский Союз.
3. Социальные проблемы – деньги, золото, корысть, алкоголь, героин, кокаин, порнография.
4. Противоправное поведение – мафия, банда, садист, убийство.
5. Действия по причинению физического или морального вреда – насилие, месть, ненависть, вред, интриги, сплетни, вранье, жестокость, война, выстрел, неправда.
6. Масштабы зла – беспредельное, непобедимо, кругом, неизбежно, всюду, общество.
7. Персонификация зла – враг, от людей, вредители, темные силы.
8. Ответные действия – должно быть наказуемо, искоренять, борьба, ликвидировать.

Проведенный анализ дает нам возможность наметить составляющие концептуального поля «зло». В качестве понятийного ядра концепта выступает инвариантный компонент 'что-либо дурное, вредное'. Анализ словарных статей, сочетаемости лексемы «зло» (по данным словарей) и процедура ступенчатой идентификации позволяют выделить основные слоты концепта «зло»:

1. Определенное состояние, настроение, способствующее причинению зла.
2. Действие по совершению зла.
3. Событие (беда, несчастье и т.д.).
4. Результат действия, события (горе, утрата).
5. Ответные действия (должно быть наказуемо).

Таким образом, обобщив все полученные результаты, можно сделать следующий предварительный вывод по концептуализации зла: *зло распространяют люди (враги), причиняя физический или моральный вред посредством противоправных действий, распространения социальных проблем, проведения определенной политики в отношении некоторых слоев населения. И хотя зло всеобъемлюще и неизбежно, все его проявления должны быть наказуемы и ликвидированы.*

Для определения структуры фрейма наряду с данными, полученными при анализе словарей, мы опирались на классификацию актантов, обобщенную Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1988], и на классификацию типов валентностей («ролей», которые могут «исполняться» актантами) Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1974], т.к. классификация актантов представляет собой набор основных элементов любой ситуации. Таким образом, основными слотами

любого фрейма являются:

- Субъект – действующее лицо, активно участвующее в осуществлении событий.
- Сила – стихия или предмет, осуществляющий ситуации разрушения, уничтожения.
- Объектив – предмет, который подвергается воздействию субъекта.
- Контрагенс – лицо, находящееся с субъектом в непараллельных отношениях.
- Пациенс – лицо, подвергающееся воздействию субъекта.
- Инструмент – предмет, использование которого способствует осуществлению ситуации.
- Результатив – предмет или ситуация, появляющаяся в результате осуществления ситуации.
- Цель – предмет или ситуация, для достижения которой осуществляется ситуация.
- Каузатив – предмет или ситуация, обуславливающая осуществление ситуации.
- Способ – характеристика действия по осуществлению ситуации.
- Предикат – действие по осуществлению ситуации.

Следующим этапом исследования концепта «зло» стало анкетирование носителей русского языка, включающее свободный ассоциативный эксперимент для выявления основных концептуальных признаков исследуемого концепта и набор вопросов для определения содержания понятийного компонента концепта. Вопросы анкеты были разработаны с учетом вышеописанной фреймовой структуры. Было опрошено 85 человек в возрасте от 17 до 61 и старше. Основной состав опрашиваемых – студенты университета (18-22 года) и молодые люди (26-35 лет). Из респондентов 61 студент, 20 служащих, 2 рабочих и 2 пенсионера, из которых 23 мужчины и 62 женщины.

Участникам эксперимента предлагалось ответить на вопросы следующего содержания:

1. С чем, по Вашему мнению, ассоциируется зло?
2. Назовите событие, явление или личность, являющуюся, по Вашему мнению, воплощением зла в сфере политики.
3. *Причинять зло в политике* – это делать что?
4. Кто чаще всего причиняет зло в политической сфере?
5. Что может причинить зло в политике?
6. Против кого или чего направлено зло в политике?
7. Зло в политической сфере чаще всего совершается:
 - a. Намеренно
 - b. Ненамеренно
 - c. И то, и другое
8. Причинение зла в политике чаще всего
 - a. Физическое
 - b. Психологическое/ моральное
 - c. Материальное
9. Каковы причины зла в политике?
10. Что является инструментом причинения зла в политике?
11. Каковы наиболее приемлемые способы действий в «ситуации зла»?
12. Искоренять зло в политической сфере должны
 - a. Политики
 - b. Граждане страны
 - c. Интеллигенция
 - d. Журналисты/ СМИ
13. К чему приводит зло в политике?

На вопросы 1-3 и 6 респондентам не предлагались варианты ответов, остальные вопросы снабжались вариантами ответов, однако респонденты могли предложить свой вариант ответа на вопрос.

Первые два вопроса были направлены на получение данных о потенциальных смыс-

лах концепта «зло» и об особенностях персонификации зла в политическом фрагменте русской языковой картины мира.

Основными потенциальными смыслами концепта «зло», по данным эксперимента, являются следующие: *причинение вреда, жестокость, война, обман/ ложь, убийство, терроризм, ненависть, насилие, преступления, боль, предательство, несправедливость*.

В политическом фрагменте русской картины мира концепт «зло» представлен следующими образами: *Гитлер, Буш мл., теракты, Сталин, коррупция, Бен Ладен, война, Ельцин, II Мировая война, Ленин*. Интересным представляется тот факт, что хотя основная часть респондентов – молодые люди, наибольший процент упоминаний получил Гитлер, что, по всей видимости, является рефлексом стойкой генетической памяти нации о злодеяниях Гитлера против русского народа. Также достойны внимания и результаты относительно Дж. Буша-мл. Несмотря на то, что в средствах массовой информации постоянно появляются сообщения о дружеских или, по крайней мере, неконфликтных отношениях между США и Россией, россияне относятся к Бушу как к противнику.

Следующий вопрос был направлен на выяснение типичной ситуации функционирования зла в политике, что позволяет наметить основные слоты фрейма «зло». По данным анкетирования типичными действиями по причинению зла являются следующие: *причинять зло – это использовать власть в собственных интересах, ущемлять права граждан, предавать интересы страны в угоду личным интересам, не заботиться о благосостоянии народа, обманывать и обворовывать народ, приводить страну к нищете, развязывать войну, быть замешанным в коррупции, приносить вред людям*. Обобщив полученные результаты, мы выделили основные сферы зла в политической сфере: *коррупция политиков, война, ущемление прав граждан, экономические трудности граждан*.

Эти данные подтверждаются и ответами на вопрос о характере политического зла. 46,9% респондентов считают, что зло в политике чаще всего затрагивает материальную сферу, 37,2% опрошенных полагают, что зло носит психологический или моральный характер.

Результаты, полученные по следующим вопросам анкеты, позволяют говорить об основных составляющих фрейма «зло». Основными субъектами, осуществляющими зло, являются – *террористы (34,4%), чиновники (32,5%), олигархи (18,8%)*.

Силами, осуществляющими ситуацию зла, являются – *недобросовестность руководителей (46,5%), конфликт (внутренний или внешний) (26,8%), преступность (20,5%)*.

Пациентом являются *граждане страны (56%)*, далее по рейтингу ответов следуют *соперники (10,7%)*. Основным же объектом ситуации названы *другие государства (6%)*.

На вопрос о намеренном или ненамеренном совершении зла в политической сфере, были получены следующие результаты. 47,1% опрошенных считают, что зло совершается намеренно, чуть меньше опрошенных (45,9%) полагают, что зло может совершаться как намеренно, так и ненамеренно, остальные 7% верят, что зло совершается случайно.

Причинами существования зла в политике называются *власть* (амбициозность, превышение полномочий и т.д.) – 45,3% и *деньги* (алчность руководителей) – 45,3%.

Инструментом причинения зла по данным опроса являются, в первую очередь, *экономические санкции*, что было отмечено 32,1% опрошенных. Второе место по частотности упоминания заняли *военные действия (28,4%)*. 22,8% респондентов в качестве инструмента для причинения зла назвали *психологическое давление*.

Наиболее приемлемым способом действий в ситуации зла является *борьба с ним*, что было отмечено большинством опрошенных (79%). Лидирующее место по искоренению

зла в политике, по мнению респондентов, занимают политики (37,8%), а также граждане страны (32,8%).

В результате осуществления зла в политической сфере появляются беспорядки в стране (28,2%), рост преступности (20,7%), экономический кризис (20,2%), снижение нравственности общества (19,7%).

Таким образом, по результатам проведенного анализа лингвистических словарей и анкетирования носителей русского языка можно судить об особенностях концептуализации зла (функционирующего в политическом дискурсе) в национальном сознании русскоязычных людей.

Ядро концепта «зло» представлено характеристикой «нечто приносящее вред». Конкретным образом зла в политике является неизбежное причинение физического или морального вреда (которое должно быть наказуемо и ликвидировано) людьми или некой силой посредством противоправных действий в отношении определенных слоев населения. Основными потенциальными смыслами концепта «зло» являются следующие: *причинение вреда, жестокость, война, обман/ ложь, убийство, терроризм, ненависть, насилие, преступления, боль, предательство, несправедливость*.

Фреймовая структура понятийного компонента исследуемого концепта представлена следующим образом.

Субъектами (действующим лицом, причиняющим вред) в ситуации «причинение зла в политике» являются *террористы, чиновники, олигархи*.

Силами (осуществляющей данную ситуацию) являются - *недобросовестность руководителей, конфликт (внутренний или внешний), преступность*.

По данным анкетирования типичными **действиями** (предикатами) по причинению зла являются следующие: *причинять зло – это использовать власть в собственных интересах, ущемлять права граждан, предавать интересы страны в угоду личным интересам, не заботиться о благосостоянии народа, обманывать и обворовывать народ, приводить страну к нищете, развязывать войну, быть замешанным в коррупции, приносить вред людям*.

Зло в политике направлено против *граждан страны и политических соперников (паиенс ситуации) и других государств (объектив)*.

Инструментом причинения зла по данным опроса в первую очередь являются *экономические санкции, военные действия и психологическое давление*.

Причинами существования зла в политике называются *власть и деньги (каузативы ситуации)*.

Существование зла в политической сфере приводит к *беспорядкам в стране, росту преступности, экономическому кризису и снижению нравственности общества (результативы)*.

Искоренением зла в политике, по мнению респондентов, занимаются *политики, а также граждане страны (контрагенсы ситуации)*.

Также по результатам анкетирования можно определить основные субфреймы фрейма «зло в политике». Ими являются *неправомерные действия политиков, война и экономика страны*. Каждый субфрейм может содержать все или некоторые слоты перечисленные выше.

Проведенное исследования также позволило выявить некоторые общенациональные признаки анализируемого концепта (которые входят в содержание ценностного / значимостного компонента структуры концепта). Данные признаки включают образы исторических

фигур, как современности – Буш мл., Бен Ладен, так и прошлого – Гитлер, Сталин, Ленин, и события – теракты, II Мировая война.

По итогам анализа лингвистических словарей и эксперимента можно сделать следующий вывод: словари русского языка эксплицируют основные компоненты концепта «зло», в то время как носители языка дополняют и конкретизируют их, выделяя некоторые мировоззренческие и поведенческие особенности этноса.

Полученные результаты не являются окончательными, они лишь служат отправной точкой для следующего этапа исследования, а именно анализа концептуализации зла в политическом дискурсе, что позволит полнее определить понятийный компонент исследуемого концепта, а также выявить содержание образного и ценностного компонентов концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров Н.И. Взаимоотношение морали и политики // Социально-политический журнал. 1997, № 4.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимичные средства языка. – М., 1974.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
4. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: под ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 2001.
5. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001.
6. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002.
7. Воркачев С. Г. Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 25. – М., 2003.
8. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004.
9. Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа. // Полис. 2004, № 3.
10. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М. 1997.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
12. Ковалева Т.Ю. О содержательных контекстах понятия «концепт»: от В. Гумбольдта и А.А. Потебни к А. Вежбицкой и Ю.С. Степанову //Язык. Человек. Картина мира. Ч.1. – Омск, 2000.
13. Мински М. Фреймы для представления знаний // http://www.compdialog.narod.ru/minski_frame.zip.
14. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах. Автореф. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
15. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2003.
16. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики (под ред. И.А. Стернина). – Воронеж, 2001.
17. Шенк Р. и др. Обработка концептуальной информации. – М., 1980
18. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций. – М., 1988

СЛОВАРИ

1. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 1998 [БТС].
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1981 [СД].
3. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. Т. 1,2. – М., 2002.
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под ред. Ю.Д. Апресяна – М., 1999 [НОСС].
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1994 [СОЖ].
6. Словарь русского языка. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1985 [СРЯ].
7. Словарь синонимов русского языка. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 2001 [ССРЯ].
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М., 2000 [СУШ].

© Дедова С.А., 2005

Докучаева Р.М.

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МОНИТОРИНГЕ (на материале еженедельника "Зырянская жизнь")

Регулятивная функция речевого прогресса является подлинной целью процесса общения в самых разнообразных сферах человеческой деятельности: бытовой, официально-деловой, научной, политической. Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется и участвует в её создании и преобразовании [Чудинов, 2003: 4]. Важнейшей функцией политической коммуникации является контроль над созданием аудитории, регуляция социального поведения человека. Политике всегда принадлежала довольно весомая роль в развитии общества, и вполне естественно, что в данной сфере функционирует особый язык. Изучение языка политики, - считает Л.Е. Бессонова, - позволяет описывать многообразные взаимоотношения между языком, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества [Бессонова, 2003: 189].

Среди множества проблем, которые изучает политическая лингвистика, представлены и проблемы жанров политической речи (выступление на митинге, парламентская полемика, репортаж, очерк, интервью, корреспонденция, рекламное объявление).

Средства массовой информации, получившие за последние десятилетия активное развитие, динамично и масштабно воздействуют на общественное сознание. Как отмечает Г.Г. Почепцов, в современных условиях коммуникация иерархическая сменяется новым типом коммуникации - демократическим, когда читатель имеет право выбора [Почепцов, 2001]. Необходимость воздействовать на адресата в новых социальных условиях определяет стремление журналиста сблизиться с читателем, стать с ним "равным". В этот контекст органично вписывается жанр политического мониторинга.

Термин мониторинг исследователи трактуют как постоянное наблюдение за каким-либо процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату или первоначальным наблюдениям [ССИС, 1994: 392]. Объектом политического мониторинга являются процессы, события политического характера: это вопросы экономического и политического реформирования государства, выборы в органы управления, вопросы политических контактов с субъектами постсоветского пространства, а также с западными странами и многое другое. При этом участником коммуникативного акта является коллективный адресант (в нашем случае – газета "Зырянская жизнь"). Коллективный адресант (в дальнейшем - "ЗЖ") апеллирует к адресату, побуждая его высказать свое отношение к политиче-

ской реальности, дать оценку политического события, прокомментировать те или иные политические процессы. При этом в роли адресата, как правило, выступают политики, руководители политических партий, общественных организаций, редакторы газетных и журнальных изданий. Успешность побудительного акта в речевом общении оказывается реальной при наличии ряда условий: а) предварительные, благодаря которым слушающий в состоянии совершить действие; б) условие искренности - говорящий хочет, чтобы слушающий выполнил действие; в) существенные условия - говорящий намерен побудить слушающего совершить действие [Падучева, 1982: 76-119].

Успешность речевого общения в жанре политического мониторинга, как и в любом другом газетном жанре, во многом зависит от речевой стратегии и тактики его участников. "Речевая стратегия, - по мнению О.С. Иссерс, - включает в себя планирование речевой коммуникации в зависимости от условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана" [Иссерс, 2003: 54].

Какowymi являются особенности речевой стратегии и тактики в политическом мониторинге? Какими языковыми средствами они презентуются? Ответы на эти вопросы мы пытаемся представить в предлагаемой статье. Материалами для исследования послужили публикации в еженедельнике "Зырянская жизнь" за 2004-2005г.г., издаваемого в Республике Коми (в дальнейшем – РК).

Заметим, прежде всего, что речевая стратегия и тактика в политическом мониторинге еженедельника являются одной из составляющих стратегии организации структуры данного издания. Так, очень четко определены разделы: "Текущая жизнь" с рубриками – интрига, юбилей, авария, народовластие, экология, побег. "Деловая жизнь", "Образ жизни", "Тележизнь", "Физкультурная жизнь"

Лексемные блоки, презентующие название еженедельника, и лексемные блоки, презентующие названия разделов, связаны родо-видовыми отношениями: "Зырянская жизнь" - "Текущая жизнь", "Деловая жизнь", "Линия жизни", "Образ жизни", "Тележизнь" "Физкультурная жизнь", "Сферы жизни". Лексемные блоки, презентующие тот или иной раздел, и лексемные блоки, презентующие рубрики того или иного раздела, связаны ассоциативными отношениями: "Деловая жизнь" - отчет, аукцион, разбирательство, природопользование. Политический мониторинг является одной из рубрик раздела "Сферы жизни".

Речевые тактики ориентированы на выполнение способов реализации стратегии речи: они формируют части диалога, группируя и чередуя модальные оттенки разговора [Лазуткина, 2003: 74]. Авторы исследуют речевые стратегии и тактики подчинения, отказа в выполнении просьбы, уговаривания, дискредитации, выведывания информации, др.

Рассмотрим специфику речевой стратегии и тактики коллективного адресанта (газеты "ЗЖ").

Адресант, воздействуя на адресата, побуждает его "присмотреться" к определенной политической ситуации, к конкретному политическому акту, к деятельности политического органа, политической организации, партии, политического деятеля, а затем представить свое восприятие данной политической реальности. Акту побуждения предшествует вводка, представляющая политическую ситуацию. Презентуется побуждение вопросительными предложениями, вводка - совокупностью предложений с реальной модальностью.

Это воздействие структурируется построением оппозиции МЫ (имплицитно) - ВЫ (эксплицитно). На днях Мосгорсуд приговорил 21-летнюю чеченку Зару Муртазалиеву к 9 годам лишения свободы, по сути, только за то, что она вела разговоры о чеченской войне и джихаде с двумя проживавшими вместе с ней москвичками. **ВЫ БУДЕТЕ ДЕРЖАТЬ РОТ**

НА ЗАМКЕ? ("ЗЖ", 31 января 2005г.). 15 октября в Сыктывкаре состоялся первый в истории Коми республиканский сход сельских женщин. А ВЫ БЫ НА КАКОЙ СХОД ПОШЛИ? (18 октября 2004 г.).

Побуждение может структурироваться оппозицией "У НАС - У НИХ". Глава администрации Эжвинского района Сыктывкара призвал власти республики сохранить самостоятельность Эжвы как муниципального образования и "не допускать того, чтобы Эжва взбунтовалась и вышла на улицы, как это делается на Украине, которая борется за свои права. А это будет, если мы так легко относимся к этой территории. У НАС МОЖЕТ БЫТЬ КАК НА УКРАИНЕ? ("ЗЖ", 13 декабря 2004г.).

Побуждение может структурироваться общим для адресанта и адресата политическим пространством. - Одиноким теракты на территории нашей страны сменились серийными. ЗА ЧТО МЫ РАСПЛАЧИВАЕМСЯ? ("ЗЖ", 6 сентября 2004 г.). - За неполных три года власти Коми досрочно отозвали трех своих представителей в Совете Федерации - Юрия Волкова, Рахима Азимова и Алексея Гришина. Теперь члены Верхней палаты российского парламента получают неприкосновенность – на прошлой неделе Госдума РФ в третьем чтении приняла поправку, в соответствии с которой сенаторы не могут быть отозваны делегировавшими их органами до истечения срока их полномочий. НУЖНЫ ЛИ НАМ ТАКИЕ СЕНАТОРЫ? ("ЗЖ", 15 ноября 2004г.).

Структурированное побуждение с общим для адресанта и адресата политическим пространством презентуется местоименными лексемами МЫ – НАС эксплицитно или имплицитно. Вопросительный характер конструкции презентуют вопросительные лексемы, в функции ремы. Структурирование может обходиться без местоименных лексем. При этом соотносённость адресанта и адресата с одним и тем же политическим пространством презентуется имплицитно. - "Выступая 28 апреля на заседании "круглого стола" в Совете Федерации, представитель центра информационной безопасности ФСБ РФ Дмитрий Фролов заявил, что ФСБ считает необходимым значительно расширить полномочия спецслужб по контролю за интернетом, который представляет собой серьёзный инструмент для формирования общественного мнения ГДЕ ЕЩЁ НЕ ХВАТАЕТ КОНТРОЛЯ ("ЗЖ", 2 мая 2005г.). - На этой неделе в партии "Единая Россия" сформировалось два крыла - правое и левое. В то же время, как одна группа "медведей" объявила о создании внутри партии правого либерального течения, другая считает приоритетным решение социально-экономических задач. ЗАЧЕМ "МЕДВЕДЮ" КРЫЛЬЯ? ("ЗЖ", 25 апреля 2005г.).

Структурирование побуждения в анализируемом газетном жанре может быть организовано так, что в одном политическом пространстве оказываются адресант, адресат и политический деятель. Презентуется такое побуждение, как и в предыдущих случаях, вопросительным предложением. - Президент России Владимир Путин выступил с инициативой об отмене принципа избирательности глав субъектов РФ путем всеобщего голосования жителей регионов. Г-н Путин считает, что избирать их должны законодательные собрания регионов по его представлению. ГОСПОДИН ПУТИН ВЫБЕРЕТ ЛУЧШЕ НАС? ("ЗЖ", 20 сентября 2004г.). - В прошедший четверг, 28 октября, депутаты госсвета дали согласие главе РК на назначение членом Совета Федерации от правительства РК Игоря Васильева, который до 1992 года работал сотрудником КГБ СССР. ЧЕКИСТЫ НАМ ПОМОГУТ? ("ЗЖ", 1 ноября 2004г.).

В одном политическом пространстве могут оказаться адресант, адресат и потенциальный читатель. - Власть и раньше попирала права и свободы населения. Однако на улицы людей вывела реализация реформы по монетизации льгот. ЛЬГОТЫ - ЭТО "НАШЕ

ВСЁ?" ("ЗЖ", 24 января 2005г.). - Одиночные теракты на территории нашей страны сменились серийными. ЗА ЧТО МЫ РАСПЛАЧИВАЕМСЯ? ("ЗЖ", 6 сентября 2004г.). Совет якутского города Мирный по инициативе ветеранских организаций и на основании результатом опроса жителей постановил установить в городе памятник Сталину. По словам мэра Мирного, на памятнике будет высечено: И.В.Сталину, генералиссимусу СССР, от ветеранов войны и благодарных потомков". СТАЛИН С НОВА С НАМИ? ("ЗЖ", 4 апреля 2005г.).

Рассмотрим речевые стратегии и тактики адресата в данном газетном жанре. Заметим, что они в большей степени соответствуют коммуникативным установкам, так как "адресат проявляет заинтересованность в общении, настроен на мир адресанта, умеет слушать и проникать в его замысел" [Введенская, 2003: 178].

Побуждение структурируется оппозицией "Мы - Вы".

Речевые стратегии адресата:

Выражение отношения к процессам, инициируемым политическими деятелями.

На прошлой неделе в ряде центральных СМИ были опубликованы сведения о том, что Кремль планирует инициировать процесс по корректировке Конституции РФ. Все обсуждаемые варианты корректировки будут иметь одну цель: сохранить Путина у власти и после 2008 года. КАК ВАМ НРАВИТСЯ ТАКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ? ("ЗЖ", 14 февраля 2005г.).

Речевые тактики данной речевой стратегии.

- Позитивное отношение к политической реалии. Структурируют данную речевую тактику изъяснительные предложения с глагольными лексемами, обозначающими мысли. - Я думаю, что это правильно.

Оценка инициируемого политического процесса.

Это - полный маразм. - Если мы начинаем на ходу менять основной закон, подстраивать его под конкретную личность - это уже не правовое государство. - Ну, если сейчас будут менять Конституцию под Путина, учитывая тот факт, что он сам заявил о своем желании баллотироваться на третий срок, - это будет говорить не в пользу нашего президента. Конституция - это основной закон жизни страны, и вносит в него какие-то изменения под отдельного политика категорически нельзя.

- Довольно регулярно речевая тактика оценки структурируется конструкциями с условной семантикой.

Отрицательная оценка.

- Население само должно высказать свое отношение к желанию Кремля. Этого следовало ожидать. У нас как в стране сложилось? У кого деньги, тот и назначает власть. - Но если сейчас будут менять Конституцию под Путина, учитывая тот факт, что он сам заявил о своем желании баллотироваться на третий срок - это будет говорит не пользу нашего Президента.

- Частичное приятие политической реальности.

- Не думаю, что поправки в Конституцию будут сделаны с этой целью - Нравится или нет, уже не важно. Дело ведь не в том, кто и чего ради переписывает Конституцию, а в самом факте и прецеденте глумления над ней,

- Отношение к политическому деятелю, инициировавшему тот или иной политический процесс.- Мне Путин нравится и как Президент, и как человек. - Я просто не верю в то, что Владимир Владимирович Путин гарант Конституции.- Но если сейчас будут менять Конституцию под Путина, учитывая тот факт, что он сам заявил о своем нежелании баллотиро-

ваться на третий срок – это будет говорить не в пользу нашего президента. Адресат при этом апеллирует к установившимся традициям в сфере политики.

II. Стратегия отношения адресата к политическим актам, инициируемым политическими партиями. - 21 февраля Коми реском КПРФ учредили комитет самозащиты народа от правительственных реформ. А ЧТОБЫ СТАЛИ ЗАЩИЩАТЬ ВЫ ? ("ЗЖ", 25 февраля 2005г.).

Речевые тактики данной речевой стратегии.

- Убеждение адресата в необходимости инициируемого политического процесса. Используется в этой ситуации конструкции, с безлично - предикативными лексемами (НАДО, НУЖНО, др.). - Права человека надо на каждом шагу защищать. - Думаю, что защищать надо институты гражданского права. - Самое главное для меня как для военкома - защищать родину. И вы, и я должны это делать. - Защищать нужно многое. Историю России..., семью..., молодежь..., ресурсы....

Отношение адресата к политическому акту.

Страстно хочется защитить народ от всяческих комитетов по защите. - Я готов защищать любого человека, в отношении которого был нарушен закон. - Если что-то и стоит защищать, то гражданские свободы. В том числе и право граждан на выбор.

Возможное участие адресата в политическом акте. Адресат выражает свое желание, использует в речи предложения с ирреальной модальностью. -Я бы защищал стабильность законов, ожидаемость желаний. - Я бы пошел защищать Отечество, родителей, детей - в общем, семью. - Я бы защищать общечеловеческие ценности. - Я бы тоже защитил народ от верховного главнокомандующего, правительства и прочих. Они поставлены народ защищать. А они не народ защищают, а себя.

Смысловый блок А ЧТО? в конструкции-побуждении "загружается" перечнем смысловых элементов - "родину", "народ", "стабильность", "человека", "права человека", "институты гражданского общества", "историю России", "семью", "молодежь", "ресурсы", "общечеловеческие ценности", "гражданские свободы", "Всё то, за что несу ответственность".

III. Стратегия отношения адресата к политическим событиям, к формированию управленческих органов, к реформам в самых разных сферах жизни.

- Пока в Кремле разрабатывается законопроект о назначении мэров городов, на Стефановской площади ищут законодательные возможности, которые позволили бы избирать глав муниципальных образований по представлению Главы РК. Между тем существует мнение, что государственной власти не стоит вторгаться в местное самоуправление. А ВАМ КАКОЙ СПОСОБ ИЗБРАНИЯ (НАЗНАЧЕНИЯ) БОЛЬШЕ НРАВИТСЯ ? ("ЗЖ", 25 октября 2004г.).

Речевая стратегия презентуется такими речевыми тактиками.

- Целесообразность того или иного способа избрания Главы РК. Логически рассуждая, адресат представляет доказательства выдвинутого тезиса, используя при этом структуры с условными, временными, изъяснительными отношениями.

- Каждому этапу развития политической системы соответствует свой наиболее приемлемый способ назначения руководителей. Если сегодня ставится задача укрепления государственности, вертикали исполнительной власти - этому этапу подходит избрание глав регионов и городов советами муниципальных образований по представлению Главы РК. Это политическая целесообразность. - Что больше нравится? - Избрание населением. В этом случае у главы больше самостоятельности, больше возможностей для осуществления единоначалия. - Самая большая ответственность главы любого муниципаль-

ного объединения - это ответственность перед населением. И она возникает только тогда, когда мэр избирается всенародно и подотчетен представителям избирателей - совету депутатов. Но для сильной власти вертикали власти в стране, ограниченной реализации государственной политики, необходимо, чтобы руководитель республики имел возможность предложить населению кандидатуру для избрания на должность мэра.

- Представление своей позиции адресатом.

- Выбранную позицию адресат мотивирует, используя структуры с изъяснительными, целевыми отношениями, безлично-предикативные лексемы НАДО, МОЖНО, а также смысловые блоки - ЛИШАТЬ ПРАВА ИЗБИРАТЬ, ОСТАВИТЬ ПРАВО ЗА НАРОДОМ, НАЗНАЧЕНИЕ СВЕРХУ ДОНИЗУ, КОНЕЧНО и т.п.

- Конечно, я против назначений. Лишать людей права избирать главу муниципального образования нельзя. - Главы муниципальных образований должны избираться только населением. Надо исходить из того, что оставить право за народом избирать того мэра, кого они сочтут нужным. - Назначение сверху донизу. Можно, конечно, и утверждать глав районных МО по представлению Главы РК на советах депутатов, чтобы какие-то принципы демократии прослеживались.

Сомнение, неуверенность в выбранном адресатом способе избрания главы МО. Наверное, все-таки чувствуешь себя более уверенным хозяином территории, когда тебя выбирает народ. В принципе-то я не вижу ничего страшного, если Глава будет рекомендовать кандидатов в главы муниципальных образований. Но должна выставляться какая-то альтернативная кандидатура. Какое-то публичное обсуждение на уровне депутатов должно быть.

Констатация существующих реалий в способах избрания главы администрации МО. Сомнение, неуверенность адресата в выбранном способе избрания фиксируют смысловые блоки НАВЕРНОЕ, ВСЕ-ТАКИ, Я СКЛОНЯЮСЬ, ТРУДНО СКАЗАТЬ.

- В уставе МО предусмотрено, что глава администрации может быть принят на работу даже по контракту. Поэтому здесь копыа ломать абсолютно не нужно. Здесь уже все предусмотрено. Мэров уже и так, по сути, назначают. Акцентируются смысловые блоки - УСТАВ, ПРИНЯТ НА РАБОТУ, ПО КОНТРАКТУ, ПРЕДУСМОТРЕНО.

IV. Речевая стратегия наличия возможного психического состояния адресата в ситуации терактов в России.

-В последние дни у части жителей Сыктывкара появились панические настроения, вызванные слухами о готовящихся террористических актах. А ВАМ НЕ СТРАШНО? ("ЭЖ", 4 октября 2004г.).

Данная речевая стратегия презентуется следующими речевыми тактиками

Подтверждение предполагаемого состояния (эксплицитно, имплицитно). Адресат, подтверждая предполагаемое состояние, пользуется опорными смысловыми блоками - ТЕРРОРИЗМ, СТРАШНО, ВСЕМ, МНЕ.

А кому сейчас легко? Всем страшно! - А защититься от терроризма нельзя, это бесполезно, это невычислиемо. - Страшно ли мне? Мне страшно, конечно, за детей.

- Отрицание наличия возможного психического состояния. - Мне не страшно. Сыктывкар - столица республики. А "Воркута - столица мира". Так её называли потому, что здесь пережили тяжелые годы репрессий и расстрелов представители многих национальностей. И такое повториться не может. - Мне не страшно. Смерть страшна, если к ней не готовишься. - Я считаю, что здесь, в нашем отдаленном регионе, нет никакого смысла проводить террористические акты. Отрицая наличие возможного психического состояния в ситуации

терафтов в России, адресат акцентирует внимание на смысловом блоке МНЕ НЕ СТРАШНО.

Причина наличия данного психического состояния у граждан.

Адресат акцентирует внимание на смысловых блоках - ОТСУТСТВИЕ БДИТЕЛЬНОСТИ, ПАНИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ, ЗАЩИТИТЬ.

- К сожалению, в нашем городе Сыктывкаре мы наблюдаем абсолютное отсутствие бдительности. Мы не видим заботы городской власти, чтобы нас защитить, поэтому панические настроения будут усиливаться - отдельные чиновники своими непродуманными действиями, неподготовленными выступлениями нагнетают обстановку, создают благоприятную почву для рождения разнообразных слухов. Паника и дезорганизация работы в учебных и дошкольных учреждениях Сыктывкара обусловлена только этим.

V. Речевая стратегия отношения адресата к деятельности отдельных политиков.

В Коми, по сути, началась кампания по выборам Главы РК. Полтора месяца назад о своем намерении переизбраться обмолвился Владимир Торлопов. В прошлом номере "ЭЖ" о том, что он готов идти на выборы, заявил Анатолий Каракчиев. Юрий Спиридонов ещё не принял решения. А ВАМ БЫ ТАКОГО ГЛАВУ ХОТЕЛОСЬ? ("ЭЖ", 16 августа 2004г.).

Указанная речевая стратегия презентуется такими речевыми тактиками

- Желание адресата иметь Главу РК с набором определенных качеств. Мотивацию своего выбора он оправданно презентует структурами с изъяснительными, атрибутивными смысловыми отношениями.

- Прежде всего, мне хотелось, чтобы Глава РК думал не о своих амбициях, а о том, как приумножить богатство народа республики, и вообще думал о республике. - Я бы хотела иметь такого Главу РК, который был бы профессионал в чем-то, широко образован, понимал бы, что мы живем в XXI веке... Адресат выделяет смысловые блоки - ХОТЕЛОСЬ, АМБИЦИИ, БОГАТСТВО РЕСПУБЛИКИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ, ОБРАЗОВАН, ПОНИМАЛ.

- Представление тех качеств, которыми должен обладать Глава РК. Характеризуя Главу РК, он использует вполне мотивированно структуры с атрибутивными, изъяснительными смысловыми отношениями.

- Надо, чтобы Глав РК смог сформулировать цель перед жителями РК... - Главой надо избирать человека, который болел бы за республику и защищал её интересы. Глава РК должен, в первую очередь, думать о тех, кто его выбрал - народ надеется на него. - Глава должен работать на РК и её население. Это должен быть хозяин, хорошо разбирающийся в тонкостях современного законодательства, он должен уметь привлекать инвестиции в наш регион. Адресат акцентирует внимание на смысловых блоках НАДО, ДОЛЖЕН, КОТОРЫЙ.

VI. Речевая стратегия отношения адресата к политическому деятелю самого высокого ранга.

В телеграмме, направленной 7 октября на имя Президента России Глава РК Владимир Торлопов поздравил Владимира Путина с 52-летием и пожелал ему здоровья и уверенности в осуществлении инициатив. А ВЫ БЫ ЧТО ПОЖЕЛАЛИ ГОСПОДИНУ ПУТИНУ? ("ЭЖ", 11 октября 2004г.).

Следующие речевые тактики презентуют указанную речевую стратегию.

Реальное пожелание.

- Желаю ему изучать историю, из которой следует, что сырьевые монархи долго не

живут и что сила государства - в умном народе и развитом гражданском обществе. - Я желаю ему вот что: принимая решение хорошенько их обдумывать - Богатырского здоровья, пожизненного президентства и никакой демократии. Адресат акцентирует внимание на смысловом блоке Я ЖЕЛАЮ.

Выражение возможного пожелания. Адресат акцентирует внимание на смысловом блоке Я БЫ ПОЖЕЛАЛ, используя предложения и ирреальной модальностью.

- Президенту Путину я бы пожелал здоровья, уверенности в себе и благополучия его семье. - Можно многое пожелать. Я бы пожелал ему не закручивать гайки в плане замены выборности губернаторов на их назначение из Москвы. - Как человек далекий от политики, я бы пожелал Владимиру Владимировичу крепкого-крепкого здоровья.

VII. Речевая стратегия отношения адресата к возрождению общественных политических организаций.

- Во время недавней встречи с молодежью в Ухте Глава РК Владимир Торлопов заявил о том, в стране необходимо возродить комсомольскую организацию А ВЫ ЧТО БЫ ВОЗРОДИЛИ ? ("ЭЖ", 8 ноября 2004г.).

Данную речевую стратегию презентуют следующие речевые тактики.

Отрицательное отношение к возможной политической реалии, в том числе скрытое отрицание. Адресат акцентирует свое внимание на смысловом блоке НИЧЕГО НЕ ВОЗРОЖДАТЬ. - Ничего не хочу возродить, чтобы не смешить потомков. - Ничего не надо возродить, комсомольская организация существует в России уже пять лет. - Объединить людей может только новая идея, которая будет понята и принята населением, в том числе молодежью..

Возможность реализации данного действия. Презентуют эту возможность структуры с ирреальной модальностью. - Я бы, конечно, возродила православие. - Я бы возродила студенческие стройотряды. - Я бы возродил языческую традицию поминания и почитания предков. - Я бы возродил союз молодежи. Адресат акцентирует внимание на смысловом блоке Я БЫ ВОЗРОДИЛ.

Рассмотрим речевые стратегии и тактики адресата, когда побуждение структурируется оппозицией У НИХ - У НАС. Глава администрации Эжвинского района Василий Гончаренко призвал власти республики сохранить самостоятельность Эжвы "не допускать того, чтобы Эжва взбунтовалась и вышла на улицы, как это делается на Украине, которая борется за свои права. А это будет, если мы так легко относимся к этой территории" ("ЭЖ", 13 декабря 2004г.).

Речевая стратегия адресата - выражение отношения к политическим процессам на "У НИХ" (на Украине).

Речевые тактики.

- Отказ от желания реагировать на побуждения - Я не буду отвечать на вопрос. - Я не хотел бы комментировать эмоции отдельных политиков. Адресат акцентирует внимание на смысловых блоках НЕ БУДУ, НЕ ХОТЕЛ БЫ.

- Отрицание наличия возможности такой ситуации в РК. - Я думаю, что сейчас у нас такого не может быть. - У нас такое невозможно. - У нас в жизни такого не может быть. Адресат выделяет смысловые блоки НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, НЕВОЗМОЖНО.

- Варианты разрешения возможной политической ситуации.

- Я думаю, что коми народ более спокойный и более цивилизованный и всегда сможет решить свои проблемы за столом переговоров. - Непросто судить об этом. С одной стороны, я считаю, что наш северный народ спокойный и здравомыслящий. Однако, если подог-

реваются страсти и обстановка искусственно нагнетается, возможно все, что угодно.

Рассмотрим речевые стратегии и тактики адресата в ситуации, когда адресат и адресант являются субъектами одного и того же политического пространства. Одиночные теракты на территории нашей страны сменились серийными. ЗА ЧТО МЫ РАСПЛАЧИВАЕМСЯ ? ("ЗЖ", 6 сентября 2004г.).

Речевая стратегия адресата - выражение отношения к политическим актам.

Речевые тактики.

- Нежелание отреагировать на побуждение. - Я не могу вдаваться в политические споры о том, кто и в чем виноват - "Красный крест", по сути, вне политики. - В данный момент, в первую очередь, надо думать о том, как не допустить следующего ЧП. Адресат акцентирует внимание на смысловых блоках Я НЕ МОГУ, НАДО ДУМАТЬ.

- Определение причины возникновения данного политического акта. - Мы расплачиваемся за утрату веры и единства народа. - Мы расплачиваемся сами за себя, за то, что мы рассыпали нацию - За неправильные действия российского правительства - и старого, которое было еще при Ельцине, и нынешнего - Я думаю, за неправильную политику в самом начале конфликта с Чечней. Акцентируемые смысловые блоки - МЫ РАСПЛАЧИВАЕМСЯ, НЕПРАВИЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ВЕРА НАРОДА, ЕДИНСТВО НАРОДА.

Рассмотрим речевые стратегии и тактики адресата в ситуации, когда в одном политическом пространстве оказываются адресант, адресат и политический деятель.

Речевая стратегия - выражение отношения к инициируемым политическим деятелям, политическому акту. - Президент России Владимир Путин выступил с инициативой об отмене принципа избираемости глав субъектов РФ путем всеобщего голосования жителей регионов. Господин Путин считает, что избирать их должны законодательные собрания регионов по его представлению. ГОСПОДИН ПУТИН ВЫБЕРЕТ ЛУЧШЕ НАС? ("ЗЖ", 20 сентября 2004 г.).

Речевые тактики.

- Отрицательное отношение к инициируемому политическому акту. - Путин не выберет лучше нас. - К сожалению, нет. Адресат акцентирует внимание на смысловых блоках НЕ ВЫБЕРЕТ, НЕТ.

- Выражение сомнения в позитивности инициируемого политического акта - Я не знаю, хуже или лучше выберет Путин, но только наверняка знаю, что этот выбор с нашим не совпадет. - Мы будем избирать неизвестно какую партию, которая сама определит, кто будет представлять наши интересы в Госдуме. Я в таких выборах участвовать не хочу и не буду. - Мы должны сами научиться принимать решения и отвечать за них. Акцентируются смысловые блоки НЕ ЗНАЮ, НЕИЗВЕСТНО, КАКУЮ ПАРТИЮ.

- Уверенность в объективности инициируемого политического акта - Пусть Президент и Госсовет РК решают, кто должен быть Главой РК, раз много беспорядка у нас в стране. - В сегодняшней ситуации, на мой взгляд, Президент и законодательный орган региона сделают это не хуже, чем народ. Адресатом акцентируются смысловые блоки КТО ДОЛЖЕН, ПРЕЗИДЕНТ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОРГАН СДЕЛАЮТ НЕ ХУЖЕ.

- Эмоциональное восприятие инициируемого политического акта -

Господин Путин выберет лучше нас, для себя. Акцентируется смысловой блок ДЛЯ СЕБЯ.

Выражение сомнения в объективности инициируемого политического акта. -

- Хотелось бы верить в это.

Проиллюстрируем речевые стратегии и тактики адресата в ситуации, когда в одном

политическом пространстве оказываются адресат, адресант, политический деятель, используя вводки с другой смысловой нагруженностью. - На встрече с руководством Федерального собрания и лидерами думских фракций, состоявшейся на минувшей неделе, Путин повторил свой тезис из президентского послания о том, что к государственным СМИ должен быть обеспечен равный доступ разных политических сил страны. ВОСПОЛЬЗУЮТСЯ ЛИ? ("ЗЖ", 23 мая 2005г.).

Речевая стратегия адресата - выражение отношения к инициируемому политическому акту.

Речевые тактики

- Выражение уверенности в том, что политический акт окажется реальным - Несомненно, но сначала надо это право законодательно запретить. - Думаю, что да. Какие-то акценты и аспекты можно обсуждать, но возможности получить доступ к эфиру есть. Акцентируемые смысловые блоки - **НЕСОМНЕННО, ДА.**

- Утверждение нереальности политического акта - Это холостой заряд Путина. Путин уже несколько раз говорил, но халва от этого слаще не станет. - На региональном уровне нашу партию (партия "Родина", Р.Д.) к государственным СМИ не допустят. - Господин Путин опять врет? Никто никого не пустит в государственные СМИ. - Делая это заявление, Путин вовсе не имел в виду такую политическую силу, как национальное движение российских народов. Акцентируемые смысловые блоки: **НЕ ДОПУСТЯТ, НЕ ПУСТИТ.**

- Выражение возможности реализации политического акта. - Они-то, может, и воспользовались бы предоставленными возможностями, но должен быть механизм реализации этого равного доступа. Акцентируется смысловой блок **МОЖЕТ.** - Совет якутского города Мирный по инициативе ветеранских организаций на основании результатов опроса жителей постановил установить в городе памятник Сталину. По словам мэра Мирного, на памятнике будет высечено: **И.В.Сталину, генералиссимусу СССР, от ветеранов войны и благодарных потомков. СТАЛИН С НОВА С НАМИ? ("ЗЖ", 4 апреля 2005г.).**

Речевая стратегия адресата - выражение отношения к политике, к его деятельности.

Речевые тактики этой стратегии.

- Подтверждение адресатом наличия у него того же отношения к политическому деятелю, что и у адресанта. - Я бы сказал, он всегда и был с нами. - Сталин куда от нас и не уходил. Он такая же историческая фигура, как Иван Грозный и Петр Первый. Он всегда был с нами. В историческом плане нам куда от этого не уйти. Акцентируемые смысловые блоки - **СТАЛИН С НАМИ, ВСЕГДА.**

- Отрицательное отношение к политическому деятелю. - Не думаю. Это просто дань человеку, внесшему вклад в нашу историю. - Только не со мной. Акцентируемые смысловые блоки - **НЕ ДУМАЮ, НЕ СО МНОЙ.**

- Оценка адресатом деятельности политика - Если в Мирном так поступили, я думаю, что правильно сделали. - Меня решение ветеранов Мирного не радует. - Мое отношение к этой инициативе очень даже положительное. - Но зачем мэру и Совету Мирного понадобилось ставить памятник Сталину, я понять не могу. Акцентируемые смысловые блоки - **ПРАВИЛЬНО СДЕЛАЛИ, РЕШЕНИЕ НЕ РАДУЕТ, ПОНЯТЬ НЕ МОГУ.**

Представим речевые стратегии и тактики адресата, когда в одном политическом пространстве оказываются адресат, адресант и потенциальный читатель.

Председатель Избиркома РФ Александр Вешняков заявил на прошлой неделе в ходе своего выступления на "круглом столе", посвященном анализу избирательного права, о том, что считает целесообразным убрать из бюллетеней для голосования графу "против

всех". При этом господин Вешняков пояснил, что для начала такую меру "в порядке эксперимента" можно отработать на региональных выборах. ЧТО ЕЩЁ УБРАТЬ ИЗ БЮЛЛЕТЕНЕЙ ? (ЗЖ, 11 апреля 2005г.).

Речевая стратегия адресата - выражение отношения к политическому акту.

Речевые тактики.

- Выражение отрицательного отношения к политическому акту. - Я категорически против. - Конечно, никак нельзя убирать эту графу. Раз так, тогда нужно и все остальное убирать. - Убирать ничего не надо. Разве что Вешнякова из Центризбиркома. Акцентируемые смысловые блоки - ПРОТИВ, НИКАК НЕЛЬЗЯ, УБИРАТЬ НЕ НАДО.

Оценка адресатом инициируемого политического акта. - Инициатива ЦИКА не есть хорошая. - Попытка Вешнякова убрать графу "против всех" приведет к тому, что избиратели будут голосовать ногами - они просто не будут доходить до участков или пройдут мимо них. - С исчезновением графы "против всех" исчезает смысл выборов. - Власть, к сожалению, загоняет ситуацию в политический тупик, из которого будет только революционный взрыв. Акцентируются смысловые блоки - НЕ ЕСТЬ ХОРОШАЯ, ИЗБИРАТЕЛИ БУДУТ ГОЛАСОВАТЬ НОГАМИ, ИСЧЕЗАЕТ СМЫСЛ ВЫБОРОВ, РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЗРЫВ.

-Выражение нежелания прокомментировать своё отношение к политическому акту. - Я не готов ответить на вопрос и от комментариев воздержусь.

Проиллюстрируем речевые стратегии и тактики адресата в ситуации общего с адресантом политического пространства, опираясь на вкладки с другой смысловой загруженностью.

- 1. Российская власть считает ликвидацию Аслана Масхадова успехом в борьбе против чеченских сепаратистов. КОГО ЕЩЁ "ЗАМОЧИТЬ"? ("ЗЖ", 14 марта 2005 г.)

Речевая стратегия адресата - выражение отношения к политическому акту, инициируемому властными структурами.

Речевые тактики.

- Выражение оценки политического акта. - В результате монетизации льгот рейтинг Президента, по данным социологических служб, упал примерно на 20%. Вот Масхадовым его и поправляют. - Таким способом конфликт не разрешить. - Этим самым "мочением" чеченскую проблему не решить, на месте уничтоженных появятся новые лидеры. - Вопрос поставлен некорректно. Акцентируемый смысловой блок ТАКИМ СПОСОБОМ ПРОБЛЕМУ НЕ РАЗРЕШИТЬ.

- Выражение отрицательного отношения к политическому акту. - Я вообще далек от мысли, что кого-то надо "мочить". - По мне лучше замочить много антоновских яблок. - Надо не столько за личностями охотиться, сколько искать пути прекращения этой войны в целом. Акцентируемый смысловой блок Я ВООБЩЕ ДАЛЕК ОТ МЫСЛИ, ЧТО НАДО "МОЧИТЬ".

- Выражение "своего" толкования политического акта, инициируемого властными структурами - "Мочить" необходимо буржуйскую власть. - Кто будет следующим, сложно сказать. Думаю, что на смену Масхадову там найдется ещё какой-нибудь такой же сепаратист. - Я боюсь, что будет кого ещё. Акцентируемые смысловые блоки - МОЧИТ НЕОБХОДИМО, БУРЖУЙСКАЯ ВЛАСТЬ, СЕПАРАТИСТ, БУДЕТ КОГО МОЧИТЬ.

- 2. Власть и раньше попирала права и свободы населения. Однако на улицы людей вывела реализация реформы по монетизации льгот ("ЗЖ", 24 января 2005 г.). ЛЬГОТЫ _ ЭТО НАШЕ ВСЁ ?

Речевая стратегия адресата - выражение осознания политического процесса, иници-

руемого властными структурами.

Речевые тактики.

- Выражение осознания политического процесса определенными социальными группами. - Натуральные льготы для многих пенсионеров - это и вправду "всё". Тот минимум, что позволил миллионам спастись. - Для стариков льготы - это действительно "наше всё". Акцентируемые смысловые блоки - ЛЬГОТЫ, "НАШЕ ВСЁ", ДЛЯ СТАРИКОВ, ДЛЯ ПЕНСИОНЕРОВ.

- Выражение осознания функциональной направленности политического процесса - Нет, льготы - это не всё. Это форма социальной защищенности граждан, которые сами не могут обеспечить себе достойный уровень жизни. - Ну, нет, это Пушкин - наше всё. Акцентируемые смысловые блоки - НЕТ, ЭТО НЕ ВСЁ.

- 3. Согласно Указу Президента Путина с 1 мая 2005 года в связи с 60-летием Победы дополнительные выплаты в размере 500 рублей ежемесячно будут получать, в частности, узники фашистских концлагерей и военнослужащие частей НКВД, охранявшие в годы Великой Отечественной войны заключенных советского ГУЛАГА. А УЗНИКИ СТАЛИНСКИХ ЛАГЕРЕЙ НЕ ЗАСЛУЖИЛИ? ("ЭЖ", 9 мая, 2005 г).

Речевая стратегия адресата. Выражение отношения к политическому процессу, иницирующему властными структурами.

Речевая тактика.

Выражение положительного отношения к политическому процессу - Да, конечно, заслужили. - Безусловно, наравне с узниками нацистских лагерей дополнительные выплаты должны были получить и репрессированные в нашей стране. - Конечно, заслужили. - Мой ответ однозначный: те из них, которые были реабилитированы, достойны дополнительной выплаты. - Если речь идет о реабилитированных, несправедливо осужденных, то однозначно - да, конечно, также выплаты реабилитированным заключенным должны быть. Акцентируемые смысловые блоки ДА, ЗАСЛУЖИЛИ, КОНЕЧНО, ДОЛЖНЫ БЫТЬ.

Таким образом, набор речевых стратегий и тактик, их специфика в жанре мониторинга зависит от структуры смысловой загрузки, временных параметров, политического пространства, расставленных в этом политической пространстве акцентов. И от того, как "сотрудничают" в данном пространстве адресант, адресат, читатель, политический деятель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудинов А.П. Политическая лингвистика – Екатеринбург, 2003.
2. Бессонова Л.Е. Политический текст как система // Политическая лингвистика – Екатеринбург, 2003.
3. Почепцов Г.Г. Теория коммуникаций. – М., 2001.
4. Современный словарь иностранных слов. – СПб., 1994.
5. Гадучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика, Вып.18. – М., 1982.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Екатеринбург-Омск, 2000.
7. Лазуткина Е.М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики, приемы // Культура русской речи. – М., 2003.
8. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. – Ростов-на-Дону, 2003.

© Докучаева Р.М., 2005

Лассан Э.Р.

ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕЧИ ВЛАСТИ КАК СРЕДСТВО ЕЕ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ

При классицизме подлинно царским жанром считалась трагедия. Низведение высшей государственной власти в низшие жанровые сферы выхолащивало ее сакральное содержание [Багдасарян, Королев, 2004: pravaya.ru]. В „царском жанре“ персонажи, естественно говорили „высоким штилем“ – переход в иной разговорный регистр лишал их священного ореола. Наделенный таким ореолом не должен вести себя, как обитатель профанного пространства, – являть суету, мелкие чувства, подобные обиде, раздражению, страху и т. п. Было бы банальностью говорить о том, что образ власти создается „четвертой властью“, – мы судим о политиках не только по тому, как они говорят [Михальская, 1999], мы судим о них по тому, как о них говорят те, кто по долгу профессии передает нам то, что и как о н и говорят (почти по Ф. Дюрренмату: „О наблюдении за наблюдающим за наблюдателем“).

Автор данной статьи придерживается положений В. Волошинова о том, что форма передачи чужой речи есть не зыбкий психологический процесс в душе воспринимающего, а устойчивая социальная тенденция, зависящая от эпох, социальных групп, целевых контекстов [Волошинов, 1995: 333–334]. Опираясь на это положение, автор в свое время увидел соотношение между базовыми идеологическими установками, лежащими в основе определенной дискурсной формации, и характерными для нее формами передачи чужой речи [Лассан, 2004].

Так, в конце прошлого века в рамках текстового универсума русских СМИ можно было говорить о двух господствующих дискурсных формациях:

1) дискурс конфронтации, базирующийся на привативной ценностной оппозиции *мы-они* и концептуальной метафоре *МИР – ФРОНТ...* В этой формации авторское слово направлено против „чужого“ слова („чужое“ – идейно чуждое), отказывая ему в искренности и праве быть произнесенным. Основными формами передачи чужой речи здесь выступали: а) в терминологии В. Волошинова, **прямая овеществленная** (подтверждающая негативные характеристики персонажа, данные в авторском слове), б) **особый шаблон косвенной речи**, возможно, в терминологии Н.Д. Арутюновой это можно было бы назвать „**площенной речью**“, где нет границы между авторским и чужим словом: *Масхадов назвал Березовского вредным человеком*. В таком случае „свое“ слово (авторская интерпретация сказанного Другим) может быть выдано за чужое; в) **включение чужого слова с соответствующими ксенопоказателями** (*якобы, мол*), разделяющими позиции автора и Другого и бросающими на последнего подозрения в отсутствии искренности;

2) преобладающей дискурсной формацией последнего десятилетия прошедшего века все-таки следует считать „ирровую“, доминирующей интонацией которой являлась ирония. Эта формация базировалась на градуальной ценностной оппозиции *я-мир*, где шкалируемым параметром оказывалась способность к рациональным действиям. Метафора *ВЕЩЬ МИР – ТЕАТР*, лежащая в основе этой формации, ставила говорящего в позицию наблюдателя, зрителя спектакля, устраиваемого миром, и „зритель“ превосходил „безумный мир“ по признаку рациональности. **Чужое слово** здесь **пародировалось** – оно вводилось в текст, который работал на аллюзиях, интертекстуальных отсылках, без опознавательных знаков. Широко использовалась **несобственно-прямая речь**, через которую автор „вчувствовался“ в несимпатичных ему персонажей: „*По мысли Михаила Леонтьева, чеченцев надо окружить санитарным кордоном и бомбить, бомбить, бомбить*“.

Изменилось время, возможно, эпоха. Две названные дискурсные формации, видоизменяясь, продолжают существовать, а вот третья, которая только появлялась тогда, –

автор назвал ее „диалогической“, так как в ней делалась попытка вступить с Другим в диалог, задавая ему и себе вопросы по поводу сомнительных мест каждой из позиций, – эта дискурсная формация так и не заняла достойного места в текстовом универсуме [Глассан, 2004]. Мы же в этой статье продолжим рассмотрение текстов СМИ, которые, скорее, можно отнести ко второй – игровой (иронической) формации, хотя необходимо констатировать серьезные изменения как в способах выражения иронии, так и в способах изображения речи Другого (или „чужого слова“), что в целом побуждает думать о специфике когнитивных процессов, переживаемых современным обществом и видимой частью его айсберга – СМИ.

Объектом предлагаемого анализа являются способы передачи чужой речи в двух популярных изданиях - интернет-версиях „Комсомольской правды“ и „Известий“. Эти издания различны по стилистике – „КП“ уже самим названием ориентирует на некоторый „стёб“: молодость, верность точке зрения несуществующей (или все-таки существующей?) идеологической группы. По внешним признакам дискурс „КП“ соотносится с иронической дискурсной формацией, хотя средства иронии, на мой взгляд, становятся проще, грубее – отсутствует игра с культурными смыслами прошлого, присутствует явно сниженный речевой регистр. „КП“, как будет показано ниже, тяготеет к репортажному стилю описываемых событий, – „Известия“ же, реже нисходящие до сниженного речевого регистра, претендуют на определенную аналитичность.

Приведу пример сообщения из “КП”, тяготеющего к жанру репортажу (присутствует непосредственный восприниматель ситуации, соблюдается последовательность сменяющих друг друга действий).

Дума простила Зурабова

Министры отчитались об исполнении Закона о монетизации

*Вчера в Думу приехала чуть не половина правительства во главе с вице-премьером Александром Жуковым. Плюс Зурабов, Кудрин, Левитин и даже Владимир Яковлев, который выступал ровно минуту. Остальные министры отчитывались гораздо дольше. Но ничего нового не сообщили. Говорили **скучно и спокойно**. Ведь отставкой им уже никто не грозил. Даже Rogozin. А Любовь Слиска **наехала лишь** для приличия: «Когда правительство станет командой?»*

– Мы и так команда, – обиделся Жуков.

Чуть строже подал голос в адрес Зурабова Валерий Гартунг: «Вы чувствуете свою вину? Если да, то когда уйдете?», Зурабов не ушел. И сказал: «В декабре координация закона была недостаточной. Но ситуация улучшается».

Тут взяла слово депутат Оксана Дмитриева: «На монетизацию было потрачено 350 миллиардов рублей. Вдвое больше, чем в прошлом году. Но лишь 10 процентов льготников считают, что выплаты им покрывают отнятые льготы. Вы кризис не погасили, вы его расширили и улубили!»

Но пафос Дмитриевой разделяли не все. А лишенный права голоса на заседаниях вождь ЛДПР Жириновский давал свои заключения в кулуарах «Правительство уже семь раз меняли, а толку нет! Нужна кадровая революция на местах!..»

Пожурих министров, депутаты приняли постановление, по которому монетизация идет неплано. Статьи, вчера депутаты заседали без единого перерыва аж 7 часов подряд. Видимо, обиделись на публикацию в «КП» о том, что рабочий день в Госдуме все короче, и решили доказать обратное.

Ольга ВАҢДЫШЕВА vanda@kp.ru

14 апреля 2005 г.

В приведенном тексте члены правительства, облеченные правом определять судьбы миллионов людей, явно выведены из пространства „сакральных“ действий, т. е. действий официальных, обладающих высокой степенью значимости и в силу этого недоступных для осуществления „профанам“, в пространство ординарных ситуаций, отягощенных гаммой собственно человеческих чувств. Разумеется, нельзя не отметить обилие сниженной или разговорной лексики, вступающей в контраст с описываемой ситуацией „высокого собрания“ (*чуть ли не половина правительства, аж 7 часов, „наехала“*) и задающей общий иронический колорит текста.

Отметим характерные черты изображения речевых актов, имеющих место в тексте:

1) использование глаголов, причем сниженных, характеризующих речевой акт по его цели („пожурить“, „наехать“);

2) описание реакции на речевой акт: „– обиделся Жуков“ / „депутаты обиделись на публикацию в „КП““;

3) описание протекания речевого акта, его эмоциональной составляющей: „говорили скучно и спокойно“ / „чуть строже подал голос Валерий Гартунг“ / „лафос Дмитриевой“;

4) формы передачи чужой речи: **прямая речь**, оформленная по правилам пунктуации *двоеточие–кавычки*, вводимая как уже отмечалось, стилистическим сниженными глаголами. В статье существует и еще один способ оформления прямой речи: *тире* в начале абзаца. Тире перед ПР – ответной реакцией Жукова на слова Л. Слизки – создает ощущение диалогического единства, несмотря на то, что речь „коммуникантов“ оформлена разными способами: Слизка – ПР с двоеточием и кавычками; Жуков – ПР с тире перед и после слов говорящего.

Ощущению мгновенно сменяющихся друг друга речевых событий, непосредственно разворачивающихся перед взором созерцающих ситуацию, способствует использование наречия ближнего дейксиса „тут“ – благодаря ему и наступившая ситуация, и слушатель оказываются в „месте и времени говорящего“.

Прямая речь, в свою очередь, создает впечатление буквально переданного речевого события. В то же время благодаря пунктуационным знакам „кавычки–двоеточие“ позиция автора отчуждается от позиции говорящего – у каждого из них свой локус в происходящем: зрителя и того, кто произносит перед этим зрителем свою реплику.

Таким образом, мы можем констатировать для данного текста **прямую речь** как основную форму передачи чужой речи. Общая ироническая тональность текста создается контрастом сниженной лексики со статусом описываемого ею референта, что ведет к понижению этого статуса.

В целом же следует сказать, что прямая речь (особенно если она вводится знаком диалогического единства – тире), сочетающаяся с акцентуацией внимания на эмоциональном состоянии говорящих, создает впечатление буквальной (фотографической) передачи события. Читатель становится наблюдателем, а лексика, снимающая ореол с „сакрального“ объекта, способствует тому, что граница между „профанным“ пространством читателя и пространством, некогда бывшим для него „потусторонним“, размывается. Происходит своеобразная десакрализация пространства власти. И здесь нельзя не остановиться подробнее на одном из условий этой десакрализации–описании эмоциональной составляющей речевого взаимодействия. Весьма популярным „состоянием“ политиков, вызываемым чужими речевыми актами, является в сегодняшних СМИ состояние *обиды*. Дважды обижаются депутаты в приведенном тексте, обижаются Шрёдер: „Шрёдер за Буша обиделся и

заступился“ (А. Гамов), „обижается“ и “строит обиженного” Саакашвили: „Саакашвили не на шутку обиделся на „Комсомольскую правду“ (Ю. Сергеев). Говоря о „психологии обиды“, нельзя не вспомнить Н. Бердяева, считавшего обиду не аристократическим, а плебейским чувством, стоящим в одном ряду с завистью и злобой. Вспоминается и более ранний контекст „обиды“: во времена судебной реформы Александра III в соответствующих документах была выделена „категория мелких дел“, к которым относились „обиды“, ссоры, домашние дразни и т.д.. Описание власти сквозь призму „мелких дел“, мелких чувств, обуревающих эмоций (“гневную отповедь” дает Саакашвили, „немножко нервно“, „слегка морщась“, отвечает Путин) сводит представителей власти с пьедестала избранных в ряды просто людей, у которых эмоции часто преобладают над разумом и считаются проявлением слабости.

Тенденция к фотографическому изображению событий, репортажности, предполагающая прямую речь в качестве основной формы чужой речи, преобладает, на мой взгляд, сегодня в печатных текстах СМИ, во всяком случае, в интернет-изданиях, естественно, ориентированных на молниеносную передачу новостей. И даже в текстах, включающих авторский комментарий – анализ, стремление к непосредственной „представимости“ события является очевидным. Показательным представляется тот факт, что в проанализированных мной восьми статьях „Комсомольской правды“ из 67 случаев передачи чужой речи 56 приходится на долю ПР, оформленной по всем правилам пунктуации, размежевающей автор и его персонажей „двойным заградительным барьером“: двоеточием и кавычками. Таким образом, автор словно подчеркивает неспяние с позицией Другого, но значительно понижает свою роль в изображении события: на его долю достается выбор глагола, вводящего прямую речь.

Думается, такая подача чужой речи в газетном тексте делает уместной аналогию текста с пьесой (скорее, комедией, если учесть „низкий“ стиль как незначительных авторских высказываний – ремарок, описывающих обстоятельства „действия“, так и “персонажей” пьесы–представителей политической элиты), а тяготение к драматическому жанру, в свою очередь, коррелирует с базовой метафорой „игровой“ / „иронической“ формации *ВЕСЬ МИР – ТЕАТР*. Во всяком случае, интерпретация мира в терминах театра позволяет объяснить избираемую манеру повествования о событиях, где автор практически полностью передает слово своим персонажам.

Выше мы говорили о том, что читатель становится непосредственным созерцателем закрытого доселе для него пространства, оказываясь “лицом к лицу...” Но... „Зрение в привычном смысле слова предполагает расстояние между смотрящим и объектом рассматривания. Это расстояние необходимо хотя бы потому, что оно отделяет смотрящего от объекта. Если объект перенести непосредственно на смотрящего, приблизить его так, чтобы между ним и объектом не было совсем никакого расстояния, зрение, как мы его традиционно понимаем, станет невозможным...” [Ямпольский, 2001: 16]. Отсюда подобная ситуация приближения к „сакральному“ пространству, проникновение в него мешает возможности осмысления происходящего, которое, по большому счету, оказывается невидимым, находящимся, по выражению Эрнста Блока, в „темноте момента“. Возможно, отсутствие аналитичности в современных текстах СМИ как раз и обусловлено недостатком дистанции между субъектом и объектом.

Приближение к объекту лишает возможности отстраненного осмысления событий одних, зато рождает потребность в других: „весьма заметное место в процессе общественно-го развития занимают так называемые политологи, чья роль и функция в обществе до сих

пор не изучены (разрядка моя). Эта странная формация людей выплеснулась на телевизионные экраны в начале 90-х и с тех пор прочно удерживает за собой роль интерпретаторов наступившей политической реальности“ [Фефелов, 2004: <http://sowetnic.ru>] Если говорить в терминах театральной метафоры, то политологи напоминают театральных критиков, разъяряющих несведущим зрителям, одобрять или порицать увиденное.

Разумеется, на интернет-страницах „КП“ можно найти и материал, тяготеющий к аналитическому жанру.

„Партия власти“ отраживает крылья

Внутри „Единой России“ образовались правые. Ожидается, что вскоре их уравновесят левые.

Группа видных депутатов Госдумы из фракции «Единая Россия» обратилась к своим соратникам с воззванием под навевающим ностальгические чувства названием – «К членам партии!». Суть обращения: в «ЕР» нет идеологии, все держится только на авторитете и рейтинге президента. Это приводит к тому, что все остальные политические движения и течения вынуждены объединяться по принципу «против Путина». «Против нас и левые, и правые» – говорится в документе. Такая политическая аморфность, считают авторы и подписанты, грозит партии проигрышем на следующих выборах в Госдуму. В итоге предлагается «объединить в партии усилия для выработки партийной идеологии», а для того развернуть внутрипартийную, но открытую дискуссию. Авторы воззвания специально оговорились: мол, документ не свидетельствует о расколе в «Единой России». Однако сам факт такого обращения дает все основания полагать, что в действительности появление документа означает презентацию политической фракции или крыла внутри партии. Причем с явным право-либеральным" уклоном.

О том, что у «медведей» должно вырасти правое крыло, говорили достаточно давно. Последние сомнения развеял глава президентской администрации Дмитрий Медведев в своем известном недавнем интервью. Он прямо сказал, что стране необходимо создание либерального политического движения нового типа и что произрасти оно должно именно из «ЕР».

Безусловно, инициатива либерал-«единороссов» была одобрена Кремлем. Ее поддерживали руководители партии, в частности, Борис Грызлов. Но значит ли все это, что перед нами – очередное детище зловещих «кремлевских политтехнологов»?

Дело, как представляется, в другом. Думец Геннадий Гудков, когда его спросили, кого больше в «Единой России» – левых, правых или центристов, – ответил: «Больше всего в партии чиновников». Точнее не скажешь. В этом вся идеология «партии власти», в том числе и Кремля. «Единая Россия» и создавалась как партия без идеологии. Это был ее основной принцип. И вот жизнь показала, что принцип неверен. Что он ведет к поражению. Это сегодня понимают и в руководстве «ЕР», и в Кремле. Парадокс: мы стали свидетелями идеологического кризиса неидеологизированной партии. Так что дело не в Кремле. Тут сама жизнь заставляет вертеться.

Сергей ЮРЬЕВ

Текст содержит умозаключения автора, сделанные им на основе обобщения происшедших событий – содержащие их высказывания (выделены в тексте) не являются описанием непосредственно наблюдаемой ситуации. Как видим, и этот текст не свободен от стилистически чуждых „серьезному“ жанру вкраплений: „подписанты“, „жизнь заставляет вертеться“. Иронически отстраненным является и начало текста, где документ “ЕР” харак-

теризуется опять-таки со стороны эмоциональной составляющей (ностальгия по прошлому не есть ценность политика, должного руководиться разумом, а не чувствами – таков прототипический политик в сознании масс). Однако в целом здесь ироническая окраска текста гораздо слабее, чем в тех, что выдержаны в жанре репортажа, где ирония – единственное проявление авторского присутствия.

Как и рассмотренный ранее, этот текст также наполнен голосами, однако способ трансляции чужого голоса несколько отличен от способа передачи чужой речи в чисто репортажных текстах. На долю чистой ПР из 8 случаев передачи речемыслительного процесса Другого пришелся только один случай. Тем не менее, многочисленные кавычки, вводящие цитаты из документов „ЕР“ или отмечающие „чужое слово“ („кремлевские политтехнологи“, „партия власти“, „медведь“), двоеточия, отмечающие водораздел между смысловой позицией автора и речемыслительным процессом Другого, соединение косвенной речи с прямой в диалогическое единство: *„Думец Геннадий Гудков, когда его спросили, кого в партии больше – левых, правых или центристов, ответил: „Больше всего в партии чиновников.“* (отмечу, что и то, что принято считать КР, здесь выступает скорее всего в своей словесно-аналитической модификации, передающей, по Волошинову, особенности речи изображаемого лица) чужое слово, отделенное от авторского ксенопоказателем *мол* – все это создает впечатление текста, сотканного из голосов Других, где собственно авторская позиция минимизируется. Интересно, что КР в ее предметно-аналитической модификации, тематизирующей сказанное изображаемым лицом, модификация, где автор „своими словами, сам, от своего лица занимает какую-то смысловую позицию“ [Волошинов, 1995: 374] практически отсутствует.

Автор появляется в заключительном абзаце текста, однако и здесь он вводит мысленный голос Другого, описывая его ментальное состояние („Это сегодня понимают и в Кремле“). Не могу не обратить внимания на то, что в последних строках текста автор обозначает свою позицию (в эту же позицию он ставит и читателя) как позицию свидетеля, то есть того, кто является очевидцем, непосредственно наблюдающим сцену. Таким образом, можно говорить о том, что современная тенденция – представить событие в его видимом и звучащем образе. И здесь, думается, уместна аналогия прослеженных тенденций с тенденциями так называемого **клипового сознания** – фрагментарного, воспринимающего, прежде всего визуализованную информацию, разрушающего традиционные формы научно-аналитической работы, “не способного, удерживать фокус внимания на одной теме более двух минут” [Громыко, 2001: <http://future.russia.ru>].

Краткость собственно журналистских статей, отсутствие аналитичности, т. е. установления причинно-следственных связей между явлениями, тенденция к „фотографическому“, „аудиовизуальному“ изображению описываемых событий, опирающемуся на ПР как основную форму передачи чужой речи, „опьесивание“ описания – все это, на мой взгляд, – признаки клипового сознания в журналистике, следствия которого еще предстоит наблюдать и осмыслять. Однако мне представляется вполне уместным предположение о размывании в эпоху клипового сознания границ между пространствами, ранее осмысляемыми как равноуровневые, ибо такое сознание способно воспринимать мир только через чувственный опыт–вглядывания (подглядывания?)

Широкое использование ПР – явление, не всегда ведущее к тому, что выше было названо десакрализацией власти. Обратимся к журналистике интернет-издания „Известий“ – газеты, на мой взгляд, отличной по стилистике от „КТ“.

Путин надеется, что в странах Балтии возобладает разум

Россия будет выстраивать отношения с Прибалтикой вне зависимости от решения президентов трех стран по поводу участия в праздновании 60-летия Победы, но надеется, что здравый смысл победит. Об этом президент РФ Владимир Путин заявил на пресс-конференции в Братиславе по завершении переговоров со словацким президентом Иваном Гашпаровичем.

"Надеемся, что в этом случае здравый смысл и интересы собственных народов победят, а политические амбиции будут отданы на откуп и изучение историкам", – заявил президент России.

"Оценивать результаты событий второй мировой войны можно по-разному", – сказал президент. "Мы с уважением относимся к мнению тех людей в Прибалтике, которые считают, что со второй мировой войной связана трагедия утраты их независимости", – сказал Путин

"Также мы должны относиться с уважением к мнению тех, кто считает, что латышские стрелки удержали при власти большевиков при попытке их сместить", – заметил он. "История этой части России и Европы сложна и требует тщательного и взвешенного отношения", – сказал президент.

В свою очередь президент Словакии, отвечая на вопрос журналистов относительно участия в предстоящих торжествах 9 мая в Москве, сказал: "Это мое личное решение принять участие в торжествах в Москве". "Я считаю необходимым помнить о тех, кто дал нам возможность дожить до сегодняшних дней", – сказал Гашпарович. "Те, кто думает иначе – это их воззрение", – подчеркнул глава Словацкого государства.

Владимир Путин в ходе пресс-конференции ответил на вопрос, как Россия относится к тому, что Словакия, вступив в ЕС и НАТО, стала меньше обращать вниманий на Россию и что с этим делать. "В Словакии это компенсируется одним - отношением к России словацкого народа", – сказал Путин.

"Мы чувствуем прагматизм в отношении словацкого народа к России и надеемся, что эта линия будет продолжена в будущем", – сказал Путин. Словацкий же президент отметил, что Братислава будет искать "законные, но новые пути" сотрудничества. По его словам, они обсудили отношения Евросоюза и России на переговорах с Путиным, который подчеркнул, что около 50% торгового оборота России приходится на поставки в ЕС.<...>

По материалам РИА "Новости" и ИТАР-ТАСС.

И в приведенном фрагменте текста преобладающей формой передачи чужой речи является ПР, но здесь отсутствуют стилистически окрашенные глаголы речевого действия: нейтральные „сказал“, „заметил“, „подчеркнул“ обесцвечивают ситуацию до приличествующей ей официальной серьезности и лишают ее оживляющих „непротокольных“ деталей, как то эмоциональное состояние действующих лиц. Вместе с ними исчезает эффект соприсутствия: читатель не слышит ни то, как „спокойно и скучно“ говорят депутаты, ни то, с каким „перцем“ „были вопросы“, заданные В. В. Путину. „Сакральное“ пространство практически остается закрытым для „профана“. Правда, передавая чужую речь, авторы „Известий“ иногда пользуются приемами коллег из „КП“ – описывают речевой акт со стороны его протекания и сопровождающих эмоций:

„Настало время сотрудничать“, – лаконично заметил по итогам саммита г-н Барозу. Главным в этом сотрудничестве он обозначил „реализацию на практике обоюд-

ных интересов". Юнкер со вздохом добавил: „Непросто вести переговоры с Путиным – у него есть концепция: защищать интересы своей страны“. Подумав, он добавил: „И у нас такая концепция есть, но мы пришли к согласию“.

(Н. Голубева. По картам и дорогам)

И тем не менее смеем заметить, что приведенная передача чужой речи обладает меньшей изобразительной силой, нежели это было в „КП“, где прямая речь вводилась знаками диалогического единства (тире) и ситуация речи представляла в силу этого перед читателем как интеракция: в „поле зрения“ вырисовывался партнер по коммуникации. Здесь же часть пространства коммуникации (а это – пространство власти, „сакральное“) остается затемненным и потому в меньшей степени доступным для восстанавливающего картину речевых действий восприятия.

Однако и в пространстве власти, изображаемом „Известиями“, возможны те же „мелкие чувства“, что и в пространстве власти, воссоздаваемом в „КП“. Таким общим „мелким“ чувством политиков является **обида** (феномен эксплуатации этого концепта для описания политической жизни, видимо, достоин отдельного рассмотрения).

Президент Латвии обиделась на российских политиков

[19:02 16.04.04]

<http://www.izvestia.ru/world/article68090>

Латвийский президент Вайра Вике-Фрейберга обвинила российских политиков во вмешательстве во внутренние дела страны. Вмешательство, по ее мнению, заключается в "причастности к организации в Латвии массовых акций протеста против реформы образования". Заявление было сделано в Пекине, где президент находится с визитом. Тем временем в самой Латвии проходила двухдневная стачка, организованная Штабом защиты русских школ, в которой приняли участие несколько тысяч человек.

Кого именно она имеет в виду, говоря о "московских политиках", Вике-Фрейберга не уточнила. "Есть люди, которые протестуют против осуществляемых мер, и, похоже, эти протесты во многом инспирированы московскими политиками, что представляет собой вмешательство в наши внутренние дела", – сказала президент. "Латвия – единственное место в мире, где (латышский) язык можно сохранить". При этом, по ее словам, права русскоязычного населения не притесняются: в стране "есть русские школы, театры, русское телевидение и радио".

О том, что "некоторые латвийские депутаты при помощи друзей из Москвы пытаются вызвать конфронтацию в обществе", Вайра Вике-Фрейберга говорила "Известиям" еще в конце февраля. И даже называла конкретные сроки: цель ее оппонентов дестабилизировать ситуацию к 1 мая, дате официального вступления Латвии в ЕС.

Статус президента Латвии, естественно, снижается заглавием текста (эмоция, к тому же „плебейская“, недостойна столь высокого лица), которое задает определенную установку восприятия последующего повествования. Сам же текст свободен от какой-либо сниженной лексики, создающей атмосферу иронического контраста между статусом описываемого мира и средствами его вербализации. Тем не менее, некое ощущение иронии все-таки присутствует. Его причиной может быть как установка восприятия, заданная заглавием, так и обилие кавычек, оформляющих не прямую речь, как это было в „КП“, а **цитацию**. Вообще, цитация – характерная черта изображения чужой речи в „Известиях“. В пяти проанализированных статьях из 40 форм передачи чужой речи 29 составила цитация, 3 формы пришлись на долю косвенной речи, практически отсутствовавшей в „КП“. И хоть цита-

цию не всегда отличают от ПР, думаю, принципиальное различие кроется в изобразительных возможностях этих двух форм передачи чужой речи: ПР воссоздает событие непосредственного речевого события, а если вводится диалогическим знаком тире, то и **событие речевого взаимодействия**, в то время как цитация только отсылает к другому тексту. При цитации границы между авторской речью и речью действующих лиц менее прочны, чем при ПР: два локуса разделены только кавычками, в то время, как при ПР – еще и двоеточием/тире. Столь ли важны знаки препинания? Думаю, да. (Интересно внимание современных поэтов к знакам препинания. А. Кушнер: „Препинание – честь соловья“, Агаша: „Причуда губ“, где, в частности, о кавычках: „Кавычки – это, кажется, от беса“). Четкая разграниченность двух инстанций речи как раз и создает „драматургию“ репортажного жанра, отчуждает позицию автора от позиции его персонажа и вместе с этим разводит субъектов речи по разные стороны „рампы“ в этом театрализованном мире: есть говорящий и созерцающий его зритель (читатель).

Сопоставляя способы передачи чужой речи в двух различных по стилистике изданиях, можно отметить следующие тенденции: при изображении речи власти репортажность соединяется с ПР как преобладающей формой передачи чужой речи и открывает широкие возможности для иронического „остранения“ ситуации через использование сниженных глаголов речи и описание эмоциональной составляющей речевых актов представителей власти. Цитация, напротив, соединяется с понижением иронического градуса текста и используется в жанре, претендующем на комментирование и аналитическое описание. Хотя и в этом случае ироническая окраска текста все-таки в большинстве случаев присутствует: ее создает заголовок и многочисленные кавычки, необходимые при цитации, но в силу установки, заданной заголовком, побуждающие думать о них как о знаке иронии. Прямая речь обладает большими изобразительными возможностями: раскрывает перед „профаном“ (читателем) действие „сакрального“ пространства. Находясь в соответствующем обрамлении, прямая речь способна сильнее снизить статус своего субъекта, чем цитация. Если субъектом является представитель власти, можно говорить о форме прямой речи как способе десакрализации власти.

„Вообще приходится говорить о безусловном примате прямой речи в русском языке“ [Волошинов, 1995: 342] – со времен В. Волошинова мало что изменилось в русском дискурсе. Однако практически полное отсутствие косвенной речи, „где автор сам, своими словами“ передает сказанное Другим, на мой взгляд, связано не просто с неразработанностью ее шаблона в русском языке в силу отсутствия должных риторических штудий, как об этом писал В. Волошинов. С одной стороны, ее отсутствие можно связать с понижением роли автора как интерпретатора чужой мысли и речи в постмодернистскую эпоху „смерти автора“. С другой стороны, „монтаж высказывания, осуществляемый на основе сцепления авторской и чужой речи, служит способом формулировки мысли без особых энергетических затрат на мыслительную операцию“ [Алещанова, 2000]. Вполне возможно, что в такой невинной характеристике текста, как способ передачи чужой речи, отражаются и постмодернистская ситуация „смерти автора“, и умственная ленность „четвертой власти“. Автор, конечно, присутствует в тексте, ибо кто же иронизирует над увиденным и услышанным, но, по сравнению с пишущим 90-х, его ирония становится менее изощренной. Интересно, что принадлежащие к „игровой“ дискурсивной формации тексты недавнего прошлого практически не использовали ПР – эта форма, как отмечалось выше, была достоянием дискурса конфронтации. Что происходит: вытесняется ирония как чувство „эпического превосходства“ (Ницше) или наступает эпоха всеобщей конфронтации? Да и с цитацией не все так

однозначно: в определенные исторические периоды цитировать – это иметь единственную возможность познакомить читателя с текстом, по известным причинам ему недоступным. Безусловно, одно: синтаксические формы передачи чужой речи и знаки препинания при них способны рассказать не только о языке и тексте, но и когнитивных процессах своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алещанова И.В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. фил. наук. – Волгоград, 2000.
2. Багдасарян В., Королев. Десакрализация власти // Правая.ru – pravara.ru/govern/392 (дата просмотра 11 июня 2005 г.)
3. Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. – СПб, 1995.
4. Громько Ю.В. Образование в эпоху Интернета: конфликт знания и информации. 2001.– futureussia.ru/conf/forum_edukftion/html (дата просмотра 10 июня 2005 г.)
5. Лассан Э. Отношение к чуждому слову как знак идеологии // Лингвистические этюды. Памяти Александра Ивановича Моисеева. – СПб, 2004.
6. Михальская А.О речевом поведении политиков // „Независимая газета“, 1999.
7. Фефелов А. Тонкая пленка // „Завтра“ 30 сент. 2004.- <http://pressclip/more> (дата просмотра – 10 июня 2005 г.) – М., 2001.
8. Ямпольский М.О близком (очерки немиметического зрения). – М., 2001

© Лассан Э.П., 2005

**Маркова О.А.,
Харламова Т.В.
Саратов**

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕЙ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ

Политический дискурс стал объектом пристального внимания современных исследователей языка и культуры, так как эта область знания дает представление об основных принципах, на которых базируется политическая коммуникация в том или ином социуме, в той или иной культуре. В данной статье проводится лингвокультурологический сравнительный анализ речей американских и российских президентов второй половины XX в. – начала XXI в., а также прослеживается отражение политической эпохи и национально-специфического характера в речах президентов США и России.

В США анализ политической риторики имеет многолетнюю традицию и на протяжении многих десятилетий является предметом специальных научных исследований, тогда как в России история политической риторики носит совершенно иной характер. В советские времена, когда право на разработку риторических стратегий на протяжении многих лет было закреплено за одной партией, подобного рода исследования носили конфиденциальный характер. Однако в последнее десятилетие в России исследования в области политической риторики занимают многих ученых, представителей разных школ и направлений.

Инаугурационное обращение, основной материал данного исследования, является формирующимся дискурсивным типом и находится на стадии формирования принципов организации и функционирования данного феномена в жанровой системе российского политического дискурса. В истории России инаугурация президента проводилась всего

лишь трижды, таким образом, данный жанр еще не имеет установившихся традиций.

Для выявления особенностей инаугурационного выступления президентов России и США представляется необходимым изучение лингвокультурологической парадигмы, которую используют политики в своих выступлениях для осуществления успешного воздействия на аудиторию, а также рассмотрение лингвистических и тематических особенностей российского и американского президентского дискурса в рамках предвыборного послания и инаугурационного выступления.

Практическим материалом данного исследования послужили речи кандидатов, которые выразили согласие баллотироваться на пост президента (далее будет использоваться термин «предвыборное выступление») (Acceptance Speech, Acceptance Address, Official Announcement Accepting the Nomination for President, Remarks Accepting the Presidential Nomination - в российском политическом дискурсе подобных речей не существует), и инаугурационные обращения (Inaugural Addresses).

Исследование президентских выступлений тесно взаимосвязано с изучением особенностей социально-политического красноречия. На протяжении многовековой истории своего развития ораторское искусство использовалось в различных сферах жизни общества: духовной, идеологической, социально-политической, но наиболее широкое применение оно всегда находило в политической деятельности.

Традиционно инаугурационную речь относят к торжественной хвалебной риторике. Так, Е.И. Шейгал причисляет инаугурационную речь к «эпидейктической риторике, которая, согласно Аристотелю, является хвалебной речью по торжественному случаю, относится к настоящему времени, использует возвышенный стиль, прибегая к усилению и преувеличению» [Шейгал, 2004], а Р. Джослин характеризует инаугурационное обращение как «безопасную» риторику (riskless rhetoric), так как оно не содержит полемических высказываний и утверждений, которые вызывали бы что-то несогласие или возражение [Joslyn, 1986].

Форма и наполнение инаугурационного выступления свидетельствуют «о высокой степени ритуальности данного жанра, о преобладании в нем фатики над информативностью» [Шейгал, 2004: 247]. Ведущими функциями инаугурационного обращения, по мнению Е.И. Шейгал, являются интеграционная, инспиративная, декларативная и перформативная функции.

Инаугурационная речь объединяет аудиторию слушателей как единый народ, перечисляет традиционные ценности; излагает политические принципы, которыми будет руководствоваться новая администрация; показывает, что президент ценит требования и ограничения своих исполнительных функций; достигает этих целей при помощи средств, соответствующих торжественной речи, сосредотачивает внимание на настоящем, объединяя прошлое и будущее, восхваляя институт президентства и модель правительства.

Обязательным элементом процедуры вступления в должность является произнесение клятвы президента. Именно после ее произнесения избранный президент официально утверждается в своей должности.

Между политическим дискурсом и лингвистикой складываются очень тесные отношения, обусловленные социальным взаимовлиянием. С одной стороны, общественно-политические реалии находят свое отражение в трансформации семантических процессов в языке (деидеологизация лексики, политизация некоторых ее групп и т.д.). С другой стороны, лингвистические компоненты определяют эффективность политической коммуникации: лингвистика изучает языковые способы воздействия, убеждения, манипулирования

сознанием, которые в рамках политического дискурса активно претворяются в жизнь.

Изучение политического дискурса с точки зрения лингвистики представляется как исследование содержания самого текста и стоящей за ним системы политических категорий. По мнению Г.Ф. Филипповой, лингвистический анализ позволяет повышать эффективность политической практики, интерпретировать глубинные моменты политических преобразований.

При проведении лингвистического анализа политических речей большое внимание уделяется различным уровням их организации. Огромное влияние на процесс создания и успешного функционирования политического дискурса, по общему признанию многих лингвистов, имеет грамматический уровень, а именно синтаксис и морфология.

Приемы словообразования используются в текстах политического дискурса для создания на основе продуктивных моделей семантически емких слов, обладающих повышенной экспрессивностью, единиц политической лексики с ярко выраженным оценочным значением [Цвиллинг, 1982], которые не просто обозначают некие реалии общественно-политической жизни, но одновременно представляют их как желанную цель определенных политических сил, что и является практической стороной их создания и использования.

В английском языке на этом уровне представляет интерес использование определенных и неопределенных артиклей, модальных конструкций, использование пассивного вместо активного залогов (данный прием позволяет устанавливать причинные связи между политическими событиями, субъектами политического процесса и является важнейшим условием понимания истинного смысла политического высказывания), сослагательного наклонения, степеней прилагательных.

В русском языке большое значение имеет использование возвратных и невозвратных глаголов, существительных разных родов, приема номинализации, который позволяет заменить действие понятием о действии (данный прием передает отвлеченность говорящего от самого политического процесса), упорядочивание элементов в сложных предложениях с сочинительными союзами (порядок слов в таких конструкциях не случаен, поскольку говорящий пытается устанавливать и демонстрировать личные или общественные приоритеты), вводных уточняющих элементов и противопоставлений, прямых ссылок (политики, прибегающие к данному приему особенно активно склонны манипулировать аудиторией).

На лексическом уровне выявляются семантические центры, которые составляют основной узор речи. Расшифровка семантической составляющей ключевых слов, функционирующих в том или ином политическом контексте, может стать импульсом для разностороннего политического анализа, способного создавать оппозицию или продвигать принятие важных решений. Лексический анализ в данном случае позволяет выявить глубинный смысл используемых слов, выбрать тот денотат, который поможет создать позитивный или, напротив, негативный настрой у аудитории.

На стилистическом уровне следует обратить внимание на такой важный аспект речи, как фигуры речи – отступления от нейтрального способа изложения с целью эмоционального и эстетического воздействия. Для оживления речи, придания ей эмоциональности, выразительности, образности употребляют приемы стилистического синтаксиса: антитеза, инверсия, повтор, параллельные конструкции, риторические вопросы и восклицания и др. Важное место среди фигур речи занимают тропы – метафора, персонификация, аллегория, метонимия, синекдоха, антономазия, аллюзия.

Все эти стилистические приемы не только помогают осмыслить политический текст,

структурируя его и смешивая акценты, но и украшают его.

Источником субъективности и контактности речи являются личные местоимения: «я» означает отправителя речи, «вы» - слушателей, к которым обращается оратор, «мы» содержит ряд значений: собственно оратора, оратор и слушатели, оратор и относящиеся к нему лица. Эффект речи зависит именно от того, как оратор выполняет одну из своих коммуникативных задач – преодолевает дистанцию между собой и слушателями.

В речи часто прибегают к использованию инклюзивных конструкций, которые усиливают степень контактности и настраивают на некий диалог с реципиентом (*мы с вами, мы вместе, мы все, each of us, with each other, но вернемся, скажем прямо, поясним, отметим, let`s pay attention, let`s look forward* и т.д.).

Средством установления контакта можно считать и некоторые вводные конструкции, содержащие обращения к слушателям (*как вы понимаете, как видите, как мы знаем, you know, you see* и др.), они являются своеобразным призывом к солидарности. Контактность речи создают также побудительные предложения (*согласитесь, запомните, решайте, let us, we will, we believe*). Конструкции с изъяснительными придаточными (*ясно, что...; известно, что...; понятно, что...; it is clear that...; we know that...*) приносят дополнительный модальный оттенок.

Представленный выше далеко не полный перечень лингвистических средств, используемых в политических текстах, позволяет глубже вникать в практическую политику и в реалии современного мира.

Инаугурационное выступление – это особый род ораторской речи. Социально политическое красноречие и коммуникативное поведение в такого рода выступлениях может значительно отличаться от обычных, общепринятых норм свойственных той или иной культуре. Немаловажную роль играет и фактор подготовленности инаугурационных выступлений, которые изначально ориентированы на предполагаемых слушателей, детально продуманы и подготовлены. Выверяется каждая фраза и каждое слово, это речи государственного масштаба, рассчитанные на аудиторию в миллионы человек. Более того, с нашей точки зрения, следует уделить особое внимание историческому фону выступлений, так как тематическое наполнение речей напрямую зависит от общественно-политической ситуации в стране и мире.

Инаугурационные обращения являются отражением политической эпохи, языковых и национально-специфических особенностей. Рассмотрим данное явление на примере инаугурационных обращений американских и российских президентов с учетом вышеперечисленных характеристик. Анализ инаугурационных обращений в сравнении с предвыборными выступлениями позволяет проследить эволюцию взглядов политиков.

1. Инаугурационное обращение Дж. Кеннеди, 1960.

Историческая ссылка: 60-е годы XX в. В стране наметился экономический спад, рост безработицы. Кеннеди шел на выборы, призывая Америку выйти на «новые рубежи». Основной задачей было оздоровить и стабилизировать экономику, а также вернуть превосходство США в области ракетно-ядерного вооружения.

Как и в предвыборной речи, номинирующей кандидата на пост президента, так и в инаугурационном послании Дж. Кеннеди **слова с самой распространенной семантикой** - *freedom (свобода), peace (мир), hope (надежда), trust (вера), human rights (гражданские права), proud (гордость), renewal (обновление), change (перемены), revolution (переворот), order (порядок)*. Эти слова являются стержнем для идейно-тематического оформления речи.

Основные топосы инаугурационного послания:

- благородная и историческая роль США, как защитницы человеческих прав, мира и порядка:

Let the word go fourth from this time and place, to friend and foe alike that the torch has been passed to a new generation of Americans – born in this century, tempered by war, disciplined by a hard and bitter peace, proud of our ancient heritage...;

- намерение руководить страной так, как завещал Господь (очень важен религиозный компонент):

the belief that the rights of man come not from the generosity of the state but from the hand of God;

- проблема выбора, необходимость верного выбора:

We observe today not a victory of party but a celebration of freedom;

- проблемы внешней и внутренней политики (внешняя политика превалирует в условиях «холодной войны»). Гонка вооружений, мировая угроза СССР, наведение порядка и утверждение прав и свобод человека в новообразовавшихся государствах:

How to end and alter the burdensome arms race, where Soviet gains already threaten our very existence;

- формирование внутренней политики, направленной на экономический рост, упор на сознательность американского народа, проявление их лучших качеств, воспитанных в ходе истории (историческому аспекту уделяется большое внимание):

Courage – judgment – integrity – dedication – these are the historic qualities of the Bay Colony and the Bay State.

В предвыборной речи кандидата на пост президента присутствует еще один топос - личная биография кандидата:

For 18 years I have been in the service of the United States. First as a naval officer in the Pacific during World War the Second and for the past 14 years as a member of the Congress.

Данная предвыборная речь Дж. Кеннеди очень сжата, малоинформативна и не дает широких комментариев относительно его планируемой президентской программы и стоящей ситуации в стране. Речь выполняет чисто перформативную функцию.

На лексическом уровне широкое распространение получают слова с положительной коннотацией и модальный глагол *must* (должен) (*must make their fateful choice* (должен принять судьбоносное решение)). Использование прилагательного *every* (каждый) усиливает контактность речи (*every American* (каждый американец), *every state* (каждый штат)).

Америка и американцы имеют следующие определения: *peaceful* (мирные), *peace-loving* (миролюбивые), *responsible* (ответственные), *conscious* (сознательные), *brave* (храбрые).

На грамматическом уровне прослеживается частое использование прилагательных в превосходной степени: *the most powerful* (самый могущественный), *to do my utmost* (сделать все от меня зависящее), *best hope* (самая большая надежда).

Использование конструкций со значением призыва, прямых императивных конструкций со значением призыва и приглашения: *let us* (давайте), *ask what you can do* (спросите, что вы можете сделать...) придает убедительность и авторитетность высказываниям.

Стилистическая составляющая реализуется в использовании параллельных конструкций и повторов. В политических речах частотны синтаксические риторические фигуры, которые делают определенные размышления особенно запоминающимися (*Mankind must put an end to war or war will put an end to mankind* (Человечество должно положить конец

войне, или война положит конец человечеству)). Стилистический прием – хиазм – выступает в роли приема манипуляции. Нельзя не заметить, что частые повторы и варьирование определенных слов и сем, распевание одного и того же на разные лады (*lawful state (правовое государство), civil society (гражданское общество), democratic institutes (демократические институты)*) фиксируются в сознании человека. Это эффективная техника внушения. Для усиления стилистического эффекта используется прием гиперболизации: *...let us explore the stars, conquer the deserts, tap the oceans (давайте, исследуем звезды, покорим пустыни, проникнем в глубины океана)*, а также метафоры, сравнения и цитаты из Библии.

Данному обращению присуща высокая контактность речи, которая реализуется за счет постоянного употребления знаков интеграции: местоимения «*мы*» в значении «*мы-совместное*», *our people (наш народ), around us (вокруг нас), American people (американский народ), problems unite us (проблемы объединяют нас), citizens of the world (граждане мира)*.

Анализ данной речи позволяет четко выделить функциональные уровни политической коммуникации, которые Е.И. Шейгал сводит к трем составляющим: формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агональность) [Шейгал, 2004]. Соответственно в семиотическом пространстве политического дискурса будем разграничивать три типа знаков: знаки ориентации, интеграции и агональности.

Эта функциональная триада проецируется на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса «свои-чужие». В рассматриваемых речах – это противопоставление мировой политики США и СССР.

Проанализированные речи звучат убедительно и воссоздают образ «американской мечты», у которой большое будущее.

2. Инаугурационное обращение Линдона Б. Джонсона, 1965.

Этот исторический период отмечен великим достижением человечества – начало освоения космоса, первые полеты человека в космос и на Луну. Л. Б. Джонсон провозгласил свою политику «наведения мостов». Двери Белого Дома открылись для широких слоев населения: военных, мелких бизнесменов и социально незащищенных слоев населения.

Л. Джонсон не произносил предвыборной речи, номинирующей его на пост главы страны, так как 22 ноября 1963 года Дж. Кеннеди был убит, и Л. Джонсон был вынужден уже через два часа произнести президентскую клятву на борту самолета.

В своем инаугурационном выступлении он сам выделил три основных концепта: *justice and change (справедливость и перемены), liberty and change (свобода и перемены)* и *union and change (единство и перемены)*.

Семантические центры: *destiny (судьба), generacion (поколение), hope (вера), freedom (свобода), tyranny (тирания), misery (несчастья), hatred (ненависть)*.

Тематические центры: открытие перед человечеством нового и неизведанного, того, что может таить в себе много опасностей, но покорение и изучение этих стихий неизбежно. В условиях «холодной войны» это приобретает еще один смысл - дать возможность новому поколению использовать ресурсы космоса:

It reminds us that the world will not be the same for our children, or even for ourselves in a short span of years. The next man to stand here will look out on a scene different from our own, because ours is a time of change - rapid and fantastic change bearing the secrets of nature...

В речи звучит мощный призыв к сплочению нации, единению людей с разным цветом

кожи. Обращение носит подчеркнуто перформативный характер, нет четко обрисованной программы президента, она достаточно абстрактна по своему содержанию.

При лингвистическом разборе текста отмечается очень большое количество абстрактных существительных во множественном числе: *dangers (угрозы), troubles (беды), hopes (надежды), promises (обещания)*.

Высокая контактность речи особенно ярко выражена стилистическим приемом противопоставления: величие природы, громада окружающей нас вселенной и ничтожность человеческого существования:

Think of our world as it looks from the rocket that is heading toward Mars. It is like a child's globe, hanging in space, the continents stuck to its side like colored maps. We are all fellow passengers on a dot of earth. And each of us, in the span of time, has really only a moment among our companions.

Использование высокого литературного стиля придает инаугурационному посланию особый колорит.

3. Первое инаугурационное послание Ричарда М. Никсона, 20 января, 1969.

Основные семантические центры: *change (изменения), peace (мир), choice (выбор), kindness (доброта), love (любовь), progress (прогресс), goal (цель), communication (коммуникация), cooperation (сотрудничество), open world (открытое мировое пространство)*.

Главным **тематическим центром** по-прежнему является тема новых открытий и усовершенствований, сплочение нации для дальнейшего процветания грядущих поколений по воле Всевышнего.

Новая тема, которая довольно громко провозглашена в речи президента – это тема мирового единства, открытие границ для становления единого мирового пространства, с единой рыночной экономикой, того, что мы сегодня называем процессом глобализации:

Let all nations know that during this administration our lines of communication will be open.

We seek an open world - open to ideas, open to the exchange of goods and people - a world in which no people, great or small, will live in angry isolation.

Речь президента имеет очень характерную композицию. Все части текста равноправны, лаконичны и носят лозунговый, призывный характер. Использование повелительных конструкций, предложений, построенных на контрасте и противопоставлении, отражает дух времени, неутомимое стремление вперед при отсутствии политической и экономической стабильности в стране.

4. Инаугурационное обращение Д. Картера, 1977.

Речь, номинирующая Д. Картера на пост президента, начинается с классического обращения, характерного для всех речей этого жанра:

I accept it, in the words of John F. Kennedy, with a full and grateful heart and with only one obligation: to devote every effort of body, mind and spirit to lead our party back to victory and our nation back to greatness.

По своему тематическому наполнению она гораздо более содержательна, чем инаугурационное послание. Кандидат в президенты США достаточно подробно останавливается на всех пунктах внутренней и внешнеполитической программы. В его инаугурационном послании они носят скорее лозунговый характер.

Социальные реформы, намеченные в предвыборной речи, заявлены следующим образом в инаугурационном послании:

We will be ever vigilant and never vulnerable, and we will fight our wars against poverty, ignorance, and injustice – for those are the enemies against which our forces can be honorably mar-

shaled.

Семантические центры: *national spirit (дух нации), unity (единство), together (вместе), human rights (права человека), strength (сила), freedom (свобода), idealism (идеализм), work (работа), law (закон).*

Тематические центры в обращении президента Д. Картера в целом полностью соответствуют классическому набору, представленному в речах его предшественников. Размышления о главных ценностях Америки перемежаются рассуждениями о необходимости их сохранения во времена становления новых мировых взаимоотношений.

Характерное отличие этого выступления состоит в незначительном употреблении призывных, повелительных конструкций, в основном это утвердительные предложения. Америка твердо стоит на ногах, они добились того, что их идеалы воплотились в жизнь:

We are a strong nation...

We are a purely idealistic Nation, but let no one confuse our idealism with weakness.

...the affirmation of our Nation's continuing moral strength and our belief in an undiminished, ever-expanding American dream.

Перечисленные особенности придают обращению спокойный, размеренный характер, что свидетельствует о стабильной общественно-политической обстановке.

5. Первое инаугурационное выступление Р. Рейгана.

Исторический период – 80-е годы. Экономическое положение в стране после кризиса 70-х довольно тяжелое. Обострились отношения с СССР. Назревают расовые и межклассовые конфликты. Семантические, а, следовательно, и тематические центры в речи президента существенно меняются.

В предвыборной речи, Р. Рейган подробно излагает свою президентскую программу:

Прежде всего, будущий президент озабочен неблагоприятной экономической ситуацией сложившейся в стране: инфляцией, безработицей, высоким налогообложением:

No problem that we face today can compare with the need to restore the health of the American economy and the strength of the American dollar. The key to restoring the health of the economy lies in cutting taxes.

В эти годы Америка переживает энергетический кризис. Нехватка топлива и высокие цены на бензин и другое энергетическое сырье сильно отражаются на экономическом процветании и благоустройстве общества:

Another serious problem which must be discussed tonight is our energy situation.

Далее Р. Рейган подробно останавливается на внешнеполитических проблемах, самая острая из которых продолжающаяся «холодная война»:

For the most of the last 40 years, we have been preoccupied with the global struggle - the competition - with the Soviet Union and with our responsibilities to our allies.

Согласно канонам жанра данной речи, Р. Рейган коротко рассказывает свою биографию, в остальном же эта речь совпадает по своему содержанию и лингвистическому оформлению с инаугурационным выступлением.

Слова, имеющие наибольший семантический вес: *freedom (свобода), strength (сила), progress (прогресс), dream (мечта), suffering (страдание), misery (несчастье), struggle (борьба), threat (угроза), discrimination (дискриминация), anew (заново).*

Основной темой выступления становятся проблемы внутренней политики: экономический кризис, расовые столкновения, угрожающая ситуация во внешней политике, угроза терроризма. Выступление завершается торжественным воззванием к американскому народу, направленным на пробуждение патриотических чувств, необходимость сплочения

для борьбы за великое будущее Америки, как делали их великие предки:

We have every right to dream heroic dreams.

Инаугурация Р. Рейгана впервые в истории США проходила в западном крыле Капитолия. С этой стороны открывается, как точно заметил сам Р. Рейган, вид «на монументы монументальных людей»: Дж. Вашингтону, А. Линкольну, Т. Джефферсону, вид на Арлингтонское кладбище, где похоронены солдаты, павшие в боях за свободу своего государства. Р. Рейган воздает хвалу этим людям и призывает американцев возродить свой дух, глядя на великих предков:

And, after all, why shouldn't we believe that? We are Americans. God bless you, and thank you.

В данном обращении религиозное начало прослеживается значительно ярче, чем в речах предшественников Р. Рейгана:

I am told that tens of thousands of prayers are being held on this day, and for that I am deeply grateful. We are a nation under god, and I believe God intended for us to be free. It would be fitting and good, I think, if on each Inauguration Day in future years it should be declared a day of prayer.

В речи Р. Рейгана нет того образа всеобщего благополучия и процветания, Америка уже не навязывает свои незыблемые ценности другим странам. Здесь практически отсутствуют прилагательные, стоящие в превосходной степени, нет гиперболизации, мало метафор. Контактность речи возрастает.

Перед избранием на второй срок Р. Рейган также произносил предвыборную речь, участвуя в президентской кампании. Публика громко поддерживала его и на протяжении всей речи скандировала «Рейгана еще на четыре года!». Р. Рейган перечислил свои достижения за истекшие четыре года и представил программу дальнейшего развития.

Следует отметить, что в этом выступлении четко выражена агональная функция. Р. Рейган открыто критикует программу своих противников, широко применяя эвфемизмы и дисфемизмы (данная тематика не свойственна инаугурационным посланиям и присутствует только в предвыборных речах):

The choices this year are not just between two different personalities or between two political parties. They're between two different visions of the future, two fundamentally different ways of governing - their government of pessimism, fear, and limits, or ours of hope, confidence, and growth.

Обычно слова с ярко выраженной коннотацией, такие, например, как *rich*, *poor* не используются в президентских посланиях такого уровня. Президент может использовать их лишь с целью дискредитации соперника:

Would that really hurt the rich? No, because the rich are already in the top brackets. That's bracket creep; and our opponents are for it, and we're against it.

Pouring hundreds of billions of dollars into programs in order to make people worse off was irrational and unfair.

Как известно, эвфемизмы и дисфемизмы относят к средствам манипулирования, в терминологии А.К. Михальской - «референциального манипулирования». Эвфемизм «работает» на улучшение денотата, а дисфемизм – на его ухудшение. Эвфемизмы применяются для сокрытия правды об отрицательных сторонах денотата. Дисфемизмы мотивируются стремлением принизить денотат, их цель – сформировать восприятие объекта как подозрительного и нежелательного [Михальская, 1996: 151].

Эвфемизмы и дисфемизмы соотносятся с двумя особыми риторическими стратегиями, характерными для идеологических текстов - стратегиями мобилизации и демобилиза-

ции общественного мнения. Стратегия мобилизации употребляется теми политиками, целью которых является изменение существующего положения дел. «При этой стратегии политические события представляются в драматическом виде, а положение рисуется как ужасное, требующее решительных действий». При стратегии демобилизации «ситуация подается как нормальная, хотя и сложная, а события как естественно идущие...» [там же: 152].

Политика Дж. Буша младшего относительно войны в Ираке и его активная программа борьбы с терроризмом могут послужить примером этих явлений. В своих президентских посланиях Буш младший скорбит о погибших соотечественниках, называет число погибших в боях, а число погибших противников остается неизвестным. Президент награждает американских солдат высокими эпитетами: *honorable, brave, hopeful, peaceful*, противопоставляя их жестоким и безрассудным иракским солдатам:

And then our troops will return home with the honor they have earned.

Our troops know the historic importance of our work. One Army Specialist wrote home: "We are transforming a once sick society into a hopeful place. The various terrorist enemies we are facing in Iraq," he continued, "are really aiming at you back in the United States. This is a test of will for our country. We soldiers of yours are doing great and scoring victories in confronting the evil terrorists." That young man is right -- our men and women in uniform are doing a superb job for America.

По мнению Д. Кристалла, именно политический дискурс, наряду с рекламным, в наибольшей степени приспособлен для того, чтобы приукрашивать действительность и скрывать истинное положение дел [Crystal, 1995].

Любопытно отметить, что в американской лингвокультуре эвфемизации подвергается не только понятие бедности, но и обозначения противоположного полюса: в обществе, где есть очень бедные, стыдно быть очень богатым. Наличие в языке подобной антонимической парадигмы эвфемизмов свидетельствует о стремлении к социальной гармонии:

Rich – poor

The socially advantaged – the socially disadvantaged

The privileged – the unprivileged

The high-income brackets – the low-income brackets

Образование эвфемистического наименования может быть также мотивировано и ценностями, специфическими для определенной национальной культуры. В связи с этим в американском обществе быстро развивается такое явление, как политическая корректность.

Второе инаугурационное послание практически полностью цитирует предвыборную речь Р. Рейгана, охватывая традиционные жанровые темы.

6. Инаугурационное обращение Дж. Буша, 1989.

Темы, заявленные в предвыборной речи, звучат и в инаугурационном послании. Отсутствует агональная проблематика, Дж. Буш не дает никакой оценки своим оппонентам, а детально говорит о целях и задачах своей президентской кампании.

Семантические центры: *freedom* (свобода), *prosperity* (процветание), *peace* (мир), *civil* (гражданский), *toneu* (деньги), *democracy* (демократия).

Тематические центры: эра благополучия и процветания Америки:

We live in a peaceful, prosperous time...

Great nations of the world are moving toward democracy through the door to freedom. Men and women of the world move toward free markets through the door to prosperity.

Президент призывает свой народ возблагодарить Бога и начинает свою речь с молитвы. В исследованных речах встречаются либо цитаты из Библии, либо фразы благодарности:

And my first act as President is a prayer.

Большое внимание уделяется внутриполитическим делам страны, обсуждаются конфликты, назревшие в Конгрессе. Дж. Буш призывает противоборствующие стороны к миру.

Весь текст послания пронизывают две сквозные метафоры, задающие тон и характер всей речи в целом:

A new breeze is blowing.

This is the age of the offered hand.

В тексте отсутствуют повелительные конструкции, их заменили конструкции, выражающие совет, просьбу, предложение: *we need, we want, I put on my hand to my friends.*

Выступление отличается сложными синтаксическими построениями, развернутым повествованием, динамика текста спокойная и размеренная.

Америка и страны, сотрудничающие с ней, вышли на новые рубежи и закрепили здесь свои позиции, век информационных технологий и открытой рыночной экономики способствует процветанию этих стран.

7. Второе инаугурационное послание Б. Клинтона, 1997.

Слова с самой распространенной семантикой: *challenges (испытания), millennium (миллениум), prospect (перспектива), achievement (достижение), liberty (свобода), connections (связи), commerce (коммерция), terror (терроризм).*

Тематические центры: Америка – самая могущественная мировая держава:

America became the world's mightiest industrial power; saved the world from tyranny in two world wars and a long cold war...

Многие открытия 20 века были сделаны американцами, их вклад в мировую историю огромен:

... split the atom and explored the heavens; invented the computer and the microchip; and deepened the wellspring of justice by making a revolution in civil rights for African Americans and all minorities...

Клинтон четко выводит основные пункты своей программы внутренней политики государства: борьба с наркоманией, борьба с преступностью и безработицей:

... to help reclaim our streets from drugs and gangs and crime...

Лингвистические средства, использованные для написания речи, соответствуют общему духу обращения. Часто используется глагол *"must"* должен, много императивных конструкций призыва, поощрения, приглашения. Доминируют прилагательные в превосходной степени или абстрактные прилагательные со значением превосходства (*remarkable*):

Each and every one of us, in our own way, must assume personal responsibility.

Our schools will have the highest standards in the world.

В своей предвыборной речи Б. Клинтон уделяет особое внимание внутренним проблемам государства, международная политика уходит на второй план.

8. Первое инаугурационное обращение Дж. Буша младшего, 2001.

Исторический период: 2000 годы. Экономическое положение в стране довольно стабильно. Угроза терроризма и война в Югославии, но это все за пределами США, во внутренней политике все благополучно.

Слова с ведущей семантикой: *freedom (свобода), strength (сила), trust (вера), hope (надежда), terrorism (терроризм), aggression (агрессия), enemy (враг), safety (безопасность), civil rights and duty (гражданские права и обязанности).*

Основные топосы вполне традиционны, за исключением борьбы с терроризмом. «Холодная война» закончилась, но она еще будет напоминать о себе, а на ее место пришли другие военные столкновения.

Речь вполне традиционна для благополучного периода в жизни страны и сходна с обращением Кеннеди. Президент убедителен и уверен в себе.

9. Второе инаугурационное послание Дж. Буша мл., 2005.

Лексические центры: *freedom (свобода), opportunity (возможность), change (изменение), renewal (обновление), extending frontiers (расширение границ), terrorism (терроризм), struggle (борьба), liberty (свобода).*

Тематика предвыборной речи Дж. Буша (выдвижение на второй срок) и второго инаугурационного послания носят сходный характер.

Тематические центры:

Основная тема, которая заявлена в обеих речах, это тема борьбы с терроризмом, героизм солдат воевавших в Ираке и единение наций перед угрозой террористических атак. В предвыборной речи эта тема звучит в эпиграфе:

My fellow Americans, for as long as our country stands, people will look to the resurrection of New York City and they will say: Here buildings fell; here a nation rose.

Как обычно, в предвыборном обращении президент оглядывается на то, что было сделано им и его командой за истекший срок:

Since 2001, Americans have been given hills to climb, and found the strength to climb them. Now, because we have made the hard journey, we can see the valley below.

Дж. Буш особенно ярко подчеркивает участие своих приближенных и своей семьи:

In the work we have done, and the work we will do, I am fortunate to have a superb Vice President.

I am grateful to share my walk in life with Laura Bush.

I'm a fortunate father of two spirited, intelligent, and lovely young women.

Чрезвычайно высока контактность речи для монологического повествования. На тематическом уровне это заявлено обращением к конкретным людям, своей семье в том числе, к людям конкретных специальностей. Президент призывает писать ему по электронной почте. Сама речь выдержана в некотором роде как интерактивное общение:

As I've traveled the country, I've met many workers and small business owners.

As I've traveled our country, I've met too many good doctors, especially OBGYNs.

The web address is not very imaginative, but it's easy to remember.

Дж. Буш иронично критикует партию своих противников. Ирония и игривый тон его заявления усиливают негативный эффект, производимый на публику:

My opponent recently announced that he's the conservative -- the candidate of "conservative values." Must have come as a surprise to a lot of his supporters. There are some problems with this claim. If you say the heart and soul of America is found in Hollywood, I'm afraid you are not the candidate of conservative values.

Звучит традиционная для данной речи и для инаугурационного послания тема восхваления Америки, великой нации, ее прошлого, настоящего и будущего:

Now we go forward grateful for our freedom, faithful to our cause, and confident in the future of the greatest nation on earth.

America must be the best place in the world to do business.

Речь имеет яркую стилистическую окрашенность: часто используются параллельные конструкции и повторения отдельных фраз и предложений. Это придает речи лозунговый характер, убедительное и призывное звучание:

... and nothing will hold us back.

Речь завершается лаконичными предложениями, которые подводят итог всему сказанному и ставят смысловое ударение на центральные пункты президентской программы:

We see America's character in our military.

We see it in our young people, who have found heroes once again.

We see that character in workers and entrepreneurs.

And all of this has confirmed one belief beyond doubt: Having come this far, our tested and confident Nation can achieve anything.

Программа, представляемая Дж. Бушем, четко распланирована и организована, короткие синтаксические конструкции еще раз подчеркивают это.

Для российской политической коммуникации инаугурационная речь новый дискурсивный тип, и это надо обязательно учитывать при сравнительном анализе речей российских и американских политиков. В российской истории инаугурация президента проводилась трижды за последнее десятилетие. За этот период времени в жизни российского общества произошли серьезные изменения в области экономики, политики, культуры, менялись ценностные предпочтения. Сравнительный анализ показал различие ключевых тем выступлений.

Российскому президентскому дискурсу, в отличие от американского, не свойственна предвыборная речь, когда президент официально объявляет, что будет выставлять свою кандидатуру от определенной партии на президентских выборах. В связи с этим были исследованы только инаугурационные обращения.

Важно проследить становление и динамику развития нового для российской политической культуры явления. Инаугурационная речь структурируется системой ценностей, которую разделяют члены общества. В некоторых странах ценностные ориентации имеют неизменный характер. Ценностные предпочтения россиян меняются с течением времени. Социологи выделяют несколько этапов развития ценностных ориентаций россиян за последнее десятилетие:

1990-1993 гг. - рост ценностей свободы, демократии, прав человека;

1994-1997 гг. - наибольшую значимость приобретают такие ценности, как семья, безопасность труда, порядок, а также наблюдается ценностное размежевание между элитными и массовыми группами;

нач. 1997 – 2000 гг. - рост ценностей, связанных с государственным патернализмом, восстановление в измененном виде ценностей советского периода [Пантин, Лапкин 1999: 158].

Изменения ценностных ориентацией россиян отражены в инаугурационных выступлениях Б.Н. Ельцина (1991, 1996) и В.В. Путина (2000).

1. Первое инаугурационное послание Б.Н. Ельцина, 1991.

Слова с доминирующей семантикой: *народ, основа, выбор, мир, возрождение, преобразование, противостояние, забвение, кризис.*

Тематической основой речи являются понятия противостояния, свободы и демократии, достоинства (*путь возрождения достоинства человека*), благополучия (*государство сильно благополучием своих граждан*), возрождения России (*Россия возродится!*), ради-

кальных реформ (*радикальное обновление, коренное преобразование, энергичные действия*), мирных способов преобразований (*Россия - миролюбивое государство, народы России хотят трудиться и жить в мире*).

Данная тематика непосредственно связана с особенностями общественно-политического развития страны в конце 80-х годов. Известно, что в переходную эпоху главным процессом в преобразовании общества становится противостояние и отрицание.

Тема «противостояние» наблюдается на всех уровнях текста. На уровне семантических оппозиций было выявлено противопоставление следующих **топиков**: негативный опыт социалистического прошлого – перспективы новой России, власть – народ, сегоднешний кризис – будущее возрождение России.

Б.Н. Ельцин отрицанию старых ценностей противопоставляет необходимость выработки новых ориентиров: *нечеловеческие условия старой жизни - достоинство человека; идеологический диктат – духовное раскрепощение человека; интересы государства - интересы каждого человека; кризис – возрождение России; массовое самопожертвование – благо каждого человека.*

Президент вводит такие новые для общественного сознания понятия, как *творческое, человеческое начало, свобода, собственность, законность, открытость миру.*

В образовании темы «противостояние» активно участвуют слова, в лексическое значение которых включена сема 'отрицание'. Эти слова создают фон, описывающий прошлое: *отрицание, позабыть, забвение, кризис.* Глагольные пары с противительным значением поддерживают семантику оппозиционности: *станет – не станет, уйдет в прошлое – зарождается.*

На словообразовательном уровне значение отрицания выражается с помощью префиксов *не-, без-*, усиливающих противительное значение: *невозможно, неудача, неизбежна, не приемлем, нечеловеческие условия, безвозвратно.*

Развертыванию данной темы способствует частотное употребление отрицательных предложений в тексте выступления: *достойная жизнь не даруется свыше и не наступает сама собой; перемены не даются легко; когда не хватает решимости действовать...; россияне не станут более в угоду какой-то догме отказываться от своего прошлого; народы... не утратили умения и желания трудиться.*

Отрицательные конструкции со словом «нет» (*нет выше чести...; нет выше должно-сти...*) и предложения с противительными союзами (*смысл нашей политики является не массовое самопожертвование, а благо каждого человека, его интерес; они (граждане России) выбрали не только личность, не президента, но... тот путь*) усиливают семантику противостояния и отрицания.

В целом синтаксический ритм инаугурационного выступления можно охарактеризовать как прерывистый и ломаный. Наблюдается контактное расположение различных по структуре синтаксических конструкций как в пределах одного абзаца, так и внутри сложного предложения. Е.М. Лазуткина отмечает, что инаугурационной речи Б.Н. Ельцина присущ «возмущающий контекст» [Лазуткина, 1994: 34], для которого характерны контраст (*чтобы обрести друзей, а не врагов*), эмфаза (*в радикальном обновлении нуждается и Российская Федерация*), эллипсис (*Народная поддержка кандидатов демократического движения на выборах – лучшее подтверждение этих общечеловеческих ценностей в нашей жизни*).

2. Второе инаугурационное послание Б.Н. Ельцина, 1996.

В 1996 году на смену противостоянию и отрицанию пришли семейные ценности, а

предвыборная кампания называлась «Россия: человек, семья, общество, государство»:

Главное сейчас – дать второе дыхание производству, обеспечить предприятия заказами, а людей работой. Добиться роста уровня жизни каждой российской семьи. В этом вижу свою главную задачу.

Слова с ведущей семантикой: президент, сила, государство, работа, производство.

Синтаксический ритм выступления более размеренный, на лексическом и грамматическом уровнях не наблюдается доминирования негативной семантики. Это отражает общественные настроения и свидетельствует о том, что социально-политическая ситуация в стране под контролем и более или менее стабилизирована.

Президент выдвигает новые цели, говорит, что будущее страны в руках молодого поколения, он надеется, что история будет переписана мирным путем, достойно, что удастся избежать переворотов и радикальных мер. В речи главенствует тема надежды на светлое будущее государства.

3. Первое инаугурационное послание В.В. Путина, 2000.

В 2000 году идея единства, государственного патриотизма, стремление возродить мощь России, служение во благо Отечества – явились смысловой доминантой инаугурационного выступления В.В. Путина.

Слова, имеющие наибольший семантический вес в тексте выступления, являются отражением меняющегося мировоззрения россиян.

Семантические центры: возрождение, свобода, человек, гражданин, власть, история.

Тематическая основа: возрождение сильной России, служение Отечеству, единство нации, великое историческое прошлое.

Действующий президент России в качестве основной цели выдвигает следующий призыв: «*Считаю своей святой обязанностью сплотить народ России, собрать граждан вокруг ясных целей и задач*». Возрождается идея «мощественного государства», идущего по пути развития и процветания.

Тема «единство» разворачивается с помощью лексических средств категории обобщенности. Отметим частотное употребление обобщенного местоимения *весь*: *всё, что происходит в стране, всех, тех, кто проголосовал за меня, впервые за всю историю нашего государства, всё лучшее из нашей истории*.

В формировании содержания данной темы участвует притяжательное местоимение *наш* в значении «охватывающий всех»: *в нашей истории, в нашей стране, для нашего народа, сосредоточие нашей национальной памяти, история нашей страны, из нашей истории, наша Россия, на улицах наших городов, нашу жизнь, судьба нашего Отечества, в нашей жизни, за всю историю нашего государства*.

В инаугурационной речи президент В.В. Путин использует коммуникативный прием сплочения - собирательные наименования людей: *граждане, потомки, люди, соратники, друзья*.

Развертыванию темы «единство» способствует повторное в ограниченном текстовом пространстве употребление слова *общий*: *у нас с вами одно общее будущее, у нас общие цели*; наречия с семантикой совместности действий *вместе, сообща*.

Немаловажное значение имеют и словообразовательные элементы (например, префикс *со-*). В тексте равномерно распределены существительные с префиксом *со-*, имеющие значение объединенной совместности, взаимной связи (*сограждане, соратники*,

событие) и глагольные формы с префиксом *со-*, имеющие значение совместного совершенства действия (*создавал, сохранил, собрал*).

Завершая анализ инаугурационных речей, отметим, что во всех инаугурационных выступлениях российских президенты обращаются к теме единства нации, к историческому прошлому; подчеркивают значимость момента и новизну ситуации; говорят о необходимости преобразований, определяют роль и персональную задачу президента.

Наблюдения над особенностями риторики действующего президента позволяют сделать вывод о преобладании следующих языковых явлений: номинализации, пассивизации, употреблении слов с отвлеченным значением, незначительном количестве оценочных прилагательных и метафор. Перечисленные средства могут свидетельствовать об отсутствии кризисных явлений в общественном сознании и определенной политической стабильности.

Итак, инаугурационные обращения и упомянутые выше предвыборные речи являются отражением политической эпохи, языковых и национально-специфических особенностей двух стран. Выделенные семантические и тематические центры воссоздают исторический, общественно-политический и языковой фон. Полученная картина подтверждается лингвистическими наблюдениями на разных уровнях. Результаты проведенного исследования демонстрируют эволюцию взглядов в американском и российском политическом дискурсе и позволяют получить целостное восприятие произошедших изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазупкина Е. М. Парламентские жанры // Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. - С. 34 – 45.
2. Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово. – М., 1996.
3. Пантин В., Лапкин В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // Библиотека публикаций Московского центра Карнеги. Pro et Contra, Том 4, Весна 1999. Преобразования в России: итоги десятилетия. <http://pubs.carnegie.ru/p&c/default.asp?n=index1996-2001.asp>
4. Шейгал Е. И. Язык и власть // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград, 1999. - С. 138 – 142.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.
6. Crystall D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University – Press, 1995.
7. Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse // Form, Genre and the Study of Political Discourse. – Columbia, 1986. P. 301 – 338.

ЭНЦИКЛОПЕДИИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Биографический справочник. – М., МГУ, 1995.
2. Государственные деятели России. В 24 т. – М., 1992-94.
3. Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений 18-20 вв.. – М., 2001.
4. Кто есть кто в России и бывшем СССР. – М., 1994.
5. Советская историческая энциклопедия. – М., 1962-71.
6. Dictionary of American Politics. Ed. By Edward C. Smith. N. Y., 1995
7. Encyclopedia Americana. N. Y., 1988.

© Маркова О.А.,
Харламова Т.В., 2005

Светоносова Т.А.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «СВОБОДЫ» КАК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ В ПОСЛАНИЯХ В.В. ПУТИНА ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

В последние годы политики всех рангов дружно заговорили о ценностях. Этот термин плавно переместился из философских кабинетов в залы заседаний парламентов и на газетные полосы. Следует отметить, что само слово ценность в научный оборот было введено в 60-е годы XIX века немецким философом Лютце. Теорией ценностей занимается аксиология – особое философское направление, которое сформировалось еще на рубеже XIX-XX веков.

В философии традиционно существует три основных подхода к определению понятия «ценность». Первый из них – натуралистический, в этом случае считается, что ценность имеет биологические основы (желания, потребности человека). Странники такого подхода (Демокрит, Эпикур, Спиноза, Т.Гоббс, Дж.Локк) утверждают, что ценность – это то, что соответствует желаниям человека, доставляет ему удовольствие. Странники объективно-идеалистического подхода (Э. Шефтсбери, М. Шелер, Н. Гартман) считают, что ценности существуют в мире сами по себе. Например, Добро существует в мире изначально, а в человеке от природы заложены представления о нравственных ценностях. Странники вульгарно-материалистической концепции предложили предельно материалистический подход, согласно которому ценность присуща предмету самому по себе. В основе ценности лежит потребность человека в предмете, а точнее – польза, приносимая этим предметом. Таким образом, оказывается, что ценность – это свойство предмета [Голованова, 2002: 52].

В настоящее время как в России, так и за рубежом развиваются новые концепции ценностей. Так, Н.С. Розов даёт следующее определение: ценности – это идеалы, принципы поведения и принципы сознания, а также конкретные цели [Розов, 1998: 13]. В западной аксиологии ценности определяются как феномены, которые ставятся людьми выше всех остальных, к которым можно и нужно стремиться, которые требуют уважения, признания и почтения [Ветасова, Румянцева, 1998: 11]. В данной работе в основу определения понятия *политическая ценность* положен тезис Е.И. Шейгал о том, что политический дискурс – это дискурс борьбы [Шейгал, 2000: 3] Мы определяем ценность следующим образом: ценность – это то, что политические лидеры считают самым важным, за что они планируют бороться, к чему они обещают стремиться.

Материалом для нашего исследования послужили тексты посланий Федеральному Собранию президента В.В. Путина. Послание Федеральному Собранию – это большое программное выступление президента, которое играет важную роль в системе жанров президентской риторики. Следует отметить, что Послание Федеральному Собранию – относительно новый жанр в русском политическом дискурсе. Впервые первый президент России Б.Н. Ельцин выступил с Посланием 24 февраля 1994 года. С тех пор Президент России ежегодно обращается к Федеральному Собранию [Гаврилова, 2004: 118]. Как правило, в Послании президент формулирует цели и задачи на предстоящий год, обозначает ориентиры развития страны, а также указывает на ценности, присущие стране. Мы выявили следующие языковые факторы, свидетельствующие о повышенном внимании президента к ценности *свобода*:

1. Обширная представленность обозначений соответствующей ценности в тезаурусе. Так, В.В. Путин в посланиях Федеральному Собранию (2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005) шестьдесят шесть раз обращается к понятию *свобода*. При проведении данных подсчётов

во внимание принималась возможность репрезентации данного концепта не только при помощи существительного свобода, но и при помощи прилагательного свободный.

2. Аксиологические характеристики ценности, в том числе прямое указание на высокую значимость для общества соответствующего феномена. Ср.: **Свобода слова была и остаётся незыблемой ценностью российской демократии.** Президент положительно оценивает волю к свободе: *В нашем обществе вырабатывается не только энергия самосохранения, но и воля к новой свободной жизни.* Президент считает, что для успеха необходимо свободное общество и свободны люди: **Мы должны стать свободным обществом свободных людей.**

К аксиологическим относятся и контексты, в которых В.В.Путин подчеркивает негативные следствия отсутствия свободы. Ср.: *Коррупция – это не результат отсутствия репрессий – хотел бы это подчеркнуть, – а прямое следствие ограничения экономических свобод.*

3. Включение ценности в число целей и задач деятельности президента, готовность к борьбе за нее. Ср.: *Наша стратегическая цель такова: меньше администрирования, больше предпринимательской свободы – свободы производить, торговать, инвестировать.*

Считаю, что создание в России свободного общества свободных людей – это самая главная наша задача. Но и самая сложная.

Любые действия региональных властей, направленные на ограничение экономической свободы, следует пресекать как неконституционные.

4. Конкретизация представлений о соответствующей ценности. В этом случае президент не просто говорит о ценности свободы, но и конкретизирует свои представления о свободе, уточняет, какие именно свободы он имеется в виду. Например, В.В.Путин указывает на то, что свобода – это важная задача его политики, и тут же конкретизирует её, указывая, о каких свободах идет речь. Ср.:

Наша важнейшая задача – научиться использовать инструменты государства для обеспечения свободы – свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества.

Только эффективное и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины.

В следующих примерах российский президент также использует конкретизацию и в очередной раз подчеркивает, какие именно свободы для него особенно важны. Ср.:

Только от нас зависит, сможем ли мы стать обществom действительно свободных людей, свободных – и экономически и политически.

В России будут в полной мере обеспечены права человека, гражданские и политические свободы.

На основе изучения подробных фактов можно сделать вывод, что для президента России важна не просто свобода как абстрактная политическая ценность, а именно свобода 1) личностная, 2) экономическая, 3) политическая, 4) гражданская. Особое внимание В.В.Путин уделяет экономической свободе. Ср.:

Сегодня страны мира соревнуются друг с другом в привлекательности делового климата, в развитии экономических свобод, в качестве государственных институтов и эффективности судебно-правовой системы.

Между тем прямая обязанность государства – создать условия для развития эко-

номических свобод, задавать стратегические ориентиры, предоставлять населению качественные публичные услуги и эффективно управлять государственной собственностью.

Ключевая роль государства в экономике – это, без всяких сомнений, защита экономической свободы.

Вместе с тем Президент постоянно напоминает и о значимости политических свобод. Ср.: *Никому не должно быть позволено, устраивать селекцию прав и свобод человека в зависимости от обложки паспорта.*

Основой для достижения целей полагаю консолидацию общественных сил, неизблемость Конституции Российской Федерации и гарантированных прав и свобод граждан.

Среди политических свобод особенно часто упоминается свобода работы СМИ: эта свобода в выступлениях президента может обозначаться как журналистская свобода, свободная пресса, свобода информационного бизнеса, свобода слова. Ср.:

Без действительно свободных СМИ российской демократии просто не выжить, а гражданского общества не создать.

Журналистская свобода превратилась в лакомый кусок для политиков и крупнейших финансовых групп, стала удобным инструментом межклановой борьбы.

Свободная пресса в России состоялась.

Мы обязаны гарантировать журналистам реальную, а не показную свободу гражданского информационного бизнеса.

Таким образом, российский президент последовательно конкретизирует рассматриваемую ценность. В своих выступлениях он, как правило, затрагивает следующие свободы: 1) свобода личности, 2) экономическая свобода, 3) политическая свобода, 4) гражданская свобода, 5) свобода СМИ.

5. Толкование слова, обозначающее ценность, или иные способы привлечения внимания к его значению. Наше исследование показало, что президент не даёт точных определений ценности свобода. Однако российский президент высказывает сожаление в связи с тем, что политики не всегда до конца понимают смысл этой ценности. Ср.:

Главной политико-идеологической задачей считаю развитие России как свободного, демократического государства. Мы довольно часто произносим эти слова, однако глубинный смысл ценностей свободы и демократии, справедливости и законности – в их практическом преломлении в нашей жизни – раскрываем достаточно редко.

6. Темпоральная характеристика ценности, то есть обращение к вопросу о том, насколько значима для общества данная ценность в прошлом, настоящем и будущем. В большинстве вышеуказанных примерах президент, говоря о свободе, использует настоящее время. Несколько реже президент говорит о свободе в контексте будущего времени. Российский президент намерен защищать и обеспечивать свободы в будущем, он уверен в том, что Россия станет страной подлинной свободы. Ср.:

Россия должна быть и будет страной, где экономические свободы позволят людям честно работать, зарабатывать.

Никто и ничто не остановит Россию на пути обеспечения прав и свобод человека.

Мы будем делать всё, чтобы в стране развивалась реальная многопартийность, укреплялись личные свободы граждан.

Власть в России должна работать для того, чтобы сделать в принципе невоз-

можным отказ от демократических свобод, а взятый экономический курс – беспоротным.

Вместе с тем показательно, что президент упоминает и том, что в прошлом в России не было свободы. Он подчеркивает, что свобода для российского народа – это традиционная ценность. Ср.:

*Порой можно слышать, что поскольку российский народ веками **безмолствовал, то и свобода** для него якобы непривычна и не нужна, и будто бы поэтому наши граждане нуждаются в постоянном начальственном присмотре.*

В данном контексте президент метафорически определяет отсутствие свободы в прежние времена как безмолвствие.

Важно специально рассмотреть то, насколько семантика слова *свобода* в рассмотренных текстах соответствует словарным толкованиям соответствующего существительного. В «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (2003) даётся следующее толкование слова *свобода* в его различных значениях:

1) отсутствие политического и экономического гнёта, отсутствие ограничений в общественно-политической жизни общества. Политическая свобода. Демократическая свобода (совокупность всех политических и правовых прав граждан, определяющих их положение в государстве). Свобода манифестаций. Свобода слова (право граждан иметь и свободно выражать свои взгляды по всем интересующим их проблемам). Свобода печати (независимость средств массовой информации от всех элементов политической системы). Свобода совести (право исповедовать любую религию или не придерживаться никакого вероисповедания)

2) государственная независимость, суверенитет. Сражаться за свободу своей страны.

3) Отсутствие крепостной зависимости, рабства. Купить себе свободу. Дать свободу крепостным.

4) Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе. Лишение свободы. Выпустить на свободу.

5) Отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собою по собственному усмотрению. Стеснять чью-либо свободу. Пользоваться полной свободой.

6) Возможность действовать в какой-либо области без ограничений, запретов, беспрепятственно. Свобода торговли. О духовной независимости, самостоятельности. Свобода мыслей.

7) Возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества.

8) Лёгкость, отсутствие затруднений в чём-либо. Отвечать на экзамене со свободной уверенностью. Свобода манёвра. Непринужденность отсутствие связанности. Свобода выражений.

9) Разговорное. Раздолье, простор.

10) Свободное, незанятое время; досуг. Час отдыха и свободы. [Кузнецов, 2003: 157].

Итак, словарная статья на слово *свобода* включает десять значений. Мы выяснили, что В.В. Путин использует данное слово в самых разнообразных значениях, за исключением третьего (оно представляет собой историзм, то есть неактуально для рассмотрения современной российской действительности) и девятого, которое относится к числу разговорных. Достаточно часто президент обращается к юридическому аспекту свободы, то есть в выступлениях В.В.Путина мы находим и упоминания о лишении свободы как способе

наказания. Ср.:

По действующему законодательству у судов есть возможность вместо лишения свободы применять штрафы и другие, более гуманные меры наказания.

Считаю, что применение наказаний, не связанных с лишением свободы, – там, где, конечно, это обосновано, там, где есть основания для этого, – должно стать широкой судебной практикой.

В местах лишения свободы и предварительного заключения содержится у нас – вдумайтесь в эту цифру – более миллиона человек.

Существенная часть этих людей изолирована от общества по статьям Уголовного Кодекса, которые предусматривают и иные наказания, а не только лишение свободы.

Таким образом, выяснилось, что не все указанные в словаре значения слова свобода активно используются в посланиях российского президента, что, несомненно, связано с жанровыми особенностями рассматриваемых текстов.

В целом рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что для действующего президента России свобода – это важная политическая ценность, которая характеризуется совершенно конкретным смыслом. Он точно указывает, какие именно свободы будет защищать (свободы граждан, свободу СМИ, экономические, политические и гражданские свободы). Президент не даёт собственных определений свободы, но в ходе исследования выяснилось, что президент употребляет слово свобода далеко не во всех зафиксированных толковым словарем значениях. Президент не склонен к метафорическому определению рассматриваемого понятия и к сопоставлению представлений о свободе в нашей стране и за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ветасова Н.В. Румянцева М.Г. Аксиология. – Казань, 1998.
2. Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). – СПб, 2004.
3. Голованова А.В. Ценности и оценки в языковом отражении. Дис... канд. филол. наук. – Пермь, 2002.
4. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. – СПб, 2003.
5. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире. – Новосибирск, 1998.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.-Волгоград, 2000.

© Светоносова Т.А., 2005

**Солопова О.А.
Екатеринбург**

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Любой политический текст обязательно базируется на предшествующем опыте говорящего и слушающего. В то же время он обусловлен планируемыми действиями, возможностью или невозможностью этих действий. В настоящее время существует ряд исследований, фокусирующих внимание на оппозиции ПРОШЛОЕ — НАСТОЯЩЕЕ — БУДУЩЕЕ. Специалисты задаются вопросом о том, как метафоры помогают моделировать политическое прошлое, современную реальность и будущее общества, насколько эти метафоры способны продуцировать негативные образы («тяжелое прошлое», «трудное настоящее», «страшное будущее»), либо настраивать на конструктивное восприятие предмета речи

(«величественное прошлое», «светлое настоящее», «прекрасное будущее»).

По мнению Э.Р. Лассан оппозиция ПРОШЛОЕ — НАСТОЯЩЕЕ — БУДУЩЕЕ является одной из важных ценностных оппозиций, на которые опирается современный политический дискурс [Лассан, 1995: 42]. Е.И. Шейгал полагает, что глубинная цель дискурса состоит в том, чтобы «утвердить или разрушить существующие стереотипы, создать или разоблачить социально-политические мифы, критически осмыслить и интерпретировать прошлое с проекцией в настоящее, свести счёты с политическими противниками, оказать определённое влияние на восприятие образа себя и других политиков в общественном мнении» [Шейгал, 2000: 30-31]. Д. Грейбер выделяет следующие функции политического дискурса: распространение информации (о состоянии дел в политическом сообществе), «определение повестки дня» (выдвижение определённых вопросов в центр общественно-внимания), проекция в будущее и прошлое (прогнозирование будущего и размышления о прошлом) [Graber, 1981: 198].

В публикации Е.И. Шейгал представлен жанр инаугурационного обращения. Автор относит жанр инаугурационного обращения к политическим перформативам, выделяя среди прочих следующие жанровые признаки: обращение к прошлому как к источнику традиционных ценностей нации; провозглашение политических принципов, которыми будет руководствоваться новое правительство [Шейгал, 2002: 206]. В работе Т.В. Шмелёвой в качестве модели описания и систематизации речевых жанров предлагается «анкета речевого жанра», включающая семь пунктов: «коммуникативная цель жанра», «концепция автора», «концепция адресата», «событийное содержание», «фактор коммуникативного прошлого», «фактор коммуникативного будущего» и «языковое воплощение» [Шмелёва, 1997: 91-92]. Н.Б. Руженцева, исследуя дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе, останавливается на тактике создания образа «темного настоящего (прошлого, будущего)», ее разновидностях – доведении ситуации до абсурда (утрирование), а также тактике негативного прогнозирования [Руженцева, 2004: 131-136, 190]. В диссертации П.О. Мироновой (2003) в рамках стратегии редукционизма рассматриваются речевые тактики создания образов прошлого, настоящего и будущего с полюсами «темное» — «светлое». В исследовании В.А. Даулетовой (2004) очерчено коммуникативное прошлое (рефлексивная ретроспекция имевших место событий профессиональной и частной жизни автора) и коммуникативное будущее (изменение отрицательных и усиление положительных диспозиций адресата по отношению к персоне автобиографа) в жанре политической автобиографии.

В конкретных текстах оппозиция ПРОШЛОЕ — НАСТОЯЩЕЕ — БУДУЩЕЕ часто реализуется посредством «лейтмотива, конкретного образа, который проходит через весь текст или текстовый фрагмент» [Руженцева, 2004: 153]. Таким лейтмотивом может быть развернутая политическая метафора. А.П. Чудинов выделяет основные признаки, по которым метафорическую модель можно охарактеризовать как доминантную: 1) высокая частотность использования; 2) развернутость, т.е. представленность в тексте различных фреймов и слотов; 3) рассредоточенность, т.е. использование соответствующих метафор в различных частях текста; 4) использование метафор в наиболее сильных позициях текста; 5) использование не только стандартных, традиционных, но и ярких, индивидуально-авторских образов, привлекающих внимание читателей [Чудинов, 2003: 124-125].

Рассмотрим закономерности взаимодействия названных признаков в публикации под заголовком *Lost Labour's love* (Забывтая любовь лейбористов) (Nick Cohen / *The Observer*, May 27, 2001), где журналист описывает прошлое, настоящее и предполагаемое будущее

Британии с использованием лексики родства.

В данном тексте происходит многоаспектное развертывание метафор, принадлежащих разным фреймам модели «ПОЛИТИКА – ЭТО СУПРУЖЕСТВО», приобретающей функцию метафорической доминанты; метафоры данной модели лишь эпизодически взаимодействуют с метафорами смежных или оппозиционных моделей.

Можно заметить, что в анализируемой статье представлены разнообразные фреймы указанной модели. Автор активно использует метафоры фрейма «Период ухаживания», моделируя прошлое Великобритании: a charmer (чаровница), to court (ухаживать), to please (угождать, доставлять удовольствие), to woo (ухаживать, свататься), unrequited loves (любовь без взаимности), to love (любить). Ср.: *The leaked memos from Downing Street last summer showed Blair's eyes were straying towards the hatchet-faced girls at the Daily Mail. He ordered gestures on crime, asylum and the family to woo his unrequited loves.* (Директивы, поступающие с Даунинге Стрит прошлым летом, указывали на то, что вселяя Блэра блуждал в поисках остроносых девушек из Дэйли Мэйл. Премьер-министр предпринял действия в отношении преступности, политических эмигрантов и брачному праву, дабы добиться любви тех, кто к нему был равнодушен.)

Система метафор данного текста не ограничивается метафорами одного фрейма модели. В тексте многочисленны примеры использования метафорических номинаций, входящих в состав фрейма «Отношения в браке», характеризующих прошлое и настоящее страны: to live with smb. (жить с кем-либо), to keep the relationship (сохранять отношения), to cave in (уступать), to invest time and energy (тратить время и силы), to have one's children (иметь детей от кого-либо), что характерно, наиболее частотны при создании образа «темного настоящего» метафоры с негативно-оценочным потенциалом: a liar (лжец), a cheat (обманщик), rotten relationships (отвратительные отношения), to waste one's hopes (надеясь впустую), a worthless man (никчемный человек), to exploit (использовать), servile women (покорные женщины), to be unappreciative (быть неблагодарным), в частности, принадлежащие слоту «Физическое насилие в браке»: violent men (насильщики), get into damaging relationships, to put up with smth. (терпеть, мириться с чем-либо), assaults (оскорбления, физическое насилие), to make excuses for smb. (оправдывать кого-либо), battered wives (избитые жены), abusers (мужья, избивающие жен), to beat one's wife (бить жену), to accept batterings (терпеть побои), complaint (жалоба, протест), an evil husband (плохой муж), an abused friend (избитая подруга), to threaten (угрожать), a protestation (протест, возмущение), to be fearful of (бояться чего-либо), to stop beating smb. up (прекратить избивать, обходиться со зверской жестокостью), to kill (убить). Ср.: «Vote for me, I'm evil, but I'm not quite as evil as the other guy» is not an inspiring a slogan for those who prefer to avoid evil in all of its manifestations. If an abused friend threatened to leave a violent man, you would think her foolish if she were persuaded to stay by the protestation: «I know I can't stop beating you up, but there are men who will kill you out there.» («Голосуйте за меня. Да, я плох, но в сравнении с другим я лучше» – лозунг, который не особо вдохновляет тех избирателей, которые предпочитают избегать зла во всех его проявлениях. Вы сочли бы глупой вашу подругу, которая решила уйти от мужа, постоянно избивающего ее, если бы он убедил ее остаться, утверждая: «Я знаю, что не могу не бить тебя, но те другие тебя убьют»).

В тексте происходит дальнейшее развертывание модели «ПОЛИТИКА – ЭТО СУПРУЖЕСТВО». Следующий фрейм «Супружеская измена», метафоры которого частотны при моделировании будущего, представлен такими метафорами как to push smb. into the arms of rivals (толкнуть в объятия соперников), to make love (заниматься любовью), a furtive,

strangely guilt-ridden experience (тайный, проникнутый странным чувством вины опыт), to practice (практиковать), to discover new positions (открывать для себя новые позы), an embrace (объятие), a tumble (совокупление), an earthy hug (крепкие объятие), one's self-esteem grows (чувство собственного достоинства растет), to pay the attention one deserves (уделять внимание, которое кто-либо заслуживает). Ср.: *Alternatively, Blair might have replied: 'Thatch's lost it completely, Andy. The doctors have done the tests and found I don't have a trace of socialism in my veins.' If he had, he would have risked pushing leftish supporters into the arms of rivals.* (Блэр мог бы ответить иначе: «Тэтчер все поняла не так, Энди (Мэпп). Врачи провели исследования крови и не обнаружили в моих венах ни капли социализма». Если бы он сказал так, то рискнул бы толкнуть сторонников левых взглядов в объятия соперников).

Неудачный брак очень часто приводит к разводу в будущем, поэтому автор активно использует метафоры, восходящие к полю-источнику «Развод»: abandonment (оставление жены, ребенка), to be much better off without smb. (чувствовать себя гораздо лучше без кого-либо.), independence (независимость), loneliness (одиночество), to release (отпускать), to leave (уходить), to persuade to stay (уговаривать остаться), to liberate (освобождать, избавлять), to be free (быть свободным), to desert one's old partner (бросать супруга). Ср.: *The prospect is paradoxically liberating. You are now free to – I would say you have a duty to – desert your old partner. I've talked of evil husbands and battered wives, but I prefer to use a happier simile when I describe to virgins what the experience of not voting New Labour is like. It's like making love. (Парадоксально, но в будущем – свобода. Теперь вы волны – я бы сказал, вы обязаны – бросить мужа. Я говорил о плохих мужьях и избитых женах, но предпочту более приятное сравнение, описывая девицам опыт, который они приобретут, не проголосовав за Новых Лейбористов. Это сродни занятию любовью.)*

Использование метафор доминантной модели «ПОЛИТИКА – ЭТО СУПРУЖЕСТВО» формирует негативную оценку за счет неблагоприятных для объекта метафоризации ассоциаций, которые сопровождают восприятие созданных автором образов «темного прошлого» и «темного настоящего». В данных метафорических словоупотреблениях развивается негативная оценочность, связанная с коннотациями предательства, физического насилия и унижения. Будущее предстает перед читателями то в светлом ключе, то в темном, в зависимости от того, последуют они «ненавязчивым» советам автора, или останутся при своей точке зрения.

Показательно, что рассматриваемая метафорическая модель рассредоточена по всем разделам анализируемой статьи: она активно представлена в заглавии, в зачине, в основной части статьи и в ее концовке.

Метафора данной модели появляется уже в заголовке, являющимся своего рода рекламой статьи. Ср. *Lost Labour's love (Забывтая любовь лейбористов)*. А затем получает свое развитие во всех сильных позициях текста.

Метафоры данной модели использованы во вводном разделе Ср.: *Nick Cohen explains why die-hard Labour supporters may break a habit of a lifetime by deserting the party at next month's general election. (Ник Кохен объясняет, почему преданные сторонники лейбористов, смогут избавиться от своей пагубной страсти, «бросив» партию на всеобщих выборах в следующем месяце) и в абсолютном начале статьи. Ср.: In 1986 Robin Norwood published *Women Who Love Too Much (When You Keep Wishing and Hoping He'll Change)*, one of the most successful self-help books of the times. (В 1986 году вышла книга Робин Норвуд «Женщины, которые слишком сильно любят» (Когда вы продолжаете желать и*

надеяться, что он изменится) – одна из самых удачных книг серии «Помоги себе сам» всех времен.)

Образы, связанные с фрейммом-источником «Родство по супружеству», появляются в концовке текста. Ср.: *The first time is a furtive, strangely guilt-ridden experience. But the more you practice not voting New Labour, the better you get. You discover new positions – the Lib Dem embrace, the Socialist Alliance tumble, the earthy Green hug. As your self-esteem grows, you resolve never to vote New Labour until it condescends to pay you the attention you deserve. (Первый раз – это краденый от всех, пронизанный странным чувством вины опыт. Но чем чаще вы не голосуете за лейбористов (практикуете не голосовать (досл.), тем лучше вам становится. Вы открываете для себя новые позы – объятия Либеральных Демократов, совокупление с Социалистическим Союзом, земные объятия Зеленых. Чувство собственного достоинства растет, и вы решаете не голосовать за Лейбористов до тех пор, пока они не соизволят уделять вам внимание, которое вы заслуживаете.)* Абсолютное начало и концовка относятся к тем композиционным элементам текста, которые привлекают повышенное внимание при первом знакомстве с публикацией.

Метафоры, данной модели удачно применяются в начале 5 абзацев и в конце 6 абзацев корреспонденции, что оправдано правилами риторики: располагать доводы таким образом, «чтобы сильные были наперед, которые послабее, те в середине, а самые сильные в конце». Ср.: *New Labour supporters stand by their man for all that because of their fear of the Conservative alternative. They don't see that conservatism has never been out of power because, in their terror, they have given Blair a free pass to move ever further to the Right. They don't even get gratitude in return (men who exploit servile women are notoriously unappreciative).*

In these circumstances, loving too much is undemocratic as well as demeaning. Democracy is meant to come from the bottom up. Free citizens vote for leaders who represent their interests. The electorate controls the politicians. Our democracy is being turned upside down. The politicians are attempting to control their supporters and tell them that they have no choice but to put up with policies they deplore. (Несмотря ни на что, сторонники Новых лейбористов поддерживают Блэра, боясь прихода Консерваторов. Они не понимают, что консерватизм всегда оставался у власти, поскольку они сами, страшась (альтернативы Консерваторов), дали Блэру возможность стать еще более правым. Их даже не благодарят за это (мужчины, пользующиеся слабостью зависимых от них женщин, печально известны своей неблагодарностью.)

В подобных обстоятельствах слишком сильная любовь недемократична и унизительна. Демократия должна идти снизу вверх. Свободные граждане голосуют за лидеров, которые представляют их интересы. Электорат контролирует политиков. Нашу демократию переворачивают вверх дном. Политики пытаются контролировать своих сторонников и говорить им, что у них нет выбора, нужно смириться с политикой, о которой они сожалеют).

Из приведенных фрагментов видно, как автор, используя метафоры модели «ПОЛИТИКА – ЭТО СУПРУЖЕСТВО», создает экспрессивно окрашенный, избыточный образами подтекст. Благодаря такому выбору автор создает ассоциативно-образный второй план, растекающийся по всей статье и подчеркивающий его сарказм, в результате чего у читателя должно сформироваться необходимое восприятие к описываемому событиям, острое негативное отношение к главному «персонажу» статьи. В данных примерах «метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта и устраняет другие» [Дэвидсон, 1990:188], образуя, таким образом, взгляд читателя на правление Тони Блэра, современное правительство и проводимые им ре-

формы.

Моделируя образы прошлого, настоящего и будущего Великобритании, журналист использует преимущественно нестандартные, индивидуально-авторские образы (*battered wives* (избитые жены), *abusers* (мужья, избивающие жен), *to beat one's wife* (бить жену), *to accept batterings* (терпеть побои), *to make love* (заниматься любовью), *a furtive, strangely guilt-ridden experience* (тайный, проникнутый странным чувством вины опыт), *to practice* (практиковать), *to discover new positions* (открывать для себя новые позы), *an embrace* (объятие), *a tumble* (совокупление), *an earthy hug* (крепкие объятие), etc).

Доминантная концептуальная метафора получает соответствующее дискурсивное обеспечение не только за счет отбора языковых средств и композиционного построения. Для ее акцентирования автор активно использует риторические приемы воздействия.

- Нагнетание необходимого настроения достигается за счет антитезы. Журналист противопоставляет реальное прошлое и нереальное прошлое, реальное настоящее и нереальное настоящее, реальное будущее и нереальное будущее. Демонстрация нереального прошлого, настоящего и будущего осуществляется посредством использования косвенных наклонений и сложноподчиненных предложений с придаточными условия. Ср.: *If Britain had a fair voting system, Marr would have trapped him with a classic 'when did you stop beating your wife?' question.* (Если бы в Британии была честная система голосования, Марр неутрачивал бы его (Блэра) классическим вопросом: «Когда вы перестали бить свою жену?»).

- Важнейший прием акцентирования рассматриваемой метафоры – рамочная структура статьи. В последнем предложении автор возвращает читателя к мысли, с которой он начал статью (*Lost Labour's love* (Забывтая любовь лейбористов), призывая избирателей вновь проголосовать за Лейбористов только в том случае, если те вспомнят о своем народе, будут заботиться и уделять ему должное внимание. Ср. *As your self-esteem grows, you resolve never to vote New Labour until it condescends to pay you the attention you deserve.* (Чувство собственного достоинства растет, и вы решаете не голосовать за лейбористов до тех пор, пока они не соизволят уделять вам внимание, которое вы заслуживаете). Текст выступает как тематическое единство, которое оказывается заключенным в рамку, создаваемую заголовком и конечным предложением.

В статье также используются нижеперечисленные риторические фигуры, которые являются продуктивными средствами создания эмоционального фона повествования, способствуют увеличению иллокутивной силы высказывания:

- Инверсия. Ср.: *No sooner was the question out, than the hall realised Britain doesn't have and relaxed.* (Как только с этим вопросом было покончено, присутствующие поняли, что в Британии нет пиара и расслабились.)

- Эпифора. Ср.: *Blair muttered some meaningless sentence about 'believing in society' and grinned. Marr grinned. We all grinned.* (Блэр произнес лишнюю смысла фразу о «вере в общество» и ухмыльнулся. Марр ухмыльнулся. Мы все ухмыльнулись.)

- Парцелляция. Ср.: *Communists belatedly discovered the difference between the lesser and greater evils was worth worrying about. Often in concentration camps.* (Коммунисты поздно осознали, что разницу между меньшим и большим злом стоило понять. Часто в концентрационных лагерях.)

- Авторский комментарий. Ср.: *They don't even get gratitude in return (men who exploit servile women are notoriously unappreciative).* (Их даже не благодарят за это (мужчины, пользующиеся слабостью зависимых от них женщин, печально известны своей неблагодар-

ностью.)

• Сравнительные конструкции. Ср.: *The bigger the majority the worse the next government will be. But the more you practice not voting New Labour, the better you get.* (Чем больше большинство (лейбористов в Парламенте), тем хуже будет новое правительство. Чем чаще вы не голосуете за Новых Лейбористов, тем лучше вам становится.)

• Журналист использует приемы интимизации: некоторые дейктические элементы, риторический диалог. Ср.: *You may disagree with everything I've written and think New Labour should be allowed to carry on with its fine work. You may agree that in many respects Blair's regime is worse than Major's but that a Hague government would be worse than both, and I'd be with you on that.* (Вы можете не согласиться с тем, что мною написано, полагать, что Лейбористам стоит позволить продолжить их блестящие дела. Вы можете согласиться, что режим Блэра во многих отношениях хуже, чем режим Мэйджера, и что правительство Хейга было бы хуже, чем два предыдущих, и я поддерживаю вас в этом.) Автор, постоянно апеллируя к читателю, имитирует синтаксис разговорной речи, используя сокращенные формы (*Y'know, you're, you've, we're, he'll, etc*) и простые предложения. Ср.: *You've invested time and energy. You've had his children. Your friends say you'll be much better off without him. But you're frightened of confessing you've wasted your hopes on a worthless man.* (Вы потратили время и силы. Он отец ваших детей. Ваши друзья говорят, вам будет гораздо лучше без него. Но вы боитесь признаться, что надеялись на человека, который этого не стоил). Диалогизация монолога создает благоприятные условия для выработки желательного негативно-оценочного умозаключения, читателю предлагается несуществующая альтернатива, создающая иллюзию выбора и принятия решения, к которому журналист его давно готовил.

Акцентированию метафоры очень способствуют ее интертекстуальные связи. Журналист обращается к аллюзиям, многочисленным переосмыслениям, требует от адресата отличного знания экстралингвистического контекста. В рассматриваемом тексте широко представлены прецедентные тексты как в форме прямой речи, так и несобственно-прямой речи. Ср.:

• *In 1986 Robin Norwood published Women Who Love Too Much (When You Keep Wishing and Hoping He'll Change), one of the most successful self-help books of the times. (В 1986 году вышла книга Робин Норвуд «Женщины, которые слишком сильно любят» (Когда вы продолжаете желать и надеяться, что он изменится) -- одна из самых удачных книг серии «Помоги себе сам» всех времен).* Упомянув в начале статьи книгу Р. Норвуд, автор задает основную проблему статьи, уподобляя население Великобритании чрезмерно любящей женщине, которая готова простить своему избраннику все, включая измены, оскорбления и побои, в надежде, что в один прекрасный день все изменится к лучшему.

• *I agree that the Tories represent the worst of England. I also concede we must be realists who recognise the differences between the parties matter, even if they are slight.* (Я согласен, что Тори представляют собой самое худшее, что есть в Англии. Я признаю, что мы должны стать реалистами, теми, кто видит различия между партиями, даже если они незначительны.) В данном фрагменте содержится косвенный намек на манифесты трех основных партий – «Честолюбивые замыслы Британии» («Ambitions for Britain») Либералов, «Время здравого смысла» («Time for Common Sense») Консерваторов, «Свобода, справедливость и честность» («Freedom, Justice, Honesty») Либеральных Демократов. Во время предвыборной кампании 2001 года в британской прессе очень часто поднимался вопрос о том, что усилия партий объяснить своим избирателям, насколько их ценности и приорите-

ты отличны от других, оказались тщетны, поскольку все манифесты, независимо от объема (44 страницы Либералов, 46 – Консерваторов, 20 – Либеральных Демократов), по сути, одинаковы.

Журналист актуализирует в сознании читателя прецедентные ситуации с явным негативно-оценочным потенциалом.

• Автор апеллирует к историческим событиям в Германии начала 1930-х годов, определивших затем судьбу не только этой страны, но и всего мира на десятилетия, если – в определенной степени – не навсегда. Ср.: *There are many occasions when it is necessary to support the lesser evil. Disaster may come if you don't. In one of his most insane decisions Stalin ordered the six-million members of the German Communist Party not to oppose the rise of Hitler but to fight social democrats instead. Communists belatedly discovered the difference between the lesser and greater evils was worth worrying about. Often in concentration camps. (Существует множество ситуаций, когда необходимо выбрать меньшее из зол. Иначе произойдет катастрофа. Одним из самых безумных решений Сталина был приказ шестимиллионной Коммунистической партии Германии бороться с социалдемократами вместо того, чтобы противостоять Гитлеру. Коммунисты поздно осознали, что разницу между меньшим и большим злом стоило понять. Часто в концентрационных лагерях.)* Журналист излагает общепризнанную точку зрения, говоря о том, что на выборах в рейхстаг Гитлер победил потому, что антифашистские силы, а именно коммунисты и социал-демократы, вместе получившие на выборах 37% голосов (на 4% больше, чем национал-социалисты), не объединились, не выступили единым блоком. Историки (В. Роговин, Б. Соколов, У. Ширер, В. Фришауэр и др.) приводят достаточное количество свидетельств того, что диктуемая Сталиным политика Коминтерна, направленная на борьбу с социал-демократическим движением, сыграла определенную роль в расколе германского рабочего движения и в итоге – в приходе Гитлера к власти. В доказательство можно процитировать материалы XVI съезда ВКП (б) о нанесении главного удара по социал-демократии, более опасным врагам рабочего класса, чем открытые враги – фашисты. Можно – слова Сталина "Разоблачение социал-демократии... есть очередная задача коммунистических партий" (XI пленум ИККИ) или решения Коминтерна, запрещающие совместные выступления коммунистов и социал-демократов. Корреспондент проводит интересные параллели с прошлым, сравнивая выборы в Парламент Британии 2001 года с выборами в рейхстаг Германии 6 ноября 1932 года, партию консерваторов во главе с В. Хейгом с национал-социалистической партией А. Гитлера, прототипами Т. Блэра и Ч. Кеннеди по замыслу автора, по-видимому, выступают лидер социал-демократов П. Гинденбург и коммунисты Э. Тельман соответственно. Автор, обличая «режим Блэра», тем не менее, предпочитает потенциального избирателя от выбора в пользу «большого из зол» (the greater evil), говоря об «ужасном будущем», уготованном Британии в случае прихода к власти консерваторов. Ср.: *To hear some of my New Labour friends talk, we're in the Germany of 1933 and the Tories are Nazis in business suits. (Некоторые мои знакомые из Новых Лейбористов говорят, что мы в Германии 1933 года, а Тори – нацисты в деловых костюмах.)* Германия 1933 года – это роспуск и поджог рейхстага, отмена Веймарской Конституции, гарантировавшей свободу личности, слова, печати, собраний, союзов, массовые аресты, все это автор обещает избирателям, если у власти окажется В. Хейг, поскольку любой лидер – это «лицетворение идеологии, того или иного возможного будущего, определенного курса действий» [Гуцал, Недбаевский].

• Журналист умело актуализирует в сознании читателя предыдущие выборы, на кото-

рых Лейбористы впервые за несколько десятков лет одержали триумфальную победу. Ср.: *I thought myself pretty cynical on 1 May 1997, but if a stranger had told me that this would be the record New Labour would be defending at the next election, I would have dismissed him as a raving fantasist.* (Я считал себя довольно циничным 1 мая 1997 года. Но если бы кто-нибудь сказал мне тогда, что на следующих выборах Новые Лейбористы выступят с этим «досье», я бы считал его фантазером и выбросил из головы его бредовые идеи). «Досье» нынешнего правительства – это сокращение дел, слушание которых производится в суде присяжных (*the curtailment of the right to trial by jury*), превращение демонстрантов в «террористов» (*the turning of demonstrators into «terrorists»*), гонение эмигрантов (*the persecution of asylum-seekers*), обложение налогом оплаты за обучение (*the imposition of tuition fees*), бесконечные манипуляции СМИ (*the incessant manipulation of the media*), нечестные выборы (*the rigging of elections*), отказ вновь национализировать железные дороги (*the refusal to renationalise the railways*). Таково «темное настоящее» Великобритании при нынешнем правительстве, которое сменит не менее «темное будущее», если власть останется прежней.

• Автор упоминает конференцию Лейбористов, которая состоялась в середине мая 2001 года. Ср.: *At a New Labour press conference last week, Andrew Marr, the BBC's political editor, tried to trip up the PM. Margaret Thatcher, Blair's heroine, had turned on her pupil the day before. She had discovered in her stormy twilight 'a residue of socialism' in his bloodstream. «Could the Prime Minister tell us», asked Marr, «what that residue of socialism consisted of?» (На прошлой неделе на конференции Новых Лейбористов Эндрю Марр, политический редактор Би-Би-Си, попытался уличить премьер-министра во лжи. Накануне Маргарет Тэтчер, героиня Блэра, изменила отношение к своему ученику: она обнаружила «каплю социализма» в его крови. «Не мог бы премьер-министр сказать нам, из чего состоит эта капля социализма?» – спросил Марр.)*

В тексте использовано 27 прецедентных имен, каждое из которых актуализирует ту или иную прецедентную ситуацию, либо отсылает читателя к прецедентному тексту. Среди них политические деятели прошлого: Маргарет Тэтчер (Margaret Thatcher), премьер-министр Великобритании (1979 – 1990), Железная Леди, трижды приводившая к власти Консерваторов, Иосиф Сталин (Stalin), генеральный секретарь ЦК Компартии Советского Союза (1924 – 1953), Адольф Гитлер (Hitler) председатель (фюрер) НСДАП с 1921 по 1945 годы, канцлер Германии (1933 – 1945), Генри Киссинджер (Henry Kissinger), советник по делам национальной безопасности, министр иностранных дел, государственный секретарь США (1969 – 1977); государственные мужи современной Британии: Тони Блэр (Tony Blair), премьер-министр Великобритании (1997 – 2001); Джон Мейджер (John Major), преемник М. Тэтчер, премьер-министр Великобритании с 1990 по 1997 год, проигравший на выборах в мае 1997 года Т. Блэру, Шон Вудворд (Shaun Woodward), мультимиллионер, «бывший» консерватор, перешедший в декабре 1999 года на сторону Лейбористов, лорд Сейнзбери (Lord Sainsbury), заместитель министра науки, финансовый магнат, владелец сети магазинов Великобритании, лорд Леви (Lord Levy), дипломатический представитель и доверенное лицо Т. Блэра, человек, ответственный за сбор пожертвований в фонд партии Лейбористов.

В тексте активно представлены также бизнесмены и журналисты: Руперт Мердок (Rupert Murdoch), масс-медийный магнат, глава всемирной компании News Corporation (News Corp), ему принадлежат издательства и телеканалы в более чем 40 странах мира, в том числе The Sun, The Times, The Sunday Times, London's News of the World, The Australian,

The New York Post, The New York magazine, Sky Television, Twentieth Century Fox, the Fox television и др., «серый кардинал» Великобритании, «новый Сталин», «дьявол в человеческом обличи» – так называют этого человека британские СМИ; братья Хиндуджа (Hinduja brothers), мультимиллионеры, владельцы компании Фонд Хиндуджа, подданные Индии, Ричард Дезмонд (Richard Desmond), владелец издательства Express, Грег Дайк (Greg Dyke), генеральный директор Би-Би-Си, Берни Эклестоун (Bernie Ecclestone), «хозяин» Формулы Один, самого эффективного в мире вида спорта, Дайдра Сондерз (Deidre Saunders), известная британская журналистка, ведущая в газете The Sun колонку «Дорогая Дайдра», куда читатели обращаются с самыми разнообразными проблемами, вопросами, просьбами о помощи; Эндрю Марр (Andrew Marr), редактор новостей политики, автор передовых статей компании BBC, Колдунья Мэг (Mystic Meg), известный астролог, чьи прогнозы на будущее публикуются в издании Сан (The Sun).

Следующую группу прецедентных имен составляют названия крупных компаний: Монсанто (Monsanto), американская компания по производству генетически модифицированных продуктов, Энрон (Enron), американская энергетическая корпорация. В статье используются также названия политических партий: Лейбористы (New Labour), Тори (Tory), Либеральные Демократы (Liberal Democrats), Зеленые (Green), Социалистический Союз (Socialist Alliance), названия газет: Дэйли Мэйл (The Daily Mail), Сан (The Sun), названия маркетинговой кампании: Мори (Mori). Ср.: *If Britain had a fair voting system, Marr would have trapped him with a classic 'when did you stop beating your wife?' question. Blair might have said: 'Yknow that the gulf in wage inequality between the rich and the poor has never been greater since the industrial revolution. I find it obscene that we're seeing the rise of a plutocracy, an aristocracy of wealth, which will dominate the working and middle classes for generations.' If he had spoken like this, he would have risked losing the support of Rupert Murdoch, Richard Desmond, Greg Dyke, Shaun Woodward, Lord Sainsbury, Lord Levy, Bernie Ecclestone, Monsanto, Enron, Henry Kissinger, Hinduja brothers and all the other charmers he has courted.* (Если бы в Британии существовала честная система голосования, Марр нейтрализовал бы его (Блэра) классическим вопросом: «Когда Вы перестали бить свою жену?») Блэр, возможно, ответил бы: «Вы знаете, что разница в доходах бедных и богатых не была столь огромной со времен индустриальной революции. Я мне кажется недопустимым тот факт, что мы наблюдаем расцвет плутократии, богатой аристократии, которая будет господствовать над рабочим и средним классами веками». Если бы он произнес подобное, то рискнул бы лишиться поддержки Руперта Мердока, Ричарда Дезмонда, Грега Дайка, Шона Вудворда, лорда Сэйнзбери, лорда Леви, Берни Эклестоуна, Монсанто, Энрон, Генри Киссинджера, братьев Хиндуджа и других чаровниц, за которыми он ухаживал.)

Отношение автора к политической ситуации, политикам, финансовым магнатам, членам правительства и их деятельности передается в ироничной, даже подчас саркастичной тональности. Ироническая окраска приобретается путем использования лексемы «чаровница» (a charmer), обычно шутиливо употребляемой при описании обаятельной женщины, при характеристике знаменитых, влиятельных людей, многие из которых оказывали финансовую поддержку партии Лейбористов на выборах 2001 года. Саркастичен автор потому, что премьер-министр, обхаживая состоятельных «чаровниц» на стороне, настолько увлекся, что совсем забыл о своих прямых обязанностях, о долге перед народом Великобритании. Автор сознательно умаляет авторитет премьер-министра, косвенно намекая на то, что Т. Блэр служит не обществу, а самому себе.

Чтобы проникнуть в массовое сознание адресата и вызвать его на диалог, СМИ интер-

претируют сказанное ранее известными людьми: политическими деятелями, писателями и др., транслируют и ретранслируют нужные идеи. В анализируемом тексте достаточно частотны упоминания прецедентных высказываний как в исходном, так и в трансформированном виде.

- Автор приводит цитату из книги Робин Норвуд. Ср.: *The demeaning phenomenon of women who are "so obsessed, so fearful of abandonment, they'll do most anything to keep the relationship, however rotten, from caving in", is Norwood's theme.* (Тема Норвуд – унизительный феномен женщин, которые «настолько боятся остаться одни, что готовы почти на все, чтобы сохранить отношения, какими бы отвратительными они ни были»). Журналист отождествляет женщин, согласных терпеть побои и издевательства мужей из страха остаться в одиночестве, с потенциальными избирателями, которые, боясь грядущих перемен, готовы избрать правительство Тони Блэра на новый срок, несмотря на «отвратительные отношения», царящие в настоящем.

- Публицист вплетает в ткань повествования высказывание из книги Дайдры Сондерз «Женщины и Депрессия: Практическое руководство «Помоги себе сама» (Women and Depression: A Practical Self-help Guide), опубликованной в 1989 году, в которой известная журналистка подхватывает и развивает основную тему Р. Норвуд, давая практические советы женщинам, у которых не складываются отношения в семье. Ср.: *To this day, Deidre Saunders, the Sun's invaluable agony aunt, recommends Norwood to correspondents living with violent men and repeats her advice that «when we repeatedly get into damaging relationships an insight into what draws you to liars and cheats will help».* (И по сей день Дайдра Сондерз, бесценная ведущая рубрики «Письма читателей» в газете Сан, рекомендует книгу Норвуд авторам писем, которые живут с избивающими их мужьями, и повторяет ее совет: «если у вас не в первый раз складываются отношения, причиняющие душевную и физическую боль, вам стоит глубже понять суть того, что влечет вас к лжецам и обманщикам»). Этот совет переходит из сферы личных взаимоотношений в семье в сферу политики: автор предлагает читателям обдумать не только свой будущий выбор, но и прошлый, разобраться, почему они отдали голоса за лейбористов в 1997 году, взвесить все «за» и «против» и не повторять ошибок прошлого.

- В анализируемой статье цитируется классический лозунг второй волны феминизма – «Политическое – значит личное» (*The personal is political*). Ср.: *I've never liked the slogan «the personal is political»: it implies egotism and a narrowing of horizons and solidarities. But the cop-outs of reluctant Blair supporters – 'he'll get better', 'he'll come to respect us', 'there is no alternative' – resemble nothing so much as the excuses battered wives make for their abusers.* (Мне никогда не нравился лозунг «Политическое – значит личное»: от него веет самонимием, он разобщает и ограничивает возможности. Однако отговорки не слишком активных сторонников Блэра – «он станет лучше», «он будет уважать нас», «у нас нет другого выбора» – так сильно напоминают оправдания, которые придумывают жены избивающим их мужьям). Несмотря на свое неприятие этого лозунга, автор вынужден согласиться, что социальная политика неразрывно связана с приватной сферой: властные структуры современного общества могут быть поняты только через призму жизни личности и ее взаимоотношений в прошлом и настоящем, в будущем перемены произойдут только тогда, когда этот принцип будет восприниматься на всех уровнях.

- Автор использует усеченное прецедентное высказывание – «меньшее из двух зол» (*the lesser of two evils*; прототекст: *Of two evils the lesser must always be chosen / Choose the lesser of two evils*) (Из двух зол выбирают меньшее). Тема «меньшего из двух зол» красной

нитью пронизывает всю статью, связывая ее части воедино. Ср.: *When independence may bring loneliness, putting up with assaults is – to use a phrase I'm hearing far too often at the moment – 'the lesser of two evils'... There are many occasions when it is necessary to support the lesser evil... Communists belatedly discovered the difference between the lesser and greater evils was worth worrying about... «Vote for me, I'm evil, but I'm not quite as evil as the other guy» is not an inspiring slogan for those who prefer to avoid evil in all of its manifestations.* (Поскольку независимость может обернуться одиночеством, следует терпеть побои – это, используя выражение, которое я слишком часто слышу – «меньшее из двух зол»... Существует множество ситуаций, когда необходимо выбрать меньшее из зол... Коммунисты поздно осознали, что разницу между меньшим и большим злом стоило понять. «Голосуйте за меня. Да, я плох, но в сравнении с другим я лучше» – лозунг, который не особо вдохновляет тех избирателей, которые предпочитают избегать зла во всех его проявлениях.) Выбор «меньшего из двух зол» – одна из вечных проблем человечества. В мире относительных добра и зла выбор между меньшим из двух зол (или многих, как в данном случае) является одним из самых серьезных испытаний для человека. Предпочтет ли избиратель страдания в настоящем при Тони Блэре адским мукам в будущем, если у власти окажется Вильям Хейг, или внепланет советам автора и сделает иной выбор, гарантирующий ему опять же относительную свободу – вот тот вопрос, который журналист задает не только читателю, но и самому себе.

• Публицист использует трансформированное высказывание, довольно часто встречающееся в заголовках британских СМИ периода предвыборной кампании 2001 года и относимой прессой на счет Тони Блэра (*Put up or shut up, Blair tells his critics* (John Cassy / Guardian, 2.05.01) (Смирись или заткнись, говорит Блэр своим критикам), *Blair Critics Should «Put Up and Shut Up»* (Jom Madslien / BBC News, 20.04.01) (Критики Блэра должны «смириться или замолчать») *Plotters should put up or shut up* (David Hencke / Guardian, 20.03.01) (Заговорщики должны смириться или замолчать). Ср.: *Labour supporters are meant to have no choice but to put up and shut up.* (Полагаю, что у сторонников Лейбористов нет другого выбора – лишь смириться и молчать (заткнуться) (досл.). Автор вновь сравнивает сторонников Блэра с женами, которые вынуждены молча сносить побои и оскорбления своих мужей, надеясь, что в скором будущем все само собой изменится в лучшую сторону, и не понимая, что, каким будет их будущее, зависит только от них самих.

Обличение журналистом «настоящего» режима, его прошлого и возможного будущего происходит также в результате нарушения стилистической сочетаемости: путем использования слов и выражений лексико-семантического пласта разговорной речи (*rotten relationship* (отвратительные (разг.) отношения), *cop-outs* (отговорки (разг.)), *a bunch* (группа (разг.)), *a tumble* (совокупление (разг.)), *to shut up* (заткнуться) и др.) параллельно лексике, характерной для книжно-письменного стиля (*assault* (физическое насилие (юр.)), *abandonment* (оставление жены, ребенка (юр.)), *egoism* (эгоизм, самовлюбленность), *solidarity* (общность), *residue* (остаток), *plutocracy* (плутократия – государственный строй, при котором власть формально и фактически принадлежит богатым), *to stray* (блуждать (поэт.) и др.). Проникновение разговорной лексики и профессионализмов в стиль СМИ усиливает эффект воздействия текста на адресата.

В анализируемой статье на коротком отрезке текста очень часто сосредоточены все или значительная часть средств, используемых для акцентирования доминантной метафорической модели. Схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции называется конвергенцией [Арнольд, 1981: 62]. Ср.:

No sooner was the question out, than the hall realised Britain doesn't have PR and relaxed. Blair muttered some meaningless sentence about «believing in society» and grinned. Marr grinned. We all grinned. Labour supporters are meant to have no choice but to put up and shut up. «Insights» into this damaging relationship may release them and help their personal growth in a truly meaningful way. (Как только с этим вопросом было покончено, присутствующие поняли, что в Британии нет пиара и расслабились. Блэр произнес лишнюю смысла фразу о «вере в общество» и ухмыльнулся. Марр ухмыльнулся. Мы все ухмыльнулись. Полагаю, что у сторонников Лейбористов нет другого выбора – лишь смириться и молчать. Осознание сути этих отношений (причиняющих душевную и физическую боль), возможно, освободит их (сторонников Т. Блэра) и способствует личностному росту). Доминантная для статьи метафорическая модель «ПОЛИТИКА – ЭТО СУПРУЖЕСТВО» представлена в данном фрагменте метафорами двух фреймов: фрейм «Отношения в браке» (damaging relationship), характеризующий настоящее положение дел, и фрейм «Развод» (to release, their personal growth), описывающий вероятное «светлое будущее». Показательно, что метафоры сосредоточены в последнем предложении фрагмента. Акцентированию доминантной метафоры способствует также использование риторических приемов, а именно инверсии и эпитеты, и, особенно, высокая степень интертекстуальности отрывка. Помимо прецедентных имен (*Blair, Marr, Labour*), журналист применяет трансформированные прецедентные высказывания: дважды перефразируя слова премьер-министра (*some meaningless sentence about «believing in society», to put up and shut up*), и переиначивая на свой манер фразу из книги Д. Сондерз (*«insights» into this damaging relationship* (прототекст: when we repeatedly get into damaging relationships an insight into what draws you to liars and cheats will help)), что привносит в текст новые смысловые оттенки и коннотации, повышает выразительность высказывания в целом.

Таким образом, для современной британской политической публицистики характерно метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в русле одной доминантной метафорической модели. Представляя политическое прошлое, настоящее и будущее в метафорах «неудачного брака», автор апеллирует к узнаваемости, понятности ситуации для массового читателя. В тексте статьи последовательно развивается эмоциональный потенциал образов «дурного мужа» (нынешнего правительства Великобритании) и «несчастной жены» (народа Великобритании). Для акцентирования доминантной метафорической модели автор постоянно прибегает к использованию риторических фигур и средств интертекстуальности, что оживляет метафоры и привлекает внимание адресата к образному потенциалу текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л., 1981.
2. Гуцал А.Ф., Недбаевский С.Л. Портрет политического лидера в историческом интервью // www.humanus.by.ru/mys/polit/leaders/htm.
3. Даулетова В.А. Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2004.
4. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. – М., 1990.
5. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс, 1995.
6. Миронова П.О. Стратегия редукционизма в политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. – Омск, 2003.
7. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом

дискурсе. – Екатеринбург, 2004.

8. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003.

9. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2003.

10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. – Волгоград, 2000.

11. Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. – Саратов, 2002.

12. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997.

13. Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication.–London: Sage Publications, 1981. © Солопова О.А., 2005

Стрельников А.М.

Нижний Тагил

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОЦЕНОЧНЫЙ ПОРТРЕТ И.М. ХАКАМАДЫ В ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Одним из интенсивно развивающихся направлений современной лингвистики является исследование концептуальной метафоры. В современной когнитивистике (М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконье, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов) метафора рассматривается не как "сокращенное сравнение" и способ "украшения" речи, что было характерно еще для Аристотеля, а как основная ментальная операция, направленная на познание, структурирование и объяснение мира [Лакофф, Джонсон, 1990]. При реализации обозначенных процессов значительную роль играют личностные характеристики человека и его способность к оценке, другими словами человек способен не только мыслить, но и по-своему оценивать разнообразие взаимоотношений с миром с помощью метафор. В процессе коммуникации именно оценочные метафоры обладают наибольшим потенциалом воздействия на сознание адресата. Они приобретают личностную значимость для адресата, так как зачастую воспринимаются без критического осмысления. Явную эксплицитную оценку адресат воспринимает критически и либо принимает, либо отвергает, либо маркирует как спорную. Метафорическая оценка, в свою очередь, воспринимается и присваивается адресатом на суггестивном, эмоциональном уровне. У него складывается впечатление, будто он сам пришел к предлагаемому автором оценочным выводам.

Политический дискурс в целом и дискурс президентских выборов в частности изобилует оценками. Оценочность можно назвать одним из основных стилеобразующих факторов агитационно-политических материалов. Она реализуется путем определенного отбора и классификации описываемых фактов действительности; внедрения фактологической информации в концептуальную; использования специфических лингвистических средств оценивания и другими способами. Таким образом, используя метафору для оценивания определенного кандидата в ходе кампании по выборам президента, авторы текстов СМИ получают эффективное средство воздействия на сознание адресата и его электоральное решение.

В настоящей статье рассматривается метафорический оценочный портрет И.М. Хакамады, актуализированный в дискурсе кампании по выборам президента России в 2004 г.

Оценочный портрет (ОП) кандидата – это совокупность словоупотреблений, направленных на оценивание рейтинга, профессионализма, морального, этического и эстетиче-

ского облика, а также ряда других качеств определенного кандидата средствами массовой информации за определенный период времени. ОП кандидата обладает полярными и количественными характеристиками. Полярность манифестируется в полярности оценки в диапазоне «негативная – нейтральная – положительная». Спорным до сих пор остается вопрос о нейтральной оценке и о том, может ли она считаться собственно оценкой. Мы придерживаемся той точки зрения, что исходно нейтральное высказывание о кандидате приобретает оценочную коннотацию именно в дискурсе выборной кампании и может таким образом быть отличной от нейтрального и позиционироваться на шкале оценочных полюсов.

Количественные характеристики ОП проявляются в особом *рейтинге оценочной популярности* кандидата в средствах массовой информации. Методика его составления заключается в подсчете оценочных словоупотреблений, относящихся к определенному кандидату, за определенный период времени. Учитывая сугубо оценочную природу агитационного дискурса, отметим, что рейтинг оценочной популярности находится в прямой зависимости от частотности упоминания кандидата в СМИ. По материалам выборки, состоящей из 793 оценочных единиц и охватывающей период с 5 января по 12 марта 2004 года, рейтинг оценочной популярности кандидатов выглядит следующим образом: В.В. Путин – 49, 23 %, И.П. Рыбкин – 25,18%, И.М. Хакамада – 10, 55 %, С.Ю. Глазьев – 7,88 %, Н.М. Харитонов – 3,80 %, С.М. Миронов – 1,83 %, О.А. Малышкин – 1,55 %. Метафорические ОП В.В. Путина и И.П. Рыбкина рассматривались нами в предыдущих публикациях, закономерно исследовать метафорический оценочный портрет И.М. Хакамады.

Категория *метафорического* оценочного портрета кандидата на высший государственный пост имеет более узкие рамки и охватывает совокупность оценок определенных качеств кандидата, выраженных метафорически. Данный способ оценивания представляется наиболее эффективным с позиции агитационного воздействия на электорат (известно, что подобного рода воздействие подразделяется на несколько типов: дискредитация оппонента/оппонентов, самопрезентация и самовосхваление [Руженцева, 2004]). Нами были выявлены следующие сферы-источники метафорической экспансии в оценочный дискурс предвыборной кампании: мир человека (антропоморфная метафора), мир живой природы (животных и растений), мир неживой природы (артефактная метафора), болезни и смерть (морбиальная метафора), монархическая власть, война, криминал, экономика, театр и зрелища, сказки, игры и спорт. Описание метафорического ОП И.М. Хакамады строится на следующей типологии оценок (типология основана на частнооценочной классификации, предложенной Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999]):

1. Оценка рейтинга и шансов на победу.
2. Морально-этическая оценка.
3. Интеллектуальная оценка.
4. Эстетическая оценка.
5. Утилитарная оценка.
6. Нормативная оценка.
7. Телеологическая оценка.
8. Оценка профессионализма.
9. Оценка политического статуса.

Количественное распределение оценочных словоупотреблений по типам оценки в ОП И. Хакамады представлено на рисунке 1.

Ирина Муцуовна Хакамада была единственной женщиной-кандидатом на президент-

ских выборах 2004 года, и журналисты не пренебрегали очевидным и уникальным параметром оценивания кандидата И. Хакамады – ее принадлежностью к женскому полу. Гендерный параметр оценки, на первый взгляд, не может поляризоваться, то есть быть отрицательным или положительным. Однако политический дискурс изобилует примерами, доказывающими обратное. Ср.: *«Нашелся в СПС настоящий мужик», — говорили одни.* [А. Колесниченко, АИФ, 28.01.2004].

«Конечно, Хакамада – сукин сын. Но это же наш сукин сын!» [Ю. Сергеев, КП, 21.01.2004].

Отметим, что присущая российскому менталитету тактика маскулинизации кандидата направлена на восхваление его (и, как не парадоксально, ее) достоинств, тогда как тактика феминизации, то есть сравнения качеств и поведения политика с женскими, наоборот, – на дискредитацию политического оппонента. Ср.:

Какая замечательная, прекрасная, блестящая, ничем не пробиваемая позиция! Я ни за что не отвечаю, я все эти годы стоял в стороне и смотрел, я все эти годы вот так указывал: это сделать, то сделать, это неправильно, а тут все провалено. Блестящая позиция, о которой можно только мечтать. Знаете, такой образ чистой, честной, непорочной, неподкупной невесты. С одной проблемой - невесте шестой десяток [А. Чубайс, НТВ, «Глас народа». 26.11.1999].

Все чаще накануне даты всеобщего голосования в газетном дискурсе встречаются прогнозы и рейтинги кандидатов. Агрессивно навязываемый рейтинг кандидатов, на наш взгляд, представляет собой эффективный механизм манипулирования общественным мнением. Представляется, что российский обыватель подсознательно делает выбор в пользу наиболее «рейтингового» кандидата, так как не испытывает желания идти в разрез с мнением большинства соотечественников и становиться «чужим» среди своих. Принимая во внимание тайный характер процедуры голосования, подобное «нежелание отчуждения» представляется весьма искренним. Однако политический рейтинг – показатель не абсолютный и не всегда отражает истинное лицо кандидата. На изменение рейтинга могут влиять такие факторы, как особенности составления рейтингового опросника, частотность упоминания кандидата в СМИ, удачно выбранный имидж, непопулярные профессиональные решения и действия, «слив» черного PR и ряд других факторов.

Еще одной целью агрессивной экспансии прогнозов и рейтингов на страницах печатной прессы и электронных СМИ в период активизации предвыборной пропаганды, на наш взгляд, – создание имиджа и поддержание репутации издания, рейтинговой службы, политолога или политика, делающего прогноз. В ситуации совпадения результатов выборов с ранее сделанными прогнозами репутация обозначенных выше субъектов политической активности возрастает. Однако и в противном случае ситуация остается бесприигрышной: репортер или политолог, аргументировано агитируя в пользу определенного кандидата, формирует у адресата положительное мнение о самом себе.

Несмотря на приписывание И. Хакамаде деловых качеств настоящего мужчины, авторы текстов предвыборного дискурса давали невысокую оценку ее шансам на победу на выборах. Ср.: *Но и она загоняет себя в угол. Идти ва-банк и получить от 0,5 до 2% голосов — значит окончательно добить политический проект под названием СПС.* [А. Колесниченко, АИФ, 28.01.2004].

Финал: видимо, персонаж Хакамады, как и положено, закончит жизнь на политическом костре при жидких и непродолжительных аплодисментах. [О. Вандышева, В. Воробин, КП, 22.01.2004].

Морально-этический облик И. Хакамады в значительной степени сформировался в сознании массового адресата агитационного дискурса еще до ее официальной регистрации в качестве кандидата на президентских выборах 2004 года. Общий оценочный фон данного типа оценки можно охарактеризовать как отрицательный из-за ряда скандалов и тесной связи с непопулярными на время предвыборной агитации взглядами партии «Союз правых сил» и ее лидерами. Ср.: *А как можно было голосовать за СПС, лидеры которой сами говорили: «Если не удастся свалить Путина, то мы будем валить из России»*. [А. Ципко, КП, 16.01.2004].

Небольшая авторская ремарка о том, что И. Хакамада неоднократно была замужем, для среднестатистического избирателя характеризует ее с отрицательной стороны, как человека с неустоявшимися моральными принципами. Ср.: *Четыре раза была замужем, три из них – официально*. [О. Вандышева, В. Ворсоби, КП, 22.01.2004].

Интеллектуальная оценка личных качеств и действий И. Хакамады в предвыборном дискурсе также тяготела к отрицательному полюсу. С одной стороны, это объясняется рядом политических «промахов» СПС, с другой стороны – сложившимся стереотипом российского менталитета, постулирующим в номинации «женская логика», денотатом которого является особый тип мышления, построенный на интуитивном мировосприятии и принятии решений, либо отсутствие очевидной логичности действий. Ср.: *Кроме того, кандидат в президенты в своем выступлении опиралась на наивные и нелогичные доводы*. [А. Гамов, КП, 19.01.2004].

Понятно, что спонсоров, как и родителей, не выбирают, но, если слухи верны, похоже, кандидат от демократов не очень понимает, с кем связалась, и не просчитывает последствия такой сделки с Платоном Егениным. [С. Васков, КП, 23.01.2004].

Знают ли выход в мировом масштабе Хакамада, Чубайс или Грызлов? Нет у них идей! Убогость и жлобство, а не идеи. [Л. Кафтан, КП, 02.02.2004].

Эстетический тип оценки в ОП И. Хакамады немногочислен. Это, на наш взгляд, обусловлено несколькими причинами: а) электорат был хорошо знаком с яркой запоминающейся восточной внешностью кандидата, доставшейся ей от отца (отец - Муцуо Хакамада, японский коммунист, эмигрировавший в СССР по политическим мотивам в 1939 году и принявший советское гражданство); б) тактичностью авторов газетных текстов предвыборного дискурса по отношению к объекту оценки; в) невысоким рейтингом оценочной популярности И. Хакамады. Однако в текстах встречались довольно яркие оценочные образы, связанные с внешностью кандидата и построенные на игре слов. Ср.: *Харакири Хакамады*. [Н. Ефимович, КП, 26.01.2004].

Впрочем, в шепотке солидной публики, которая спускалась в бар промочить горло пивом, проскакивали словечки из другого восточного языка: «Хакамада», «камикадзе» и «харакири». [А. Колесниченко, АИФ, 28.01.2004].

Несколько более частотно в ОП И. Хакамады была представлена утилитарная оценка. Ее примеры носят строго полярный характер – от резко отрицательного в устах оппонентов (презентация кандидата как вредного и опасного для страны политика) до резко положительного при реализации тактики самовосхваления (единственный кандидат, способный принести реальную пользу). Ср.: *Они <мер Москвы и правительство> охарактеризовали выступление Хакамады как «недопустимые и безнравственные инсинуации, направленные на разрушение стабильности в обществе»*. [А. Гамов, КП, 19.01.2004].

Десять лет я уступала свое место мужчинам, надеясь, что появится тот национальный герой, который сможет повести народ на борьбу с бюрократией. Но его нет,

приходится идти самой. [Л. Кафтан, КП, 02.02.2004].

Нормативный тип оценки, как видно из гистограммы, является наиболее частотным в ОП Ирины Муцуовны. Как и в случае с утилитарной оценкой, оценки нормативные сугубо полярны: положительные примеры, в большинстве случаев, – это вербализация самооценки Хакамады, тогда как отрицательные оценки данного типа – актуализация «неправильности» ее взглядов и поведения, предлагаемая авторами предвыборных текстов СМИ. Ср.: *Свою предвыборную кампанию Ирина Хакамада начала с черного пиара, обвинив президента и власти в гибели заложников на «Норд-Осте». [А. Гамов, КП, 19.01.2004].*

И. Хакамада: «Сейчас я иду на выборы с одной целью, иду фактически как на плаху — чтобы показать, что нормальные люди в России есть».[С. Репов, М. Волдырин, АИФ, 25.02.2004]

Высокая частотность нормативного типа оценки со значительным преобладанием отрицательно окрашенных примеров может свидетельствовать о желании авторов газетных текстов выразить свое негативное отношение к кандидатуре женщины-претендента на высший государственный пост. Журналисты пытались латентно, в неясной форме донести до адресата посыл о том, что женщина-президент – это неправильно. Иногда для этого используются яркие метафорические образы с ироническим компонентом. Ср.: *После неудачных выступлений на думских выборах была выведена за штат, а потому взялась за рискованную, но экстравагантную роль демократической Жанны д'Арк, бросившей вызов недемократическому Главному герою. [О. Вандышева, В. Ворсобиц, КП, 22.01.2004]*

Телеологическая оценка в ОП И. Хакамады представлена небольшим количеством примеров, все из них тяготеют к отрицательному полюсу. Кандидат предстает перед адресатом как «воинствующий неудачник», который, однако, не изменяет своим принципам. Ср.: *Ирине Хакамаде не позавидуешь: идет в бой после разрома армии, без поддержки, без программы, на громких бездоказательных обвинениях, на нерве. [С. Васков, КП, 23.01.2004].*

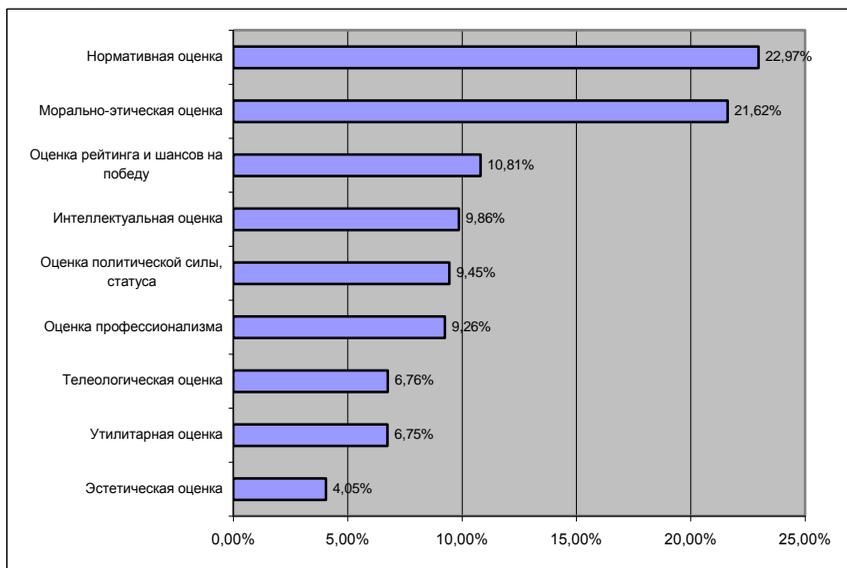
Профессиональные качества И. М. Хакамады также не получили высокой оценки. Можно думать, что журналисты намеренно не желали отмечать положительные стороны профессиональных достижений кандидата, отрабатывая социальный заказ на дискредитацию женской кандидатуры в президенты. Ср.: *«Она же и себя угробит, и партию», — возмущались другие. [А. Колесниченко, АИФ, 28.01.2004].*

Сделанная нами выборка характеризуется преобладанием отрицательной оценки политического статуса кандидата. Приведем один показательный пример, иллюстрирующий низкую оценку Ирины Муцуовны как политика. Ср.: *Еленин просто использует амбициозную кандидатуку в своих целях, ни на гран не веря в ее подлинную политическую значимость. [С. Васков, КП, 23.01.2004].*

Рис. 1. Типы оценок в ОП И.М. Хакамады в дискурсе кампании по выборам президента 2004 года.

Рассмотрев метафорический оценочный портрет И.М. Хакамады, в котором порядка 80 % оценочных словоупотреблений тяготеют к отрицательному полюсу, можно сделать несколько обобщающих выводов: 1. В настоящее время женская кандидатура на высший государственный пост оценивается менталитетом русского народа как отклонение от нормы; 2. При оценивании И. М. Хакамады актуализировались такие женские качества, как непостоянство, отсутствие твердости в решениях и поступках, отсутствие логичности и последовательности в действиях, выраженные в соответствующих типах оценочных сло-

воупотреблений; 3. Несмотря на уникальность объекта оценивания, авторы текстов предвыборного дискурса практически не использовали потенциал эстетического типа оценки. Подобный факт можно объяснить отсутствием необходимости внешней идентификации женщины-кандидата в ситуации отсутствия у нее соперницы; 4. Метафоризация оценки кандидата в текстах СМИ является эффективным средством воздействия на адресата и его электоральное поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М., 1999.
2. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. // Теория метафоры. – М., 1990.
4. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004.
5. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2002.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

© Стрельников А.М., 2005

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ДЕМОНОЛОГЕМ

Строение сакральных (в определении концепта «сакральное» исходим из широкого понимания этого феномена: «сакральный» = священный, обрядовый, ритуальный, таинственный, магический) [Цит. по Коновалова, 2000] семантических полей подчинено архетипической схеме, которая накладывается на необъяснимые явления, моделирует их, пробуждая активность воображения. Таинственные силы при этом становятся понятными, доступными человеческому уму, более того, появляется возможность контролировать их действия, которые можно направлять в нужное русло. Ср.: «Вербализованным ощущением загадочного можно оперировать, знак в данном случае выступает как стимул, имеющий своей целью создание значимой реальности, отражающей конкретно-чувственный опыт человека как части определенной национально-культурной общности» [Коновалова, 2000: 551].

Выделение структурно-семантических типов позволяет представить систему номинаций демонологем в виде типизированных моделей, обнаружить разнофункциональность компонентов этой системы (Структурно-семантические типы демонологем разработаны с опорой на монографию Коноваловой, 2001). При учете семантики языковых единиц, мы можем определить не только общее значение типов наименования демонологем, но и выявить их частное значение.

Под структурно-семантическим типом, вслед за Н.И. Коноваловой, понимаем «инвариантную единицу системы языка, ориентированную на выявление способов выражения семантики» [Коновалова, 2001: 19] номинаций демонологем. Н.И. Коноваловой разработаны структурно-семантические типы фитонимов, эта типология является операциональной и для выделения структурно-семантических типов демонологем. С учетом параметров отмеченной классификации можно выделить две группы демонологем: **однословные** (*стень* – ‘двойник, тень человека, являющаяся в зеркале при гадании’ (Даль, IV, 351), *мара* – ‘наваждение, призрак’ (Даль, II, 298), *куляш* – ‘водяной чертенок, который на крещение выходит из воды’ (Даль, II, 217) и **составные наименования** (*Водяной дедушка* – ‘водяной, нечистый, бес, сидящий в омутах и в бучалах под мельницами. Он ходит нагой или косматый, бородаты, в тине, иногда с зеленой бородой; он товарищ лешему и полевому, недруг домовому, но злее всех их и ближе в родстве с нечистой силой’ (Даль, I, 220).

Последние рассматриваются нами в системе семантического поля наряду с однословными, поскольку они выражают «единое понятие о том или ином классе предметов реальной действительности, выступают в качестве средства номинации» [Уфимцева, 1977, цит. по: Коновалова, 2001: 19].

Словосочетания также выступают в функции номинации объекта как семантически неразложимая устойчивая номинативная единица. Это происходит в том случае, если объект наименования трудно назвать одним словом, что проявляется в следующем:

1. В названии содержатся два принципа номинации (ср. *лесные девки* «живут в лесу» - по месту обитания и «молодая женщина» - по возрастным особенностям; *колокольный мертвец* – «живет на колокольне» - по месту обитания и по способу существования субстанции («не живой, а мертвый человек»).

2. Название носит метафорический характер, в качестве средства номинации выступает устойчивый, развернутый образ (*эноевая лихорадка* (навозная), *лихорадка подтыница* (прикинулась на спящего под тыном), *лихорадка веретеница* (на пряху) – одна из

двенадцати сестер Иродовых, коим народ дал названия (Даль, II, 249). В данных примерах в качестве номинации выступает антропоморфный образ болезни в виде женщин, дочерей Иродовых, каждое из названий которых способствует развертыванию метафорического образа болезни на основе конкретизации признаков (= симптомов) болезни, вызываемых каждой из указываемых внутренней формой наименования видов лихорадки.

3. Наименования, состоящие из двух слов, «дают возможность дифференцировать виды одной нечистой силы» [Коновалова, 2001]: *Царь-змея* – «сказочная, слепая белая змейка, которой все змеи подвластны» (Даль, IV, 571), *Царь зимы* – «мороз стужа» (Даль, IV, 571), *лесной царь* – «глава и управитель леса. Ему повинуются все остальные духи. Лесной царь является по существу своему добрым, но согрешивших по отношению к нему людей он крадет».

Составные наименования помогают избежать омонимии и, по справедливому высказыванию Виноградова В.В., «должны быть изучены не только в составе предложения как его структурные элементы, но и как разные виды сложных названий» [Виноградов, 1975: 409].

В анализируемом материале (около трехсот лексем) расчлененные наименования составляют примерно 10 %. Часть демонологической лексики представлена двусловными субстантивными словосочетаниями, построенными по схемам:

1) «качественное прилагательное + существительное»:

В таких словосочетаниях прилагательные характеризуют обозначаемое по разного рода признакам: по цвету, по внешним признакам, по возрасту, по характеру оценки этой нечистой силы (в том числе с использованием приема гиперболизации признака). Например, *черная немочь* – «падучая, скотская чума» (Даль, IV, 594), *черная сила* – «черт, сказочные остроголовые черти» (Даль, IV, 571), *злой дух* – «бес» (Даль, IV, 571), *дикий мужик* – «леший, лесной, лесовик, лесной дух» (Даль, II, 279).

2) «относительное прилагательное + существительное». В данном случае прилагательные выражают: пространственные признаки, временные, образ действия, характер качества признака. *Колокольный мертвец* – «треховный, нечистый человек, которого мать сыра земля не принимает. Обыкновенно из колдунов, живет на колокольнях. Сидит в углу колокольни в белом колпаке». *Блудячий огонь*, *болотный огонь* – по поверью огонь над кладом. *Горная матка* – разновидность мифической «хозяйки горы», обитающей в угольной шахте. Горная матка представлялась в виде красивой, белотелой и дородной женщины. Может появляться в виде огневицы, которая превращается в девицу в красном платке и кумачовом сарафане. В шахтах принимает облик штейгеров или смотрителей».

3) «притяжательное прилагательное + существительное», где притяжательные прилагательные образованы от существительных, обозначающих животных и человека: *коровья смерть* – «злое существо, несущее погибель всему крестьянскому стаду. Является в образе безобразной, злобной старухи, у которой руки с граблями. Она заводится или заносится в село прохожим человеком». *Вражья сила* – «бес, злобное, бесполое существо, злой дух, демон, сатана, дьявол, черт» (Даль, I, 157).

4) «существительное в И.п. + существительное Р.п.»: *князь тьмы* – «черт, сказочные остроголовые черти» (Даль, IV, 571), *злой дух* – «бес» (Даль, IV, 571), *царь зимы* – «мороз, стужа» (Даль, IV, 571), *царь-змея* – «сказочная, слепая белая змейка, которой все земли подвластны» (Даль, IV, 571).

5) «глагол в повелительном наклонении + существительное»: *Боли – Бошка* – «дух леса, живущий в ягодных местах. Он большеголовый, рукастый, неуклюжий, просит помочь

найти утерянную корзинку, прикинувшись старичком. Он вскочит на шею, голову петлей стянет, будет водить по лесу. Голова разболится, заблудишься и вовсе пропадешь'.

б) «Многословные словосочетания»: *наше место свято, ненавистник рода человеческого* - 'бес, злобное, бесплодное существо, злой дух, демон, сатана, дьявол, черт' (Даль, I, 157). Наименования носят табуированный характер, связано это с боязнью человека вслух произносить названия нечистой силы, чтобы не накликал на себя беду.

В свою очередь однословные наименования демонологического персонажа могут быть представлены разными типами: сложными словами (как правило, двукорневыми) и однокорневыми. Сложные слова по своей ономастиологической природе близки к номинативным словосочетаниям, так как

а) содержат два номинативных признака, относящихся к одному принципу номинации: *доможил* - домовый (Даль, I, 466) – «живущий в доме»;

б) указывают на разные принципы номинации: *черногор* – сказочное имя злого волхва (Даль, IV, 595) – принцип номинации по оценочному осмыслению цветового признака (*черный*) и по месту обитания (*гора*), *кумошедша* - одна из двенадцати сестер Иродовых, коим народ дал названия (Даль, II, 249) – табуированное название по проекции человеческих родственных отношений на нечистую силу (*кума*) и по действию (*приходящая*),

в) основаны на разных способах номинации. Ср.: *лиходейка* - одна из двенадцати сестер Иродовых, коим народ дал названия (Даль, II, 249) – прямая номинация – и *златокоса* – русалка, девушка с золотыми волосами – метафорическое обозначение одного из номинативных признаков.

Таким образом, сложные слова так же, как словосочетания, содержат комплексную информацию об обозначаемом, основанную на разных принципах, способах и средствах номинации. Сложные слова выступают часто как номинативные однофункциональные варианты словосочетаний: *летучий змей* – *летун*, *огненный змей* – *огненный* 'в суеверных представлениях нечистый дух, прилетающий в виде огненного шара', *лесной дедушка* – *леший* и т.д. Такие сложные слова являются свернутыми словосочетаниями с той же семантикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
2. Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. – Екатеринбург, 2001.
3. Коновалова Н.И. Демонологическая лексика как фрагмент концепта «сакральное» в русском языковом сознании // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000.

СЛОВАРИ

1. Даль В.В. Словарь живого великорусского языка Т. 1-4.

© Андросова О.В., 2005

Васильева С.П.
Красноярск

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК»

Связь лексического и грамматического в слове, соотношение лексического и грамматического в системе языка составляет основной отличительный признак лексико-семантического уровня языка. Важнейшим признаком, конституирующим языковую картину мира лексическими средствами, являются различные парадигматические группировки

слов, называемые недифференцированно «семантическими полями».

Понятие «семантического поля» было введено в научный обиход последователем В.Гумбольдта Йостом Триром в 20-30-е гг. XX в. Идея исследования понятийного содержания языка через лексику и грамматику была новой, т.к. задача подобного исследования сводилась к выяснению особенностей и форм языкового мышления носителей языка [Уфимцева, 1988: 136].

Большой вклад в разработку понятия поля и структуризацию словарного состава языка по семантическим полям внес Ю.Н.Караулов [Караулов 1976], который в связи с разработкой нового словаря предложил новое понимание семантического поля. По наблюдениям Ю.Н. Караулова, слово не есть отражение действительности, «способом отражения является поле». [Караулов, 1976: 269]. Метод поля рассматривается Ю.Н. Карауловым как исследовательская процедура применительно только к лексическому уровню в связи с построением структуры идеографических словарей. «Базой идеографических словарей всегда считалась ономастиология, представляющая собой такой аспект изучения семантики, когда исходным является некоторое понятие, идея или намерение, а предметом анализа – пути и средства её выражения» [Караулов, 1976: 19] В монографии «Общая и русская идеография» Ю.Н.Караулов приводит 14 определений поля как «единицы» лексико-семантической системы, 9 определений по свойствам и 8 определений по принципам внутренней организации, в результате анализа которых он выделяет следующие свойства поля: 1) связь его элементов; 2) системный характер связей (либо парадигма, либо набор корреляций, либо сеть понятийно-логических отношений); 3) взаимоопределяемость элементов (иногда взаимозаменяемость); 4) самостоятельность семантического поля (выражающаяся в его целостности, а следовательно – принципиальной выделительности); 5) специфичность в разных языках (историческая обусловленность, неповторимость национальных особенностей внешних связей полей друг с другом). Представления о поле в различных теориях колеблются от признания поля «единицей смысла» (Кривченко) до объявления его «эвристическим приемом» (Рупп) [Там же: 33 – 34]. В рамках поля проявляется несколько уровней абстракции при переработке, хранении и передаче семантической информации. На более высоком уровне абстракции «смысловые связи между словами объясняются наличием в их составе общих единиц смысла или сходством структуры их комбинаций, что не всегда доступно непосредственному наблюдению и интуиции. На одном из более низких уровней, предшествующем заключительным этапам порождения текста (речи), в качестве единицы уже выступает слово, как некая образно-мыслительная единица. Слова группируются в сознании говорящих в семантические поля на основе тематической близости или на основе принадлежности к одной области логических понятий их референтов. На этом уровне абстракции смысловые связи между словами одного семантического поля определяются ассоциативными связями между обозначаемыми» [Кривченко, 1973: 100-101].

Принцип поля может быть применен к анализу топонимов как лексических единиц. «Структурирование ономастического поля, выявление его системных параметров и является этой генеральной типологией, на основании которой можно построить частные описания ономастических категорий и парадигм» [Супрун, 2000: 16].

Наиболее плодотворным является анализ семантических полей на трех уровнях: собственно семантическом, мотивационном и уровне культурной символики. [Березович 2004: 5]. В русле этнолингвистического подхода Е.Л.Березович было осуществлено описание народной топонимии Русского Севера, в её исследовании семантические модели объеди-

няются в семантические поля, которые, накладываясь друг на друга, создают семантическое пространство топонимии. «Иерархическая цепочка *семантика отдельного топонима* → *семантическая модель* → *семантическое поле* позволяет представить структуру семантического пространства топонимии» [Березович, 1998: 67; курсив Е.Б.].

Объектом изучения является топонимия Приенисейской Сибири. Задача статьи – выявление ментальных представлений, выраженных в топонимическом поле **Человек**. Для изучения своеобразия ментальных представлений сибиряка нами применена следующая последовательность анализа: топоним → апеллатив или антропоним → семантическая модель → мотивационная модель → семантическое поле.

Объективированность народной топонимии обусловлена социальным характером этих знаков, их связью с культурно-историческими фоновыми знаниями, содержанием внерационального, чувственно-эмпирического знания. Семантический и ономастический анализ топонимических единиц в пределах поля **Человек** позволит выйти на уровень ментальных представлений.

Современные исследователи в зависимости от имеющегося материала располагают для выявления глубинной семантики слова и его ментальных смыслов следующим набором способов, отмеченных В.В. Колесовым: на основе внутренней формы слова, его парадигматических и синтагматических связей, словообразовательных, категориальных и стилистических особенностей [Колесов, 2002: 23-25]. Таким образом, мы видим, что поле является хорошо приспособленной единицей для семантического анализа, на основе которого можно решить задачи ментального уровня.

Спецификой топонимического поля, определения его границ является возможность представить топонимическое поле как пучок ассоциаций на слово-стимул, выраженное «метаденотатом» [Караулов, 1976: 114]. Для топонимического поля границы заданы набором представленных в наших материалах единиц народной топонимии Приенисейской Сибири. Задача статьи – выявление ментальных представлений о самом себе, транслированных через топонимию.

Рассмотрим топонимическое поле **Человек**.

В ономастике ведущее место по содержанию знаний о человеке занимает, безусловно, антропонимия. «Антропоним представляет собой тот языковой знак, который можно назвать предельно антропоцентрическим, максимально приближенным к человеку» [Голомидова 1988, 64]. Топонимия содержит прежде всего информацию о пространстве, воспринимаемом человеком, используемом человеком. В восприятии и репрезентации пространственных и других представлений человека значительное место занимает антропоморфизм, а следовательно образное представление о предметах окружающего мира. Поэтому топонимия занимает не последнее место по содержанию информации о мировидении человека и его преобразующей деятельности.

В наших материалах поле **Человек** представлено группами названий на основе общности их мотивационной модели: *мужчина – женщина; тело человека*. В данном случае мы сознательно исключаем из поля *духовную и социальную сферу* человека, ограничивая анализ физических аспектов жизни человека.

Мотивационная модель *мужчина – женщина*.

Гендерный аспект в лингвистике рассматривался на различном материале под разным углом зрения. В частности, В.А. Маслова выделяет три направления исследований: 1) социальная природа мужских и женских языков; 2) особенности речевого поведения; 3) когнитивный аспект различий. [Маслова, 2001: 125] «Женский» язык считается маркиро-

ванным, а мужской соответствующим литературной норме. [Там же]. Для русской ментальности характерно стиливое «двоение» женского образа на *бабу* и *женщину*, при этом «неверно лишь утверждение, что только *баба* является «идеознтической характеристикой», а *женщина* якобы перевод или калька. Женщина – именно идеальная сущность бабы, концепт формируется в XVI в. в полном соответствии всем прочим «двоениям» смыслов (*правда – истина, честь – совесть* и пр.)» [Колесов, 2004: 215] В лингвокультурологии были предприняты попытки описать ментальный образ женщины по данным паремий [Телия, 1996: 260 - 269; Кирилина, 1997], в психолингвистике – описание гендерных особенностей ассоциативного поведения [Горошко, 2003: 22 - 34]. В топонимии попытка пронаблюдать реализацию обобщенных образов мужчины и женщины предпринята Е.Л. Березович. Ею отмечена довольно яркая прорисовка образа женщины (бабы) в структуре географического пространства с его анатомическими деталями, что предполагает номинативное авторство мужчины. Раритетность *мужских* названий объясняется тем, что «мужчине принадлежит весь мир за пределами деревни с её *бабыми* прудами, ручьями и болотами, поэтому номинации, задействующие образ мужчины, обладали бы недостаточными дискриминовыми возможностями». [Березович, 1998: 46]

Образ мужчины в топонимии Приенисейской Сибири представлен прежде всего отантропонимическими топонимами, несущими информацию о людях, активных субъектах, осваивающих и преобразующих пространство, «встраивающихся» в него. Присвоить объекту имя человека значило продемонстрировать «свое», отметить пребывание на данной территории. Антропонимические основы в русской топонимии Приенисейской Сибири составляют большую часть основ, по сравнению с другими топоосновами. Этот факт свидетельствует, прежде всего, о времени освоения Приенисейской Сибири (с XVII в.), вторых, о социальной и геополитической обстановке освоения новых земель. В исследованиях топонимии Пинежья Г.Я.Симинова отмечает более позднее появление названий географических объектов по признаку принадлежности, т.е. по отношению к лицу, к человеку. Ссылаясь на А.М. Селищеву, исследователь отмечает, что два эти типа названий, по физико-географическим свойствам (А) и по отношению к лицу (Б), противопоставлены и по времени образования: топонимы типа А более ранние, топонимы типа Б более поздние. Еще одна важная особенность распределения по типам, отмечаемая Г.Я.Симиной: названия типа А выступают как характеристики угодий общественного землепользования, «вотчины», а названия типа Б – по преимуществу индивидуального участка, расчистки [Симинова, 1980, 23]. В Енисейской губернии участки распределялись в индивидуальное пользование. Об этом можно судить по документам, в частности, Окладной книге Енисейской губернии, где делались записи **распределяемых** земель, получаемых во временное пользование за плату. Географические названия отантропонимического происхождения составляют большую часть топонимикона Приенисейской Сибири. Это обусловлено главной целью миграции крестьянства и служилых людей в Сибирь – получить землю. С этим связывались легенды о «беловодье», т.е. свободных землях. В трудных условиях, шаг за шагом осваивались необъятные пространства, и первый мотив номинации – это дать свое имя месту, «присвоить». Поскольку освоение Приенисейских земель шло с севера, в названиях северных рек отмечаются комплексы отантропонимических названий, свидетельствующие о связи с тем или иным человеком: Данилков, руч. пр. р. Яковлевка (Тас.); Михайловка, руч. пр. р. Яковлевка (Тас.)

В основе топонимов зафиксировано множество имен и фамилий. Остановимся на топонимах, образованных от имен. В этой группе топонимов выделяются следующие семан-

тические модели:

Поссесивы от православных полных мужских имен: Емельян – Емельяново, оз. в ; Захар – Захарово поле; Исай – Исаев, руч.; Исаев, руч.; Иван – Ивановка, д.; Кирилл – Кириллов, руч. Тас.; Аверьян – Аверина, р. л.пр.Ен.; Ларион – Ларионов, руч. басс Ен.; Михаил – Михайловка, руч.; Михай – Михеева, р. пр.р. Воры; ; Николай – Николаева пасека; Петр – Петровка, р. пр. р. Сургутиха; Савелий – Савельевка, р. басс. Ен.; Сава – Савинская, р. басс. Ен.; Савинский, пережат на р. Ен. бл. устья р. Савинской; Савинский, о. на р. Ен. бл. устья Савинской; Сергей – Сергеево, д.; Сидор – Сидоров, руч. л. пр. Усолки; Симон – Симоновский, затон на р. Ен.; Степан – Степанов, руч. пр. р. Усолки, Степанова речка; Тарас – Тарасова гора; Ульян – Ульяновское, оз. бл. п. Емельяново; Федор – Фёдоров, руч. п.пр. Ен.; Фирс – Фирсова, р. пр. Ен.; Яков – р. Яковлевка; Назар – Назарово, д. бывш.; Никита – Никитина, р. пр.р.Дубчес.

Поссесивы от уменьшительных, неполных мужских имен: Андреяшка – Андреяшкина, речка; Афонька – Афонькина забока; Вася – Васин, руч.; Ганька – Ганькины, поля ; Данилка – Данилков, руч. пр. р. Яковлевка; Иванец – Иванцов Крест, пресеч. дорог, Иванушка – Иванушкин, ручей; Игнашка – Игнашкина мельница на р. Есауловке; Костя – Большой Костинский, о. на р. Ен.; Кирилка – Кирилкина, р.; Кирюшка – Кирюшка, р.; Колян – Колянов покос; Лаврик – Лавриковы бугры, возв.; Мишка – Мишкина пасека; Никишка – Никишкина мельница, покос; Парфей –Парфеев перекоп; Петя – Петины поля; Петрак – Петраково поле; Сенька – Сенькина, р. пр. Ен. бл. д. Татарск; Сенька – Большой Сенькин, руч. пр. р. Караульной; Степаха – Степаха, р. л. пр. Ен.; Тасей – Тасеева, р.л.пр.Ангары; по имени местного князя Тасея.

По имени и отчеству: Петропавловская ГЭС, озеро и водоотводная труба – (ирон., по имени управляющего Лукьянова Петра Павловича); Захар Павлыча, лог (Захар Павлыча конь растрепал).

Поссесив от семейного прозвища: Порфирий – Поршата – Поршачья, мельница.

Перенос семейных прозвищ: Давлетов – Давлята, поле; Капрал – Капралята, п.у. Прозвища на -ата, -ята, образованные от фамилии, имени или прозвища главы семьи, обозначали членов семьи, чаще всего детей.

Мужские отантропонимические названия преобладают в количественном отношении, что говорит об активной социальной роли мужчины в освоении земель.

Образ женщины в топонимии представлен следующими номинативными моделями:

Перенос личного имени: Солоха, р.; Ирина, ур. В основе номинации лежит пропозиция, ситуация, легенда, иногда утраченная и подкорректированная со временем: *На этой реке жила Солоха. В этом урочище погибла молодая женщина Ирина.*

Перенос прозвищного женского имени на –иха: Аксютиха, покос (*здесь косила Аксютиха*).

Перенос гидронима на –иха: Пашиха, прот. Чулыма (*по имени удачливой рыбачки Паши*).

Перенос ойконимов на –инк(а), -овк(а), -евк(а): Варваринка, ост. п.; Ларисовка, д. не-сущ.; Марьевка, д.; Татьянавка, д.

Поссесивы от женских крестильных имен: Грушечий лог – есть два варианта объяснения: 1) *Грушу наши повешенной в этом логу; 2) стояла пасека Груши*. Второе является более обыденным, первое носит характер легенды, связывающей название с трагическим событием. Степень достоверности того и другого примерно равны.

В рамках этой семантической модели название могло быть мотивировано ролью

женщины в семейной и хозяйственной деятельности: Маринкино, с.; Марфина гора, покос; Марын, руч. л.пр.Ен.; Матрёнинский, о., перекат на р. Ен.; Ольгино, с.; Ольгино, оз.; Ольгино, д.; Таскино, с.; Ховрино, д.

Матронимический посессив: Ховричево, поле. Матроним на *-ич* мог принадлежать сыну вдовы, т.е. мать оказывалась главой семьи, что и фиксирует матронимическое прозвище.

Перенос женских прозвищных топонимов, образованных от мужских имен и фамилий: Ангутиха, р. пр.р. Турухан; Амосиха, курья, прот. Ен.; Бакланиха, р.; Бараниха, р. п.пр.Ен.; Большая Фатьяниха, р. пр р Фатьяниха; Генералиха, гора ; Киселиха, р.,п.пр. Ен.; Калобариha, прот. Ен.; Карасиха, р., пр Ен.; Карабариха, р.; Борисиха, р. п. пр. Ен.; Глотиха, р.; пр Ен.; Горошиха, д.; Гусиха, оз.; Данилиха, р., оз. басс Ен.; Денисиха, р. пр. Ен.; Жербажиха, д.; Журавлиха, ж.д. ст.; Кббяхиха, оз.; Мангутиха, р. пр. Ен.; Мироедиха, р. пр. р. Ен.; Пакулиха, р. л. пр. Ен.; Поташиха, р.; Пучеглазиха, р.; Платониha, дорога в д. Петровка; Потапиha, мельница; Соколиha, дорога в д.Петровке; Сарафаниha, р. пр р. Ен.; Сарчиха, р. л. пр. Ен; Селиваниha, р. пр. Ен.; Селивановская, коса на р. Ен.; Сумарочиха, р. пр. Ен. бл. д. Сумароково; Сургутиha, д., р. п.пр. Ен.; Сухариха, д., р. пр. Ен.; Тюмениha, р. л. пр. Ен.; Фатьяниha, р. пр. р. Ен.; Ферисеиха, р. пр. Ен.; Шадриниха, р. пр. Ен.; Шурниha, р. пр. р. Дубчес.

В русской ономастике суффикс *-иха* является продуктивным в группах женских прозвищ и гидронимов. В номинациях на *-иха* грамматический род названий географических терминов и женский отфамильный или прозвищный антропоним совпадают. В данной модели это необходимое условие.

Метонимический перенос женских антропонимов с суффиксом *-иха* на объекты, обозначенные терминами мужского и среднего рода: Андрониha, поле; Гордеиха, поле, ручей; Гусиха, хребет; Зудиха, лог; Лопатиha, руч.; Марчиха, руч. пр.Ен.; Фадиха, долина на р. Усолке между деревнями Среднее и Нижнее; Федосеиха, поле бл. с. Петропавловка; Филатиha, поле бл. д. Петропавловка ; Хроматихин, колок бл. д. Петровка.

Влияние семантической модели на *-иха*: Базаиха, р. пр. Ен.; Баиха Верхняя, р., с. (Бай-яха – река рода Бай); Баиха Нижняя, р. пр. р. Тур., с.

В рамках семантической модели посессивов выделяются женские (бабы) названия:

Бабы топонимы обозначают место в пределах деревни или вблизи неё: Бабий пляж, место на р. Каче; Бабыня купальня, место купания женщин. [Васильева 2005: 27]

Девичьи названия хранят информацию о трагической ситуации, связанной с местом:

Девичий затон – утонуло несколько девочек; Девичий лог – заблудились и замерзли несколько девушек.

Схожие мотивы наблюдаются в топонимии Русского Севера: у *бабьих* топонимов отмечается коннотация *близости* по отношению к наблюдателю, находящемуся в пределах деревни, и использование их для номинации водных объектов, ручьев, болот (предполагается связь с остаточной архаической моделью *река (вода) - женщина*). [Березович 1998: 48]

Фреймовая семантическая модель: Барышня, руч. л.пр.Усолки; Кукла, р.

Женские модели в сравнении с мужскими отантропонимическими моделями отличаются большим разнообразием, среди женских отантропонимических, кроме посессивной модели, актуализирована модель переноса имени или прозвища на географический объект. Женские отантропонимические названия более поздние. Женское имя в топонимии свидетельствует о выдвигании женщины в связи с потерей мужа (вдовство) или его бо-

лезню, неспособностью кормить семью. Например, названия на *-иха* обозначают жену по имени или фамилии мужа, мать семейства, жену или вдову. Семантика мужских топонимов, сводится к отношениям владения, хотя изначально, как мы предполагаем, ситуации номинации и в этой группе были более разнообразными, но нивелировались со временем.

Мотивационная модель *тело человека* представлена названиями, мотивированными анатомическими терминами. Мотивирующими основами для топонимации послужили следующие апеллятивы: *нога, пуп, язык, ребро, щеки, кость, волосяной покров (лысая), бородавка, бок, гузно*.

Отножка, кл. (несколько). *Отножа* – ответвление горного хребта, его отрог; ответвление долины; рукав реки, её приток; узкий залив озера; начало, исток реки.

Дунькин пуп, возв. (несколько). *Пуп* – возвышенное место; то же в Среднем Поволжье; остров леса в Ленинградской области; *пуп, пупыш* – «кочка», «бугорок». Пуп в Горьковской области; Пупозеро в Ленинградской области. [Мурзаев, 1984: 466]

Тёщин язык, крутой, опасный поворот дороги (несколько). *Тещин язык* – петля на горных дорогах Северного Кавказа. Э.М. Мурзаев считает анатомическим термином в географической терминологии [Мурзаев, 1984: 646]. Ребра, остров на Енисее, скалистая площадь, напоминающая ребра. *Ребро* – ребристые бока кряжа, где камень вышел гребнями, ребрами [Даль IV, 1955: 87]. Щеки, скалистые берега в нижнем течении Подкаменной Тунгуски. *Щеки* – скалистые обрывистые высокие берега реки, сужающие долину, где резко увеличивается скорость течения воды; обычно образуют ущелья, каньоны, сжимающие с двух сторон реку; утесы, расположенные друг против друга по обе стороны реки Костоватая, гора. *Кость* – подводный камень на море. *Костливо* – каменисто; *костливый* берег – скалистый берег. Анатомический термин. [Мурзаев 1984: 294] *Кость и камень* – уподобление по признаку твердости, образ основы, скелета человека, возможно, антропоморфный макрообраз: камни – кости земли. Лысанка, гора. *Лысая гора* – вершина которой лишена лесного или кустарникового покрова. Бородавкино, поле, неровное. *Бородавка* – небольшая шишка на теле, накожный нарост, обычно роговатой наружности; подобная шишка на растениях. [Даль I 1955: 116] Боковой, луг; Боковое, д.; Забока, место; Дальняя забока. *Бок* – сторона предмета; грань; у каждой вещи есть верх и низ, остальные внешние плоскости называются боками; если же исключить зад и перед, то будет два бока, правый и левый. [Даль I 1955: 109] В терминологическом значении: *бок* – берег реки, сторона (Центральный р-н) [СРНГ 1968: 2]. *Горло*, узкое место. Метафорический географический термин *горло* в значении «ущелье, по которому проложена дорога в горах», «горный проход», «проток», «устье реки», «морской пролив» Безузов мостик, труднопроезжаемое место. *Гузно* – зад и низ чего, задница человека и животного; живот. [Даль 1955 I: 406] (См. Таблицу 1).

Таблица 1.

№	Тип объекта	Топоним	Апеллятив	Семантическая модель	Ментальный смысл
1	ключ	Отножка	нога	ответвление, рукав	<i>пространство</i>
2	Луг, деревня, место	Боковой, Боковое, Забока	бок	в стороне от центра	<i>пространство</i>
3	берега	Щеки	щека	узкий	<i>пространство</i>
4	узкое место	Горло	горло	узкий	<i>пространство</i>
5	возвышенность	Дунькин пуп	пуп	неровность	<i>ландшафт</i>

6	остров	Ребра	ребро	неровность	<i>ландшафт</i>
7	поле	Бородавкино	бородавка	неровность	<i>ландшафт</i>
8	гора	Костоватая	кость	твердый	<i>почва</i>
9	гора	Лысанка	лысый	голый (без растительности)	<i>растительность</i>
10	мостик	Безгузов	гузно	плохой	<i>опасность</i>
11	крутой поворот	Тещин язык	язык	опасное место	<i>опасность</i>

Каждая семантическая модель выражает какую-либо ментальную характеристику.

Пространство: 1) расположение в пространстве (Боковой, Забока, Отножка); 2) узкий проход (Горло, Щёки). **Ландшафт:** 1) неровность ландшафта (Ребра, Бородавкино поле, Дуныкин пуп). **Почва:** 1) твердость (Костоватая гора). **Растительность:** отсутствие растительности (Лысанка, гора). **Опасность:** 1) крутой поворот (Тещин язык); 2) плохой проезд (Безгузов мостик).

Данные названия представляют собой образные характеристики объектов, основанные на переносе значений.

Итоги: ядром поля **Человек** являются названия от антропонимов, представленные мотивационной моделью *мужчина – женщина*. Мужские топонимы передают ментальный смысл *свой*. Женские топонимы детализируют пространство, освоенное мужчиной. На периферии поля – названия, мотивированные анатомическими терминами. Антропоморфные наименования даны различным географическим объектам, они выражают следующие ментальные понятия: **пространство, ландшафт, почва, растительность, опасность**.

ЛИТЕРАТУРА

2. Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.
3. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Вопросы языкознания, 2004, № 6.
4. Васильева С.П. Образ пространства по данным топонимии / Сибирский субэтнос: Культура, традиции, ментальность: Матер. Всероссийской научно-практической конф. На сайте sib-subetnos.narod.ru 1 марта – 1 декабря 2004 г. Вып. 1. Красноярск, 2005.
5. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург, 1998.
6. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Методология современной психолингвистики: Сборник статей. М. – Барнаул, 2003.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I – IV. М., 1955.
8. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
9. Кирилина А.В. Стереотипы биологического пола в языке / XII Междунар. Симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». М., 1997
10. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002.
11. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб, 2004.
12. Кривченко Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения. Филол. науки, 1973, № 1.
13. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. 2001.
14. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

15. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград, 2000.
16. Симина Г.Я. Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья). – Л.: Наука, 1980.
17. СРНГ - Словарь русских народных говоров. М., Л. 1965 – 1967; Л., 1969 – 1986. Вып. 1-21.
18. Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996.
19. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

© Васильева С.Д, 2005

Воробьева Н.А.
Екатеринбург

САКРАЛЬНОЕ КАК КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ИДИОМАТИКИ

Мысль о том, что язык – это средство выражения национальной ментальности восходит еще к работам В. фон Гумбольдта. Эта идея нашла новое преломление в конце XX в. с развитием антропоцентрической лингвистики, в том числе таких направлений, как этнолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика и т.п.

Стало уже общепринятым положение о том, что язык – это носитель и транслятор культуры. Язык способен передавать различного рода информацию из поколения в поколение. Язык оказывает влияние на воспитание и становление человека в соответствии с особенностями той или иной культуры и является объединяющим началом для людей, принадлежащих к одной нации через сохранение и передачу культурных традиций (см., например, работы Н.Д. Арутюновой, Е.Л. Березович, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.А. Масловой, В.Н. Телии, Г.С. Тер-Минасовой, С.М. Толстой, Н.И. Толстого, и др.)

К источникам сведений о культуре, несущим национально-специфическую окраску, по мнению Антипова Г.А., Донских О.А. и др., «можно отнести как минимум следующие:

а) традиции (или устойчивые элементы культуры), обычаи (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к системе нормативных требований);

б) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой культурой;

в) повседневное поведение (привычки представителей некоторых культур, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;

г) художественную культуру, отражающую традиции того или иного этноса.»

Мы считаем необходимым, использовать еще один источник национально-культурной информации, который мы рассматриваем как основной, – это устойчивые выражения (фразеологические обороты, устойчивые сравнения, устойчивые номинативные словосочетания).

В соответствии с вышесказанным языковые единицы могут рассматриваться как культурные знаки, интерпретация которых – особого рода когнитивная процедура декодирования означаемого через означающее с учетом знаний народной культуры, традиций, обрядов и т.д. и традиционных моделей структурирования на их основе наивной (архаической) картины мира.

Особый интерес представляют устойчивые сочетания с сакральным компонентом, так как анализ данных языковых единиц позволяет выявить закрепленные в сознании носителей языка стереотипы восприятия сверхъестественной силы.

Сакральный компонент (от лат. *sacer, sacri* 'священный, святой') в узком смысле определяется как «священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу; обрядовой» [Крысин, 2003: 213]. В качестве основополагающего для целей нашего исследования мы берем широкое определение сакрального. Сакральное – 1. Вымышленные, наделенные сверхъестественными качествами существа – персонажи религиозных мифов; 2. Религиозные ценности – вера «истины», вероисповедания, таинства, церкви; 3. Совокупность вещей, действий, текстов, языковых формул, зданий и прочее, входящее в систему культа [АС, 1984: 391]. Ср. также: Сакральное – священное [от лат. *sacrum* - священность] - предмет религиозной веры: 1. Особые существа, связи и отношения, которые в различных религиях приобретают характер сверхъестественного; 2. Совокупность вещей, лиц, действий, текстов, языковых формул, зданий, входящих в религиозную культовую систему [ЭСК, 1997: 337]. Таким образом, «сакральный компонент характеризуется целым спектром содержательных характеристик: с одной стороны – через конкретизаторы: священный, обрядовый, ритуальный, таинственный, магический; с другой – через релятивные параметры: относящийся к существу, персонажу, лицу, вещи, действию, таинству и т.д.» [Коновалова, 2004: 53-54]. Данное определение сакрального компонента позволяет проанализировать большой объем языковых единиц с учетом разного рода культурологической информации, представляющей сферу сакрального в языковом сознании русского народа.

Сакральный компонент в составе идиоматичных выражений может быть формально выражен (представлен лексическими единицами соответствующих семантических полей, внутренней формой слова) и не выражен. Методика анализа выражений разных типов предполагает разные процедуры. Так, если сакральный компонент выражен, то достаточно выявить и интерпретировать внутреннюю форму наименования и описать его семантическую структуру.

Во втором случае сакральная семантика идиомы «выводится» с учетом широких этнокультурных пропозиций в результате интерпретации культурной семантики, связанной с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями. Существенное значение для такой интерпретации имеет обращение к фольклору и живой разговорной стихии, к диалектному материалу.

По представленности сакрального компонента мы выделили 3 группы выражений:

1. Устойчивые выражения с лексически (формально) выраженным сакральным компонентом

По характеру представленного сакрального компонента эта группа неоднородна. К ней относятся:

- устойчивые выражения, в состав которых в качестве сакрального компонента включено наименование святых, небесных сил.

Бог. Например, *Бог не выдаст* 'ничего плохого не случится, все обойдется; из трудного рискованного положения будет найден выход' [ФСРЛЯ, 1995: т.1,34]; *бог не обидел* кого 'кто-либо в достаточной мере или с избытком наделен здоровьем, красотой, способностями' [ФСРЛЯ, 1995: т.1,34].

Господь. Например, *Господи благослови* 'хорошо, отлично, слава богу' [ФСРЛЯ, 1995: т.1, 31]; *Наказание господне* кто 'о том, кто доставляет неприятности' [ФСРЛЯ, 1995: т.2,

13].

Крестная сила. Например, *С нами крестная сила* 'воскликание (род заклинания), произносимое суеверными людьми в момент испуга или сильного удивления' [ФСРЯ Тихонов, 2003: 122].

• Устойчивые выражения, в состав которых в качестве сакрального компонента включено наименование нечистой силы.

Домовой. Например, *выть (завыть) как домовой* 'о каких-либо жалобных, тоскливых, похожих на плач звуках (издаваемых ветром, пургой и т.п.)' [ССРЯ ,2003: 103]; *как домовик* 'о домоседе' [ЧДФ, 2004: 167].

Дьявол. Например, *хохотать (смеяться) как дьявол* 'о чем-либо злом, диком, безудержном и громком хохоте' [ССРЯ ,2003: 113]; *хитер (хитрый) как дьявол* 'о чрезвычайно хитром, изворотливом, предприимчивом и лукавом человеке' [ССРЯ ,2003: 113].

Лихо. Например, *лихо одноглазое* 'косой человек' [ЧДФ, 2003: 45]; *хватить (или хлебнуть) лиха* 'испытать много горя, несчастий' [ФСРЯ Тихонов,2003: 135].

Нечистая сила. Например, *нечистая водит* кого 'о человеке, который где-то блуждает' [ЧДФ, 2004: 189]; *нечистая принесла* кого 'кто-либо пришел, явился некстати, не вовремя и т.п.' [ФСРЛЯ ,1995: т.2, 31].

Обдериха. Например, *обдериха виновата* 'так говорят, когда после бани появляются сыпь, болячки' [РДС,1995: 467].

• Устойчивые выражения, в состав которых в качестве сакрального компонента включено наименование болезни или смерти.

Например, *черная смерть* 'чума' [ФСРЛЯ ,1995: 166]; *как лядо* 'о болезненном человеке (лядо - болезнь)' [ЧДФ, 2004: 40]; *вешня болесь* 'лихорадка' [ФСРГС, 1983: 14]; *родимец бьет* 'болезнь' [Тимофеев ,2003: 148]; *лихоманка (лихорадка) (тебя) затряси* 'проклятие' [Тимофеев ,2003: 109].

• Устойчивые выражения, в состав которых в качестве сакрального компонента включены названия лиц, совершающих религиозные ритуалы, обряды или другие сакральные действия.

Например, *духовный отец* 'то же, что духовник (священник, принимающий исповедь у кого-либо постоянно)' [ЧДФ, 2003: 73]; *знаткой человек* 'знахарь, народный лекарь' [ЧДФ, 2003: 2003]; *бабушка-знатушка* 'знахарка' [ЧДФ, 2003: 62]; *урочный человек* 'человек, у которого по суеверным представлениям, «дурной глаз», который может, посмотрев, причинить вред кому-либо' [ЧДФ, 2003: 66].

• Устойчивые выражения, в состав которых в качестве сакрального компонента включены названия народных праздников.

Например, *Акулина-комарница* 'день 13 июня по старому стилю (время наибольшего появления комаров)' [ФСРГС, 1983: 7]; *Алексей с божьих гор потоки* 'день 17 марта по старому стилю, названного в честь святого Алексея, «человека божия»' [ФСРГС ,1983: 7]; *не жизнь, а масленица* 'о произвольной, беззаботной и обеспеченной жизни' [ССРЯ ,2003: 239]; *Юрьев день* 'употребляется для выражения неожиданно несбывшейся надежды, прекращения свободы действия и т.п.' [ФСРЯ Тихонов, 2003: 333].

• Устойчивые выражения, в состав которых в качестве сакрального компонента включены названия народных обрядов и ритуалов (не только религиозных).

Например, *посвечено молиться* 'по старообрядческому обычаю, родственники умер-

шего должны молиться поочередно в течение шести недель, сменяя друг друга при полном сгорании свечи [СРГСУ: т.4, 102]; *надевать иночество* 'постригаться в монахи' [ФСРЛЯ, 1995: т.2, 8]; *поставить свечу* 'помолиться за упокой' [Тимофеев, 2003: 141]; *обряд вести* 'исполнять религиозные обряды' [ФСРГС, 1983: 25].

• Устойчивые выражения, в которых в качестве сакрального компонента включено имя библейского, мифологического или сказочного персонажа.

Например, *Адамова голова* 'человек с большой головой' [ЧДФ, 2003: 47]; *Ариаднина нить* 'о чем-либо, помогающем разобраться в сложной обстановке, выйти из затруднительного положения' [ФСРЯ Тихонов, 20003: 12]; *вещая (вещий) каурка* 'конь в русских сказках, дающий советы своему хозяину и обладающий чудесным (магическим) свойством изменять его внешний вид и одежду' [ФСРЯ Тихонов, 2003: 107].

• Устойчивые выражения, в которых в качестве сакрального компонента включены названия атрибутов какой-либо веры, предметов, построек, имеющих отношение к религиозным учениям.

Например, *Вавилонская башня* 'об очень высоком здании, строении' [ФСРЛЯ, 1995: т.1, 15-16]; *нести крест* 'терпеливо и последовательно переносить испытания, превратности судьбы' [ФСРЛЯ, 1995: 27]; *яблоко раздора* 'то, что вызывает ссору, раздор, предмет раздора' [ФСРЯ Тихонов, 2003: 334].

К этому типу относятся также **устойчивые выражения, включающие в свой состав несколько сакральных компонентов.**

Например, *ни богу свечка, ни черту кочерга* 'ничем не выделяющийся, средний, посредственный человек' [ФСРЯ: Молотков, 1987: 413]. В данном устойчивом выражении в качестве сакральных компонентов включены наименования сверхъестественной силы, относящиеся к противоположным семантическим полям (святой – нечистый), что способствует десакрализации смысла выражения при сохранении сакральной семантики лексических компонентов в его составе (*бог, черт*) // *По бесовой библии <жить>* 'бесчестно' [ФСРГС, 1983: 12]. В данном устойчивом выражении используются сакральные компоненты *бес* (название нечистой силы) и *библия* (название атрибута христианской веры). Подобное сочетание сакральных компонентов противоположных по семантике может рассматриваться как своеобразный оксюморон, что усиливает негативную экспрессию выражения.

2. Устойчивые выражения с лексически (формально) невыраженным сакральным компонентом

Сакральная семантика данных устойчивых выражений «выводится» с учетом широких этнокультурных пропозиций в результате интерпретации культурной семантики, связанной с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями.

Данный тип устойчивых выражений неоднороден, можно выделить следующие тематические группы в его составе:

• Название сверхъестественной силы, например, *небесная канцелярия* 'о силах, будто бы управляющих погодой' [ФСРЯ Тихонов, 2003: 105]. В данном устойчивом выражении отражены наивные представления носителей языка о том, что сверхъестественные силы способны управлять природными явлениями и посылать людям благо или кару свыше.

• Названия людей, помогающих нечистой силе, например, *девка лесная* 'согласно суеверным представлениям, девушка, по воле лешего долго блуждавшая в лесу и других местах и научившаяся колдовству и знахарству; по выходе замуж утрачивала свое звание' [ЧДФ, 2004: 63].

- Отрицательная характеристика человека, например, *урочливый глаз* 'о человеке, которого считают глазливым, способным сглазить' [ЧДФ, 2004: 66]. Данное устойчивое выражение употребляется для негативной характеристики человека, который, по суеверным представлениям, (иногда не специально) может сглазить человека, т.е., например, навредить его здоровью, удаче и т.д.

- Названия обрядов, ритуалов, магических действий, например, *выливать на воске* '1. Лечить заговором над растопленным воском. 2. В знахарском лечении: пытаться получить изображение того, кто будто бы напугал ребенка' [ФСРГС, 1983: 37].

- Названия участников обрядов, например, *слезливая барыня* 'плакальщица' [ЧДФ, 2004: 66]. Слезливая барыня – женщина-плакальщица, которую за плату приглашали на свадьбы или похороны. В ее обязанности входило оплакивать умершего или участь девушки, выходявшей замуж.

3. Устойчивые выражения с сакральным компонентом, изначально не имеющие сакральной семантики.

Например, *крещенские морозы (или холода)* 'сильные морозы во второй половине января, бывающие во время первого церковного праздника - крещения' [ФСРЯ: Тихонов, 2003: 123]. В *крещенье льда не выпросишь* 'о крайне скупом человеке' [ЧДФ, 2004: 179]. Данные устойчивые выражения в качестве сакрального компонента содержат одно из названий церковных праздников – крещенье, но они уже изначально не обладали сакральной семантикой. Устойчивое выражение *крещенские морозы (или холода)* используется только для указания на время. Выражение *в крещенье льда не выпросишь* используется для наиболее экспрессивной, гиперболизированной оценки очень скупого человека, которому в лютые морозы жалко снега, льда.

Устойчивые выражения каждой из этих групп являются носителями какой-либо культурной информации. Так, например, интерпретация выражений, содержащих в своем составе единицы семантического поля «святая сила», должна учитывать следующее:

1. В сознании носителей языка святая сила – символ всего положительного. Ее действия воспринимаются как приносящие добро, помогающие человеку, оберегающие его. Например, *ангел над тобой* 'при выражении желания предотвратить какую-либо беду, опасность' [ФСРГС, 1983: 7]; *ангел-хранитель* 'по религиозным представлениям: ангел, охраняющий определенного человека' [ФСРЯ: Тихонов, 2003: 313]. С одной стороны, во всех своих начинаниях человек надеется на то, что высшие силы его поддержат, помогут. Обращаясь к ним, он рассчитывает на удачное завершение какого-либо дела, на возможность получить что-то хорошее, не прилагая особых усилий, например, *бог не выдаст* 'ничего плохого не случится, все обойдется; из трудного рискованного положения будет найден выход' [ФСРЛЯ, 1995: т.1,34]; *бог послал (пошлет)* 'о чем-л. случайно добытом или полученном' [ФСРЯ: Тихонов, 2003: 212]. Скорее всего, именно этим объясняется полная покорность носителей языка, принятие всего происходящего, как блага, например, *что бог ни делает, все к лучшему* 'о судьбе, смирении' [Тимофеев, 2003: 171]. С другой стороны, говорящий пытается снять с себя ответственность за неудачные поступки, объясняя их вмешательством сверхъестественных сил, например, например, *бог лихнул* 'черт дернул; неизвестно зачем, для какой надобности' [ФСРГС, 1983: 13].

2. Считается, что именно бог может наделить или не наделить человека какими-либо талантами, силой, здоровьем, интеллектом, например, *бог не обидел* 'кто-либо в достаточной мере или с избытком наделен здоровьем, красотой, способностями' [ФСРЛЯ, 1995:

т.1.34]; *богом убитый (убитая)* кто 'о глуповатом, малосообразительном человеке' [ФСРЯ Тихонов, 2003: 282]; *помочь* во время болезни, родов, спасти от смерти, например, *бог пристал* 'о наступившем выздоровлении' [ФСРГС, 1983: 13]; *бог простил* 'о женщине, благополучно родившей ребенка' [ФСРГС, 1983: 13]. В сознании носителей языка смерть человека воспринимается тоже как воля божья, например, *бог прибрал* 'кто-то умер' [ФСРЯ: Молотков, 1987: 40].

3. В устойчивых выражениях данной группы отражено представление носителей языка о том, что дети появляются на этот свет с благословения небесных сил. Например, *ангелы послали* 'восторженно-нежное приветствие новорожденному' [ФСРГС, 1985: 8].

4. Для положительной оценки характера, внешности, физических и интеллектуальных способностей человека используют сравнение с чистыми, святыми силами, например, *ангел во плоти* 'кроткий, чуткий, непорочный человек' [ФСРЛЯ, 1995: т.1, 17]; *святая святых* 'о хорошем человеке' [ЧДФ, 2004: 148]. Человека, отличившегося какими-либо положительными качествами, бог может наградить, исполнив его волю, например, *бережливого бог бережет* 'тот, кто все бережет, тот и удачлив' [Тимофеев, 2003:64].

5. У ряда устойчивых сочетаний, содержащих положительно оцениваемый сакральный компонент, развивается прямо противоположное значение, так как носители языка употребляют некоторые из них для характеристики отрицательно оцениваемых качеств человека, например, лицемерия, беспринципности и т.д. Например, *ангел непорочный* 'человек, маскирующий свои отрицательные качества' [ФСРЛЯ, 1995: т.1, 17-18]; *святой, да не шибко* 'о том, у кого незаслуженно хорошая репутация' [ЧДФ, 2004: 109]; *стоять как Иисус* [Христос] 'о скромно, молчаливо и нарочито смиренно стоящем человеке' [ССРЯ, 2003: 154].

6. В указанных выражениях отразилось представление носителей языка о том, что действительно верующий человек должен жить в согласии с божьими законами, придерживаться каких-либо нравственных или этикетных норм, за нарушение которых его ждет наказание, например, *гневить бога* 'делать что-то предосудительное' [Тимофеев, 2003: 80]; *не даст бог соверать* 'о правде' [Тимофеев, 2003:121]; *Бог-от с вами – лучше брани* 'воскливание со значением ласкового поощрения' [СРГСУ, 1964: т.1.208].

7. В устойчивых выражениях указанной группы отразилась вера человека в судьбу, которая предопределена свыше, вера в то, что только бог может влиять на жизнь человека, как-то изменять ее, так как он всеведущ, знает обо всем происходящем в жизни человека. Например, *бог не Микишка, знает* 'судьбу определяет не простой смертный, а бог' [Тимофеев, 2003: 65]; *на бога с тыниной не кинешься* 'о неизменной судьбе' [Тимофеев, 2003: 113].

8. Употребление в составе сочетания одного из наименований высшего существа, усиливает просьбу, обращенную к какому-либо человеку. Некоторые выражения изначально использовались как какие-то магические, защитные формулы, в которых отразилось желание носителей языка уберечь себя от каких-либо неприятностей. Например, *боже упаси да оборони* 'заговор от беды' [Тимофеев, 2003: 65]; *спаси, оборони, Господи* 'воскливание перед опасным, трудным делом' [Тимофеев 2003: 58]; *Господи, помилуй* 'мольба о прощении' [Тимофеев, 2003: 82]. Со временем подобные выражения стали употребляться как эмотивы, например, *Христос с ним (ними и т.д.)* 'выражает предложение согласия не спорить с кем-либо' [ФСРЯ Тихонов, 2003: 314]; *Христос с тобой* 'выражение благодарности' [Тимофеев, 2003: 169]; *Ах ты, господи!* 'употребляется для выражения удивления, досады, нетерпения и т.п.' [ФСРЯ Тихонов, 2003: 55]; вводные слова, например,

прости, Господи (в значении вводного слова) 'указывает на резкость высказанной оценки, суждения и т.д.' [ФСРЯ Тихонов, 2003: 55]; этикетные формулы, например, *ангел мой* 'в речевом этикете употребляется в ласковом обращении к кому-либо' [ФСРЛЯ, 1995: т.1, 17].

В процессе функционирования в языке устойчивые выражения могут сохранять сакральную семантику или утрачивать ее. В этом случае отмечается процесс десакрализации, сопровождаемый различными семантическими изменениями (переосмыслением семантики, развитием новых смыслов и даже десемантизацией).

С целью выявления процесса десакрализации мы предлагаем следующую методику анализа языкового материала.

1. Определить значение устойчивой единицы по словарю.
2. Выделить сакральный компонент.
3. Определить значение сакрального компонента по толковому словарю.
4. Определить, какими средствами создается образ сакрального.
5. Определить, какую этнокультурную информацию содержит устойчивое выражение.
6. Если в составе устойчивого выражения есть слова с затемненной внутренней формой (ВФ), то следует определить их значение по этимологическому словарю.
7. Выявить отсутствие или наличие вариантов устойчивых выражений, построенных по той же модели и передающих то же значение без сакрального компонента.
8. Проанализировать контексты употребления с целью выявления коннотаций сакрального характера.

Проанализируем два устойчивых выражения, в состав первого включено наименование небесной, святой силы, в составе второго нет лексически выраженного сакрального компонента.

Бог знает

ЛЗ – 1. Неизвестно, никто не знает (что, кто, какой, как, где, когда и т.п.). 2. Выражение возмущения, негодования, вообще отрицательного отношения к чему-либо или по поводу чего-либо (в сочетании с теми же словами, что и в 1 знач.) [ФСРЯ: Молотков, 1987: 39].

Сакральный компонент – **бог**.

Бог – по религиозному представлению: верховное существо, сотворившее мир и управляющее им, или (при многобожии) одно из таких существ [СРЯ, 1999: т.1, 101].

Образ сакрального в данном устойчивом выражении создается с помощью лексических средств – в его состав включено существительное *бог* (наименование высшего существа).

В данном устойчивом выражении отражено восприятие носителями языка высшего существа как всеведующего, знающего в отличие от человека.

Варианты устойчивого выражения: *бог [господь, аллах, черт, бес, леший, пес] знает*. Следует отметить, что в указанных вариантах лексема *бог* замещается лексемами *господь, аллах, черт, бес, леший, пес*. Эти лексемы выступают в качестве номинативных вариантов, причем одни из них называют высшие силы (*господь, аллах*), а другие – демонологические (*черт, бес, леший*). Стоит отметить, что для религиозного человека эти лексемы никогда не станут синонимичными, так как он осознает отрицательный характер этой лексемы. Сказывается страх человека перед сверхъестественными силами, тем более нечистыми. Компонент *пес* является табуированным обозначением нечистой силы.

В первом значении данное устойчивое выражение употребляется в следующих контекстах: *Мы бог знает, где едем, и бог знает, что с нами делается* (Л.Толстой, Война и мир); *Я подумал с минуту. Бог знает, зачем этот Маслбоев шляется со своею таин-*

ственность. *Что за сношения завел? Надо бы его увидеть* (Достоевский, Униженные и оскорбленные). Ср. *Черт знает, откуда опять эта страсть деятельности!* (Герцен, Письмо Н.А.Захарьиной, 4 ноября 1836); *Ответный крик и треснутое стекло мигом отрезвили Вальсана. Дело оборачивалось серьезно. Еще одно обсуждение в парткоме, в райкоме, в обкоме и черт знает где. Его нежелание оставить Бахарева сменным никто не поддержит* (Г.Николаева, Битва в пути).

Во втором значении данное устойчивое выражение употребляется в следующих контекстах: *Ты тратишь свои лучшие годы на бог знает что... Роешься в старом, никому не нужном хламе* (Чехов, Хорошие люди). Ср. *«Черная шаль» тебе нравится – ты прав, но ее черт знает, как напечатали* (Пушкин, Письмо Л.С.Пушкину, 27 июля 1821); *Ты нам тут своей эрудицией не трясси. В пошлый раз стыдно тебя слушать было. Начал с того, что человек произошел от обезьяны, а кончил...Черт знает, где кончил!* (В.Пикуль, Океанский патруль).

Все приведенные контексты употребления (в первом и во втором значении) доказывают, что данное устойчивое выражение утратило сакральное значение и употребляется с целью выражения чувств, эмоций и не содержит отсылки к сакральному субъекту. Следовательно, опираясь на результаты анализа, можно сделать вывод о полной десакрализации данного выражения.

Место глядеть

ЛЗ – в свадебном обряде смотреть дом и хозяйство жениха [ФСРГС, 1983: 184].

Сакральный компонент лексически не выражен.

В данном устойчивом выражении образ сакрального моделируется с учетом этнокультурных пропозиций, связанных с восприятием носителями языка дома, как постоянного места проживания. Дом для человека имеет большое значение, поскольку это единственное сакрально гарантированное пространство, то есть такое пространство, в котором он чувствует себя защищенным от различных бед, от действия нечистой силы. Поэтому при переезде на другое место (в данном случае в дом мужа), участники ритуала, например, родители невесты должны быть уверены в сакральной гарантированности нового (осваиваемого) пространства.

Анализ устойчивого выражения показал, что сочетание не утратило сакральную семантику, но употребляется на ограниченной территории или совсем не употребляется. Скорее всего, объясняется это тем, что в настоящее время обряд сватовства, свадьбы совершается не в полном объеме.

К основным причинам десакрализации устойчивых выражений можно отнести следующие:

1. Развитие синонимических отношений у устойчивых выражений, в состав которых включены сакральные компоненты противоположных семантических полей. Например, *Бог с ним – черт с ним – бес с ним*.

2. Возможность замены сакрального компонента табуированными наименованиями: *Бог с ним – пес с ним – шут с ним*.

3. Возможность замены сакрального компонента лексемами без сакрального значения. Например, *Бог с ним – прах с ним*.

4. Возможность замены сакрального компонента отрицательными местоимениями. *Бог знает – никто не знает*.

Устойчивые выражения, утратившие сакральную семантику, чаще всего переходят в разряд вводных слов, эмотивов, экспресsem со значением интенсивности проявления

признака, этикетных формул.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атеистический словарь* / под ред. М.П. Новикова. – М., 1984.
2. *Коновалова Н.И.* Динамический аспект интерпретации фразеологизмов с сакральным компонентом // *Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст.* – Екатеринбург, 2004.
3. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М., 1998.
4. РСД – Русский демонологический словарь. / Авт.-сост. Новичкова Т.А.. – СПб., 1995.
5. СРГСУ – Словарь русских говоров среднего Урала в 7-ми тт. – Свердловск, 1964 – 1986.
6. ССРЯ – Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – СПб., 2003.
7. ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири. / Сост. Федоров А.И. – Новосибирск, 1983.
8. ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка в 2-х тт. / Сост. Федоров А.И. – Новосибирск, 1995.
9. ФСРЯ Молотков 1987
10. ЧДФ – Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь. – М., 2004. © Воробьева Н.А., 2005

Глушак В.М.
Сургут

РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОКЛЯТИЙ В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Проклятие – это речевой акт, который принадлежит к сфере вербальной агрессии и представляет собой желание зла другому лицу, как правило, со ссылкой на сверхъестественные силы. В данной статье приводятся характерные черты данного речевого акта и особенности его употребления подростками и взрослыми людьми в немецком языке. Данные речевые образцы агрессивного поведения удачно вписываются в категориальное поле экспрессивности в понимании таксономии речевых актов. Однако в отличие от агрессивных речевых актов, к каковым мы относим проклятия, прочие экспрессивные речевые акты (благодарности, поздравления, сочувствие, выражение чувств и т.п.), с самого начала эксплицитно выражают эмоциональное состояние говорящего. Иллокутивная сила этого класса речевых актов направлена на выражение непосредственного психического состояния, которое указывает на пропозициональный смысл представляемого положения дел. В вербальной агрессии подобное не может иметь место, так как здесь пропозициональный смысл необязательно связан с реальным положением дел (Например, если кто-то желает кому-то «отправиться к черту», то, во-первых, пропозициональный смысл не соотносится с положением вещей, а лишь обозначает желаемое событие, и, во-вторых, это событие связано с психическим состоянием говорящего не семантически, а прагматически, так как психическое состояние является причиной этого высказывание и будет не всегда эксплицитироваться). Высказывания в рамках агрессивных речевых актов являются, как правило, идиоматичными, и из этих идиом слушающий сам делает заключение о психическом состоянии говорящего, но не всегда о причине его агрессивного поведения. Причинные связи между психическим состоянием и высказыванием очень редко вербализуются. Так, следующее агрессивное высказывание «*Du bist ein Arsch*» будет выглядеть неестественно,

если к нему добавить причину, побудившую сделать подобное высказывание – «*Da du alles falsch machst, nenne ich dich deswegen ein Arsch*». Иногда возможны пропозиции, следующие друг за другом и не связанные причинными конъюнкторами (*weil, da, darum, deshalb* и т.п.), например:

Du Arsch, du machst alles falsch!

Steh´ nicht blöd rum, wenn ich da bin, du Penner!

Суммируя взгляды наиболее авторитетных авторов по проблемам экспрессивных речевых актов, мы определили положения, которые действительны для агрессивных речевых актов:

- выражение актуального агрессивного состояния говорящего, обусловленного сторонними лицами или событиями, однако пропозициональное содержание этого выражения не обязательно должно относиться к возбудителю агрессивного состояния говорящего;
- возможность как эксплицитного («*Du nervst mich so sehr!*»), так и имплицитного (посредством взаимодействия лексико-фразеологических, лексико-синтаксических, просодических и контекстуальных элементов) выражения актуального агрессивного состояния;
- искренность или откровенность выражения психического состояния говорящего;
- выражение враждебной установки говорящего по отношению к другому лицу, чаще всего с целью нанесения вреда имиджу оппонента.

Одним из самых дискутируемых вопросов по проблематике вербальной агрессии является вопрос направленности и интенциональности агрессивного речевого акта. Большинство авторов склонны приписывать акту вербальной агрессии целенаправленную, причиняющую вред интенцию [см. напр. Sager, 1988: 139]. (Для наглядной демонстрации своей позиции по данной проблеме С.Ф. Загер приводит один пример, в котором утверждает, что насмешка, которая не распознается и не воспринимается другим участником коммуникации как таковая, не является при таких обстоятельствах насмешкой [Sager, 1988: 145]). Если такая интенция не является очевидной из речи агрессора, т.е. не содержит определенные коммуникативные конструкции, а значит не может соответствующим образом влиять на жертву, то реализация вербальной агрессии не может считаться для него успешной. Свен Фредерик Загер определяет для аспекта агрессивного поведения агрессора следующие функции: желание причинить вред оппоненту; создание отношений доминирования над оппонентом; демонтаж имиджа жертвы, который направлен на разрушение определенных социальных позиций и всякой возможности серьезного восприятия этой жертвы [Sager, 1988: 194].

Дефиниции интенций, направленных на причинение вреда одного участника акта вербальной агрессии другому, находят своих противников, которые приводят контраргументы, чтобы доказать их несостоятельность. Так, К. Франк считает многие сексистские высказывания со стороны мужчин не приносящими ущерба, т.к. они направлены на нанесение вреда женщине не интенционально, а «хабитуализированно» (*habitualisiert*). Термин «хабитуализированно» понимается здесь как нечто, сказанное по привычке, в силу определенных клише или ритуалов. В таком случае, когда определение вербальной агрессии привязывают к интенции нанесения вреда, то структурные, а вместе с тем зачастую больше не воспринимаемые формы насилия, следовательно, не могут обозначаться как агрессия [Frank, 1992: 11].

Использование агрессивных речевых актов подростками и молодежью в своих конфронтационных беседах отличается в некоторых случаях от их употребления в речи прочих возрастных групп. Прежде всего, это выражается в различии выбора фразем и лексем,

а также в использовании различных междометий, частиц и разделительных сигналов, так как одни и те же языковые единицы могут получать различные иллокуционные модификации в речи представителей разных социальных и возрастных групп. Подростки и молодежь очень часто используют отдельные языковые средства с совершенно другими коммуникативными целями, нежели взрослые.

В 80-е – 90-е годы XX века наблюдался повышенный интерес к теории речевых актов. Экспрессивным речевым актам уделялось сравнительно мало внимания. Работы, посвященные агрессивным высказываниям как отдельным видам речевых актов, составляют немногочисленное количество. Более того, исследований речевых актов в социолингвистическом русле практически не проводилось. В дальнейшем мы попытаемся произвести дефиницию речевого акта «проклятие» и выяснить особенности употребления его в речи взрослых людей и подростков.

Проклятие представляет собой желание зла другому лицу, как правило, со ссылкой на сверхъестественные силы. Вера в сверхъестественное, будь то Бог или черт (1), является необходимой предпосылкой проклятия, иначе высказывание будет трактоваться как нереальное желание (2):

1. Dass dich **Gott's Blitz** schlüge!
2. Dass dich **der Blitz** schlüge!

Проклятия обычно направлено в будущее, а тот, кто прокликает, исходит из того, что его желания исполнятся благодаря силам, к которым он взывает. При этом он апеллирует к суеверию или религиозности оппонента, который должен испугаться от осознания возможности исполнения посланного на него проклятия. Сильно впечатлительные и суеверные люди, как правило, воспринимают проклятия в свой адрес серьезно и могут трактовать любое случившееся несчастье как реализацию проклятия, посланного на них однажды каким-либо лицом (В русской традиции существует понятие «сглаза», когда череда неудач или болезней воспринимается «пострадавшим» как результат проклятия завистливых людей, тайно желаемых «злопыхателем» или однажды высказанных им в процессе словесной перепалки с «пострадавшим»). Очень часто высказывания, которые не соотносятся со сверхъестественными силами, также могут восприниматься как проклятия. В специальной литературе проводится дифференциация понятия «проклятие», а вместе с тем и выделение двух разных типов речевых актов. В случае, когда желания зла другому человеку связывается с магическими силами, речь идет о проклятии. В случае с нереальным желанием, т.е. с желанием без апелляции к сверхъестественным силам, следует говорить о проклинании (В отличие от немецких терминов „das Verfluchen“ и „das Fluchen“ в русском языке трудно подобрать подходящие существительные. Однако, на уровне выражения действия можно провести разграничение этих двух речевых актов более отчетливо. Первый тип обозначает «проклинать кого-либо» или проклятие, второй тип – «клясть кого-либо» или проклинание).

В современном информационном обществе проклятия как речевые акты теряют свою значимость. По сравнению с более ранними историческими этапами развития общества вера людей в высшие внешние силы либо ослабла, либо полностью исчезла (Несмотря на все более усиливающуюся материализацию человеческого миропонимания и в настоящее время иногда прибегают к проклинанию как средству давления. Так, например, известны случаи, когда люди получали по почте серийные письма (как правило, от тоталитарных сект), в которых давались требования выполнить то или иное действие. В случае отказа от их выполнения проводились угрозы совершения чего-либо ужасного посредством сверхъ-

естественных сил. Франц Кинер описывает еще один вид писем-угроз [Kiener, 1983: 220], которые можно встретить в молодежной среде и часто рассылаемые по интернету. Таким письмам авторами приписывается некое святое свойство и указывается, что их необходимо переписать много раз и переслать дальше своим друзьям и знакомым. В случае, если «святое письмо» будет порвано или не разослано дальше, то приводится угроза проклятия неисполнителя. Надеясь вселить страх посредством писем-угроз, их авторы исходят из того, что адресаты будут верить в содержание таких писем). Если же проклятия и используются в агрессивной коммуникации, то подавляющее большинство составляют проклятия без веры в высшие силы, а точнее – проклинания.

Проклятия пускаются говорящим в ход тогда, когда он испытывает чувство собственного бессилия из-за реальной потери влияния на ход протекания событий, а также из-за невозможности сделать противника ответственными за свои несчастья и страдания, а вместе с тем из-за невозможности привести его тоже в агрессивное состояние [ср. Kiener, 1983: 228; Montagu, 1967: 52].

Посылаемые проклятия действены лишь в том случае, если проклинаемое лицо верит в магические сверхъестественные силы. В своем онтогенезе ребенок проходит различные этапы формирования отношения к магическим действиям. Как пишет Х. Штрайх [Streich, 1961: 67-77], с младенческого возраста ребенок усваивает, что он, выполняя определенные действия («колдовать»), может «магически» воздействовать на окружающих его людей («высшую власть») и тем самым добиваться исполнения своих желаний. Крик является тем основным действием, которое «заклинает» мать пойти навстречу желаниям ребенка. Большинство детей учится в дальнейшем добиваться исполнения желаний своими силами. Однако, в особо безнадежных ситуациях некоторые продолжают искать выход в старом «волшебном средстве», прибегая к типичным для раннего детского возраста формам выражения гнева и злости – ругани и проклинаниям.

На определенном этапе ребенок начинает понимать, что он не всесилен и его «магические заклинания» начинают давать сбои. Происходит ломка магических элементов в мировоззрении ребенка, когда он осознает, что нет никаких пасхальных кроликов, Санта-Клауса, добрых фей, страшных монстров и прочих. Позднее ослабевает авторитет родителей, которые в раннем детстве были для него всемогущими. Если ребенок воспитывается не в религиозной семье или не осознает свою отнесенность к тому или иному религиозному течению, ослабевает или полностью исчезает магическая сторона его мировоззрения. Тем не менее, магическое в образе мышления может всплывать у взрослых людей, даже у тех, кто отвергает всякие суеверия и высмеивает любые оккультные действия. Как правило, это происходит в безвыходных ситуациях или в состоянии аффекта.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении корпусов с образцами вербальной агрессии показал, что подростки и молодежь практически не используют проклинания, связанные с верой в магические силы. В редких случаях встречаются обычные проклятия. В результате опроса немецких и русских подростков на предмет употребления ими проклинаний в своей речи выяснилось следующее. Дети и подростки, находящиеся в состоянии аффекта из-за осознания своего собственного бессилия (особенно это касается мальчиков), переходят, как правило, к физическому насилию. Употребление проклятий выглядело бы, по их мнению, смешным и дало бы повод сопернику утвердиться в слабости говорящего. Чем младше подросток, тем очевиднее физическое насилие в качестве развязки подобной тупиковой ситуации. В случае, если подростки не прибегают к физической агрессии, они используют обычные проклятия или непристойные ругательства, которые призваны в

самой грубой форме оскорбить личность противника.

Немецкий язык располагает некоторыми синтаксическими возможностями для формулирования как проклинаний магического характера, так и обыкновенных проклятий. Самой распространенной конструкцией для проклинаний является отнесенность к будущему времени посредством временных форм презенса или футурума в сочетании с конъюнктивом, модальными глаголами *sollen* и *mögen* или в составе придаточного определительного предложения с *dass*, например:

Gebe Gott, dass du dich erhängest!

Gott möge deine Seele in die Hölle bringen!

Soll dich der Teufel holen!

В исследуемых нами корпусах языка молодежи не обнаружено данных конструкций, которые призваны выражать в первую очередь проклинания на основе веры в сверхъестественное. Дети и подростки, как правило, употребляют императивные формулы, обозначающие обыкновенные проклятия и часто представляющие собой идиоматические выражения:

Lass dich für immer verschwinden!

Geh zum Teufel!

Проклинания в виде повелительных формул (3) по своей грамматической форме и лексическому составу могут совпадать с образцами, относящимися к речевому акту отражения нападения или защиты (4), и разграничит их можно лишь благодаря контекстной ситуации:

3. *Ich kann es nicht mehr ertragen. Geh zum Teufel mit deinen doofen Eltern.*

4. *A: Ja du bist wieder zu blöd zu allem.*

B: Geh zum Teufel, Idiot! Lass mich in Ruhe!

Еще чаще, чем императивные конструкции, употребляются безличные предложения, которые, как правило, усекаются, лишаясь безличного подлежащего и вспомогательного глагола, если речь идет о сложной временной форме или о составном сказуемом. Таким образом говорящий посылает проклятие скорее не на конкретное лицо, а на результат действия, к которому это лицо причастно. К безличным эллипсам прибегают в тех случаях, когда стараются по каким-либо причинам не переходить на оскорбление личности, например:

Verdammt noch mal!

Verdamnte Scheiße!

Речь детей и подростков в большей степени, чем речь взрослых, изобилует угрозами, которые также представляют собой особый вид проклятий. Угроза – это предвещающая фаза физического насилия и обозначает не просто желание зла оппоненту, а предупреждение о применении физической силы, если противник и дальше будет совершать действия, наносящие ущерб имиджу говорящего. Угроза может содержать в себе указание на конкретную репрессивную меру (5), преувеличенную репрессивную меру (6) и метафоричное описание репрессивных мер (7):

5. *Wenn du mich wieder anmachst, gibt es Schlägerei!*

6. *Wenn du so was noch mal machst, ich bringe dich um!*

7. *Ich mache dir die Hölle heiß!*

В агрессивной интеракции возможны такие формы проклинаний, в которых сам проклинаемый выступает роли источника или исполнителя проклятия самого себя. Такие формы оформляются в виде повествовательных предложений в изъяснительном наклоне-

нии и призваны имплицитно, но в утвердительной манере показать противнику, что он уже проклят, и это проклятие на нем останется. Проклятие проявляется в характеристике противника, которая производится экспрессивными лексическими средствами. Эти лексические средства имеют негативную коннотацию и свидетельствуют о существенном нанесенном ущербе имиджу противника. Подобные высказывания произносятся более низким тоном, чем все остальные виды проклинаний, и характеризуются уплотненным акцентуированием, например:

Solche Typen wie du bleiben immer Looser in diesem Leben.

Du bist ein Idiot und hier hilft nichts mehr.

Среди проклятий можно выделить еще один тип, который этимологически восходит к самопроклятиям для подкрепления обещаний или клятв. Самопроклятия, основанные некогда на вере в сверхъестественные силы, в современном немецком языке приобрели характер гневного упоминания святых имен, нечестивых существ, а также непристойностей, которые, однако, не подразумеваются серьезно, например:

Gott verdamme mich!

Самопроклятия представляют собой в настоящее время десемантизированные элементы, сопровождающие говорящего, который находится в состоянии аффекта. В отличие от других видов проклинаний и проклятий, которые направлены на нанесение урона имиджу противника, а вместе с тем и утвердить свою доминантную позицию в интеракции, самопроклятие свидетельствует об обратном. Актуальный нападающий не видит эффективности своей агрессии и чувствует себя поэтому уязвленным.

Таким образом, проклятия являются агрессивными речевыми актами, которые можно разделить на как собственно проклятия и проклинания. В проклятиях и проклинаниях говорящий и субъект предикцирующего действия чаще всего не совпадают. Выполнение этих действий говорящий «перекладывает» на третьих – будь то магические, сверхъестественные силы или конкретное лицо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Frank K. Sprachgewalt: Die sprachliche Reproduktion der Geschlechterhierarchie. Elemente einer feministischen Linguistik im Kontext sozialwissenschaftlicher Frauenforschung. – Tübingen, 1992.
2. Kiener F. Das Wort als Waffe: zur Psychologie der verbalen Agression. – Göttingen, 1983.
3. Montagu A. The anatomy of swearing. – London, 1967.
4. Sager S.F. Reflexionen zu einer linguistischen Ethologie. – Hamburg, 1988.
5. Streich H. Zauberei und Realisierung. In: Jahrbuch für Psychol., Psychother. u. Med. Anthropol. №8, 1961. – pp. 67-77.

© Глушак В.М., 2005

Долевец С.Н.

Ростов-на-Дону

О ИЕРАХИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СОЗНАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В последние годы в лингвистике проблема прецедентности становится одной из самых активно разрабатываемых. Прецедентными текстами исследователи занимаются в связи с политическим дискурсом [Нахимова, Солопова, 2004], проблемами интертексту-

альности [Нахимова, 2004], рекламы [Илюшкина, Кушнерук, 2004] и др. Сам термин «прецедентные тексты» был введен в научный обиход Ю.В. Карауловым [Караулов, 1986]. Он понимал их как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1986: 105]. В дальнейшем были предложены другие понимания этого явления, разработаны классификации прецедентных текстов [Красных, 1997; Слышкин, 2000 и др.].

Как видно из определения, обращение Ю.В.Караулова к данному термину было вызвано вопросами изучения феномена языковой личности. В данной статье представлена попытка в общих чертах определить место прецедентных феноменов в структуре языковой личности.

Под языковой личностью здесь мы будем понимать «совокупность индивидуально-личностных особенностей как социального, так и психофизиологического характера, проявляющихся в речевом поведении каждого конкретного человека и отражающие его субъективную картину мира, а также способные показать изменения, происходящие с человеком» [Долевец, 2003: 50]. Таким образом, нами выделяются две большие составляющие ЯЛ: социальная и индивидуальная. В первую мы включаем следующие общественные институты воспитания: семья, учебный (рабочий) коллектив, «референтная группа» (их может быть несколько), средства массовой информации и субкультура (как воспитательный институт). Первые три института – это малые социальные группы. К индивидуальной составляющей мы относим особенности психики, тип темперамента, гендерные особенности, специфику мышления и некоторые другие.

В отношении понимания прецедентных текстов мы будем придерживаться точки зрения В.В.Красных, уточнённой Е.А.Нахимовой. Прецедентными феноменами она называет «феномены, 1) известные значительной части представителей лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего лингво-культурного сообщества» [Нахимова, 2004: 172].

В настоящей статье мы также будем придерживаться классификации прецедентных феноменов, предложенной В.В.Красных. Среди них она выделяет прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена и прецедентные ситуации [Красных, 1997]. Как видим, в эту классификацию входят как вербальные, так и вербализуемые прецедентные феномены.

Исходя из наличия двух больших составляющих языковой личности, попробуем ответить на вопрос, какие компоненты этих составляющих могут быть источниками прецедентных феноменов для языковой личности и как это отражается в её структуре. Далее мы будем иметь в виду такие прецедентные феномены, которые возникли за пределами тех малых социальных групп, к которым относится конкретная языковая личность. Соответственно эти феномены должны быть известны гораздо большему количеству людей, а не только «знакомым» языковой личности. По этому поводу считаем уместным здесь привести рассуждения Г.Г.Слышкина. Он отмечает, что «можно говорить о текстах прецедентных для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т.д.)» [Слышкин, 2000: <http://...ggsbook03.htm>]. Далее он уточняет, что «существуют тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок и не только неиз-

вестные предшественникам данной языковой личности, но и выходящие из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, рекламный ролик, анекдот)» [там же].

Итак, с одной стороны, прецедентные феномены тесно связаны с социальной составляющей. В частности, их источниками напрямую являются СМИ и субкультура. Референтная группа, рабочий (учебный) коллектив и семья могут быть косвенными источниками прецедентных феноменов, так как эти воспитательные институты знакомят с ними косвенно, не из первоисточников. Здесь имеются в виду именно те феномены, которые возникли за пределами указанных малых социальных групп.

Более подробно остановимся на средствах массовой информации (далее СМИ) как источнике прецедентных феноменов для языковой личности. Они по определению являются таковыми, поскольку не только пополняют её речевой запас, повышают уровень знания, но и навязывают готовые стереотипы поведения, в том числе и речевого, что находит своё отражение в её дискурсе (Под дискурсом в данной статье мы будем понимать продукт речевого поведения человека (за довольно продолжительный отрезок времени), в котором отражается уникальность его языковой личности). По этому поводу социолог И.С.Кон замечает следующее: «Телевидение, печать и радио в силу своей массовой природы стандартизируют человеческое мышление и заполняют его готовыми сведениями...» [Кон, 1967: 273]

По причине широкого разнообразия СМИ необходимым критерием для языковой личности является фактор избирательности. И.С. Кон также отмечает, что «расширение возможностей личности как субъекта труда и общественной деятельности существенно меняет структуру свободного времени, его использование становится более целенаправленным» [там же: 349-350]. Применительно к СМИ это означает наличие у языковой личности своих интересов и предпочтений в рамках этого источника прецедентных феноменов. Так, при фиксации в дискурсе языковой личности характерного употребления тех или иных прецедентных феноменов, источником которых послужили СМИ, можно с определенной степенью достоверности судить о системе её морально-нравственных ориентаций (предпочтения / отрицания).

Субкультура наиболее сложно определяема как источник прецедентных феноменов для языковой личности. Мы считаем правильным говорить именно о субкультуре, а не культуре вообще. Дело в том, что языковая личность не может в полной мере вмещать в себе всю культуру определенного сообщества. В большей степени в её дискурсе отражаются субкультурные особенности тех малых социальных групп (напомним, семья, рабочий коллектив, референтные группы), членом которых она является.

Нас, как лингвистов, интересуют в первую очередь языковые субкультурные особенности малых социальных групп, поэтому мы больше внимания уделим явлению речевой субкультуры. Следует сразу оговориться, что указанное явление, с одной стороны, сложнее, чем просто сумма прецедентных феноменов, поскольку оно включает в себя «образные выражения, меткие приговорки и т.п., употребляемые в рамках языковой игры. Фразы, составляющие речевую субкультуру, обычно воспринимаются людьми как чужая речь, как осколки каких-либо прецедентных текстов, общеизвестных речевых ситуаций и т.п.» [Седов, 2004: 65]. С другой стороны, к продуктам речевой субкультуры не относят пословицы, поговорки и фразеологизмы, так как они носят номинативный характер [там же].

В связи с изложенными нами ранее рассуждениями относительно источников прецедентных феноменов для языковой личности возникает затруднение следующего характера. Как соотносятся продукты речевой субкультуры малых социальных групп и продукты

интерсубкультуры, объединяющей все виды и типы субкультур? На наш взгляд, разграничение между ними правомерно проводить в связи с характером их возникновения. Мы считаем, что к речевой субкультуре какой-либо малой социальной группы относятся те прецедентные феномены, которые, соответственно, в ней и возникли. Так, по нашему мнению, к таким прецедентными феноменами можно отнести, например, приказ начальства, зачитанный на общем собрании рабочего коллектива завода, или дедушкины наказания в кругу одной семьи и т.п. К продуктам интерсубкультуры мы относим те феномены, которые языковая личность усвоила из «массовых» источников (например, СМИ, школа, университет).

Описав в качестве источников прецедентных феноменов два компонента социальной составляющей (СМИ и субкультура), мы приходим к следующим выводам. В сознании языковой личности указанные феномены выстраиваются в довольно чёткую иерархию, что находит своё непосредственное выражение в её дискурсе. Вершиной этой иерархии будут прецедентные феномены, которые очень хорошо знакомы практически всем языковым личностям определенного лингво-культурного сообщества. Такими феноменами могут быть, например, прецедентное имя А.С. Пушкина (с ним многие знакомы непосредственно по его произведениям), прецедентная ситуация Великой Отечественной войны и др., которые широко известны и будут известны многим поколениям в нашей стране. Опираясь на приведенные выше идеи Г.Г. Слышкина, можно сказать также и о прецедентных феноменах, хорошо известных в определенный исторический период, но очень мало известных последующим поколениям (например, прецедентные имя Н.С. Хрущева, прецедентный текст песни А.Б. Пугачевой «Миллион алых роз»). Нижней ступенью иерархии прецедентных феноменов, «хранящихся» в сознании языковой личности, являются феномены, известные лишь одной малой социальной группе.

На значимость того или иного феномена для языковой личности влияют также и её индивидуально-личностные особенности. То есть прецедентные феномены, выстраивающиеся в иерархию с точки зрения известности (распространенности) в определенном лингво-культурном сообществе, обладают также каждый своей значимостью. Данное утверждение является ключом к разгадке уникальности каждой языковой личности с точки зрения наличия в её сознании прецедентных феноменов. Материалом для подобного рода анализа должен быть дискурс языковой личности.

Далее мы попробуем определить место прецедентных феноменов в рамках индивидуальной составляющей языковой личности. Среди компонентов этой составляющей нами были названы: особенности психики, тип темперамента, гендерные особенности, специфика мышления и др.

Любая информация из внешнего мира по каналам восприятия информации поступает в мозг человека, где осуществляется процесс мышления. При широком понимании, оно представляет собой совокупность всех остальных когнитивных процессов, таких как ощущение, восприятие, память и т.п. [Домашенко, Гамезо, 1986]. Специфика мышления тесно связана с особенностями психики человека. Этот момент мы оставим в стороне, подробнее же остановимся на вопросе отражения прецедентных феноменов в мышлении (сознании) (будем понимать их здесь как соотносительные явления) языковой личности. Другими словами, мы попытаемся проследить, каким образом влияют особенности мышления на восприятие прецедентных феноменов.

Дело в том, что мышление, сочетающее в себе другие когнитивные процессы, обладает свойствами этих процессов. В частности, такими свойствами являются избиратель-

ность и апперцепция [Мокшанцев, 2001: 27-29]. Первое проявляется в том, что человек усваивает только то, что вызвало у него интерес. Наличие устойчивого интереса к тому или иному прецедентному феномену влияет на частоту его употребления в дискурсе языковой личности, при этом не важно, с положительной или отрицательной оценкой. Второе свойство, на наш взгляд, отвечает за смысловые преобразования прецедентных феноменов, поскольку под апперцепцией понимают влияние предыдущего опыта на восприятие новой информации [там же].

В результате таких преобразований возникают индивидуальные различия в понимании прецедентных феноменов. Однако нечто общее, некое смысловое ядро остаётся. Так, по мнению Г.Г. Слышкина, формируется уже концепт прецедентного текста [Слышкин, 2000: <http://...ggsbook03.htm>]. При этом используются одни и те же механизмы мышления: развертывание и свертывание (редукция) [Седов, 2004: 45]. Опираясь на мнение С.А. Аскольдова и Д.С. Лихачева, Г.Г. Слышкин считает, что «процесс образования концептов можно представить как процесс редукции воспринимаемой многообразной действительности (в том числе языковой) до лимитов, налагаемых ограниченностью ресурсов человеческой памяти и сознания» [Слышкин, 2000: <http://...ggsbook02.htm>].

Важным замечанием, с которым мы не можем не согласиться в связи с вопросом о мышлении, является мысль Г.Г. Слышкина о том, что «культурные концепты (к ним он относит и прецедентные тексты – С.Н.) также следует рассматривать как ментальные образования с нечеткими границами» [там же].

Резюмируя всё вышесказанное, отметим самое важное. Прецедентные феномены в сознании языковой личности выстраиваются, на наш взгляд, в определенную иерархию. Расположение прецедентных феноменов по вертикальной шкале определяется критерием известности, распространенности в лингво-культурном сообществе, окружающем языковую личность. По горизонтальной шкале они размещаются по критерию значимости («интересности»).

Кроме этого, понимание одного и того же прецедентного феномена у разных языковых личностей разное. Это обусловлено индивидуальными особенностями мышления. Поэтому здесь мы вправе говорить о прецедентных феноменах как концептах, имеющих инвариантную (общую для всех представителей одного лингво-культурного пространства) и вариативную (у каждой языковой личности своя) части. При этом концепты прецедентных феноменов являются такими ментальными социопсихическими образованиями, которые не имеют четких границ.

Более глубокая проработка проблемы, вынесенной в заглавие данной статьи, видится нам очень актуальной и перспективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долевец С. Н. Речевое поведение человека как проявление его личности // Квалификационная дипломная работа на степень бакалавра. - Ростов-на-Дону, 2003.
2. Домашенко И. А., Гамезо М. В. Атлас по психологии. - М., 1986.
3. Илюшкина М.Ю. Прецедентные высказывания в печатной туристической рекламе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 137-146.
4. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. - М., 1986. – С. 105-126.

5. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 1997. №3. С.62-75.

6. Кушнерук С.Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 146-155.

7. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы: Учебное пособие. – М.-Новосибирск, 2001.

8. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2004. – Т. 14. – С. 166 -174.

9. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. - М., 2004.

10. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. - М., 2000 // <http://www.vspu.ru/~axiology/ggs/ggsbook00.htm>

11. Солопова О.А. Использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе выборов депутатов государственной думы // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 75-86.

© Долевец С.Н., 2005

Зацепина М.В.
Екатеринбург

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ КОНЦЕПТОВ ОТЧУЖДЕНИЕ И *ENTFREMUNG* В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Важной составляющей лингвокультурологического анализа концептосферы языка является описание семантической структуры базовых лексем-репрезентантов изучаемого концепта. Наше исследование семантических компонентов лексических единиц, осуществляющих базовую вербализацию концептов, предполагает их разложение на минимальные семантические составляющие в сопоставительном аспекте. Наиболее подробно мы остановимся на корневых морфемах языковых знаков, именующих концепты Отчуждение и *Entfremdung*, поскольку концепт соотносится в первую очередь с корневой морфемой, составляющей основу словообразовательного гнезда [Ср.: Воркачев, 2004: 35].

Отчуждение

К лексемам, формирующим ядро / базовый слой современного концепта Отчуждение, мы причисляем языковой знак, имеющий статус имени исследуемого концепта – существительное отчуждение, а также глаголы отчуждать, отчуждаться. Описывая семантическую структуру лексем-репрезентантов русского концепта, мы добавим к ним также глагол отчудить. На наш взгляд, данный глагол практически не используется в современном русском языке в значении отчуждать, но поскольку словарями эта тенденция еще не зафиксирована, нам представляется целесообразным провести исследование и его семантической структуры.

Отчуждение – имя существительное среднего рода с отвлеченным значением действия-состояния, имеющее только форму единственного числа. Данное существительное состоит из приставки от-, корня чужд-, суффикса -ени и флексии -е – от-чужд-ени-е [Ср.: Тихонов, 2002: 358]. Глаголы отчудить, отчуждать, отчуждаться имеют в своем составе ту же приставку, корневые морфемы чужд-/чужд-, глагольные суффиксы и показатель формы инфинитива – от-чуд-и-ть, от-чужд-а-ть-(ся) [Ср.: там же].

Аффиксальные морфемы, входящие в состав существительного, именуемого русский концепт, обладают своей этимологией и семантикой. Так, префикс от- (ото-) (древнерусское отъ-) является родственным литовскому at- «при, назад, сюда» и древневерхненемецкому it-, ita- «опять, обратно» [Ср.: Фасмер, 1996, А: 168]. Он обозначает «отдаление, удаление; причину, точку отправления» [Преображенский, 1959: 708], «исход и начало движения; возврат; удаление; окончание» [Даль, 1955 А: 769].

Суффикс среднего рода -ени(е) является книжным суффиксом. Абстрактные отлагательные существительные с этим суффиксом распространены в современном книжном языке, в его научно-технических и газетно-публицистических стилях [Ср.: Виноградов, 1986: 104]. По своему происхождению -ени(е) – суффикс церковнославянский [Ср.: там же: 111]. Он является продуктивным суффиксом русского языка и выражает с точки зрения семантики значение действия и тесно связанные с ним понятия результата, продукта действия [Ср.: там же: 105]. В отлагательных существительных на -ние, не осложненных суффиксами -ива, -ыва, -ва-, стираются не только залоговые, но и видовые оттенки значения. Такие слова соответствуют в одинаковой мере инфинитиву совершенного и несовершенного вида [Ср.: там же: 105-106]. Так, отчуждение: 1) действие по глаголу отчудить – отчуждать, например, «Конфискация означает отчуждение собственности без вознаграждения» [Ушаков, 1996: 1013] и 2) состояние по глаголу отчудиться – отчуждаться, например, «Господи, прости и помоги», - не переставая твердил он себе, несмотря на столь долгое и казавшееся полным отчуждение, чувствуя, что он обращается к богу точно так же доверчиво и просто, как и во времена детства и первой молодости» [Л.Н. Толстой, Анна Каренина, часть седьмая XIV].

В корнях ключевых слов концепта Отчуждение мы наблюдаем чередование чуд-/чуж-/чужд-. «Словарь морфем русского языка» предлагает следующие статьи с этими корневыми частями:

«ЧУД чудо, чудака, чудаковатый, чудаковатость, чудаческий, чудачество, чудачествовать, чудачить, чудачка, чудеса, чудесить, чудесный, чудесность, чудить, чудиться, чудила, чудиле, чудной, чудовище, чудовищный, чудовищность, чудом, начудачить, начудесить, начудить, отчудить, почудачить, почудить, почудиться, причуда, причудиться, причудливый, причудливость, причудник, причудница, причудничать

ЧУД (2 чуж, чужд) отчудить (к отчуждать)

ЧУЖ (2 чуд, чужд) чужой, чужак, чужанин, чужачка, чужбина, чужбинный, вчуже

ЧУЖД (2 чуд, чуж) чуждый, чуждаться, чуждость, неотчуждаемый, отчуждать (ть-ся), отчуждаемость, отчуждение, отчужденный, отчужденность» [Ефремова, Кузнецова, 1986: 398].

Таким образом, мы видим, что в русском языке существуют две оморфемы чуд-. Этот факт в дальнейшем неизбежно приводит нас к омонимии слов, вследствие которой корневая морфема чуд- имеет непосредственное отношение сразу к нескольким русским концептам – к концепту Чужой, к концепту Отчуждение и концепту Чудо. И хотя связь корня чуд- с концептом Чудо представляется нам наиболее тесной, что также подтверждается большим количеством производной от основы чуд- лексики в словарной статье «ЧУД – чудо», этот факт не может не сказаться и на специфике интересующего нас концепта Отчуждение [Ср. также: Степанов, 2001: 139-140].

Наличие двух оморфем чуд- объясняется различной этимологией лексем чужой, чуждый и чудо. Происхождение исконно русского слова чужой, а также старославянского чуждый точно не установлено, поскольку форма слова в древнерусском языке сильно

вариативна: чуждii, чужii, стуждii, туждii, щуждii [Ср.: там же]. Но четкое разграничение в вопросе происхождения лексических единиц чужой, чуждый и чудо дано, например, в словаре Н. В. Горяева «Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка». Слова чужд-ый (старославянское штудъ из тудъ), чуждаться и чуж-ой, чужанинъ сравниваются с готским *thiud-a* 'народ' и с древневерхненемецким *diota*, латышским *tauta*, от которых произошло слово *deut-sch* 'немецкий' [Ср.: Горяевъ, 1892: 216]. Также отмечается возможное происхождение данных лексем от имени финского народа Чудь [Ср.: там же]. Слова чудо (старославянское чуд-о, чудес-е и штудо), чудесный, чудный, чудить сопоставляются с литовскими *sid-as* и *ciu-das* и соотносятся со словом *кудесникъ* [Ср.: там же]. «Этимологический словарь русского языка» М. Р. Фасмера также указывает на различную этимологию лексических единиц чудо и чуждый, чужой, но допускает влияние слова чудо на чужой и чуждый [Ср.: Фасмер, 1996 Б: 377, 379].

Корневые морфемы чуд-/чуж-/чужд- не употребляются в русском языке самостоятельно, поэтому их семантическую составляющую мы рассмотрим на примере имен прилагательных чужой и чуждый. Прилагательное чужой имеет следующие значения:

«Такой, который принадлежит другому или другим, является собственностью другого или других.

Сделанный, высказанный, произведенный другим или другими.

Такой, который относится к кому-либо другому или другим; такой, который испытывается кем-либо другим или другими.

Не родной, не связанный родственными или близкими отношениями, общими взглядами, совместной работой и т. п.; посторонний.

Такой, который не является родиной или местом постоянного жительства для кого-либо; такой, который относится к иному государству, стране, иностранному» [Словарь сочетаемости слов русского языка, 1983: 664].

По В. И. Далю, чужой – «не свой, сторонний, собъ другаго; незнаемый, незнакомый; не родня, не нашей семьи, не изъ нашего дома; не нашей земли, иноземный» [Даль, 1955 Б: 613]. Ю. С. Степанов считает, что концепт Чужой в русской культуре, как и в других европейских культурах, относится к «не своему», «постороннему» и «далекому» в сфере народа, обычая или нрава. Так же, как латинский, французский и другие концепты, русский концепт Чужой, связывается, по мнению Ю. С. Степанова, с понятием «странности», «необычности», а одно из значений слова чужой указывает на его древнейший концептуальный состав – «не имеющий, не знающий своего рода» [Ср.: Степанов, 2001: 139].

Семантика прилагательного чуждый корреспондирует с семантикой слова чужой, но палитра его значений менее разнообразна. Так, по С. И. Ожегову, чуждый – это чужой в значении «далекий по духу, по взглядам, не имеющий близости с кем-нибудь, чем-нибудь», например, чуждые элементы. Другое (книжное) значение слова чуждый – совершенно не обладающий чем-нибудь, каким-нибудь отрицательным свойством. Например, человек, чуждый ревности [Ср.: Ожегов, 1953: 822].

«Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой также толкует первые два значения прилагательного чуждый через чужой, но с пометой «устаревшее»:

Устар. То же, что и чужой = принадлежащий другому (другим), являющийся собственностью другого (других);

Устар. То же, что и чужой = не являющийся родиной или местом постоянного жительства для кого-либо;

Имеющий мало общего с кем-либо, чем-либо, несходный с кем-либо по духу, взгля-

дам, интересам;

Не обладающий чем-либо, не имеющий, лишенный чего-либо [Ср.: Словарь русского языка, 1984: 692].

Таким образом, корневая морфема чуж-/чужд-/чужд- вбирает в себя объем значений прилагательных чужой/чуждый и выражает с точки зрения семантики значения не собственный, принадлежащий другим, не свой, не родной, иностранный, посторонний, далекий по духу, не имеющий близости, лишенный чего-либо.

Entfremdung

К ключевым словам-репрезентантам концепта *Entfremdung* мы причисляем существительное *Entfremdung* 'отчуждение', именующее концепт, а также глаголы *entfremden* 'отчуждать', *sich entfremden* 'отчуждаться'. Имя существительное женского рода *Entfremdung* построено по такой же модели, что и русское отчуждение, редко употребляется во множественном числе [Ср.: Klappenbach, Steinitz, 1967: 1049] и имеет в своем составе префикс *ent-*, корневую морфему *fremd-* и суффикс *-ung*. Глаголы *entfremden*, *sich entfremden* имеют в своем составе приставку *ent-*, корень *fremd-* и глагольную флексию *-en*.

Приставка *ent-* (древневерхненемецкое *int-*, средневерхненемецкое *ent-*) обозначает «Gegensatz 'противоположность, контраст; противоречие, антагонизм' и Trennung 'отделение; расторжение; расставание; разделение; разъединение'» [Duden, 1989: 156]. Словарь Я. и В. Гриммов указывает на связь префикса *ent-* со словом *Ende* 'конец, исход, окончание' и называет его следующие значения: «*gegen* 'к, по направлению к, против', *wider* 'против, вопреки, помимо', *ab* 'от, из, с', *davon* 'от этого, из этого', *los* 'обозначает отделение, освобождение от чего-либо', *weg* 'прочь, вдаль'» [Grimm, 1991: 488-489]. «Словарь словообразовательных элементов немецкого языка» приписывает *ent-* значения 1) лишенности, отсутствия чего-либо; 2) удаления, движения от исходной точки; 3) отделения, устранения чего-либо [Ср.: Зуев и др., 2000: 126-128].

Суффикс женского рода *-ung* является суффиксом отвлеченной предметности [Ср.: Березин, Головин, 1979: 167]. Он имеет 1) значение действия, процесса, а также отдельных действий, актов; 2) значение действия и одновременно предмета или явления, возникшего как результат данного действия; 3) значение действия и одновременно предмета, технического устройства, служащего для осуществления действия; 4) значение неодушевленных предметов, иногда собирательности; 5) значение неодушевленных предметов и явлений; 6) значения действия и одновременно значения собирательности [Ср.: Зуев и др., 2000: 432-436].

Корневая морфема *fremd-*, входящая в состав всех ключевых слов-репрезентантов немецкого концепта, обозначает 1) чужой; 2) иностранный, иноземный, чужой, чужеземный; 3) чуждый; 4) неизвестный, незнакомый [Ср.: там же: 165]. В отличие от корня *чужд-*, входящего в состав имени русского концепта, непосредственно-составляющая *fremd-* может использоваться в немецком языке самостоятельно в качестве прилагательного и наречия. Она легко субстантивируется и может выступать во всех трех родах: *der, die, das Fremde* [Ср.: Пестова, 1999: 210].

С точки зрения происхождения *fremd* является производным словом общегерманского наречия *fram*, означавшего «*vorwärts* 'вперед', *weiter* 'дальше, далее'; *weg* 'прочь, вдаль' (сравни с английским *from*)» [Duden, 1989: 204]. Первоначальными значениями *fremd* были «*entfernt* 'отдаленный, удаленный, дальний; далекий', *unbekannt* 'неизвестный, незнакомый, неведомый', *unvertraut* 'не интимный, не близкий, не хорошо знакомый; не посвященный во что-либо, не осведомленный'» [Там же]. Прототипами *fremd* в древневерхненемецком пе-

риод были лексические единицы fremidi, fremide, fremedi, fremede, framadi, fromede, froemide, в средневерхненемецкий период – vremede, vremde (сравни также готское – framathis и англосаксонское – fremede, fremde, fremthe) [Ср.: Faulmann, 1893: 117]. «Словарь древневерхненемецкого языка» трактует значения древневерхненемецких прототипов следующим образом: «fremd ‘чужой’; ‘иностранный, иноземный, заграничный, чужой, чужеземный’; ‘чуждый’; ‘неизвестный, незнакомый’; ausländisch ‘иностранный’, ‘заграничный’, ‘экзотический’; nicht eigen ‘не собственный’; ‘не свойственный, не характерный’; nicht zur Sache gehörig ‘не относящийся к делу’» [Schützeichel, 1969: 58]. Этимологические словари немецкого языка, изданные в XIX веке, определяют fremd как «(nicht einheimisch ‘не отечественный, не местный’, unbekannt ‘неизвестный, незнакомый, неведомый’» [Faulmann, 1893: 117], «(nicht einheimisch ‘не отечественный, не местный’, nicht eigen ‘не собственный’; ‘не свойственный, не характерный’, nicht vertraut ‘не интимный, не близкий, не хорошо знакомый; не посвященный во что-либо, не осведомленный’» [Fuchs б., г.: 82]. Современный этимологический словарь немецкого языка под редакцией В. Пфайфера трактует fremd как «(von auswärts stammend ‘происходящий извне; родом из чужих краев, из-за границы’, nicht heimisch ‘не домашний, не родной; не отечественный, не местный’, nicht zugehörig ‘не относящийся к чему-либо, не принадлежащий к чему-либо’, unbekannt ‘неизвестный, незнакомый, неведомый’» [Pfeifer, 1989: 472].

Таким образом, мы видим, что значения древневерхненемецких прототипов и более поздние толкования лексемы fremd не противоречат друг другу и корреспондируют со спектром значений современного слова. Мы можем сделать вывод о том, что семантика данной лексической единицы претерпела мало изменений в течение всего своего существования. Любопытным представляется то, что в структуре немецкого слова fremd заключается некая двойственность семантики. Fremd – это и чужой (т. е. чужеродный, не родной, не собственный, не принадлежащий) и чуждый (т. е. незнакомый, неизвестный, странный, и, может быть, даже враждебный). В русском языке подобная двойственность находит свое выражение в своеобразной оппозиции лексических единиц чужой/чуждый.

Проведенный нами анализ семантической структуры языковых знаков, имеющих статус имен исследуемых концептов, позволяет сделать следующие выводы. Существительные отчуждение и Entfremdung построены по одному и тому же способу словообразования – префиксально-суффиксальным методом. Входящие в их состав аффиксальные морфемы имеют схожую семантику. Так, префиксы от- и ent- обладают достаточно конкретными значениями отделения, отсутствия, удаления, движения от исходной точки, а суффиксы -ние и -ung, наоборот, имеют широкое абстрактное значение действия и одновременно предмета или явления, возникшего как результат данного действия. Семантика корневых морфем чуд-/чуж-/чужд- и fremd- также весьма схожа. В связи с этим нам представляется возможным использовать сформулированные Н. В. Пестовой основные значения немецкой лексемы fremd – родственно-географическое значение, значение непринадлежности – несобственности – неприсущности, значение неизвестности и значение странности [Ср.: Пестова, 1999: 209] – для характеристики семантики русской корневой морфемы чуд-/чуж-/чужд-. Здесь лишь следует сделать оговорку о том, что корневая морфема чуд- связана в русском языковом сознании не только с концептами Чужой и Отчуждение, но и с концептом Чудо, что существенно расширяет палитру ее значений и придает определенное своеобразие исследуемому нами русскому концепту. Особенностью концепта Entfremdung можно было бы считать совмещение в непосредственно-составляющей fremd- семантики двух русских слов – чужой и чуждый, но это не только не сказывается на различии в семантиче-

ских объемах русской и немецкой корневых морфем, а, скорее, наоборот, говорит в пользу их тождества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1979.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986.
3. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
4. Пестова Н. В. Лирика немецкого экспрессионизма: Профили чужести / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1999.

СЛОВАРИ

1. Горяевъ Н. В. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. – Тифлис, 1892.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955 (1881). Том II И – О. А
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955 (1882). Том IV P-V. Б
4. Ефремова Т. Ф., Кузнецова А. И. Словарь морфем русского языка. – М., 1986.
5. Зуев А. Н., Молчанов И. Д., Мурашов и др. Под рук. М. Д. Степановой. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1953.
7. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 томах. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. Т. 1 А – О.
8. Словарь русского языка: В 4 томах. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981 – 1984. Т. 4 (С – Я) – 1984.
9. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. статей. Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1983.
10. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., Академический проект, 2001.
11. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь: Около 100 000 слов. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002.
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 томах. – М.: ТЕРРА, 1996. Т. 2.
13. Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка: В 4 томах. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996 (Гейдельберг 1950-1958). Т. 3 (Муза – Сят).
14. Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка: В 4 томах. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996 (Гейдельберг 1950-1958). Т. 4 (Т – Ящур). Б
15. Duden: In 12 Bänden. Das Herkunftswörterbuch. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. Band 7.
16. Faulmann K. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache nach eigenen neuen Forschungen von Karl Faulmann. Halle: Ehrhardt Karas' Verlag, 1893.
17. Fuchs P.I. Etymologisches Deutsches Wörterbuch mit Berücksichtigungen wichtiger Mundart- und Fremdwörter sowie vieler Eigennamen bearbeitet und herausgegeben von Paul Imm. Fuchs, Professor am Gymnasium zu Reutlingen. Stuttgart: Verlag von Bobbing & Büchle.
18. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm: In 33 Bänden. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991 (1854 – 1971). Band 3. (1862).

19. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: In 6 Bänden. Berlin: Akademie Verlag, 1967. 2. Band.

20. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen: In 3 Bänden. Erarbeitet von einem Autorenkollektiv des Zentralinstituts für Sprachwissenschaft unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Band 1 A – G.

21. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1969.

ИСТОЧНИКИ

1. Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Лев Николаевич. Полное энциклопедическое собрание сочинений, IDDK – 0664 (С) 2002 Мультимедиа-издательство «Адепт»

© Зацепина М.В., 2005

Кабаченко Е.Г.

Екатеринбург

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В соответствии с представлениями современной когнитивной лингвистики метафорическое моделирование – это средство постижения и оценки какого-либо фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к иной понятийной области при наличии эмоционально-смыслового компонента, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц. Вслед за В.А. Масловой отметим, что «когнитивную модель можно рассматривать как основной механизм, обеспечивающий обработку и хранение информации о мире в сознании человека» [Маслова, 2004: 45].

Когнитивно-дискурсивная теория метафоры, по мнению А.П. Чудинова, является одним из наиболее перспективных направлений в современной метафорологии. При этом новая теория не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных учениях о метафоре. Она просто предложила использовать при исследовании метафор принципы когнитивной лингвистики, и это позволило увидеть новые грани в, казалось бы, хорошо известном феномене [Чудинов, 2004: 102]

Применение лексики, основанной на метафорическом или этимологическом толковании педагогических явлений, все больше завоевывает себе место рядом с традиционными, собственно педагогическими понятиями. Существуют общепринятые в педагогике и методике преподавания определения учебного процесса, а также ученика и учителя как субъектов педагогической деятельности. Вместе с тем, значительный интерес вызывает образное обозначение уже изученных реалий. Метафорическое расширение имеет далеко идущие последствия, поскольку метафора замещает устаревшие «естественные» категории новыми, позволяющими увидеть проблему в ином свете, предоставляя нам новые факты и новые идеи.

Наблюдения над современными педагогическими текстами позволяют прийти к выводу, что в педагогическом дискурсе выделяется особые экономические метафоры. Известно, что экономическая сфера общества является базовой в системе общественных отношений, поэтому экономические отношения проецируются на другие сферы деятельности, в частности, на образовательный процесс. И «все изменения, которые происходят в общественно-политической, экономической, научной, культурной жизни общества, находят свое отражение в словарном составе – наиболее подвижной части языка» [Лекант, 1982: 48]. Все чаще в педагогической литературе используются слова и термины, позаимствованные из экономической сферы. Ср: «*рентабельность*», «*сотрудничество с учениками*», «*педа-*

гоический проект» и т. д. В настоящее время, когда экономическому развитию уделяется особое внимание, современную педагогику «захватила» финансовая метафора.

По мнению М.В. Никитина, информационная ценность метафоры прямо пропорциональна ёмкости и содержательности её образа, близости его к «моделированию» прообраза [Никитин, 1979: 98]. Каковы же основания для сближения экономической источниковой сферы с педагогической сферой-мишенью?

Место экономической метафоры в педагогическом дискурсе

Обучение - это время формирования сознания ребенка. Активизация экономической метафоры в педагогическом дискурсе связана с прагматическим потенциалом составляющих ее метафорических словоупотреблений.

Подойти к воспитателю не с позиции «гипертрофии сердца», а с позиции производства предлагал еще А.С. Макаренко, чтобы «посмотреть на воспитателя как на человека труда, на рабочего» [Макаренко, 1971: 134]

О воспитании, которое долгое время считалось только искусством, стали писать, как о производстве, используя экономические термины и понятие «технологичность». Все чаще в трудах педагогов приходится встречать такие обозначения, как «эффективность педагогического воздействия», «повышение продуктивности педагогического процесса», «управление учебной деятельностью», «повышение качества образовательного продукта». Метафорические истоки имеет и уже проникший в педагогический словарь термин «менеджмент» (от англ. «management» - руководство, управление), который обозначает «искусство управления педагогическими процессами» [Симонов, 1997: 6]

Метафорическое выражение «педагогическая техника» превратилось в общепринятый термин, который обозначает «комплекс знаний, умений, навыков, необходимых для того, чтобы эффективно применять на практике» [Пед. энциклопедия, 1988: 258]. Общеупотребительным термином стала и метафора «педагогическая технология». Показательно рассуждение профессора А. Кушнера о технологичности учебно-воспитательного процесса: «Технолог не экспериментирует, он имеет дело с точно предсказуемым результатом. Технология не допускает вариативности, ее главное назначение - получить гарантированный результат, она всегда проста в своем ключевом решении» [Кушнер, 1997: 58].

И.П. Подласый, отмечает, что до последнего времени «интеллектуальные производства», в том числе и воспитание человека, обходились без понятия технологии, оставляя за ней область материального производства. Современная педагогическая теория, «созревшая» для технологического подхода в воспитании, признает его целесообразность и рационализм, не соглашаясь, впрочем, с «механистическим переносом производственной технологии в школу» [Подласый, 2003: 139].

С точки зрения концепции рациональности, стремление к обучению должно быть обусловлено исключительно потребностью реализовать какие-либо цели, то есть, от образования требуется быть максимально полезным. Но сомнения в таком подходе остаются. Активизация экономической метафоры в педагогическом дискурсе обращает наше внимание на тревожное явление – чрезмерную прагматизацию процесса обучения. Такой подход может привести к обезличиванию и обездушиванию воспитания. Кроме того, очевидно, что невозможно наладить «эффективное производство» воспитанных людей, потому что существует радость познания и педагогическое творчество.

Действительно, современные педагоги, используя технические метафоры, оговариваются: «Механические сравнения всегда опасны. Их роль как-то обозначить проблему. Не более» [Белкин, 1999: 184]. Однако экономическая и механистическая мета-

форы функционируют в педагогическом дискурсе, и становятся более продуктивными, а значит, мы как исследователи обязаны описать их бытование и, по возможности, объяснить причины возникновения.

Рассмотрим фреймово-слововую структуру метафорической модели «ОБРАЗОВАНИЕ – ЭТО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Описываемая метафорическая модель представлена следующими фреймами:

1.Фрейм «Капитал и финансовые операции»

Слот 1.1 Капитал

Описываемый слот составляют метафорические словоупотребления, репрезентирующие накопленный опыт, знания в сфере образования, а также возможности и перспективы учеников.

Учение, знание рассматриваются как экономические категории. Метафорически пересмысленное слово «знание» становится эквивалентом слова «богатство». В «Русском семантическом словаре» богатство определяется как «принадлежащие кому-нибудь большие материальные ценности, деньги» [РСС, Т.2., 2002: 556]. Таким образом, концепт «Знание» приходит в соприкосновение с концептом «Слово»: *«Высокие слова в сознании подростка могут превратиться в разменную монету, обесцениться».*

Средствами репрезентации интеллектуальных возможностей учеников являются метафорические наименования знаний, информации: «капитал», «ценность», «богатство», «сокровище». Например: *«опора на жизненный опыт личности – главный путь превращения образовательных знаний в ценность»; «многие замечательные научные идеи ... хранятся на полках архивов и хранилищ, по существу, мертвым капиталом»; «настолярная книга отца и матери, пусть она будет одной крупницей в сокровищнице педагогической мудрости родителей»; «в глазах воспитанников, наши собственные знания ... наше духовное богатство, которым мы щедро делимся»; «накапливать по крупинке интеллектуальное богатство».*

Представленные примеры свидетельствуют о том, что наращивание капитала прямо пропорционально увеличению способностей ученика, накоплению знаний.

Самой главной ценностью образовательного процесса является ребенок, и чаще всего для метафорического определения ученика используется прилагательное «бесценный». Например: *«одаренные дети – бесценное богатство школы, духовная опора коллектива»; «доверием ребенка Антонина Ивановна дорожит как бесценным даром».*

В фрейме «Капитал и финансовые возможности» актуализируется идея «добывания» знаний. Следует подчеркнуть особо трудность зарабатывания «капитала». Для того, чтобы владеть большими духовными ценностями необходимо основательно потрудиться. Например, обработать негранный алмаз или отыскать в ценной породе золотую жилку: *«как ювелир оттачивает алмаз, присматриваясь к каждой грани, думая, где прикоснуться к драгоценному камню, чтобы получился бриллиант, так и воспитателю приходится думать, как подступиться к самым сокровенным уголкам детского сердца»; «подметить в каждом ребенке его наиболее сильную сторону, найти в нем ту «золотую жилку» от которой начинается развитие индивидуальности».*

Слот 1.2. Финансовые операции

В рамках представленного слота действия учителя могут концептуализироваться как экономическая деятельность (отношения купли-продажи). Мерой стоимости при купле-продаже являются знания. Обратим внимание на то, что знания, как и деньги, - средство обмена, их можно передавать другому человеку. «Возникает представление о некоторой

«плотной сущности», в данном случае о «знании-ведении», «знании-информации», которая может служить предметом обмена» [РСС, Т.2., 2002: 466]. Удивительная особенность духовных богатств заключается в следующем - «чем больше отдаешь, тем богаче становишься»: «Ведь воспитание в широком смысле – это постоянное духовное обогащение-обновление как тех, кто воспитывается, так и тех, как воспитывает»; «Отдавать свои знания младшим товарищам и таким образом самим обогащаться индивидуально»; «я считал очень важным для морального развития подростков то, что их дружба с другими людьми начинается с отдачи духовных богатств, «суть педагогического взаимодействия – прежде всего в духовном обмене, взаимообогащении учащихся и учащихся».

Учение требует значительных душевных затрат, поэтому хороший педагог способен выдавать своим ученикам «аванс», своеобразный «кредит доверия»: «Не скупитесь на комплименты, признавайте достоинства (даже несуществующие), авансуйте положительные сдвиги. Тогда у вашего воспитанника будет больше возможностей стать таким, каким вы его хотите видеть».

Основная «финансовая операция» для участников педагогического процесса – сбережение, накопленных знаний, умений и навыков: «Важно не только актуализировать жизненный опыт ребенка, но помогать его обогащению, своего рода «капитализировать» нарастающую массу информации подобно тому, как в банке к сумме вклада приращиваются проценты, а новые проценты исчисляются с учетом этого приращения»; « чтобы знания были прочными, повторяйте основное содержание, закрепляйте изученный материал с помощью упражнений, занимайтесь сбережением»; «учителя всех учебных предметов должны вносить посильный вклад в процесс формирования методологических знаний».

2. Фрейм «Хранение сокровищ»

Слот 2.1. Хранитель сокровищ

Учитель является посредником в циркуляции богатств и ценностей (знаний). Ср.: «Педагог – эксперименталисты немало сделали для педагогической науки. Многие связи, зафиксированные ими, вошли в золотой фонд педагогической теории», «Творчество мастера может обогатить педагогическую науку». В процессе хранения и увеличения сокровищ могут принимать участие и сами школьники: «Школа не только кладовая знаний, из которой дети берут и берут, но и улей, в который они несут и несут, непрерывно обогащая духовную сокровищницу».

Слот 2.2. Место хранения сокровищ

Отметим, что существует некая совокупность духовных ценностей, сокровищница, доступ к которой открыт любому, готовому приложить усилия человеку. В роли сокровищницы может выступать сам ученик, так как он является носителем знания-ценности, переданного ему учителем: «Витагенный опыт личности напоминает чем-то сокровищницу «Сорока разбойников», запрятанную в глубинах пещеры нашего подсознания. Ключ к этим неисчислимым богатствам лежит не в каких-то магических заклинаниях, а в точном следовании законам нашего мышления». «Всякая школа, прежде всего, должна показать человеку то, что в нем есть самого драгоценного».

С другой стороны, «ученого мужа» называют «кладезем премудрости», что позволяет воспринимать педагога как хранителя клада. И, наконец, самым распространенным местом хранения педагогических ценностей является литература: «Такой учитель находит в сокровищнице знаний как раз тот яркий образ, ту мысль, которые наглядно воплоща-

ют величие человека»; «Есть зерно правды, которое, с течением времени, очистившись от своей шелухи, ляжет в общую сокровищницу педагогических приобретений человечества».

3. Фрейм «Производственная деятельность»

Подчеркнем процессуальность концепта *учение, (знание)*. По данным Русского семантического словаря концепт знание сближается с концептом наука. Сама же наука связывается с понятием деятельности, направленной на добывание знания. [РСС, Т.2., 2002: 467]

Слот 3.1. Управление производством

Мы уже сказали, что воспитательный процесс можно рассматривать как производственный. Действительно, школе, как и производству, общество диктует социальный заказ. Перед интеллектуальным производством ставятся задачи, на осуществление которых направлен воспитательный процесс. Педагогическая деятельность связана с планированием предполагаемого результата, с моделированием ситуаций, осуществлением разработанных планов, управлением деятельностью учащихся: «проектируется возможный уровень роста результативности через некоторое время (как может и должен уступить конкретный ученик, как вести себя и т. д.)»; «для конкретизации функции управления используем понятие «педагогический проект»; «учитель – профессионал не позволит себе войти в класс без продуманного во всех деталях, четкого, конкретного, обеспеченного ресурсами плана»; «главная функция учителя – управления процессами обучения, воспитания, развития, формирования».

В школе, как и на производстве, есть целая система стимулов (оценок), используя которые педагоги корректируют воспитательный процесс. Производственные отношения предполагают также разнообразные виды контрактов и заключение деловых договоров: «Уловие в характере учащегося деловую хватку, учитель предлагает ему составить деловой контракт на выполнение взаимных обязательств. Учащийся берет на себя обязательства выполнять работу на должном уровне, а учитель – объективно и вовремя ее оценить».

Организовать эффективное педагогическое производство возможно благодаря реализации «принципа сотрудничества»: «используются разные способы сотрудничества, соответствующие поставленным задачам; содержанию обучения в совокупности с конкретным учебным материалом»; «организационная (организаторская) деятельность учителя связана в основном с вовлечением учащихся в намеченную работу, сотрудничеством с ними в достижении намеченной цели».

Логика школьного образования, как и логика производства, предполагает наличие спонсорства: «Выбор интеллектуального спонсора. Опять увлечение модным словом? Спонсор – значит обеспечивающий за свой счет, бескорыстно, безвозмездно, не связанный никакими требованиями, принуждениями. Обычно о спонсорах говорят, когда нужно поддержать материально и морально. Разве поделиться своим интеллектуальным капиталом не спонсорство? Найти интеллектуального спонсора – задача непростая. Здесь не поможет ни простая просьба, ни тем более приказ, ни решение общего собрания. Интеллектуальный багаж из рук в руки не передаётся. Нужны какие-то побудительные мотивы, нужен взаимный интерес, совместное дело. Это может быть совместное участие в подготовке, проведении тематических вечеров, смотров, олимпиад, конкурсов и т. п.»

Слот 3.2. Результаты производства

Эффективность деятельности школы, как и деятельности производства, оценивается

по качеству выпускаемой «продукции»: «попробуем оценить возможности получения педагогического продукта заданного количества и качества»; «Метод – главный инструмент педагогической деятельности. Именно с его помощью производится продукт обучения»; «для рассмотрения в системе продукта, на производство которого направлен учебный процесс».

С одной стороны, результатом интеллектуального производства являются знания. Они превращаются в продукт, товар, который может быть приобретен. И платные (коммерческие) вузы «продают» именно знания, которые являются в нашей нестабильной экономике более твердой валютой, чем денежные знаки. Знания, единожды приобретенные, не могут быть растрчены. Они становятся бесценными. Хотя некоторые педагоги говорят об «инфляции знаний» и необходимости постоянного «коучинга».

С другой стороны, главный результат педагогического производства - это сам ученик: «О продуктах педагогического труда, на создание которых направлен педагогический процесс, уже говорилось в предыдущих разделах. Если то, что «производится» в нем, представить глобально, то это воспитанный, подготовленный к жизни, общественный человек».

Слот 3.3. Оптимизация производства

Представленная в этом слоте метафорика выявляет смыслы «расчетливость», «получение выгоды», «экономию сил и времени». Ср: «Удел студента – нелегкий познавательный труд, который нужно постараться сделать максимально продуктивным»; «главное преимущество данного метода ... экономность»; «возможность передачи значительного объема знаний, умений за минимально короткое время и с небольшими затратами усилий»; «учиться сегодня надо основательно, экономно, быстро»; «беседа – неэкономный и сложный метод обучения»; «лекция экономит учебное время, является одним из наиболее эффективных методов по показателю восприятия содержания информации»; «учитель – мастер, владея всем арсеналом педагогических средств, выбирает из них наиболее экономные и эффективные, обеспечивающие достижение запроектированных с оптимальными усилиями»; «методика учит экономно расходовать время и усилия учеников и учителей»; «следует экономить силы учащихся, не растрчивать их на запоминание малоценных знаний»; «к недостаткам метода работы с книгой относятся значительные затраты времени и энергии, поэтому данный метод относится к малоэкономичным»; «оптимизация структуры учебного материала».

Проведенный анализ позволил выявить некоторые тенденции и особенности функционирования экономической метафоры в педагогическом дискурсе, а также место данной метафоры в современной педагогической науке. В завершение хотелось бы особо отметить: экономическая метафора помогает взглянуть на все происходящие в педагогике процессы под новым углом зрения. Ведь «производство метафор — это не просто лингвистическое явление, которое происходит на поверхностном уровне языка; оно берет начало в более глубинном, когнитивном процессе творческого характера, открывающем новые возможности развития значений» [МакКормак, 1990: 377]. В настоящее время экономическая метафора «набирает силу» в педагогических текстах. Описание метафорической модели «ОБРАЗОВАНИЕ – ЭТО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ», представленной фреймами «Капитал и финансовые операции», «Хранение сокровищ», «Производственная деятельность», позволяет заострить внимание на часто недооцениваемом, но актуальном для современного общества прагматическом аспекте педагогического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушнир А. Новая Россия подрастает // Народное образование. 1997. №8.
2. Лекант П.А. Современный русский литературный язык: Учебник / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков и др.; Под ред. П.А. Леканта. – М., 1982.
3. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М., 1990.
4. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск, 2004.
5. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. №1. с.91-102.
6. Педагогическая энциклопедия. – М., 1988.
7. Подласый И. П. Педагогика. - М., 2003.
8. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.
9. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное описание метафорической модели // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.14. – Екатеринбург, 2004. – С. 102-115.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СЛОВАРЕЙ

1. Белкин А. С. Возрастная педагогика. - Екатеринбург, 1999.
2. Макаренко А. С. Собрание сочинений в 5 т. Т.1. - М., 1949.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М., 1997.
4. Подласый И. П. Педагогика. - М., 2003.
5. Русский семантический словарь / РАН, Ин-т русского языка, под редакцией Шведовой Н. Ю. – М., 1998.
6. Словарь русского языка в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка, под редакцией Евгеньевой А. П. -М., 1981-1984.
7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русский культуры. – М., 2001.
8. Сухомлинский В. А. Избранные произведения в 5 т. - Киев, 1978-1987.
9. Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 11т., Т.2. - М.; Л, 1948.

© Кабаченко Е.Г., 2005

Кайгородова Н.Г.
Екатеринбург

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДИАЛОГА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Усиление роли личности как части социума, изменение общественно-политического устройства и культурно-национальные сдвиги в сторону «всеобщей коммуникации», открытости мира для человека и человека для мира стали в последние десятилетия характерными тенденциями в развитии общественного сознания и менталитета в целом многих народов (отметим, что процессы эти ярко выражены в России в связи с резкими трансформациями общественно-политического устройства, культурно-этического и психологического состояния общества в конце XX века). В рамках социолингвистического аспекта это приводит к постоянному повышению требований к коммуницирующей личности: во всех видах общения (будь то фатический диалог, деловая беседа или политическое выступление) человек должен проявлять умение выстраивать свое речевое общение по законам коммуникативного сотрудничества, речевой кооперации, то есть вести успешный, эффективный диалог.

Эффективность речевого общения – это осуществление коммуникативной цели инициатора (инициаторов) общения и достижение собеседниками согласия с помощью целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи [Граудина, Ширяев, 2001: 58]. Доба-

вим в это понятие и эмоционально-психологическую, эстетическую составную: общение должно приносить радость и удовлетворение собеседникам, что особенно важно в фатическом общении.

Оценка эффективности общения связана с категорией риторического идеала – исторически сложившейся иерархически организованной системой наиболее общих требований к речевому произведению, то есть парадигмой риторических общеэстетических и этических категорий, характерной для той культуры, в которой данный риторический идеал сформировался и функционирует. Оценка успешности речевого общения, его «качества» происходит на сопоставлении реального общения и существующего в данной культуре идеального образца [Введенская, Павлова, 1999: 67]. В новых социально-политических и экономических условиях России конца XX – начала XXI в. формируется новый риторический идеал, который, вбирая в себя традиционные ценности, вместе с тем в своем содержании акцентирует прагматический аспект – аспект эффективности, успешности речевого общения. Обобщая, можно сказать, что интегральная модель современного русского риторического идеала стремится к балансу таких составляющих, как: «1) логико-аргументативный компонент, 2) этико-эстетический компонент, 3) коммуникативно-прагматический компонент, 4) нормативно-языковой компонент (включая стилистическую норму), 5) этно-культурологический компонент (включая категорию языкового вкуса)» [Скородников, 2001: 319].

Эффективный диалог складывается из многих компонентов. Это личностные качества говорящего, коммуникативная заинтересованность, настроенность на мир собеседника, умение слушателя проникнуть в коммуникативный замысел говорящего, уместность речи, тема диалога, способность говорящего варьировать способ языкового представления, соответствие речевого поведения собеседников характеру их межличностных и социальных взаимоотношений, знание собеседниками норм этикетного речевого общения, внешние обстоятельства, акустическая характеристика дискурса, жестово-мимическое и пространственное поведение собеседников – каждый из этих компонентов приобретает большее или меньшее значение и степень выраженности в зависимости от особенностей вида диалога и конкретного речевого события.

В связи с этим проследить реализацию компонентов эффективности, а следовательно, и выявить коммуникативно-прагматические ошибки, приводящие к коммуникативным неудачам, представляется возможным и «удобным» в диалогах художественных произведений. Литература способна воссоздать речевую деятельность людей, способна постичь человека как носителя речи, претворяя слово в предмет изображения. Персонажи неизменно проявляют себя в словах, произносимых вслух или про себя, а также в движениях, жестах, мимике, причем мы имеем возможность составить представление и о речевой ситуации (о самих участниках диалога, об отношениях между ними и об обстоятельствах, в которых происходит общение) – это позволяет нам рассматривать диалог в художественном произведении как полноценный живой диалог, как речевое событие. Обращение к художественным диалогам представляется перспективным и в связи с тем, что литература не только вбирает, но и одновременно формирует речевой идеал нации.

Приемы привлечения художественного текста как материала для исследования компонентов коммуникации активно разрабатываются в последнее время. Например, из статьи Ю.В. Лушниковой «Причины непонимания в речевой коммуникации: функционально-эстетический аспект»: «Представляется продуктивным использование результатов анализа художественного текста <...> в качестве наглядного фактического материала при изуче-

нии форм реализации коммуникативного намерения говорящего. Исследование текстов В.М. Шукшина показало, что художественная коммуникация обладает дополнительным набором коммуникативных средств при константе необходимых исходных составляющих» [Русский язык и культура речи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2003: 211].

Представим анализ некоторых компонентов эффективного диалога, обратившись к роману-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», а также к рассказам А.П. Чехова «Смерть чиновника» и «Мальчики».

1) Для возникновения диалога и успешного его завершения необходима потребность в общении, в явном виде не выраженная языковыми формами, **коммуникативная заинтересованность** (по определению М.М. Бахтина). Так, в первом диалоге центральных героев «Войны и мира» Андрея Болконского и Пьера Безухова (том I, часть I, главы III, V, VI) со стороны Пьера проявляется личное расположение, несомненное желание вступить в разговор, явная коммуникативная заинтересованность, выражающиеся во взгляде и во всем облике, поведении, во внимании к кн. Андрею еще до начала речевого общения («Пьер со времени входа князя Андрея в гостиную *не спускавший с него радостных, дружелюбных глаз*, подошел к нему и *взял за руку...*»).

Можно проследить рождение и проявление коммуникативной заинтересованности Андрея Болконского: «Князь Андрей, не оглядываясь, сморщил лицо в гримасу, выражавшую досаду на того, кто трогает его за руку, но *увидав улыбающееся лицо Пьера, улыбнулся неожиданно-доброй и приятной улыбкой*».

- Вот как!.. И ты в большом свете! – сказал он Пьеру.

- Я знал, что вы будете, – отвечал Пьер. – *Я приеду к вам ужинать*, – прибавил он тихо, чтобы не мешать виконту, который продолжал свой рассказ. – *Можно?*

- *Нет, нельзя*, – сказал князь Андрей, *смеясь, пожатием руки давая знать Пьеру, что это не нужно спрашивать*. Он что-то хотел сказать еще, но в это время поднялся князь Василий с дочерью, и мужчины встали, чтобы дать им дорогу».

Негативная реакция кн. Андрея на прикосновение к его руке (проявляется реакция на нарушение личного пространства при нежелательном коммуникативном контакте) моментально меняется, когда князь видит перед собой улыбающееся лицо (мимическое выражение стремления к диалогу и доброжелательности) Пьера – это объясняется разницей в отношении кн. Андрея к Пьеру и ко всем остальным собравшимся: Пьер для него – близкий друг, человек, наделенный замечательными личностными качествами (ему присущи «добродушие, простота и скромность», «умный и вместе робкий, наблюдательный и естественный взгляд»; «улыбка у него была не такая, как у других людей, сливающаяся с неулыбкой. У него, напротив, когда приходила улыбка, то <...> лицо являлось <...> детское, доброе...») Дружеское, дружелюбное отношение кн. Андрея к Пьеру выражается в мимике (улыбка «неожиданно-добрая и приятная», в интонации фраз (восклицание, эмоциональность), в смеховом обороте «Нет, нельзя» (проявление смеховой культуры, являющейся неотъемлемой частью дружеского эффективного речевого общения). Со стороны Пьера выражением эффективной речевой стратегии является предложение-просьба приехать на ужин к кн. Андрею – это, по сути, предложение тесного, душевного общения в домашней обстановке, в спокойной атмосфере (роль внешних обстоятельств: в светском обществе по-настоящему эффективное общение невозможно даже между кн. Андреем и Пьером (при их обоюдной заинтересованности и близких отношениях), так как это нарушило бы

установленные в кругу нормы, этикетные правила, и к тому же не способствует этому присутствию посторонних людей: «Он что-то хотел сказать еще», но ему помешали).

2) Для правильного восприятия и понимания речи собеседника необходима близость мировосприятия говорящего и слушающего, **настроенность на мир друг друга**. Л.П. Якубинский определил это как близость апперцепционной базы говорящих [Якубинский, 1986: 17-34]. М.М. Бахтин называл это явление **апперцептивным фоном восприятия речи** [Бахтин, 1986: 291-293]. Прошлый жизненный опыт собеседников, сходные интересы и культурные каноны рождают быстрое взаимопонимание, которое выражается стремительной сменой реплик, такими паралингвистическими средствами, как мимика, жесты, тон, тембр голоса. Так, схожесть прошлого жизненного опыта кн. Андрея и Пьера, общность национально-культурных традиций, общность социального статуса, некоторая схожесть мировосприятия, дружеские отношения между героями позволяют говорить о близости апперцептивного фона восприятия речи. Это выражается в быстрой смене реплик в первой части диалога и в исповедальности, душевности – во второй части, а также паралингвистическими средствами – мимикой, жестами, тоном голоса. Проявляется это и в речевых формах: обращения, выражающие отношение к собеседнику («мой друг», «мой милый», «душа моя»), эмоциональная интонация речи. Повторы, темп речи, средства, выражающие отношение говорящего к предмету речи (эпитеты, оценочные высказывания), намеки, предполагающие, что собеседнику известно, о чем идет речь (особенно в речи Пьера), паузы, молчание, ставящие акценты и дающие время принять слова другого. Более тесная близость апперцепционной базы может быть продемонстрирована диалогом Пьера и Наташи (том IV, эпилог, часть I): «Наташа, оставшись с мужем одна, тоже разговаривала так, как только разговаривают жена с мужем, то есть *с необыкновенной ясностью и быстротой познавая и сообщая мысли друг друга, путем противным всем правилам логики, без посредства суждений, умозаключений и выводов, а совершенно особенным способом*».

В интимной речи при полном доверии и искренности предвосхищение ответной реакции слушающего очевидно и естественно; в других жанрах успешность речевого общения определяется умением говорящего представить мир слушающего и в соответствии с этим организовать свою речь (начиная с обращения, интонационного рисунка высказывания, порядка слов, выбора семантико-синтаксической структуры предложения, экспрессивных средств разных уровней, этикетных формул).

3) Успех общения зависит от того, насколько удачно выбрана **тема диалога**, представляется ли она актуальной и интересной для собеседников, в какой степени предмет обсуждения известен каждому участнику диалога.

Здесь опять же необходимо представление об апперцептивном фоне восприятия речи, обусловленном взаимосвязью личностных (возрастных, психологических) особенностей, социальной характеристики, жизненного опыта, традициями воспитания и другими факторами.

Приведем в пример диалог из рассказа А.П. Чехова «Мальчики»:

«Чевеицын весь день сторонился девочек и глядел на них исподлобья. После вечернего чая случилось, что его минут на пять оставили одного с девочками. Неловко было молчать. Он сурово кашлянул, потер правой ладонью левую руку, поглядел угрюмо на Катю и спросил:

– Вы читали Майн Рида?

– Нет, не читала... *Послушайте, вы умеете на коньках кататься?*

Погруженный в свои мысли, Чечевицын *ничего не ответил* на этот вопрос, а только сильно надул щеки и сделал такой вздох, как будто ему было очень жарко. Он еще раз поднял глаза на Катю и сказал:

— *Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут.*

Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:

— *А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего это москиты и термиты.*

— *А что это такое?*

— Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются.

Маша, самая маленькая девочка, поглядела на него, потом на окно, за которым уже наступал вечер, и сказала в раздумье:

— *А у нас чечевицу вчера готовили.*

Совершенно непонятные слова Чечевицына и то, что он постоянно шептался с Володей, и то, что Володя не играл — *все это было загадочно и странно*.

Поведение Чечевицына воспринимается девочками как «странное», так как весь его облик выражает «угрюмость» и «ученость», их настораживает его молчаливость, замкнутость, но тем не менее они испытывают коммуникативную заинтересованность как к новому знакомому, к тому же — другу их брата. Чечевицын же вступает в диалог из-за неловкости молчания, не представляя, о чем можно говорить с сестрами — в неудачном выборе темы, в основе которого — отсутствие настроенности на мир собеседника, и кроется причина коммуникативной неудачи. Чечевицын не учел апперцептивный фон восприятия речи — возраст собеседниц и, соответственно, их жизненный опыт, их знания, интересы и увлечения, в результате чего его слова «совершенно непонятны». Со стороны Кати совершаются попытки гармонизировать общение: найти общую для обоих тему («Послушайте, вы умеете на коньках кататься?»), найти в предлагаемой теме что-то новое и интересное для себя («А что это такое?»), но Чечевицын оставляет эти попытки без внимания («ничего не ответил на этот вопрос»), продолжая произносить реплики «для себя», нарушая семантическую причинно-следственную связность не только между своими и Катиными репликами, но и в собственной речи.

Символическим и комическим итогом этого диалога становится фраза Маши «А у нас вчера чечевицу готовили», подчеркивая неуместность и нелепость речи Чечевицына и демонстрируя «естественное» речевое поведение, обращенное на понятные и близкие, реальные для всех предметы разговора.

4) **Способность говорящего варьировать способ языкового представления** того или иного события — следующее условие эффективного речевого общения.

Варьирование способа языкового представления в первую очередь связано с возможностью различной концептуализации окружающего мира. Одно из правил поведения говорящего — это иерархизация содержания сообщаемого, которая должна основываться на осведомленности говорящего в том или ином вопросе. Сначала сообщается та информация, которая может быть использована при интерпретации последующей. Личность адресата обуславливает и стилистику информации, а тема разговора «диктует» говорящему способы ее представления в речи.

Взаимопонимание, правильное истолкование позиции говорящего по какому-либо вопросу возможно только в том случае, если речь является воплощением чувства-мысли, если она образна, искренна, эмоциональна, находит отклик у собеседника, так как мир и у адресата, и у говорящего всегда опосредован эмоционально-оценочной палитрой и ассо-

циативными рядами.

Так, в диалоге кн. Андрея и Пьера, несмотря на различия в мировосприятии собеседников, ими (и в большей степени кн. Андреем, так как роль говорящего в основном принадлежит ему) используются оптимальные для понимания построения фраз, позволяющие выразить свою мысль и отношение к предмету речи и друг к другу. Это выражается в стиле речи: яркая, декламационная – у князя Андрея и несколько сбивчивая, простая – у Пьера («Нет, этот аббат очень интересен, но только не так понимает дело... По моему, вечный мир возможен, но я не умею, как это сказать... Но только не политическим равновесием»), в синтаксических конструкциях высказываний (позволяющих обозначить главные по смысловой нагрузке слова – ремю высказывания – и ясно передать мысль), в использовании языковых средств, передающих собственную точку зрения, свое отношение (эпитеты, распространенные определения, оценочные высказывания, повторы, нагнетание семантического ряда однородных членов предложения и др.): «Но свяжи себя с женщиной – и, как скованный колодник, теряешь всякую свободу...», «Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество – вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти...», «...ты будешь стоять на одной доске с придворным лакеем и идиотом...»

Языковое представление соответствует теме разговора: так, если в первой части диалога речь кн. Андрея проста по организации и не отличается сильной эмоциональностью, то во второй части она является воплощением «чувства-мысли» и потому ярка, образна, эмоциональна, искренна, сложна по синтаксическому строению и предельно воплощает мировосприятие и психологическое состояние кн. Андрея.

У Пьера речь не отличается такой полнотой воплощения своих мыслей и чувств: она полна недоговоренностей, пауз, порой нескладна по строению, неполно выражает отношение к предмету речи, к собеседнику. Однако эти недостатки языкового представления компенсируются паралингвистическими средствами общения.

5) Одним из компонентов эффективного диалога является **соответствие речевого поведения собеседников характеру их межличностных и социальных взаимоотношений**. Выполнение этого условия ни в коем случае не должно нарушать принцип паритетности в речевом общении, но оно оказывает влияние на реализацию некоторых других компонентов успешного диалога. Исполняемые социальные роли собеседников по отношению друг к другу (начальник – подчиненный, продавец – покупатель, учитель – ученик, родитель – ребенок и т.п.) и характер личных отношений собеседников (глубина знакомства, схожесть или несхожесть мировосприятия, степень психологической совместимости и доверия друг другу и т.п., то есть все, что составляет сложные человеческие отношения) будут влиять и на коммуникативную заинтересованность, и на выбор речевого жанра, на выбор темы дискурса, на выбор способа языкового представления событий, на использование этикетных форм и др.

Так, в творчестве А.П. Чехова с точки зрения тематики и проблематики можно выделить цикл рассказов, объединенных темой социальных противоречий в обществе и вытекающих отсюда проблем взаимодействия и взаимопонимания людей. Это наиболее известные рассказы А.П. Чехова – «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Злоумышленник», «Маска» и другие. Во всех названных рассказах в диалогах реализуется неоперативная стратегия, в основе которой лежат социально-психологические характеристики героев.

В рассказе «Смерть чиновника» восприятие главным героем Иваном Дмитриевичем Червяковым своего будущего собеседника генерала Бризжалова раскрывается в первой

же фразе внутренней речи героя: «Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо». Так нарушается самое главное правило эффективного диалога – паритетность в общении, что обусловлено: 1) социальным положением героев: они находятся на разных ступенях социальной иерархии и имеют статусы «начальник» и «подчиненный»; 2) самой психологией главного героя: устойчивостью в его сознании стереотипа восприятия начальника (отношение «маленького человека», «червяка» к начальнику как к вышестоящему «богу») и вызываемых ею поведенческих стереотипов (проявление чинопочитания в лести, самоуничижении, самообесценивании и др.)

Такая социальная природа восприятия приводит к коммуникативной неудаче. Снятие «неловкости» – коммуникативная цель Червякова – так и не произошло, напротив, «неловкость» усиливается, переходя в «конфуз», «беспокойство», «ужас» и в конечном итоге – в смерть. Конечно, смерть героя и все его гиперболизированное беспокойство являются художественным приемом гротеска и преследуют авторские задачи, но причины нарушения условий эффективного общения продемонстрированы очень наглядно.

Речевое поведение Червякова строится на основе общественных стереотипов, что сказывается в том, что Брижжалову герой приписывает черты «грозного» генерала: «Забыл, а у самого ехидство в глазах, - подумал Червяков. – и говорить не хочет ... подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!», «говорить не хочет! – подумал Червяков бледнея. - Сердится, значит...»; проявляется это как в содержании речи (постоянное принесение извинений), в ее лексике («вашество», «чихнул-с», «брызнул-с»), так и в паралингвистических и экстралингвистических средствах общения – заискивающая интонация, жестово-мимическое и пространственное поведение, выражающее самоуничижение и просительность («Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и зашептал генералу на ухо», «skonфузилс, глупо улыбнулс», пробормотал», «спросил шепотом, млея от ужаса», «ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери»).

Не говоря об абсурдности самой сюжетной ситуации, отметим, что со стороны генерала полностью отсутствовала коммуникативная заинтересованность и не ясна была коммуникативная цель Червякова, что при настойчивом навязывании общения привело к гневу и конфликтному поведению:

- Пошел вон!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.
- Пошел вон!! – повторил генерал, затопав ногами.

б) **Жестово-мимическое и пространственное поведение собеседников.** Умение правильно оценить поведение участников общения, их мимику, жесты, движения, позу, направленность взгляда, то есть умение понять язык невербального общения, помогает достичь взаимопонимания. Язык невербальный позволяет собеседникам яснее высказать свою мысль, полнее и эмоциональнее выразить чувства, показывает отношение их друг к другу и отношение к высказываниям друг друга, что помогает правильно выстраивать свое речевое поведение.

Говоря о выраженности этого компонента именно в художественном диалоге, отметим, что «увидеть» жестово-мимическое и пространственное поведение собеседников мы можем с помощью авторских ремарок, описаний, пояснений, но как раз это и подчеркивает значимость тех или иных проявлений этого компонента для данного речевого события. Так, в диалоге кн. Андрея и Пьера жестово-мимическое и пространственное поведение несет огромный процент информации, передавая психологическое состояние собеседников, их отношение друг к другу, к предмету разговора:

Входит кн. Андрей «потирая маленькие белые ручки» (можно трактовать как предвку-

шение хорошей беседы), а Пьер «поворотился всем телом, так что диван заскрипел, обернул оживленное лицо к князю Андрею, улыбнулся и махнул рукой». Особенная роль принадлежит взгляду («глаза – зеркало души»), а также мимике, в особенности улыбке – они без слов позволяют выразить отношения между героями. (Замечательна фраза: «...сказал он, помолчав и улыбнувшись своим утешительным мыслям. *Улыбка эта в то же мновение отразилась на лице Пьера*».)

Жесты используются в основном эмоциональные, помогающие полнее, ярче выразить свои чувства (особенно активно они используются кн. Андреем во второй части).

Пространственное поведение собеседников также дает нам дополнительную информацию о психологическом состоянии героев (Пьер чувствует себя комфортно и раскованно в кабинете кн. Андрея – «по привычке» ложится на диван, затем садится, «поджав под себя ноги», а вот при появлении Лизы спускает ноги с дивана), о их чувствах, силе переживания (во время разговора с женой кн. Андрей, «встав и пожав плечами, прошел по комнате»).

В целом жестово-мимическое и пространственное поведение собеседников говорит о их настроенности на диалог, что ярче выражается в поведении кн. Андрея, что подчеркивается самим автором: «Его сухое лицо все дрожало нервическим оживлением каждого мускула; глаза, в которых прежде казался потушенным огонь жизни, теперь блестели лучистым, ярким блеском. Видно было, что чем безжизненнее казался он в обыкновенное время, тем энергичнее был он в минуты раздражения».

Таким образом, мы можем подтвердить наше положение о том, что диалог в художественном произведении представляет собой полноценное речевое событие, в котором прослеживаются достаточно полно и особенности участников общения, их манера речевого поведения, и особенности речевой ситуации. В силу своего разнообразия и полноты диалоги в художественных произведениях представляют возможность анализа реализации (или нереализации) компонентов эффективного речевого общения. Конечно, в отдельно взятом диалоге варьируется степень выраженности каждого компонента, но нужно отметить, что наиболее полно выражаются именно те компоненты эффективности, которые незаменимы и важны для данного речевого события. В различных художественных диалогах, в зависимости от жанра, тематики и проблематики и в целом своеобразия творчества автора, можно делать акценты при анализе компонентов эффективности на их реализацию или нереализацию, исследуя, таким образом, либо пути достижения коммуникативного успеха, либо причины коммуникативных неудач.

Подобная работа позволяет наглядно увидеть сам механизм разворачивания эффективной стратегии или свершения коммуникативно-прагматических ошибок и – что важно – учиться на этом материале, принимая в арсенал собственного повседневного общения лучшее, что может дать в этом плане художественная литература – огромный опыт наблюдения и осознания неисчерпаемого в своем многообразии человеческого взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
2. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика. / Для высших и средних учебных заведений. – Ростов-на-Дону, 1995.
3. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. - М., 1999.
4. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Граудиной Л.К., Ширяева Е.Н.

– М., 2001.

5. Культура русской речи :Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. ЛЮ. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др.

6. Лушникова Ю.В. Причины непонимания в речевой коммуникации: функционально-эстетический аспект. // Русский язык и культура речи как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 7 – 1 апреля 2003 г. – Барнаул, 2003.

7. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1. – М., 1975.

8. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 4. – М., 1970.

9. Чехов А.П. Рассказы. – Свердловск, 1977.

10. Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М., 1986.

© Кайгородова Н.Г., 2005

Каримова Р.Х.

Стерлитамак

СЕМАНТИКА ЗООНИМОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Целью данной статьи является исследование частотности зоонимов в качестве компонентов фразеологических единиц.

По мнению исследователей, во фразеологии всех языков наиболее частотными являются образы, восходящие к животному миру. Это подтверждает тезис о том, что слова, обозначающие животных (зоонимы), относятся к наиболее древнему пласту лексики во всех языках мира.

Стремясь охарактеризовать свое поведение, чувства, состояние, внешность, человек прибегал к сравнению с тем, что было ему ближе всего. Вспомним хотя бы японский гороскоп с «зоологическими» названиями 12-летнего цикла. Люди, рожденные в определенный год цикла, по мнению древних мудрецов, наделялись чертами «тотемного животного» – змеи, собаки, лошади и т.д. Отсюда в языках разных народов мы сталкиваемся с большим количеством сравнений, метафор, пословиц и поговорок, имеющих в своем составе зоонимы. Принципом антропометричности обусловлены процессы номинации, вследствие чего во ФЕ включается зоонимическая лексика, ср.: нем. *Mäusedom* (*умбурь*), *Löwenzahn* (*одуванчик*), *Wolfskirsche* (*красавка*), *Schafgarbe* (*тысячелистник*), *Wolfwurz* (*воронец*); русск. *волчья ягода*, *львиный зев*, *мышиний хвост*, тат. *эт эчеге*, *карга милеше* (*волчья ягода*), *етеч гомбесе* (*лисичка*), *кугерчен кузе* (*незабудка*), *гусиный цвет*, *лисички*, *глухари*, *ужики* (*названия животных*).

Результаты изучения фразеологических источников свидетельствуют о высокой частотности обозначений животных в качестве структурных компонентов фразеологизмов.

В работах Й. Штернкопфа подвергнуты анализу 76 различных обозначений животных, которые являются составляющими ФЕ. Частотность представленных в работе обозначений животных в составе фразеологизмов колеблется от 1 до 22 [Sternkopf, 1993: 375]. Наиболее продуктивными автору представляются лексемы *Hund* (22), *Pferd* (18) и *Katze* (16), ср. *vor die Hunde gehen*, *die Pferde scheu machen*, *die Katze im Sack kaufen*.

Высокая продуктивность названных животных в составе фразеологических единиц объясняется экстралингвистически, поскольку домашние животные играли важную роль в жизни человека, повадки животных послужили основанием для возникновения множества фразеологизмов в немецком языке.

В состав гиперотемы Tier включают гипонимы *Fisch* и *Vogel*, а также *Säugetier* (млекопитающие), *Haustier* (домашние животные) и *Weichtier* (моллюски). Лексико-семантическая группа *Insekten* (насекомые) и *Würmer* (черви) представлены в качестве структурных компонентов в следующих ФЕ: ср. *ernstig wie eine Biene, zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen, j-m die Würmer aus der Nase ziehen* [Stemkopf, 1993: 326].

В исследованиях лексико-семантической группы зоонимов Д.Г. Мальцевой выделена группа *Nutztiere* (сельскохозяйственные животные), к которым относятся лексемы *Schaf, Kuh, Ziege, Hammel, Bock, Schwein, Ochse*. Обозначения названных животных встречаются в составе ФЕ в переносном смысле, ср. «*du dummes blödes Schaf*», «*neugrieger Ziege*» – «любопытная Варвара», «*dumm wie ein Bock*» ‘глуп как баран’; «*geduldig wie ein Hammel*» ‘терпеливый, как баран’, «*kleine Fische*» ‘пустяковые дела’ «*du blöder Ochse!*» – ‘остолоп’ [Мальцева, 2001: 85].

Животное было для людей не только источником питания и одежды, но и мерилом многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных. Поэтому происхождение многих фразеологизмов связано с особенностями диких и домашних животных, птиц, насекомых, рыб.

Издrevле на территории Германии обитало большое количество зайцев и диких кроликов. **Заяц** является любимым героем в немецких сказках и баснях. Он получил прозвище *Meister Lampe-Лампе, Заяц, Косой*.

Образ жизни, повадки зайцев и кроликов послужили основанием для возникновения целого ряда фразеологизмов в немецком языке.

Кролики – очень увёртливые, так что поймать взрослого кролика трудно даже опытным собакам. Заяц старается спутать следы, делая громадные скачки в стороны и назад. На этом наблюдении основываются фразеологизмы: «*wissen wie der Hase läuft*» (*букв, зная, как заяц бежит*)-*знать толк (разбираться) в деле /знать, как взяться за дело; «sehen wie der Hase läuft*» (*букв, смотреть, как бежит заяц*) – *смотреть, как идут дела, в каком направлении развиваются события; «merken wo der Hase liegt*» – *видеть, куда дело идёт.*

В этом же плане следует рассматривать и фразеологизм «*ein alter Hase*»-(*старый*) *опытный работник, мастер своего дела (букв, старый заяц)*. В немецком выражении подчёркивается опытность человека в профессиональном отношении, отличное знание своего дела.

Таким образом, в современном немецком языке фразеологизмы с компонентом **Hase** связываются не с понятием «трусливый», а подчёркивают опытность взрослого зайца в отличие от молодого. Понятие «трусишка» передаётся сочетанием «*Hans Hasenfuß*» (ср. русск. *заячья душа, труслив как заяц*). Опытному зайцу противопоставляется фразеологизм «*kein heuriger Hase mehr sein*»(*стать взрослым, самостоятельным человеком, букв, не быть больше зайцем нынешнего года*) [Мальцева, 2001:53-54].

По древним поверьям, заяц представлялся как образ чёрта. У многих народов его не разрешалось убивать или применять его мясо в пищу [Маковский, 1997:87]. Несмотря на это, полевой заяц и дикий кролик были излюбленными объектами охоты в Западной Европе. Непосредственное отношение к охоте на зайцев имеют такие выражения: «*die reine(reinste) Hasenjagd*» (*букв, настоящая охота на зайцев*) - *избиение младенцев; «das Hasenpanier ergreifen*»-*пускаться наутёк, давать стрелкача; «jemandem einen Hasen in die Küche jagen*» (*букв.принести с охоты на кухню зайца*) - *преподнести кому-либо жирный кусочек, сыерать на руку кому-либо* [Мальцева, 2001:54].

Лиса, согласно древним мифопоэтическим представлениям, считалась воплощением души умерших, и нередко сопровождала души умерших в загробный мир. Ср. в этой связи англ. *fox* «лиса», но англ. *spook*, нем. *Spuk* «дух, привидение». Кроме того, лиса часто выступала в роли оборотня и у многих народов считалась колдуньей, она обладала способностью исчезать и быть невидимой [Маковский, 1997:86-87].

Образ лисы в русском языке вызывает представление о хитром, лживом человеке, поэтому, характеризуя такого человека, говорят «старая лиса», «Лиса Патрикеевна». В немецком языке образ лисы ассоциируется не только с хитростью («*ein schlauer Fuchs*», «*die Füchse prellen*») и подхалимством («*den Fuchsschwarz streichen*» – *лебезить, подхалимничать, лизать пятки*), а также с предательством, напр.: «*dem Fuchs beichten*» – *выдать свою тайну врагу*. Как известно, лиса не только очень хитрый, но и очень острый хищник, она отлично умеет избегать опасности. Это пояснение делает более понятными фразеологизмы: «*der Fuchs muß zum Loch heraus*» (*буке, лису нужно выманить из норы*) – *это дело нужно выяснить*, «*da kommt der Fuchs zum Loch heraus*» (*буке, вот и лиса выходит из норы*) – *Вот в чём дело / Теперь всё ясно! Настоящая причина становится понятной!*

Ничего общего с хитрым человеком не имеет фразеологизм «*ein alter Fuchs*» (*буке, старая лиса*). Это опытный человек, знающий все тонкости и приёмы своей профессии: старый, опытный работник [Мальцева, 2001:55-56].

Медведь считался прародителем человеческого рода, ср. соотношение значений «медведь-человек»: англ. *bear* «медведь», но алб. *biçë* «человек»; др.-ирл. *math* «медведь», но и.е.**mand-* → **man* – «человек». По свидетельству Олафа Магнуса, готы и саксы выводили своё происхождение от медведя. Распространены мифы о вскармливании Зевса и Александра, сына Приама, медведицами, об излечении больной сестры медвежьим молоком в русских и латышских сказках.

Медвежьи маски и костюмы соотносятся с обширным кругом ритуалов, связанных с сельским хозяйством. Так, в Аттике жрицы Артемиды надевали в ритуальном танце медвежьи шкуры. Святилища Артемиды часто находились вблизи источников и болот, символизируя плодородие. Широко известны обрядовые ряжения и действия с медвежьей шкурой в русской и западноевропейской традициях. Артемиде приносили в жертву медведя, а при её храме находился прирученный медведь. Спутница Артемиды Каллисто была обращена Артемидой в медведицу, после чего Зевс перенёс её на небо в виде созвездия.

Особенно живучим оказалось представление о медведе как духе растительности. В Саксонии существовало поверье, согласно которому хлебная макушка рождает сына-медведя, который сидит в последнем снопе. В Нижней Австрии хлебного «медведя» несли домой по окончании жатвы. По всей Германии ещё в начале XIX века были распространены представления о Ржаном Медведе, Овсяном Медведе, Соломенном Медведе и др. Обряды, связанные с представлением о медведе как хлебном духе, отчётливо проявляются в описании римского карнавала, когда по городу водили медведя и по завершении праздника его убивали. В Люнеберге на рождество пекли хлеба в виде медведя, которые дарили с пожеланием успеха в новом году. Ср. в связи с этим: англ. *beag* «медведь», но др.-англ. *baeg* «просо», лат. *farina* «мука», англ. *bread* «хлеб»; латыш, *lac is* «медведь», но русск. *злак*, хет. *halkis* «хлеб на корню»; ср. также и.е.**dhaunos* «зверь», но литов. *duona* «хлеб» [Маковский, 1996:214-215].

Bär в немецком языке совпадает с «медведем» в русском языке в переносном значении по неуклюжести, неловкости, по силе, напр.: «*ein angeleckter Bär*» – *грубый, неотёсан-*

ный человек, «*pluttr wie ein Bär*»-(он) настоящий медведь, неуклюж как медведь, но в русском слове нет обязательных ассоциаций с особым здоровьем: «*gesund wie ein Bär*» – здоров как бык, с сильным голодом: «*hungrig wie ein Bär*» – голодный как волк. Но говорится: «*einen bärtschen Durst haben*» – испытывать сильную жажду, «*jemandem einen Bären-dienst erweisen*» – оказать кому-либо медвежью услугу, «*auf der Bärenhaut liegen*» – бездельничать, бить баклуши.

Отрицательную коннотацию фразеологизмы с компонентом Bär приобретают также в следующих выражениях: «*einen Bären anbinden*»-наделать долгов, надуть кого-либо; «*jemandem einen Bären aufbinden*»-обманывать, надувать кого-либо, заставить кого-либо поверить рассказам; «*einen Bären loslassen*» – поступать, вести себя необдуманно, наделать долгов, надуть кого-либо.

В сказках медведя называют *Meister Petz*. *Petz* – более древняя форма *Betz*, уменьшительно-ласкательная форма мужского имени *Bernhard* [Мальцева, 2001:56-57].

Слон в Индии ассоциируется с грациозностью и величием, у нас же и на Западе, сравнивая человека со слоном, подразумевают неуклюжего, опрокидывающего всё вокруг себя человека. Отсюда и происхождение фразеологизма «*sich benehmen wie ein Elefant im Porzellanladen*»(вести себя как слон в посудной лавке).

Для слаян **сова** издревле была мерилем степени опьянения. До сих пор говорят «*кляюёт носом*», т.е. дремлет, как сова при дневном свете [Мокиенко, 1975:86]. У немцев сова – всеобщее посмешище, напр.: «*die Eule unter Krähen*», «*jemanden zur Eule machen*» – высмеивать кого-либо. Сова символизирует бесполезную, невыгодную деятельность, напр.: «*da hat eine Eule gesessen*» – дело сорвалось, «*Eulen nach Athen tragen*»-везти что-либо туда, где его имеется в избытке (букв. везти сов в Афины). Пьяница в Германии сравнивается с обезьяной, ср.: «*einen Affen (sitzen) haben*» - бить пьяным и «*sich einen Affen kaufen*» – (под) выпить, хлебнуть лишнего, напиться, что объясняется схожестью поведения человека в состоянии опьянения с поведением и ужимками обезьяны. Не имеет эквивалента в русском языке выражение «*einen Affen an jemandem gefressen haben*» - быть без ума от кого-либо, влюбиться без памяти в кого-либо.

Способность **кукушки** предсказывать людям судьбу легла в основу фразеологизма «*der hört den Kuckuck nicht mehr rufen*» (букв. он больше никогда не услышит крик кукушки), который означает «он до весны не протянет». Привычка подкладывать яйца в чужие гнёзда отражена во ФЕ «*jemandem ein Kuckucksei ins Nest legen*» (преподнести неприятный сюрприз кому-либо, ср. подложить свинью). Кукушка присутствует во многих отрицательных выражениях, напр.: «*jemanden zum Kuckuck jagen*» – послать ко всем чертям кого-либо, «*zum Kuckuck gehen*» – убираться к чёрту, «*des Kuckucks sein*» – спятить, рехнуться.

Интерес также представляют фразеологизмы с компонентами **Tier** (животное), **Fisch** (рыба), **Vogel** (птица), которые являются общеизвестными названиями. Например, о влиятельном человеке, занимающем высокий пост, шуточно говорят: «*ein großes Tier*» (важная птица, большая шишка); о человеке, не снимающем при встрече головного убора, – «*Vögel unter dem Hut haben*» (букв. иметь птиц под шляпой); о человеке с заскоком говорят: «*einen Vogel haben*» или «*den Vogel kriegen*»(рехнуться, спятить), ср. также: «*Spatzen im Kopf haben*» – быть с придурью (букв. иметь воробья в голове). Имеют эквиваленты в русском языке лексемы: «*stumm wie ein Fisch*» - нем как рыба, «*sich fühlen wie ein Fisch im Wasser*» - чувствовать себя как рыба в воде, но немцы также говорят: «*im trüben fischen*»(букв. ловить рыбу в мутной воде) - о том, кто выносит пользу из отрицатель-

ного стечения обстоятельств.

Домашние животные играют огромную роль в жизни каждого народа. Они покорно и преданно служат человеку тысячелетиями, живут и трудятся бок о бок с нами, поэтому мы лучше знаем их существенные достоинства и недостатки.

Корова в древности считалась священным животным и олицетворением божества [Маковский, 1996:295]. Однако и кормилица народа не избежала насмешливых выражений, напр.: «*eine bunte Kuh*» -разряженная, расфуфыренная (буке, пёстрая корова). И только одно выражение как будто отдаёт дань кормилице – «*eine milchende(melkende) Kuh*» – дойная корова, но и оно, кроме значения «источник материальных благ», имеет ещё добавочное – «которым пользуются беззастенчиво, в личных интересах». Согласно мифопоэтическим представлениям, **бык** символизировал смерть и преисподнюю, хотя смерть считалась неотделимой от жизни. Цветом смерти и преисподней у многих народов считался красный цвет (у некоторых – белый).

В этой связи весьма показательно название быка-хранителя в хеттском: *alas*, ср. русск. *алый* и хет. *alis* «белый» < и.е. *(H)e1; *(H)a/-, прусск. *gallan* «смерть», англ. *hell* «ад», и.е.– *kel – «огонь, гореть» (> «красный как огонь»); ср. также англ. диал. *stirk* «бык, бычок», но ирл. *dearg* «красный», кельт. *trigo «гармония, порядок» (как жизнь так и смерть считалась выражением вселенской гармонии). Типологически ср. англ. *ox*, нем. *Ochs* «бык», но хет. *ug* «смерть»; русск. *вол* [Маковский, 1996:111-113]. В русском языке фразеологизм «*это идёт (ему) как короле седло*» эквивалентен немецкому «*daß paßt wie dem Ochsen ein Sattel*» (буке, идёт как волу седло), а «*wie der Ochs am Berge stehen*» (буке. стоим как вол перед горой) синонимичен русскому «*установился как баран на новые ворота*», символизируя глупость. Интересно в немецком языке лексема, прославляющая умного человека, «*dem kalbt der Ochse*» (буке, у него и бык телится).

Собака является наиболее древним животным индогерманцев, одомашненных человеком (ср. ср.-в.-нем., др.-в.-нем. *hunt*, гот. *hunds*, англ. *hound*, швед. *hund*). Останки собаки были найдены уже в мезолитских пещерах. Вероятно, собака использовалась человеком в различных хозяйственных и ритуальных целях: как сторож дома, стада, помощник на охоте. С этим же связано ритуальное назначение собаки как жертвенного животного.

Рассмотрим некоторые слова со значением «собака» в индоевропейских языках.

1. Др.-англ. *bisse* «самка собаки, сука» (в совр. англ. *bitch*) соотносится с тох. *A pakware* «плохой, скверный», лит. *peccatum* «грех», и.е. *bhok – «гореть, жечь», лит. *piktas* «плохой, злой, греховный».

2. Нем. *Rache* (*Brache*) «охотничья собака» соотносится с др.-инд. *rohi* «дерево», русск. *ракута* (дерево какместилище душ умерших, поскольку собака – символ смерти). Она в концепции Гамкрелидзе-Иванова относится к нижнему миру), поэтому М.М. Маковский считает возможным соотнести др.-инд. *naraka* «ад» (< и.е. *nau «смерть» + др.-русс. *рака* «гробница, рай» – место пребывания душ праведников).

3. Нем. слово *Rüde* «охотничья собака» соотносится с русск. диал. *луд* (моральный ущерб), русск. диал. «болезнь», ирл. *ruadh*.

4. Англ. *dog* «собака» исследователи соотносят с арм. *dzoh* «ад», и.е. *dhok «гореть, жечь», др.-сев. *doedja* «умереть».

5. Нем. *Hund* «собака» соотносится, согласно исследованиям М.М. Маковского, с др.-англ. *codu* «болезнь», и.е. «гореть» (лат. *cinis* «зола» < *kel «гореть»).

6. Русск. *сука* «самка собаки» соотносится с осет. *sugyn* «гореть, жечь». Согласно исследованиям Б.А. Успенского, русская матерная ругань восходит к лаю псов, т.е. материци-

на представляет собой перевод песьего лая на человеческий язык.

В Центральной Азии и Персии телами умерших кормили собак, этот обычай привел к селийскому и мусульманскому представлению как о нечистом, подлом, жадном животном, которое часто использовали как сторожа [Тресиддер, 1999: 344].

Интересно отметить, что статус собаки у разных народов далеко не одинаков. Изучение в историческом плане отношения к собаке в человеческом обществе позволяет пролить свет на целый ряд этнографических проблем и может стать стимулом для дальнейших исследований, в частности, в такой бурно развивающейся области, как этнолингвистика.

Уважительное, порой и сакрализованное отношение к собаке было характерно для многих древних культур и традиций.

В ряде стран бытовали и поддерживались религией требования относиться к собаке, особенно собаке-пастуху, как к человеку, наиболее почитаемому в данном обществе.

Положительную коннотацию имеет собака в устойчивых словосочетаниях «собачья верность», «собачья преданность». Однако выражений с такой положительной оценкой очень мало. Гораздо более частотны фразеологизмы с зоонимом «собака» в его отрицательной коннотации, ср. русск. «собачья жизнь [смерть]», «как собак нерезаных», «собаке (псу) под хвост (выбросить)», «гонять собак (о бездельниках)», «собака на сене». В приведенных фразеологизмах собака сохраняет свой библейский образ гонимого и обижаемого существа.

Более века ученые пытаются разгадать тайну устойчивого выражения «собаку съел», употребляемого в современном литературном языке в значении «приобрел большой опыт, знания в чем-то». Одна из первых версий принадлежит М.И. Михельсону, который еще в конце XIX века пытался создать свой справочник русской фразеологии. Автор приводит сведения о том, что некоторые народы Азии, Африки и Америки употребляют в пищу собачье мясо... У римлян оно служило лакомым блюдом, жареный щенок считался блюдом богов.

Поскольку многие легенды, записанные древними греками и римлянами, стали впоследствии достоянием широких народных масс, возможно, выражение «собаку съел», действительно, имеет значение «приобрел опыт».

Отрицательная коннотация зоонима «собака» подтверждается следующими сведениями: присутствие пса в церкви считалось «осквернением» святого места. Духовным лицам запрещалось держать собаку, а русские крестьяне даже не пускают собаку в избу, держат ее вне дома [Успенский, 1996:121].

Во многих культурах собака является одновременно символом презрения и преданности, что закреплено в современной идиоматике. Эта противоречивость отражена в происхождении слова «циник» от греческого «κυων» (собака), оскорбительного выражения в отношении последователей философа Диогена, иллюстрирующего их агрессивную грубость.

Как низкое и гонимое существо предстает собака в составе многих фразеологизмов, ср. русск. «собачья жизнь», «сукин сын»; нем. Hundleben, Hundessohn, Hundelohn, hundgemein (подлый как собака), hundekalt (собачий холод), Hundsfott (подлец, негодяй – сегодня это устаревшее слово), "auf den Hund kommen» (жить совсем плохо).

Общеиндоевропейская основа глагольной основы **su* (р. др.-в.-нем., др.-англ. *su*, нем. *Sau*), предстающей в трансформации оппозиции «свое – не свое». Основа **su* обозначает деторождение и плодовитость, которое привело к индоевропейскому названию свиньи –

*su-s, слав. *svinьja. Отсюда производные от основы *-n: ст.-слав. *svinu* 'свиной', гот. *swein*, др.-в.-нем., др.-англ. *swin* (нем. *Schwein*, англ. *swine*) ст.-слав. *cvinija* (свинья).

Свиньи были одомашнены человеком в глубокой древности, на территории Передней Азии, включая Грецию. Домашняя свинья широко использовалась в хозяйстве для получения мяса и сала. В Германии разведение свиней было наиболее дешевым видом животноводства вплоть до XVIII века. Исследователи объясняют это широким распространением кабанов (*Wildschweine*), ставших родоначальником коренных пород европейских свиней. Существенная роль свиньи в домашнем хозяйстве крестьян Германии получила свое отражение в обычаях страны и в языке. В немецкой культурной традиции свинья является символом богатства и благополучия. Неудивительно, что новогодние поздравления в Германии часто сопровождаются изображением поросенка. Этим же, на наш взгляд, объясняется форма денежной копилки в виде поросенка *Sparschwein* [Мальцева, 2001: 57].

Позитивное отношение к свиньям в большинстве мифов противопоставлено их отрицательной символике в мировых религиозных традициях. Так, например, о способности свиньи превратить высокое в низкое, достойное в презренное, человеческое в животное повествует история Церцеи, которая превратила спутников Одиссея в свиней, что вызывает дополнительные ассоциации с животной похотливостью. Такое отношение к свинье в значительной мере обусловлено отношением к ним в других культурах. Известно, что в Западном искусстве свинья символизирует ненасытность, похоть и лень. К свинье как символу лени мы еще вернемся при анализе пословиц с компонентами-зоонимами.

Нечистоплотность и прожорливость свиньи зафиксирована в немецких пословицах, известных со времен средневековья. Так, выражение «*Schwein haben*» (разг. *кому-либо везет*) восходит к временам рыцарских турниров, когда самому худшему стрелку в качестве утешительного приза давали свинью.

О чем-то непонятном немцы говорят: *das frißt kein Schwein, das kann kein Schwein verstehen*. В разговорной речи употребляется выражение «*sein Schwein schlachten*» (в значении «пустить в ход свои сбережения»).

Как видно из вышеприведенных примеров, образное мышление разных народов имеет различную основу, ср. русские фразеологизмы с компонентом «свинья»: 'разбираться как свинья в апельсинах', 'подкладывать свинью кому-либо', 'метать бисер перед свиньями', которые имеют отрицательные коннотации и вызывают негативные представления.

Всё вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Фразеология «отображает по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и культурный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями [Телия, 1996: 302]. С этих позиций ФЕ любого народа являются яркой иллюстрацией национальной языковой ментальности.

2. Фразеология каждого народа отличается семантическим и структурным своеобразием, в ней проявляются специфические для данного народа оценки окружающего мира [Чепкова, 1990: 56].

3. Проведённый анализ символики животных позволяет заключить, что образное мышление разных народов характеризуется национальным своеобразием, которое получило свое яркое отражение во фразеологической системе исследуемых языков.

4. Частотность употребления зоонимов в качестве компонентов ФЕ обусловлена внутриязыковыми факторами.

5. Различное видение мира обусловлено различиями в процессе познавательной деятельности человека. Один и тот же зооним может иметь и положительную, и отрицатель-

ную символику во фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жельвик В.И. Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // Советская этнография, 1984, № 3. – С. 135-143.
2. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.
3. Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов // Вопросы языкознания, 1997, № 1. – С. 73-95.
4. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. – М., 1991.
5. Поченцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания, 1990, № 6. С. 110-122.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. – М., 1996.
7. Чепкова Т.П. Фразеологизмы, восходящие к образам животного мира // Русский язык в школе, 1990, № 6. – С. 56-59.
8. Stemkopf J. Tierbezeichnungen in phraseologischen Einheiten // Muttersprache, 103. – 1993. – S. 324-331.

СЛОВАРИ НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фагио-Пресс, 1999.
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
3. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache: Лингвострановедческий словарь – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Изд-во Русские словари»; ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2001.
4. Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л.Э. Бинович. Отв. ред. Н.С. Чемоданов. – М.: Гос. изд. ин. и национ. словарей, 1956.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
6. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. © Каримова Р.Х., 2005

Кузнецова И.В.
Екатеринбург

СЕМАНТИКА ДЕМОНОЛОГЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Демонологическая лексика представляет собой особую группу номинаций и является базовой для традиционной культуры. Но в отличие от других семантических общностей, где за номинацией стоит реальный предмет, демонология – это своего рода «виртуальная реальность», когда название существует, а реального объекта нет, поэтому анализировать данную семантическую группу можно только апеллируя к языковому сознанию.

Исследуемая нами проблема предполагает комплексное описание языкового материала с использованием как собственно лингвистических принципов и методов, так и аппарата смежных с лингвистикой направлений. Именно комплексный подход позволяет эксплицитно представить психологическую реальность семантики демонологем в языковом сознании.

В лингвистике существуют разные модели описания языковых фактов. Системно-

функциональная модель предполагает выделение в структуре значения языковой единицы семантических компонентов и определение их статуса; определение иерархии сем, нейтральных и стилистически маркированных, а также определение типов системных отношений единиц лексико-семантического уровня (Ю.Д. Апресян, Л.М. Васильев, К.И. Демидова, Э.В. Кузнецова, Л.А. Новиков, И.А. Стернин, Д.Н. Шмелев и др.)

Ономасиологическая модель предполагает описание группы имен через принципы, способы и средства номинации и отнесение их к определенному ономасиологическому классу (Н.Д. Голев, Т.А. Гридина, М.Э. Рут, И.С. Торопцев и др.).

Когнитивная модель предполагает выявление способов представления концепта в языковых знаках и определение механизмов и стратегий этого представления (А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, Д.О. Добровольский, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина и др.)

Психолингвистическая модель предполагает построение ассоциативных полей и выявление в них ядра и периферии, т.е. актуальных и неактуальных ассоциаций, связанных с понятием, лежащим в основе данного ассоциативного поля (И.Н. Горелов, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев, В.Ф. Петренко, К.Ф. Седов, Р.М. Фрумкина и др.).

Этнолингвистическая модель предполагает использование этнографических, фольклорных, диалектологических, культурологических и собственно лингвистических данных для создания определенной модели интерпретации, которая ориентирована на отражение национально-культурных стереотипов сознания, связанных с восприятием (и шире функционированием) единиц отдельных фрагментов лингвокультурного пространства (Березович Е.Л., Вендина Т.И., Иванов В.В., Толстой Н.И., Толстая С.М., Топоров В.Н. и др.).

Реальное представление семантики демонологемы складывается из определения и интерпретации мотивировочного признака (используется ономасиологический подход), из выявления стереотипов восприятия нечистой силы через широкий культурный контекст функционирования демонологем, в том числе через идиоматику (этнолингвистический подход), а также из показаний языкового сознания носителей языка, выявляющихся через психолингвистические эксперименты (психолингвистический подход).

Изучение народной демонологии в **ономасиологическом аспекте** позволяет выявить актуальные для носителя языка признаки вымышленных (мифических) существ, отраженные в их названиях. Под принципами номинации, вслед за Т.А. Гридиной, мы понимаем своеобразные ономасиологические модели, в которых обобщаются наиболее характерные аспекты и признаки называемых предметов, причем они могут быть как реально присущими данному предмету, так и приписываемыми ему, т.е. мотивировочные признаки обусловлены ситуацией, состоянием субъекта, его ассоциациями, уровнем его языковой компетенции [Гридина, 1982]. Все принципы номинации можно разделить на «*отобъектные*» и «*отсубъектные*» (термины М.Э.Рут). К отобъектным относятся названия, которые отражают объективные признаки предмета, отсубъектные названия связаны в большей степени с субъективными факторами номинации, «предполагающими отражение в имени личных черт и пристрастий субъекта» [Рут, 1992: 21].

В качестве примеров отобъектных принципов номинации можно привести:

1. Номинация по внешнему виду:

Невидимка – мифический персонаж, которого не видно.

2. Номинация по времени появления нечистой силы перед человеком:

Святочицы – духи, появляющиеся на святках.

Полуночник – мифический персонаж, появляющийся в полночь.

3. Номинация по звуку, издаваемому нечистой силой:

Гаркун – мифический персонаж, который гаркает, кричит.

4. Номинация по способу передвижения в пространстве:

Летун – мифический змей, который летает.

5. Номинация по месту обитания нечистой силы:

а) обитание в пределах жилья человека, двора:

Домовой – дух, обитающий в доме; *Банник* – дух, обитающий в бане;

б) обитание в воде, болоте:

Моховик – злой дух, живущий в моховых болотах; *Болотник* – злой дух, живущий в болоте;

в) обитание в лесу, поле, горах:

Леший, *лешак*, *лесовой*, *лесной*, *лесунька* – дух, обитающий в лесу; *Полевой* – дух, обитающий в поле;

6. Номинация по действиям, совершаемым нечистой силой:

Блазнила – дух, который соблазняет или который блазнит (= кажется, привидится кому-либо)

Хитник – мифический персонаж, который похищает небесный свет и дожди.

К отсубъектным принципам номинации относятся:

1. Номинация на основе проекции родственных связей человека на способ существования нечистой силы.

Тетка, *кумаха* – лихорадка.

Хозяин, *хозяинушко*, *дедушка* – домовой.

В последнем случае домовому приписываются свойства человека: хозяин владений, дома, глава семьи. Поскольку в старину домового очень сильно почитали, то приложимый к нему статус главы семьи в данном случае закономерен и оправдан. Называние демонологических персонажей «человеческими» именами рассматривалось как своеобразная форма «задабривания» нечистого духа. Это одна из моделей эвфемизации, свойственная в целом для названия сакральных объектов.

2. Номинация на основе метафорического употребления слов, закрепленных в системе русского языка.

Нечистый, *нечистая сила* – дьявол, сатана, злой дух.

Метафорический перенос в данном случае основан на противопоставлении образа темного, злого, нечистого и светлого, доброго, чистого. Здесь чистое, светлое является носителем божественного, святого, и по контрасту образ дьявольского, сатанинского.

В народных названиях нечистой силы **иногда сложно провести границу между отсубъектными и отсубъектными** принципами номинации, т.к. субъективный фактор может включать не только эмоционально-оценочные, но и рациональные (в том числе рационально-оценочные) мотивы. Например, название *домового* – «дедушка». С одной стороны, данная номинация основана на проецировании родственных отношений людей на способ существования нечистой силы, но, с другой стороны, в этом наименовании обнаруживается и рациональный мотив: домовой в народном сознании, прежде всего, представлен как старик, поэтому здесь актуализируется возрастная характеристика, а также подчеркивается его определенный статус: дедушка в семье обычно занимает особое место, т.к. считается хранителем мудрости, жизненного опыта.

Этнолингвистическая модель. В сознании людей нечистая сила предстает в различных ипостасях: антропоморфные, зооморфные, фитоморфные существа, атмосферные явления, отсутствие облика и др. При этом для каждой ипостаси характерны специ-

фичные свойства. Например, на персонажей, представленных антропоморфно, проецируются типы отношений, занятия и привычки, характерные для людей, свойства их характера. Однако нередко один и тот же персонаж может быть представлен в разных обликах: например, *Леший*. 1. Антропоморфное существо: «седой старик в звериной шкуре и с большой клюкой в руке» [Шуклин, 1995: 200]. 2. Зооморфное существо: «Леший может предстать оленем или ягненком». 3. Атмосферное явление: «Также Леший может уподобиться вихрю на дороге» [Шуклин, 1995: 200]. 4. Фантастический, контаминированный облик: «Верхняя половина тела человека, на голове козы уши, рога и борода. Ниже пояса – козлиное туловище» [Русский демонологический словарь, 1995: 297].

Причины столь разного «оформления» одного и того же мифологического персонажа в сознании носителей языка кроются в характере пралогического мышления, которое нашло отражение в разных формах языческих (мифологических) представлений о сверхъестественных силах (тотемистических, анималистических и т.д.).

Этнолингвистическая модель, разработанная Виноградовой Л.Н., Толстой С.М., является наиболее полной и продуктивной для описания персонажей демонологии, т.к., во-первых, данная модель ориентирована на интерпретацию самой техники номинации, имеющейся в языковой системе; во-вторых, структура этой модели предполагает «включение» демонологического персонажа в широкий культурный контекст и учитывает также значимые для языкового сознания социума внешнелингвистические параметры. В частности, в значительной степени в этой модели представлены:

1. Фольклорные материалы, отражающие стереотипы народного сознания (*характерные мотивы*: свадьба мифологического персонажа, смерть мифологического персонажа, драки, шабаши, похищение светил, стихий; *фольклорные жанры*: поверья, былички, заговоры, сказки, песни, запреты, проклятия, клятвы, легенды, предания, формулы запугивания, обмана детей).

2. Элементы описания этнографических реалий (*локусы*: место постоянного пребывания (жилое, нежилое, мифическое пространство), место временного пребывания на земле, место появления, путь проникновения, место исчезновения, место контактов с человеком; *обряды и ритуалы*: вызывание, приношения, посвящения, способы распознавания, обереги, способы нейтрализации, запретные действия и их мотивировки; *генезис*: демонологизация покойников, демонологизация живых людей, животных, превращение (сознательное, в результате колдовства), возвращение, самопроизвольное появление, контакты с нечистой силой (в результате сожительства, рождение от мифологического персонажа); *образ жизни* (склонность к метаморфозам, характерные занятия, привычки, функции: вредить, помогать, наказывать).

Из приведенных характеристик наиболее актуальными для современного носителя языка мы считаем следующие: локусы, функции и предикаты, род занятий мифологического персонажа. Такой вывод объясняется тем, что именно эти признаки:

- находят отражение в различных фольклорных текстах,
- чаще всего получают лексикографическую фиксацию в словарях,
- лежат в основе словообразовательного варьирования (*леший, лешак, лесовик, лесной*),
- редко встречаются полисеманты с варьированием данных признаков (*кикимора - домашний дух, подобный домовому, и болотный дух, подобный водяному*).

Следовательно, можно предположить, что именно отмеченные признаки окажутся

ядерными в ассоциативном поле демонологемы.

Чтобы проверить это предположение, мы провели направленный ассоциативный эксперимент, который дал возможность определить, какие компоненты названий нечистой силы являются актуальными для носителей языка, а какие – неактуальными, а также – основные направления ассоциирования слов-стимулов с прозрачной и затемненной внутренней формой.

Испытуемых (школьников 10 классов) просили дать ассоциации, связанные с определенными характеристиками персонажей: возраст, рост, красота/безобразие, волосистой покров, одежда, место обитания, род занятий, мотивация имени.

Проанализировав полученные в ходе эксперимента ассоциации носителей языка, мы сделали следующие выводы.

Для информантов актуальными являются не все признаки нечистой силы: наибольшее затруднение вызвало описание одежды персонажа, по данному признаку мы наблюдали обширную зону периферии. На наш взгляд, более актуальными для носителей языка являются характеристики места обитания и рода занятий (особенности производимых действий) демонологического персонажа.

В качестве стимулов в эксперименте были использованы как известные названия нечистой силы (например, барабашка, кикимора), так и неизвестные, с затемненной внутренней формой (например, голк, лобаста, вещщица). Мы выявили ряд особенностей в ассоциациях, полученных на неизвестные наименования: практически все эти персонажи наделены только вредоносным действием, но поскольку информанты затруднялись конкретизировать функцию персонажа, то в качестве стереотипной и универсальной выделялась функция – пугать людей. Аналогичное явление мы наблюдали при анализе ассоциаций на стимул «место обитания». В данном случае универсальным является пространство леса. Таким образом, можно сказать, что в сознании носителей языка актуализируется вредоносное действие нечистой силы; а основным местом обитания нежити является лес – такое представление может быть сформировано на базе фольклорных произведений (сказки, былички), в которых нечистая сила обнаруживает свое пребывание именно в пространстве леса.

В ходе эксперимента мы увидели, что направления ассоциирования зависят от внутренней формы демонологемы-стимула. На слова с прозрачной внутренней формой (например, умран, жировик) школьники давали реакции, опираясь, прежде всего, на мотивировочный признак наименования: *умран* – ядерная характеристика – мертвый. На слова с затемненной внутренней формой (например, лобаста, голк, обмёнок) информанты давали реакции, опираясь на звуковую оболочку и структуру демонологемы: Например, мифический персонаж *голк* получил следующие мотивации имени:

1. так как голый (2) – в данном случае носители языка опираются на общий звукокомплекс ГОЛ в словах «голк» и «голый»
2. издаёт гул, галдит – данные реакции получены на основе созвучия слов «гул» – «голк»
3. «похож на волка» – эта реакция также основывается на рифмованном созвучии слов «голк»-«волк»
4. кричит: «гол-гол»: данную реакцию можно рассмотреть как случай языковой игры, когда носителями языка из лексем «ГОЛК» вычленяется звукокомплекс «ГОЛ», который, в свою очередь, вызывает ассоциацию с футбольной кричалкой

Кроме этого, можно отметить, что, когда речь идёт о популярном, известном персона-

же (например, барабашка, кикимора), информанты опираются не на внутреннюю форму демонологемы, а на свои знания, представления о нем, полученные из произведений фольклора, мультфильмов и др. Например, *лизун* (данная демонологема в произведениях фольклорных жанров является одним из названий домашнего) отождествляется только с привидением – героем мультфильма «Охотники за привидениями».

Одним из характерных направлений ассоциирования, связанного с осмыслением мотива номинации, является ориентация испытуемых на прямые номинации, оказывающиеся более распространенными, чем образные. Это может объясняться, в частности, тем, что таинственное, неизвестное, воображаемое требует «обывления» в виде конкретного представления, привязки к какому-либо признаку, имеющему в языке определенное наименование (например, связанное с указанием на проявления действий нечистой силы), образная же номинация требует установления ассоциативных аналогий, что в применении к «нечисти» (виртуальной реальности) сделать труднее, чем дать какую-то отдельную характеристику.

В целом, анализируя направления ассоциирования, можно говорить о проекции на обозначения нечистой силы объективных (значимых и понятных для носителей языка) антропоморфных, зооморфных, локативных, акциональных характеристик, связанных с моделированием фрагментов данного (воображаемого) мира.

Таким образом, каждый из перечисленных подходов порождает свою модель описания демонологической лексики. Но каждая из этих моделей рассматривает демонологемы лишь в одном аспекте и, следовательно, не дает комплексной характеристики. Поэтому считаем необходимым создание такой модели интерпретации, которая в полной мере отразила бы национально-культурные стереотипы сознания носителей языка, связанные с восприятием единиц отдельных фрагментов лингвокультурного пространства. Данная модель должна учитывать комплекс факторов: собственно лингвистических, психолингвистических, когнитивных, культурологических, этнографических и пр. Предварительно такая модель может быть представлена следующим образом:

1. Лингвистические факторы:

- а) лексическое значение;
- б) мотивировочный признак;
- в) принцип номинации;
- г) способ номинации;
- д) средство номинации;
- е) характеристика лексической сочетаемости;

ж) устойчивые выражения, включающие данное название и устойчивые ритуальные формулы взаимодействия с персонажем.

2. Психолингвистические факторы:

- а) типовые ассоциации (ядро ассоциативного поля);
- б) индивидуальные ассоциации (периферия ассоциативного поля);
- в) мотивационные контексты-толкования;
- г) стереотипизированная оценка персонажа.

3. Когнитивные факторы:

- а) типы когнитивных, сопряженных с данными персонажами;
- б) типы дискурсов, в которых данные персонажи функционируют.

4. Культурологические факторы:

- а) фрагмент традиционной культуры, с которым связано существование персонажа;

б) обряд, ритуал с которым связана сама возможность существования данного персонажа и его функции;

5. Этнографические факторы:

а) описание места обитания;

б) описание одежды, обуви, головного убора;

в) предметные атрибуты, связанные с данным персонажем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т.А. О моделировании ономастической лексики // Слово в системных отношениях. – Свердловск, 1982.

2. Русский демонологический словарь /Под редакцией Новичковой Т.А.- СПб., 1995.

3. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург, 1992.

4. Шуклин В.В. Русский мифологический словарь. – Екатеринбург, 1995.

© Кузнецова И.В., 2005

Кушнерук С.Л.
Челябинск

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК СИМВОЛЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМНЫХ ДИСКУРСАХ РОССИИ И США

В рамках ключевой в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы активно развивается *лингвокультурология*, предпосылки которой были заложены в трудах В. Гумбольдта, А.А. Потебни, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа и др. К научной дисциплине, теоретико-методологическая база которой находится на стадии становления, обращаются ведущие российские лингвисты [Н.Д. Арутюнова, 1999, В.С. Воркачёв, 2001, В.В. Воробьёв, 1997, Д.Б. Гудков, 2003, В.И. Карасик, 2004, В.В. Красных, 2002, Е.Н. Лучинина, 2004, В.А. Маслова, 2001, Г.Г. Слышкин, 2000, Ю.С. Степанов, 2001, В.Н. Телия, 1996, Е.И. Шейгал, 2002]. Придерживаясь разных точек зрения относительно статуса лингвокультурологии, её предмета и методов, учёные сходятся в одном – лингвокультурологическая проблематика предполагает «изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру» [Маслова, 2001: 30]. К единицам лингвокультурологии относят *прецедентные феномены* (ПФ), реализация которых «влечёт за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ними стоит» [Прохоров, 2004: 153]. Предметом исследования в настоящей работе является специфика актуализации прецедентных имён (ПИ), засвидетельствованных в российской и американской рекламе, и выступающих символами прецедентных феноменов. Вслед за В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, Д.В. Багаевой, *символом* ПФ считаем «определённым образом оформленное, вербально или невербально выраженное указание на прецедентный текст (ПТ) или прецедентную ситуацию (ПС)» [Красных, Гудков и др., 1997: 65].

Обращение к рекламе как основе для проведения исследования обусловлено тем, что рекламный дискурс, апеллирующий к ядерным элементам национально-культурного пространства, служит ярким показателем общей культуры общества [Е.В. Медведева, 2003, Ю.Б. Пикулева, 2003, Т.Е. Постнова, 2001, М.В. Терских, 2003]. Сопоставительное исследование позволит выявить универсальное и национально-специфическое в реализации прагматических установок, основанной на апелляции к культурнозначимым единицам.

Согласно определению Д.Б. Гудкова, прецедентным называется имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, имя-символ,

указывающее на некоторую эталонную совокупность определённых качеств [Гудков, 2003: 108]. Исходя из этого, логично распределить фактический материал по двум группам: 1) ПИ, связанные с широко известными текстами, как правило, прецедентными; 2) ПИ, связанные с широко известными ситуациями.

1. ПИ, связанные с широко известными текстами

Принимая во внимание многоаспектность феномена текста, мы придерживаемся его семиотического понимания как любой последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются смысл, связность и цельность [Зарецкая, 2002: 7; Валгина, 2003: 12]. Вслед за Ю.Н. Карауловым учитываем, что, кроме словесного искусства, тексты воплощаются в произведениях кинематографического искусства, живописи, скульптуры, архитектуры и пр. [Караулов, 1987: 216-217]. Релевантной оказывается мысль о том, что ПФ, восходящие к одной сфере-источнику, образуют *поле прецедентных феноменов* [Нахимова, 2005: 104], т.е. смысловое поле, с помощью которого «направляется восприятие текста, и создаются новые семантические отношения» [Сорокин, Михалева, 1989: 113].

Согласно В.В. Красных, ПИ, восходящие к ПТ, могут быть *терминологическими* или *полисемичными* [Красных, 2002]. С нашей точки зрения, такие обозначения нивелируют культурно-значимую составляющую прецедентных единиц. Во-первых, *терминологический* в большей мере соотносится со специальным разделом языка, изучающим слова и словосочетания, ограниченные сферами науки, техники, политики, дипломатии и пр. (ср. «терминологическое значение», «терминологическая лексика», «терминологический словарь»). Во-вторых, *полисемия* характеризуется наличием у слова связанных между собой значений, обычно возникающих в результате развития первоначального значения. Очевидно, что сфера бытования ПИ не ограничивается наукой и техникой, а понятие полисемии к *лингвокультурологическим единицам* неприменимо в его традиционном понимании. Исходя из этого, в настоящем исследовании предлагаются более универсальные обозначения: ПИ, за которыми стоят «цельные» (по Д.Б. Гудкову) представления - в которых одно качество преобладает над остальными, назовём *однополюсными*. Такие ПИ могут обозначать определённый признак - черту характера, внешности или род деятельности и т.п. Соответственно ПИ, за которыми стоят «диффузные» представления, обладающие большим набором качеств, включающим как характеристику, так и ситуацию – *многополюсными*.

1.1. Однополюсные ПИ

Как в российском, так и в американском рекламных дискурсах, *однополюсные* ПИ представлены малочисленной выборкой. У ПИ *Илья Ильич Обломов* в российской рекламе актуализируется один дифференциальный признак - *лень*. Особенностью апелляции к имени является стремление вытеснить отрицательные коннотации путём заполнения знака новым содержанием: в рекламе диванов, например, *лень* принимает форму *прекрасного ничегонеделания*: «Не так уж плох был Илья Ильич, всем видам развлечений предпочитал лежание на диване. Вы говорите: «обломовщина»? Мы возражаем: сибаритство. И если привычка к «дольчечиненте» стала вашей второй натурой, то прежде всего ознакомьтесь удобным диваном...» (NZ, 2003, декабрь).

К этой же группе можно отнести ПИ *Три толстяка*. В рекламных произведениях оно становится символом характеристики по внешности – *человек с большим избыточным весом*. Реклама медицинского центра: «Подумать только, не так давно я была, как Три Толстяка, вместе взятые. Плыла по улицам, колыхаясь и подрагивая, как холодец. Так

бы, наверное, и жила, если бы не попала в «Биоинтермед», благодаря которому изменилась буквально с головы до ног» (*МК Бульвар*, 2004, №30).

Один из немногочисленных примеров в американской рекламе - имя персонажа, созданного П. Треверс и популяризованного У. Диснеем – *Mary Poppins*. Основным дифференциальным признаком имени, который актуализируется в рекламе книжной новинки, является характеристика по роду занятия – няня, или женщина, присматривающая за маленькими детьми: “But they'll (the readers – С.К.) cheer when a millennial Mary Poppins rescues the son of a self-absorbed celebrity” (*People*, 12.01.2004). В русской лингвокультуре «эксплуатируется» тот же дифференциальный признак. В рекламе ресторана находим подтверждение: «Дети – не проблема! Всю ночь работает детская комната с очаровательной Мэри Поппинс!» (*Выбирай*, 2003, №24). Еще один пример – «Мэри Поппинс» (*NZ*, 2004, №23) - название агентства, предлагающего услуги няни, гувернантки, сиделки.

1.2. Многополюсные ПИ

В сопоставляемых рекламных дискурсах многополюсные ПИ количественно доминируют. ПИ *Ромео* и *Джульетта* могут символизировать влюблённых юношу и девушку. Например, в рекламе предметов контрацепции: «И новая Джульетта обязательно обратит внимание не только на затуманенный страстью горячий взгляд Ромео, но и на то, что эти самые Romantic Love сделаны из натурального гипоаллергенного латекса ...» (*Выбирай*, 2005, №8). Указанные ПИ могут также актуализировать ситуацию, описывающую достойную восхищения любовь. В этом же значении выступают ПИ *Тристан* и *Изольда* в рекламе спален: «Любовь сильна и прекрасна – как у Ромео и Джульетты, как у Тристана и Изольды. Мы всегда мечтаем о классике и стремимся к ней. Может быть, так ярко сегодня декор «Арте Повера» - сочетание вековой традиции с современной легкостью и лаконичностью...» (*Стиль*, 2001, №12).

ПИ *James Bond* в американской рекламе может выступать символом обобщённой характеристики человека – бесстрашный, привлекательный секретный агент. Реклама кинофильма: “The movie’s ostensible joke is that Cody possesses all of Bond’s talents except womanizing” (*Philadelphia Inquirer*, 14.03.2003). Те же признаки имени актуализируются и в российской рекламе, например, в анонсе очередной киноновинки телесериала «Слепой» представлен как «Джеймс Бонд по-русски» (*Комсомольская правда*, 15.10.2004). Анализ поддерживающего контекста ПИ *James Bond* формирует убеждение, что оно обладает ещё одним признаком, отсутствующим при восприятии имени российским адресатом – сдержанная учтивость (stiff suavity). Так, в рекламе часов находим подтверждение: “Bond. James Bond. This typically suave greeting by everybody’s favorite secret agent is arguably one of the most easily recognized lines in cinematographic history. OMEGA has built up a lasting relationship with secret agent 007 and is proud to celebrate Bond’s 40th anniversary with an exclusive special edition of his trusty companion – the Omega Seamaster” (*Time*, 22.07.2002). Другой пример – реклама фильма с участием П. Броснана: “And Brosnan - well, he brings to Max Burdett the same stiff suavity, or suave stiffness, that he applied to Bond. James Bond. And Crown. Thomas Crown, in the OK remake of The Thomas Crown Affair” (*Philadelphia Inquirer*, 12.11.2004). Данное ПИ может обобщённо характеризовать работу секретного агента, т.е. быть символом ситуации, связанной с планированием, выбором соответствующих технических средств достижения цели и пр. Например, в рекламе фильма: “It’s a spirited state-of-the-art riff on vintage James Bond movies and the superhero ethos of the 1950s and 60s. ...the effects are truly special - very cool” (*Orlando Sentinel*, 5.11.2004).

Многополюсные ПИ образуют поля. По частотности апелляции к известным текстам в

российской рекламе можно выделить два прецедентных поля - «12 стульев» и «Золотой телёнок». Первое образовано именами: *О. Бендер*, *Воробьянинов*, *Старгород*, второе - *О. Бендер*, *Паниковский*, *Балаганов*, *Козлевич*, *Корейко*, *Скумбриевич*. Прецедентные поля могут взаимодействовать между собой в рамках одного рекламного произведения для создания языковой игры, расшифровка которой доставляет удовольствие адресату, создаёт чувство успеха от разгадывания «прозрачных» незамысловатых ребусов. Реклама ресторана «*О'Бендер*»: «Кинокомпания «*Старгород*» представляет! От создателей русско-европейской и армянской кухонь, г-на *Корейко* и г-на *Скумбриевича*: уже сегодня вы с Божьей помощью попробуете шашлык из свиной корейки на косточке, сутжух, печёную картошку ануш-ара, хашламу из баранины, бастурму! Для вас живое пиво!!! Оно жило, живёт и будет жить! Отдыхать и обедать плохо не позволим!» (*Выбирай*, 2005, №8).

Подобные примеры встречаются и в американской рекламе. Прецедентное поле формируют имена героев романа Дж.Р.Р. Толкиена «*Властелин колец*» (“*The Lord of the Rings*”), получившего широкую известность благодаря экранизации фильма П. Джексона: *Hobbits, Bilbo, Gandalf, Saruman, Arwen, the Fellowship, Frodo*. Реклама ручек: “Capture the essence of the staves of *Gandalf* and *Saruman*. These inspired creations now wield the power of the pen. Measures 6 inches in length” (*Sky Mall*, 2005, *Early spring*). Ковёр, выполненный в виде карты пути героев: “From the Misty Mountains to Lothlorien, *Tolkien* fans can now trace the journey of *Bilbo*, *Frodo* and *the Fellowship* with this magnificent loom-woven tapestry map, inspired by the epic saga, *Lord of the Rings*. Wonderfully detailed and richly colored, hanging from a wooden rod. 53% acrylic/47% polyester with cotton/polyester backing” (*Sky Mall*, 2005, *Early spring*).

Итак, апелляция к ПИ, образующим поля, характерна для двух исследуемых дискурсов. Различия уловимы в степени проявленности признака. Активность обращения к ПИ, образующим поле, выше в российской рекламе. Это можно объяснить принципиальной разницей текстов – перформативных и креативных, разграничение которых, по В.И. Карасику, базируется на противопоставлении «речи для дела и речи для воплощения мысли и чувства». Первые служат для «информативной передачи, чтобы адресат что-либо принял к сведению либо выполнил», вторые – «для самовыражения, чтобы идея получила свою оформленность». Учитывая неразрывную связь двух типов текстов, учёный строит условную шкалу перформативности – креативности, «на одном полюсе которой располагаются рецепты, инструкции, приказы, а на другом – лирические стихотворения» [Карасик, 2004: 50-51]. При таком подходе российские рекламные тексты занимают на шкале промежуточное положение, стремясь к креативности, американские тяготеют к перформативности. Креативный смысл возникает как результат переосмысления прецедентного текста, актуализируемого совокупностью ПИ.

2. ПИ, связанные с широко известными ситуациями

ПИ может быть связано с ситуацией, широко известной всем представителям лингвокультурного сообщества и выступающей как прецедентная. В этом случае обращение к имени-символу связано либо с характеристикой личности, либо с указанием на определённую ситуацию. При отсутствии какой-либо одной прецедентной ситуации, связанной с ПИ, апелляция осуществляется к инварианту восприятия ПИ, обладающему некоторым минимальным набором дифференциальных признаков [Красных, Гудков и др., 1997: 67]. Рассмотрим оба варианта.

2.1. Апелляция к инварианту восприятия ПС

Наиболее частотным в российской рекламе является ПИ *Колумб*. Обращение к дан-

ному имени может быть связано с характеристикой некоторой личности – *первооткрыватель неизведанного*. В этом значении ПИ фигурирует в следующей рекламе отдыха: «Уже подсели на эту манию – страсть к освоению пространств? Фетхие – красивейший уголок с обилием островов и живописных бухточек – новое имя для русских турковедов, но вы можете быть одним из первых челябинских **Колумбоев**» (*Новый активист*, 2004, №5). Чаще всего ПИ Колумб указывает на *ситуацию открытия нового*. Реклама отдыха на Карибских островах: «Когда-то в веке XV песчаные пляжи Карибских островов испытали на себе тяжелую поступь испанских сапог. Первая туристическая группа под управлением **Христофора Колумба** провела в прямом смысле разведку боем. Вернувшись из круиза, пионеры туристического бума на Карибы сложили множество легенд о неземной красоте местных пейзажей и женщин-креолок...» (*Покупай лучшее*, 2003, №5).

ПИ *Christopher Columbus* обладает универсальной прецедентностью. В американской рекламе оно также может использоваться для характеристики человека. Туристическая поездка: “With our two small boats already scraping bottom 40 yards off the sharp, rocky shoreline, we – like **Christopher Columbus** and his landing crew – had to disembark and wade ashore to our first Bahamas islanding” (*Travel*, 15.08.2004). Инвариант восприятия ПС, стоящий за ПИ Columbus – *открывать новое, неизведанное*. Есть основания полагать, что ПИ **Ferdinand Magellan** указывает на ситуацию, в основе которой тот же инвариант. Реклама автомобиля Лексус SC 430: “It’s only a soft drive to shery, the second town, Sanlucar de Barrameda, a historic port from which both **Christopher Columbus** and **Ferdinand Magellan** set out on major voyages...” (*Newsweek*, 16.09-23.09.2002).

Важно отметить, что американская реклама носит более фактуальный характер по сравнению с российской, т.е. ориентирована на детализированное представление известных исторических событий в подкрепление основного тезиса. Так, апелляция к ПИ *the Wright brothers* в американской рекламе связана с описанием беспрецедентной для своего времени ситуации изобретения братьями летательного аппарата и его *успешной апробацией*. «Якорение» успеха на рекламируемую марку – основная цель рекламиста в следующем примере рекламы часов “Breitling”: “December 17th 1903, 10:35 hours. **The Wright brothers** accomplish the 1st flight of a heavier-than-air powered craft... A century later, aviation has experienced spectacular growth... Breitling has asserted itself as a recognized aviation supplier thanks to its ultra-reliable wrist instruments intended for the most demanding professionals” (*Newsweek*, 29.12.2003-5.01.2004).

Как для российской, так и для американской рекламы характерна апелляция к ПИ, обладающим отрицательной коннотацией. ПИ *Иван Сусанин* связано с характеристикой человека как *проводника, ведущего неверным путём*. Услуги экспресс-перевода: «Языковые барьеры в вашей работе появляются скорее всего внезапно, и преодолевает их, не дай бог, в срочном порядке дочь вашего бухгалтера – второкурсница с ин. яз. Такой проводник на международные арены может стать для вашего бизнеса **Иваном Сусаниным**. За скорой лингвистической помощью лучше обращаться в «Перевод-бюро В.В. Пенежина» (*City guid*, 2004, май). Отрицательные коннотации имени, в данном случае, участвуют в реализации тактики запугивания, в основе которой негативная мотивация: потенциального клиента нужно устроить, тогда он кинется покупать предложенный товар или воспользуется рекламируемой услугой. Американские рекламисты не запугивают, а предлагают своеобразные «сценарии спасения». Один из таких сценариев задействуется в следующей рекламе морских круизов: “The dollar is sinking like **the Titanic**. Faced with high prices in Europe and the Mediterranean, American travelers might cast about for an economic lifeboat. But

as the dollar dips, the cost of food, lodging and transportation keeps rising. To the rescue comes Cruise Lines International Association, which recommends taking a cruise so that you can use your ship not only as your lodging, but also as transportation between the continent's major cities" (*Travel*, 13.02.2005). В условиях, когда доллар «тонет», как «Титаник», круизы, организованные *Cruise Lines International Association* –помощь тем, кому нужна экономическая шляпка спасения. Соположение ситуации «тонущего» доллара с ситуацией гибели *Титаника* тем более обостряет экономическую проблему и ярче очерчивает навязываемое рекламой разрешение проблем, склоняя адресата в пользу рекламируемой услуги.

2.2. Апелляция к инварианту восприятия ПИ

В инвариант восприятия ПИ *Битлз* не входят представления о конкретной ситуации. Речь идёт о рок-группе (*Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон, Ринго Стар*), добившейся *большого успеха у публики и признания в среде профессиональных музыкантов*. Приведём примеры реклам музыкальных новинок. Альбом Джо Кокера: «А потом Кокера несёт под гору на саночках, подмазанных лучшими песнями из... яхонтового ларца наших главных классиков Леннона-Маккартни и т.д. и т.п... Старик Кокер за десятилетия рабского труда на ниве шоу-бизнеса отлично познал тайны маркетинга и выдал продукт, который невозможно не купить» (*Выбирай*, 1-15.02.2005). Другой пример – музыкальный диск О. Чубыкина: «Парень, который долго и счастливо страдает болезнью под названием бипломания, или биплофия. Впечатление от песен: неизданные ранее архивные опусы Леннона-Маккартни на русском языке. Не придаться ни к одной нотке, да и психоделические тексты местами очень хороши. Всем бипломанам иметь её обязательно и ежедневно!» (*Выбирай*, 1-15.03.2005). ПИ *Леннон, Маккартни, Битлз* и все словообразовательные дериваты последнего выступают ассоциативными стимулами, оживляющими в сознании «эталон» *успеха и славы*. Представления, стоящие за ПИ, проецируются на рекламируемый продукт посредством актуализации дифференциальных признаков - *музыка, которая может стать легендой и сплотить миллионы поклонников*. Специальные наблюдения показывают, что универсальные ПИ - *Paul McCartney, the Beatles* - фигурируют и в американской рекламе. Реклама отелей: "The Hotel Edgewater is where the Beatles stayed when they visited Seattle way back when photographers caught those lovable mop-tops fishing out the windows" (*USA Today*, 22.10.2003); "When Paul McCartney comes to Detroit for a concert, he stays at the luxurious European-style Townsend Hotel in Birmingham" (*USA Today*, 18.09.2003). Акцент, в данном случае, смещается – рекламист апеллирует не к редуцированному набору *представлений* о том или ином «культурном предмете», а непосредственно к *денотату*. Значимость приобретает возникновение непрременной ассоциативной связи денотата, с которым устойчиво соотносится используемое имя, с рекламируемым продуктом или услугой.

Исследование ПИ, выступающих символами ПФ, позволило выявить некоторые закономерности их использования в двух рекламных дискурсах. Прагматический потенциал ПИ-символов как знаков национальной культуры с разной степенью актуальности раскрывается в российских и американских рекламных произведениях. Низкая количественная представленность *однополюсных* ПИ обусловлена тем, что рекламист не претендует на *точность выражения* специальных понятий или характеристик. Наоборот, он рассчитывает на возможность различных толкований рекламного сообщения и направляет процессы интерпретации, предоставляя адресату мнимую свободу выбора означаемых. Поэтому, в большинстве случаев, вызывая нужные ассоциации, рекламист апеллирует к *многополюсным* ПИ: адресат выбирает различные, но неизменно положительные характеристики.

Апелляция к ПИ, образующим поля, как в российской, так и в американской рекламе, нацелена на создание «психологически приятного подтекста», значимого для формирования позитивного отношения к рекламируемому продукту или услуге. Данный приём, основанный на специфической комбинаторике прецедентных единиц, актуален для российской рекламы, в большей степени тяготеющей к эмоциональному воздействию, нежели к рациональному информированию, относительно независимому от формы выражения, и более свойственному американской рекламе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999
2. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М., 2003
3. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64-72
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. - М., 1997
5. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003
6. Зарецкая Е.Н. Деловое общение: Учебник в 2 т. – Т.2. – М., 2002
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987
9. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М., 2002
10. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. №3. С. 62-75
11. Лучнина Е.Н. Лингвокультурология в системе гуманитарного знания // Критика и семиотика. Вып. 7, 2004. С. 238-243
12. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001
13. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М., 2003
14. Нахимова Е.А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «ТЕ-АТР» в современном политическом дискурсе // Известия УрГПУ. Выпуск 15./ Урал. гос. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2005. С. 102-114
15. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ. Автореф. дис...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003
16. Постнова Т.Е. Прецедентные тексты в печатной рекламе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. №2. С. 106-115
17. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. – М., 2004
18. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000
19. Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Прецедентность и смысловая структура художественного текста // Структурно-семантический и стилистический анализ художественного текста: Сб. научных трудов. – Харьков, 1989. С. 113-115
20. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. - М., 2001
21. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996
22. Терских М.В. Реклама как интертекстуальный феномен. Автореф. дис... канд. филол. наук. Омск, 2003
23. Шейгал Е.И., Буряковская В.А. Лингвокультурология: Языковая репрезентация эт-

Мальцева И.Г.,
Пестова Н.В.
Екатеринбург

ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И МЕНТАЛЬНОЙ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДОВ ЦВЕТОВЫХ КОНЦЕПТОВ Г. ТРАКЛЯ

Замкнутая поэтическая система Г. Тракля (1887–1914), классика австрийской литературы, изменившего европейскую поэзию XX века, достаточно хорошо изучена в германистике с точки зрения лингвостилистики и лингвопоэтики [Lohner, 1956; Goldmann, 1957; Schneider, 1961; Muschg, 1961; Schlocker, 1967; Wetzel, 1968; Kemper, 1970; Metlagl, 1995 и др.], однако она еще не нашла своих исследователей в когнитивной лингвистике. Один из самых активно переводимых немецкоязычных поэтов (на один оригинал приходится несколько переводов, авторы которых вступают в творческое состязание, создавая своеобразный «стереоскопический эффект»), Г. Тракль известен и российскому читателю, но обилие поэтических переводов его небольшого по объему наследия пока не становилось предметом исследования сопоставительного и типологического языкознания. Среди всех проблем эквивалентного и адекватного перевода его герметичной поэзии на русский язык особо выделим трудности перевода специфической траклевской цветовой метафоры.

Метафору цвета у Г. Тракля, с точки зрения когнитивной лингвистики, по праву можно причислить к «разработанным» или «акцентированным» участкам концептуальной сферы, составляющим, в терминологии Е.В. Падучевой, одну из «семантических доминант» картины мира поэта [ср.: Рылов, 2003: 140]. Другой, не менее известный и своеобразный, лирик XX века П. Целан (1920–1970) в стихотворении «Кто господствует?» («*Wer herrscht?*») запечатлел это безусловное доминирование цвета в картине мира художников в лаконичной формуле: «*Farbenbelagert das Leben, zahlenbedrängt*» (букв.: «жизнь, осажденная цветом, обремененная числами») [Celan, 1996: 71]. Созданное Г. Траклем «цветное поэтическое пространство», пережив своего автора уже почти на сто лет, повлияло на многое из написанного и ненаписанного в наше время. Наряду с другими новаторскими поэтическими находками его «абсолютная цветковая метафора» [Пестова, 2004a] прочно вошла в творческий арсенал поэтов и прозаиков XX века: как цитата из Г. Тракля прочитываются стихи его знаменитого младшего соотечественника Т. Бернхарда (1931–1989) «*tot ist längst | mein Rot | mein Grün*» [Bernhard, 1993: 150] (ср.: [Пестова, 2004a: 144]).

Особенности цветовой метафоры Г. Тракля и механизм ее образования в значительной степени обогащают наши представления о национальной языковой картине мира и субъективной картине видения поэта. Отметим, что картина видения Г. Тракля значительно выделяется даже на фоне национальной немецкоязычной картины мира. Хотя цветовой символизм был характерен для всей немецкоязычной, в том числе и австрийской, поэзии конца XIX – начала XX веков [Пестова, 2004b; Pestowa, 2005], но цветковая метафора Г. Тракля в значительной степени осложнена тем обстоятельством, что она обладает концептообразующей функцией и является одним из основных способов познания и структурирования мира. Среди многочисленных исследований творчества австрийского поэта отсутствуют работы, систематизирующие и описывающие глубину, объем и характер цветковых концептов в лингвокультурном, эстетическом и когнитивном аспектах. Как мы отмечали в наших предыдущих статьях, посвященных указанной проблеме, при анализе его

цветовой метафоры невозможно ограничиться интерпретационным аппаратом функционально-семантического поля цвета, т. к. в цветовой концепты поэта втянуты другие значимые для его поэтики ментальные сущности, фрагменты действительности, неразрывно спаянные с тем или иным цветом или его оттенком [Мальцева, Пестова, 2003; Пестова, Мальцева, 2004]. Если проследить, с каким настроением ассоциируется у Г. Тракля каждый цвет, в каких поэтических контекстах он употребляется, какие поля смысловых и чувственных ассоциаций пробуждает, можно установить один из «законов природы» его лирического мира. Цвет у Г. Тракля насыщается разнообразными аффектами, и эта аффективная цветовая метафора относится к феноменам и процессам, выходящим за рамки чувственного восприятия. В метафорике такого рода происходит глобальное очуждение всей картины мира. В цветowych метафорах Г. Тракля кроется ключ к пониманию основ мышления, процессов создания универсального образа мира, а также его национально-специфического видения. В связи с этим при переводе на русский язык цветовой метафоры наиболее важна не только эквивалентность всех пяти уровней, о которых говорит В. Н. Комиссаров, но в значительно большей степени – ментальная адекватность, т. е. учет объема и характеристик всего цветовой концепта в целом. Эквивалентный перевод мы рассматриваем как «перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности» [Комиссаров, 2004: 415]. Под адекватным переводом мы понимаем возможное для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допускающая нарушения норм и узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода» [Там же: 407]. Адекватный перевод должен быть эквивалентным (на том или ином уровне эквивалентности), но не всякий эквивалентный перевод можно признать адекватным, что мы бы и хотели продемонстрировать на примере трех переводов цветовой концепта *blau* в стихотворении Г. Тракля «Судный день» («Gericht») [Trakl, 2000: 432].

Очевидно, что перевод должен отражать как объективную картину мира поэта, так и его субъективную картину видения, являющуюся носителем информации о специфичности восприятия действительности субъектом-наблюдателем, о нем самом и о его системе понимания действительности. Однако в переводе под влиянием инородной картины мира и способов ее концептуализации в языке перевода, а также под воздействием субъективной картины видения интерпретатора-переводчика нередко происходит утрата и/или подмена символических и эстетических элементов наполнения цветовой концепта, что в результате приводит к утрате ментальной адекватности при переводе цветовой концепта. Сопоставление картины видения автора с картиной видения интерпретатора-переводчика представляет собой еще одно интересное направление когнитивного исследования и несет в себе ценную дополнительную информацию лингвокультурологического характера. Следует отметить, что взгляд с позиций сопоставительной и типологической лингвистики на любой фрагмент национальной языковой картины мира значительно обогащает исследовательскую перспективу. На сегодняшний день нами не обнаружено работ сопоставительного плана, которые бы анализировали цветовой концепты в имеющихся поэтических переводах Г. Тракля на русский язык с точки зрения их эквивалентности и адекватности.

Особое место в цветовой символике немецкоязычной литературы всегда занимал цвет «blau» ‘синий/голубой’, и Г. Тракль не является в этом отношении исключением. Искусствоведение уделило этому цвету достаточное внимание и обнаружило его трансцендентные характеристики еще в изобразительном искусстве поздней античности, проследи-

ло его путь и значимость в религиозной живописи, где *blau* корреспондировал с *золотым* или даже замещал его. Германистика вскрывала законы «поэтики цвета» *blau* в литературе классицизма, в романтизме, символизме и особенно – в импрессионизме и экспрессионизме [ср.: Overath, 1987]. Именно с этим цветом связана одна из многочисленных трудностей адекватного перевода цветových концептов австрийского поэта: так как *blau* означает и ‘синий’, и ‘голубой’, его спецификация в переводе всегда оказывается несколько субъективной и произвольной. Поэтический немецкоязычный текст разных литературных направлений часто не специфицирует многочисленные оттенки *blau* (*himmelblau*, *lazurblau*, *dunkelblau*, *hellblau*, *milchig-blau*, *luftblau*, *bläulich*), что открывает широкий семантический и эстетический простор для интерпретаций. Так, в немецкой культурной традиции отмечается закрепленность *blau* как за религиозной, возвышенной, духовной сферами, так и за сферой народных поверий, в которых чума, смерть и дурной глаз были окрашены в этот цвет [Там же: 4], таким образом *blau* обживал и «верхний мир», и «нижний». Спецификация цвета *blau* в немецкоязычной поэзии всегда предоставляла поэтам поле для языкового эксперимента, окказионального словообразования и служила сигналом личного поэтического кода: *immerblau* для Э. Ласкер-Шюлер – это цвет избавления и вечности [Muschg, 1961: 143], он служит поэтессе для выражения пространственно-временного синкретизма [Пестова, 1999], прилагательное/нарекание *königsblau* в одном из известнейших стихотворений П. Целана «Mandorla» [Celan, 1996: 148] не раз оказывалось в центре внимания исследователей его творчества. Для русского реципиента *синий* и *голубой* существенно различаются, различия нередко влекут за собой непересекающиеся ряды ассоциаций, они закреплены в русском сознании за конкретными ментальными сферами или объектами/явлениями действительности, такими, например, как «синее море», «голубое небо». Очевидно, что наибольшую трудность для переводчика представляет такой тип поэтической информации, который реализуется средствами, специфическими для каждого языка и неповторимыми в других языках. Чтобы дать читателю представление о том, как создается семантика оригинала, переводчик вынужден имитировать – порой на совершенно другом материале – те индивидуальные приемы и коды, которые сообщают оригиналу его неповторимый облик. Перевод цветových концептов Г. Тракля в этом отношении – настоящее творческое испытание и интеллектуальный вызов для любого переводчика.

Как мы уже отмечали в наших статьях, Г. Тракль активно использует в цветových метафорах как *blau* ‘синий/голубой’ (143 случая употребления), так и *bläulich* ‘голубоватый’. Нами было установлено, что концепт *blau* является поливалентным, активным, связанным с духовным, святым, усмирной болью, неопределенностью, загадочностью, подсознательным, уединенностью, оставленностью, странствующей душой, сумерками и вечером как сменой или превращением. Траклевская *синева*, как показал анализ творческого наследия поэта, в большей степени отражает дыхание божественного, неторопливость размышлений, вечер и ночь, молчание и тени умерших. Цветовая сфера *blau* как *синее* у Г. Тракля зарезервирована для области духовного, святого, бесконечного, трансцендентного, это – цвет тайны и вечности, цвет души, покинувшей тело. Переводчики, проникшие в тайны его цветовой символики и последовательно придерживающиеся выявленных закономерностей, как правило, тщательно выдерживают индивидуальную цветовую шкалу поэта, памятуя о том, что это в большей степени «Stimmungssymbolik» («символика настроения»), чем «Farbsymbolik» («символика цвета»), как выразился один из его известнейших исследователей К. Л. Шнейдер [Schneider, 1961: 130]. Так, *blau* в последнем из четырех четверостиший анализируемого стихотворения переведено лучшими из современных переводчи-

ков поэта А. Прокопьевым и В. Летучим следующим образом:

Oder an hölzerner Stiege lehnt
Wieder der Fremden weißer Schatten. —
Armer Sünder ins *Blau* versehnt
Ließ seine Fäulnis Lilien und Ratten.
[Trakl 2000: 432]

Белая тень. Прислонившись к стене,
Странник глядит на чужое жилище:
Бедный страдалец в *синем огне*,
Лилий и крыс неизменная пища.
(А. Прокопьев) [Георг Тракл 1994: 60]

Или: белая тень пришельца, и он
возводит глаза от порога к высям. —
И грешник уже *синевой* причащён
и лилиям прах оставляет и крысам.
(В. Летучий) [Георг Тракл, 2000: 106]

Перевод всего цветового концепта осложнен окказиональным словосочетанием *ins Blau versehnt* с цветовой метафорой *das Blau*. В этом авторском словосочетании второе причастие от окказионального, но созданного по продуктивной словообразовательной модели глагола *versehnen* (видимо, от *sehnen* – *sich sehnen* 'тосковать, стремиться, жажда'), которому многозначный префикс «ver-» вместе с грамматической семантикой перфективности сообщает и семантику целенаправленного (вниз, внутрь) действия, и семантику результативности, конечности, тотальной исчерпанности, и семантику ошибочности, отсутствия результата, и еще целый ряд смыслов, оказывается «практически непереводаемым», т. е. его адекватный перевод требует применения специальных переводческих стратегий.

Как мы видим, опытные переводчики, многие годы тщательно изучавшие поэтическую систему Г. Траkla, избрали в данном поэтическом контексте эквивалентный вариант *синий/синева*, соответствующий общим траклевским закономерностям наполнения этого цветового концепта. Такой выбор эквивалента отвечает, строго говоря, и результатам нашего исследования глубины концепта *blau*. Этот вариант перевода *blau* в четвертой строфе продиктован развитием темы *blau* стиха из второй строфы стихотворения: «Tote Geburt auf grünem Grund | *Blauer Blume* Geheimnis und Stille». Следуя единой логике «символики настроения», В. Летучий переводит этот стих как «Мертвенье рожденного; однако земля бережет | тайну *синих цветов* и безмолвье» [Георг Тракл, 2000: 105]. А. Прокопьев обращает *Blau* *Blume* в «синие астры»: «Мертворожденность: земля зелена, | *Синие астры* молчат, как могила» [Георг Тракл, 1994: 60]. Таким образом, «синий огонь» и «синева», в которую «погрузился» («versehnt») «бедный грешник» в четвертой строфе, должны быть сопряжены с *Blau* *Blume* второго четверостишья. Правомерен ли перевод *Blau* *Blume* (при этом значимым нам представляется и единственное число существительного) как «синие цветы», а тем более, «синие астры»? На наш взгляд – не вполне. Метафора *blau* является в данном контексте, скорее, прецедентным феноменом, чем традиционным элементом концепта *blau* в поэтике Г. Траkla.

Спор между *синим* и *голубым* в переводе *blau* на русский язык имеет свои давние традиции. Культ *blau* легко выдает свое романтическое происхождение. Германистика установила, что традиция использования *blau* в литературе Нового времени поразительно

образом связана с Новалисом [Overath 1987: 6]. Начиная с введенного им в романном фрагменте «Генрих фон Офтердинген» («Heinrich von Ofterdingen», 1799–1802) одного из важнейших романтических символов – «голубого цветка» («die blaue Blume»), *blau* во всей немецкоязычной поэзии всегда был эстетически нагружен и глубоко символичен. *Голубое* стало знаком скрытого духовного мира, загадочно ускользающего от романтического странника, который отправляется на его поиски в мир грез и любви и обретает в поэзии. Но *blau* как интенсивно *синий*, яркий и насыщенный цвет также характерен для немецкого искусства, он господствовал в первые десятилетия XX века на живописных полотнах В. Кандинского, Ф. Марка, А. Явленского, Г. Мюнтера, М. Веревкиной, Э. Л. Кирхнера, М. Пехштейна, Э. Хеккеля, К. Шмидта-Ротлуфа и других художников-экспрессионистов, современников Г. Траля. Одно из ведущих художественных объединений немецкого экспрессионизма называлось «Der blaue Reiter». Российские исследователи экспрессионизма указывали на искус связать это название с манифестом немецкого романтизма, однако история создания объединения указывала в сторону *синего*, поэтому его название традиционно переводится на русский язык как «Синий всадник» [Пышновская, 1996: 113]. В. Кандинский, теоретик и один из организаторов «Синего всадника», в работе «О духовном в искусстве» посвятил несколько страниц истолкованию цвета: два полюса, небесный и земной, образуют для него *синий* и *желтый*, а идеально уравновешенная смесь двух «диаметрально противоположных цветов» рождает *зеленый*, который характеризует пассивность [Kandinsky, 1986: 344–348]. Пожалуй, самая известная, но, к сожалению, потерянная или разбомбленная в Берлине 1945 года картина второго организатора «Синего всадника», художника Ф. Марка, называлась «Башня синих лошадей» («Der Turm der blauen Pferde», 1913). *Синее* и *желтое* – два его главных цвета, при этом «*синее* – мужское начало, терпкое и духовное, *желтое* – женское – мягкое и радостное, *красное* – цвет материи, brutальный и тяжелый, это цвет, оспариваемый *синим* и *желтым* и побеждаемый ими» [Partsch, 1993: 42–43]. Большая поклонница и ценительница таланта Ф. Марка поэтесса Э. Ласкер-Шюлер, которой, по ее утверждению, принадлежит и первенство открытия поэтического дарования Г. Траля, также выстраивала свои незабываемые образы на основе *голубого/синего* цвета. Концептообразующая функция *blau* отчетливо проступает в ее творчестве, завершившемся публикацией в эмиграции поэтического сборника «Голубой рояль» («Das blaue Klavier», 1943). В творчестве Г. Бенна, с которым поэтессе также связывали сложные личные и творческие отношения, метафору *blau*, *das Blau* 'голубой' 'голубизна' 'голубое' также можно отнести к «семантическим доминантам» и концептообразующим цветовым метафорам. Критически относясь к засилью цвета, ставшему в поэзии «пустым клише», Г. Бенн делал исключение единственному цвету *blau*, называя его «совершенно южным словом» («das Südwort schlechthin»). Бенновское *голубое/синее* как чистое переживание, как вечное и прекрасное слово в стихотворении абсолютизируется, обретает символические функции и «становится игрой на грани исчезновения всякого значения, на пути обращения Сущего в Ничто» [Hillebrand, 1996: 665]. Такова «абсолютная метафора» *blaue Stunde* в его одноименном стихотворении («Blaue Stunde», 1950) [Benn, 1996: 368], продукт «акта диктаторской фантазии» поэта [Friedrich, 1968: 81], таинственное имя некоей «чувственной ирреальности» [Там же: 80], про которую «никто не знает, была ли она на самом деле». Е. Соколова переводит *blau* в названии стихотворения как «Синий час», а троекратное *dunkelblau* в ткани стихотворения как *темно-синий* и *синее*. «Ich trete in die *dunkelblaue Stunde*» – «Вступаю в *темно-синий* час...» [Бенн, 2002: 333]; «Du bist so weich, du gibst von etwas Kunde | von einem Glück aus Sinken und Gefahr | in einer *blauen, dunkelblauen Stunde* |

und wenn sie ging, weiß keiner, ob sie war.» – «Ты так нежна, но речь ведешь о счастье, | о счастье страха, пибели и тьмы, | сокрытых в *синем, темно-синем* часе, | который снова не заметит мы.»; «die Kette schließt, man schweigt in diesen Wänden | und dort die Weite, hoch und *dunkelblau*.» – «замкнулась цепь, здесь вотчина молчанья, | а где-то – воля, высь и *синева*».

Этот в целом один из самых удачных и точных переводов стихотворений Г. Бенна может быть оспорен, пожалуй, только с точки зрения перевода *blau* и *dunkelblau* как *синий* и *темно-синий*. *Blau* Stunde заголовка и *dunkelblau*, завершающее стихотворение, переведены аналогично как *синий* и *синева*, в чем видится не только некоторая переводческая непоследовательность, но и «разгерметизация» поэтического мира автора. Очевидно, что спецификация *blau* в переводе каждого поэта определяется целым комплексом средств его специфической поэтической системы. У Г. Бенна – это еще и благозвучие. С заменой *голубого* на *синее* исчезает божественная эвфония и звритмия бенновского стиха, где разные аллитерационные и ассонансные линии усиливаются лексикой со звуковыми сочетаниями ле-ло-ла-лу-ли (*blau, Blut, Blüte, Licht, lösen, losgelöst* и др.) и порождают новые ассоциативные связи. С точки зрения эвфонии нежная сонорность *голубого* значительно ближе к *blau*, чем *синее*.

Доминирование акустической стороны и ее семантическую значимость в оригинале можно подтвердить и другим примером. На соположении и сходстве *Blut – Blüte* выстроено одно из самых загадочных, зрительно-чувственных и благозвучных стихотворений Г. Бенна «Метро» («Die Untergrundband») [Benn, 1996: 7], один из шедевров любовной лирики экспрессионизма. Эвфонический слой этого стихотворения, координация звуков выполняют в нем архитектурную функцию и «ведут» цепь ассоциаций. Было бы ошибкой считать этот мир знаков метафорическим, если учитывать сравнительный характер метафоры. Лирический потенциал этого поэтического единства заключен в каком-то собственном языке, на котором говорят абстрактные вещи. Первую звуковую волну задает слово *Blütenfrühe*. Все стихотворение пронизывают слова на *ü* и *u*: *Gebülhe, Blüten, kühl, Hüften, Glück, Gerüste von Blütenkolben, frühe, Frühling Blut, blutlos*. К этой непрерывной *ü*-линии присоединяется *ö*-линия, которая исходит из *Götter-Zwielicht*, соединяет *strömen, gelöst, löste, losgelöst* и достигает кульминации, освобождения в слове *erlösend* – как исход из этой чувственной сети, как спасение. *Видимость сходства* («Красивее всего лжет видимость сходства», – сказал почитаемый и Бенном, и Траклем Ф. Ницше [Ницше, 1991: 193–194.]) в цепочке *gelöst – löste – losgelöst – erlösend* создает ощущение раскинутой сети, плена чувственности, из которых невозможно выпутаться. Эстетическая и семантическая значимость эвфонии этого стихотворения сводит попытки его перевода к нулю при всей «несложности» его денотативного состава и «понятности» каждой в отдельности метафоры. Его изумительная вокальная и сонорная акустика, ритм и метр напоминают шум волны в размере гексаметра – те же ле-ло-ла-лу-ли-ля – наплыв и откат. По нашему мнению, и стихотворение «*Blau* Stunde» сделано по тому же принципу, через его призму *синее* вместо *голубого* видится менее удачным эквивалентом, разрушающим адекватную субъективную картину видения поэта, в которой акустический образ соперничает со зрительным и смысловым. Мы, разумеется, учитываем, что предпочтение *синего голубому* во многом обусловлено метроритмическими характеристиками оригинала и перевода: односложное *blau* с дифтонгом *au* в конечной позиции с точки зрения русского слога и слогаделения видится из-за наличия двух гласных в вершине слога двусложным, как и слово *синий*, тогда как русское трехсложное *голубой* чаще всего не вписывается в оригинальную метроритмическую схе-

му, которой должен придерживаться опытный переводчик. Очевидно, однако, что спецификация *blau* в переводе каждого поэта уникальна и может быть установлена только в системе всех поэтических средств.

После этого небольшого экскурса в проблемы перевода *blau* вернемся к анализируемому стихотворению Г. Тракля и обратимся к третьему переводу, выполненному О. Бараш. В ее версии траклевская *sinewa* 'das Blaue' в словосочетании *ins Blaue versehnt* представлена «голубым морокком»:

Бледные тени пришельцев гурьбой
Снова толпятся на ветхих ступенях.
Грешник, вчарован в морок голубой,
Крысам и лилиям дарует тленье.
(О. Бараш) [Trakl, 2000: 433]

Как и все другие стихотворения автора, оно так же трудно поддается интерпретации вне общего, самого широкого контекста: Г. Тракля не случайно называют поэтом «единого стихотворения», на протяжении всего своего творчества он создавал, обживал и одушевлял одно и то же лирическое пространство. Из одного стихотворения в другое переходят похожие на галлюцинации образы, тлен, забвение, распад в обязательном сопровождении цвета, звуков и запахов. Анализируемое четверостишие соединяет несоединимое – «крысы и лилии», задавая ему типичную для поэта амбивалентность экзистенции, «фатальность родства с дурными мною противоположными вещами» [Ницше, 1997: 242], прекрасного и безобразного, жизни и смерти. В полном соответствии с современной поэту концепцией «эстетики безобразного» вся его поэзия является образцом слияния и единства прекрасного и уродливого: страшные, гротескные образы разворачиваются на фоне божественной красоты, сопряженной с необыкновенной музыкальностью звучания: «Rosi-ge Osterglocke im Grabengewölbe der Nacht | Und die Silberstimme der Sterne» [Trakl, 2000: 174] – «Розовый пасхальный перезвон в могильном сплетении ночи. | И серебряные голоса звезд» (Пер. В. Топоров) [Trakl, 2000: 175]; «Aus grauen Zimmern treten Engel mit kotgefleckten Flügeln. | Würmer tropfen von ihren vergilbten Lidern» [Там же: 108] – «Из темных комнат выходят ангелы с пятнами гнили на крыльях, | С их пожелтевших ресниц сыплются черви» (И. Бولичев) [Там же: 109].

По нашему мнению, весь контекст анализируемого стихотворения «Судный день» указывает в сторону «романтического двоемирия», бытия между земным и трансцендентным, материальным и духовным и тем самым «впускает» в себя прецедентный феномен – новалисовский «голубой цветок». Это обстоятельство делает, на наш взгляд, вариант перевода *голубой* максимально адекватным оригиналу. О. Бараш, отходя от традиционного толкования концепта *blau* как *синий*, очень тонко и точно чувствует глубинные смыслы траклевского *ins Blaue versehnt*. Она действительно *имитирует* тотальность цвета, обреченность и полноту погружения в него своим собственным окказионализмом «вчарован в морок голубой», который в той же эстетической мере, что и оригинал, осуждает картину мира, но устанавливает связь с дихотомией романтического двоемирия, в котором целостность личности, как и у Г. Тракля, – явление почти немислимое. И «чары» и «морок» – стихия романтического пришельца, странника, чужака, поэта, который несет на себе отблеск абсолюта и собирает все мировые бездны так же, как чужак, странник, пришелец Г. Тракля (*der Fremdling*). Объектом и субъектом «анализа» такого героя всегда становится собственное сознание [Корнилова, 2001: 15] – черта, которую мы уже не раз отмечали в творчестве австрийского поэта. Но главный фактор, повлиявший, как нам представляется,

на переводческий выбор, – ключевое слово немецкого романтизма *Sehnsucht* 'тоска, жажда', заложенное в *versehnt*, которое «романтизирует» весь цветовой концепт. Таким образом, подводя итог своим рассуждениям, отмечаем, что не всякий эквивалентный перевод цветовой метафоры Г. Тракля, к которому мы, безусловно, относим два первых перевода, можно признать прагматически адекватным в системе его цветowych концептов. Мы проанализировали такой случай, когда эквивалентный перевод оказывается «прагматически неадекватным», и переводчику пришлось прибегнуть к «прагматической адаптации» перевода, внося в свой текст эстетически и символически значимые элементы «адаптивного транскодирования» [Комиссаров ,2004: 407].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенн Г. Поздние стихотворения / Пер. Е. Соколовой // Диалог культур – культура диалога: Сб научных статей. – М., 2002. С. 330–334.
2. Георг Тракль. Избранные стихотворения / Пер. с нем. А. Прокопьев. – М., 1994.
3. Георг Тракль. Полное собрание стихотворений / Пер. с нем. В. Летучий. – М., 2000.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М., 2004.
5. Корнилова Е. Н. Мифологическое сознание и мифопоэтика западноевропейского романтизма. – М., 2001.
6. Мальцева И. Г., Пестова Н. В. Фрагменты национальной языковой картины мира: цвет (на примере поэзии Г. Тракля и его переводов на русский язык) // Лингвистика 2: Сб. науч. трудов. – Екатеринбург, 2003. С. 97–103.
7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Пер. В. В. Рынкевича. Алма-Ата, 1991.
8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего / Пер. Н. Полилова // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1997. С. 238–406.
9. Пестова Н. В. Пространственно-временной синкретизм в поэзии Э. Ласкер-Шюлер // Лингвистика: Бюллетень уральского лингвистического общества / УрГПУ. – Екатеринбург, 1999. С. 30–46.
10. Пестова Н. В., Мальцева И. Г. Синтетосемия Г. Тракля в зеркале переводческих стратегий // Вопросы теории и практики перевода: Материалы Всероссийской науч.-практ. конференции, – Пенза, 2004. С. 159–161.
11. Пестова Н. В. «Абсолютная метафора» Г. Тракля в зеркале переводческих стратегий // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности: Материалы междунар. науч. конференции «Язык. Система. Личность». – Екатеринбург, 2004. С. 141–149.
12. Пестова Н. В. Лирика австрийского экспрессионизма // Вопросы филологии. № 1 (16), 2004. С. 57–63.
13. Пышновская З. С. Из истории «Синего всадника» // Синий всадник / Под ред. В. Кандинского и Ф. Марка / Пер. З. С. Пышновской. – М., 1996. С. 113–142.
14. Рылов Ю. А. Семантические доминанты языковой картины мира и перевод // Перевод и переводческая компетенция: Коллект. монография. – Курск, 2003. С. 136–149.
15. Benn G. Gedichte in der Fassung der Erstdrucke / Hrsg. von B. Hillebrand. – Frankfurt/Main, 1996.
16. Bernhard Th. Gesammelte Gedichte / Hrsg. von V. Bohn. – Frankfurt/Main, 1993.
17. Celan P. Die rückwertsgesprochenen Namen. Gedichte in gegenläufiger Chronologie 1970–1952. Poetologische Texte. Reden. Gespräch im Gebirg / Ausgew. von B. Jentsch. – Frankfurt/Main; Wien, 1996.

18. Friedrich H. Die Struktur der modernen Lyrik: Von der Mitte des neunzehnten bis zur Mitte des zwanzigsten Jahrhunderts. – Hamburg, 1968.
19. Goldmann H. Katabasis. Eine tiefenpsychologische Studie zur Symbolik der Dichtung Georg Trakls. – Salzburg, 1957.
20. Hillebrand B. Zur Lyrik Gottfried Benns // Benn G. Gedichte... – Frankfurt/Main, 1996.
21. Kandinsky W. Über das Geistige in der Kunst // Der Blaue Reiter: Dokumente einer geistigen Bewegung. Leipzig, 1986.
22. Kemper H.-G. Georg Trakls Entwürfe: Aspekte zu ihrem Verständnis. Tübingen. 1970.
23. Lasker-Schüler E. Gedichte 1902– 1943. Bd. 1. München, 1990.
24. Lohner E. Die Lyrik des Expressionismus // Expressionismus: Gestalten einer literarischen Bewegung. Heidelberg, 1956.
25. Methlagl W. Nietzsche und Trakl // Frühling der Seele: Pariser Trakl-Symposium / Hrsg. von R. Colombat und G. Stieg. Innsbruck, 1995.
26. Muschg W. Von Trakl zu Brecht. Dichter des Expressionismus. München, 1961.
27. Overath A. Das andere Blau: Zur Poetik einer Farbe im modernen Gedicht. Stuttgart, 1987.
28. Partsch S. Franz Marc 1880–1916. Köln, 1993.
29. Pestowa N. W. Wilhelm Runge: „Das Denken träumt“ // Duitse Kroniek 54: Im Schatten der Literaturgeschichte. Autoren, die keiner mehr kennt? Amsterdam; New York, 2005. S. 299–306.
30. Schlocker G. Exkurs über Georg Trakl // Deutsche Literatur im 20. Jahrhundert: In 2 Bd. Bd. 1: Strukturen und Gestalten. Bern; München, 1967. S. 327–343.
31. Schneider K. L. Der bildhafte Ausdruck in den Dichtungen G. Heyms, G. Trakls, E. Stadlers: Studien zum lyrischen Sprachstil des deutschen Expressionismus. Heidelberg, 1961.
32. Trakl G. Gedichte. Prosa. Briefe / Hrsg. A. Belobratov. St. Petersburg, 2000.
33. Wetzell H. Klang und Bild in den Dichtungen Georg Trakls. Göttingen, 1968.

© Мальцева И.Г., Пестова Н.В., 2005

Моисеев А.А.

Екатеринбург

ИНТЕРТЕКСТ В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ.

В конце 1990-х годов начались активные исследования русской рок-культуры вообще и русской рок-поэзии в частности. Появление работ, посвящённых творчеству конкретных рок-поэтов, анализу конкретных произведений, сопровождалось также публикацией статей более общего характера – связанных с осмыслением самого феномена рок-культуры, определением объёма понятия «рок-поэзия», фиксацией проблем изучения рок-поэзии и, главное, с определением и обоснованием возможных подходов к её исследованию [Доманский, 1998; Козицкая, 1998; 2001; Кормильцев, Сурова, 1998; Снигирёв, Снигирева, 1999; Штепа, 2000].

«Методологические приоритеты» в изучении рок-поэзии обозначены Ю. В. Доманским: это «чужое» слово, проблема имени, мифопоэтика, субъектно-объектные отношения, циклизация [Доманский, 1998]. Е.А. Козицкая, рассматривая проблему «включённости» рок-поэзии в контекст русской поэзии, фиксирует внимание на субъязыках и субкультурах русского рока, подчёркивая синтетичный характер рок-поэзии, её существование на пересечении разных дискурсов, художественных стратегий [Козицкая, 2001]. Таким образом, интертекстуальный подход к исследованию рок-поэзии представляется на сегодняш-

ний день одним из эвристичных.

Эффективность интертекстуальной методологии применительно к рок-поэзии мотивирована самой природой рок-культуры, частью которой является рок-поэзия. Как известно, на начальной стадии своего существования, в 1960-е годы, русский рок был связан с *подражанием западным музыкальным образцам*, а в конце 1970-х - начале 1980-х гг. существенно трансформировался в силу «определённой социокультурной ситуации – советской действительности эпохи застоя, когда *насаждавшаяся в школах классика и официальная, идеологизированная «советская поэзия» вызывали у значительной части молодёжи реакцию равнодушия и/ или отторжения»* [Козицкая, 1998]. В начале 1980-х русский рок не только становится «вербально ориентированным» [там же], но и активно апеллирует к «чужому» слову, которое нередко связано с мировоззренческой «чуждостью» текста-источника (имеется в виду, например, апелляция рок-поэтов к стилю советского официоза; см., например, творчество Е. Летова, Ю. Шевчука, А. Башлачёва).

Кроме того, рок-культура в России начала формироваться в эпоху постмодернизма с её установками на вскрытие симулятивности жизни, восприятие мира как текста и, как следствие, на интертекстуальность как доминанту поэтики, что, естественно, в определённой степени повлияло на становление рок-поэзии [Подр. см.: Доманский, 1998; Жогов, 2001; Козицкая, 2001: 189; Давыдов, 2000; Капрусова, 1999].

Эвристичность интертекстуального анализа рок-текстов аргументирована самим опытом исследований: в сборниках Тверского университета «Русская рок-поэзия. Текст и контекст» (первый выпуск – 1998 год) достаточно большое число работ создано именно в опоре на интертекстуальный подход.

Обилие работ, посвящённых проблеме интертекстуальных взаимодействий в русском роке, обуславливает необходимость их классификации, что, в свою очередь, важно для обоснования методологии исследования интертекста в русской рок-поэзии.

Как правило, исследования русской рок-поэзии ориентированы на выявление источника цитирования, и это понятно: ведь «массив цитируемых источников у рок-поэтов чрезвычайно широк: от фольклора <...>, русской классической литературы <...> и литературы «Серебряного века» <...> до восточных философских систем <...> и западной (прежде всего англоязычной) рок-традиции <...> В большинстве случаев, как показывают наблюдения, рок-поэт обращается в своём творчестве к самым разнообразным источникам, подчас причудливо синтезируя их» [Доманский, 1998].

Исходя из типологии источников интертекста, предложенной Е.А. Козицкой [Козицкая, 1998а], можно утверждать, что более всего исследователей привлекает изучение диалога рок-поэтов с «определённым типом культуры, осмысленным как текст» [Козицкая, 1998:16]. О взаимодействии с образностью и поэтикой *русского фольклора* пишут О.В. Палий [1999], П.С. Шакулина [1999], Г.Ш. Нугманова [1999], С.В. Свиридов [2000], А.С. Мутина [2000]; *библейский интертекст* в творчестве рок-поэтов анализируют О.В. Палий [1999], А.В. Снигирёв [2000], С.С. Шаулов [2000].

Однако подавляющая часть работ посвящена исследованию диалога с таким «типом культуры», как «литературное направление». Чаще всего речь идёт о диалоге рок-поэтов с *романтической традицией*: о типологическом родстве русского рока с классическим романтизмом XIX века и неоромантизмом XX века пишут Н.К. Нежданова (в её работе определён спектр основных «антиномий», присущих романтическому мировидению, в том числе и мировидению русских рок-поэтов) [2000], Е.Г. Милюгина (рассматривается романтическая оппозиция «Мир – Человек», исследуется актуализация в русской рок-поэзии

трагических граней образа «больного мира», центрального для творчества романтиков [1999; 2000]; О.А. Маркелова (характеризуется принцип романтического двоемирия в альбоме Ю. Шевчука «Мир номер ноль»); о трансформации в рок-поэзии частных романтических мотивов пишут Ю.А. Чумакова (мотив безумия) [2000], О.Н. Неганова (мотив сна) [2000].

Не менее часто исследуются и диалогические отношения рок-поэзии и разных течений русского *модернизма*. М.Н. Капрусова, в частности, говорит об ориентации рок-поэзии на мировоззренческую систему декаданса (первого этапа русского символизма), для которой, к примеру, свойственны «стандартный... набор тем и мотивов: сумасшествия, болезни, сна, смерти, наркотиков, алкоголизма, тоски и др.», «нарочитая прямолинейность, примитивность в решении темы смерти» [Капрусова, 2000: 180], а также выявляет несколько типов отношения рок-поэтов к декадентской традиции рубежа XIX – XX веков: с одной стороны, осознание родства с декадентами, с другой же – «пародийное решение русской модернистской (декадентской) традиции» [Капрусова, 2000: 181].

Немало работ посвящено диалогу рок-поэтов с традициями русского авангарда (Согласно концепции В.Е. Хализева, «в составе модернизма, во многом определившего лицо литературы XX века, правомерно выделить две тенденции, тесно между собой соприкасающиеся, но в то же время разнонаправленные. Таковы авангардизм, переживший свою «пиковую» точку в футуризме, и ... неотрационализм» [Хализев, 2000: 365]). Н.А. Петрова замечает, что «само состояние безысходного бунта роднит рок-поэзию с ранним футуризмом» [Петрова:2002:73]. Н.П. Уфимцева, анализируя альбом «Агаты Кристи» «Майн Кайф?», предполагает, что воплощённая в нём модель бытия восходит к «традиции немецкого экспрессионизма» [Уфимцева, 2001: 85] («Экспрессионизм исходил из представления о враждебном человеку универсуме, находящемся в состоянии распада и разложения. Человек в экспрессионистской картине бытия – чужак, варвар, испытывающий ужас перед миром и агрессивный по отношению к нему, поэтому метафора войны с её деструктивным характером становится генеральной метафорой в экспрессионизме... Приёмом, наиболее адекватным такому представлению о мире, становится гротеск» [Уфимцева, 2001: 86]).

В контексте традиций русского авангарда рассматривают творчество рок-поэтов А.Н. Черняков и Т.В. Цвигун [1999]. Авторы совершенно справедливо утверждают, что рок-поэты зачастую ориентированы на «альтернативные» традиции русской поэзии – «сами по себе основанные на «негативном»/ «нигилистическом» подходе к предшествующему поэтическому канону»... Особое место в этом ряду занимает традиция русского поэтического авангарда в лице футуризма и постфутуризма (заумная поэзия, поэзия группы ОБЭРИУ и др. явления) [там же]. Так, поэзия Д. Ревякина («Калинов мост») опирается на концепцию «самовитого слова» В. Хлебникова и А. Кручёных, творчество К. Рябинова развивает открытия А. Введенского и Д. Хармса. Основная часть исследования Чернякова и Цвигуна посвящена поэзии Е. Летова, которого роднят с авангардом принципы моделирования поэтического языка: «принцип алогичного, абсурдного построения тропа», нарушение грамматической сочетаемости, обнажение языкового приёма [там же].

Наконец, в качестве одной из ветвей диалога называют диалог рок-поэтов с постмодернистской художественной традицией, в частности с концептуализмом [Давыдов, 2000; Жогов, 2001].

Проблеме взаимодействия рок-культуры с литературными направлениями и стилями посвящена работа Е.А. Козицкой [Козицкая, 2001]. Согласно её концепции, русская рок-

культура – «некая художественная надсистема, сверхъединство, конгломерат диалогически взаимодействующих субъязыков и субкультур, в совокупности описывающих отношение мира и человека во всей их сложности. Такие субъязыки и субкультуры – «рок-версии» романтической, авангардной, натуралистической *etc* эстетики – могут свободно сосуществовать в рамках творчества одного автора и даже одного текста, поскольку рок, как и современное отечественное искусство в целом, не обязательно являясь постмодернистским, существует в постмодернистской культурной ситуации» [Козицкая, 2001: 170-171]. К субъязыкам Козицкая относит «почвенничество» [там же: 186 - 187], «натурализм / (жёсткий, «чёрный») реализм» [там же:184], «экзистенциализм» [там же:185], «декаданс», а к субкультурам - романтизм, авангард и постмодернизм [там же: 189], где под «субкультурой» понимается типологическое родство художественных явлений на уровне концепции мира и человека, а под «субъязыком» прежде всего стиливое родство, связанное с аспектом внешней выразительности произведения.

Работа Е.А. Козицкой предельно важна в методологическом плане, поскольку демонстрирует сложность вопроса о взаимодействии рок-поэзии с литературными направлениями и стилями: вряд ли имеет смысл искать интертекстуальные взаимодействия с романтизмом, авангардом и т.д. в русской рок-поэзии, по природе своей эклектичной и включающей в себя в виде вариаций большинство известных художественных традиций.

Работы, посвящённые исследованию диалога рок-поэтов с конкретными творческими индивидуальностями («творчество автора как единый текст», по словам Е.А. Козицкой [Козицкая, 1998а: 16]), - образуют вторую большую группу исследований, посвящённых интертексту в русской рок-поэзии. Подавляющее большинство таких работ связано с изучением интертекстуальных отсылок к творчеству А.С. Пушкина: «пушкинский текст» в творчестве Майка Науменко исследовался Ю.В. Доманским [1999: 163-170], в творчестве Ю. Шевчука – Т.Н. Михайловой [2000], В.А. Михайловой, Н.В. Крыловой [1998], в поэзии Бориса Гребенщикова – В.Г. Ивлевой [1998], в творчестве А. Башлачёва – Т.Е. Логачёвой [1998].

Активное обращение рок-поэтов к «пушкинскому тексту», с одной стороны, демонстрирует вписанность рок-поэзии в общий контекст русской литературы – прежде всего литературы XX века; Н.А. Петрова, размышляя о причинах столь частой апелляции поэтов начала XX века к творчеству Пушкина, утверждает: «В эпоху слома мировоззренческих основ <...> главной точкой отсчёта для русской литературы остаётся Пушкин – начало начал и вершина, зачинатель-завершитель, как Данте в европейской» [Петрова, 2001: 47]. В силу того, что 1980-е годы XX столетия в России также сопряжены с крушением определённой идеологии, можно предположить, что фигура Пушкина, воплощающая некоторую незыблемую норму, неподвластную переоценке, вновь становится чрезвычайно привлекательной. С другой же стороны, апелляция рок-поэтов к «пушкинскому тексту» нередко связана с желанием разрушить «миф о Пушкине» [Доманский, 1999]. Вообще, вопрос о функциях диалога рок-поэтов с «пушкинским текстом» - ключевой в известных нам работах.

Кроме диалога с творческой индивидуальностью Пушкина, исследуется диалог Б.Г. с Ф.М. Достоевским [Ивлева, 1998], К. Кинчева – с А.К. Толстым [Прокофьев, 1999], Майка Науменко – с А.А. Блоком и И.А. Бродским [Капрусова, 2001], Ю. Шевчука – с В.В. Маяковским [Петрова, 2002].

Исследование диалога рок-поэтов с выдающимися художниками слова представляет нам наиболее плодотворным, поскольку позволит уточнить приоритетные для русских рок-поэтов факторы текстообразования. С нашей точки зрения, эффективными будут и исследования, посвящённые диалогу нескольких рок-поэтов с одним автором, поскольку

таким образом может быть хотя бы отчасти достигнут эффект стереоскопичности взгляда на такое сложное явление, как русская рок-поэзия; в частности, интересны выводы, которые, с нашей с точки зрения, получить при исследовании диалога А. Башлачёва, Ю. Шевчука, Б. Гребенщикова с «пушкинским текстом», диалог Е. Летова и Ю. Шевчука с творческой индивидуальностью В. Маяковского.

Исследование интертекстуальности в текстах рок-поэтов должно сопрягаться с решением вопроса о *функциях диалога*. Наиболее обстоятельно пишет об этом Е.А. Козицкая, фиксируя двойственное отношение рок-поэтов к классической традиции. С одной стороны, это, безусловно, *ироническое отношение* (Козицкая говорит об «ироническом искажении цитат», их «снижении, нарочитом огрублении»), при этом подчёркивая, что «редукции, опощлению подвергаются почти сакральные, культовые в национальном сознании тексты» [Козицкая: 1998]. Вместе с тем «апелляция к прошлым ценностям в рок-тексте может выполнять... функцию *попытки найти какую-то духовную опору*, без которой нельзя ощущать своё существование полноценным» [там же]. О том же (об «ориентации [рок-поэзии – А.М.] на традицию и отрицании её как таковой») пишут А.Н. Черняков и Т.В. Цвигун [1999] (См. также интересные наблюдения А.В. Снигирёва над текстом И. Кормильцева «Прогулки по воде»: «Анализ текста показывает, что доминирующим принципом отношения И. Кормильцева к претексту становится диалог в ироническом, пародийном ключе. Всё – и отбор лексики, и снижение образов, и использование анахронизмов и алогизмов – играет на такое понимание характера заимствования. Но И. Кормильцев... снимает именно такое прочтение стихотворения одной деталью. В ответ на предложение Христа повисеть на кресте „Андрей, напуганный, отказывается <...> и получает резкую отповедь Спасителя... Тем самым автор показывает всю слабость человека, его нерешительность и глупость, неспособность совершить что-то по-настоящему значительное. В соединении с возможной проекцией данной ситуации на современность это доказывает, что человек не изменился, несмотря на двухтысячелетнюю жизнь в рамках христианства» [Снигирёв, 2000: 146-147]). Такое единогласие исследователей относительно цитатной функции в рок-поэзии не лишает эту проблему актуальности; напротив, ещё очевидней становится необходимость конкретизации цитатной функции в рок-поэзии. Это функция двояка: с одной стороны, это ироническое, пародийное осмысление, а с другой – «определение приоритетов» и духовных опор.

Особого внимания требует вопрос о *функциях диалога рок-поэтов с рок-поэтами* (см., например, о диалоге Бориса Гребенщикова и А. Башлачёва в работе Е.В. Урубуйшевой [2000: 201- 207]). В данном случае следует говорить, очевидно, о подчёркнутом осознании духовного родства, принадлежности к некой общности, что может быть соотнесено с функцией «самосознания искусства» [Тименчик, 1981].

Вопрос о *формах цитирования в рок-поэзии* пока нельзя назвать активно разрабатываемым. Отчасти его касается Е.А. Козицкая, фиксируя использование в рок-поэзии «техники наложения, коллажа цитат», сопряжённое, как правило, с выражением «откровенно отрицательной оценки» явлений [Козицкая, 1998].

Правда, как намечающуюся тенденцию в изучении рок-поэзии можно назвать исследование «эксплицированных цитат», то есть открыто соотнесённых с источником [Козицкая, 1998: 12], и прежде всего «цитат-имён», к которым «относятся имена авторов, литературных героев, имена текстов... в ряде случаев – имена известных личностей, названия картин, опер, фильмов, топонимы, гидронимы и т.д. <...> Цитаты-имена – носители предельно сущённых смыслов, их концентраты» [там же: 13]. Именно аспект цитаты-имени

положен в основу работ Ю.В. Доманского о Майке Науменко [1999] и А.В. Снигирева о Е. Летове [1999]. Интерес к данной проблеме, скорее всего, обусловлен также и тем, что для рок-культуры, особенно в период 1980-х годов, характерны две установки – декларативность и ориентация на «посвящённых», на «свой круг» (См. в работе Кормильцева, Саровой: «Практика субкультуры в начале её существования... являлась... знаковой системой, при помощи которой можно было распознать своих» [Кормильцев, Сурова, 1998: 5]).

Подводя итоги, подчеркнём: интертекстуальный подход по праву является одним из ведущих подходов в изучении русской рок-поэзии. Исследования (как частные, так и общие), посвящённые проблеме диалога в русском роке, способствуют постепенной выработке методологии изучения феномена рок-поэзии. Полагаем, что определение ряда наиболее приоритетных «собеседников» русских рок-поэтов и конкретизация функций диалога в рок-поэзии – два возможных направления исследования проблемы диалога в русском роке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доманский Ю.В. Русская рок-поэзия: проблемы и пути изучения // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып.1. – Тверь, 1998.
2. Доманский Ю.В. Пушкин в рок-поэзии Майка Науменко: имя и цитата // «Своё» и «чужое» в художественном тексте. – Тверь. 1999. С. 163 – 170.
3. Жогов С.С. Концептуализм в русском роке («Гражданская оборона» Егора Летова и Московская концептуальная школа) // Русская рок-поэзия. Вып. 5. – Тверь. 2001. С.190 – 202.
4. Ивлева В.Г. Пушкин и Достоевский в творческом сознании Бориса Гребенщикова // Русская рок-поэзия: Текст и контекст. Вып. 1. – Тверь, 1998.
5. Капрусова М.Н. От Вертинского к «Агате Кристи»: лики постмодернизма // Русская рок-поэзия. Вып. 2. – Тверь, 1999.
6. Капрусова М.Н. Майк Науменко в литературном пространстве Петербурга XX века // Русская рок-поэзия. Вып. 5. – Тверь, 2001. С. 128 – 142.
7. Крылова Н.В., Михайлова В.А. Литературные реминисценции в «петербургских» текстах Ю. Шевчука // Русская рок-поэзия. Вып. 2. – Тверь, 1999.
8. Козицкая Е.А. Цитата в структуре поэтического текста: Автореферат диссертации канд. фил. наук. – Тверь. 1998а.
9. Козицкая Е.А. Цитата, «чужое» слово, интертекст: Материалы к библиографии // «Своё» и «чужое» в художественном тексте. - Тверь. 1999. С. 177 – 218.
10. Козицкая Е.А. Субъязыки и субкультуры русского рока // Русская рок-поэзия. Вып. 5. - Тверь. 2001. С.169 – 190.
11. Козицкая Е.А. «Чужое» слово в поэтике русского рока // Русская рок-поэзия. Вып. 1. – Тверь, 1998.
12. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция. // Русская рок-поэзия. Вып. 1. -Тверь. 1998.
13. Логачёва Т.Е. Рок-поэзия А. Башлачёва и Ю. Шевчука – новая глава петербургского текста русской литературы // Русская рок-поэзия. Вып. 1. – Тверь, 1998.
14. Маркелова О.А. «Я не знаю, как жить, если смерть станет вдруг невозможна...»: двоемирие и время в альбоме Ю. Шевчука «Мир номер ноль» // Русская рок-поэзия. Вып. 5. – Тверь, 2001. С. 59 – 70.
15. Михайлова Т.Н. Пушкинские реминисценции в «петербургском тексте» Ю. Шевчука // Русская рок-поэзия. Вып. 3. – Тверь, 2000.

16. Миловидов В.А. Текст, контекст, интертекст: введение в проблематику сравнительного литературоведения. - Тверь. 1998.
17. Милюгина Е.Г. Феномен рок-поэзии и романтический тип мышления // Русская рок-поэзия. Вып. 2. – Тверь, 1999.
18. Милюгина Е.Г. «Вавилон – это состояние ума...»: миропонимание русских рок-поэтов в контексте романтической традиции // Русская рок-поэзия. Вып.4. – Тверь, 2000. С.167 – 174.
19. Мутина А.С. «Выше ноги от земли», или Ближе к себе (о некоторых особенностях фольклоризма в творчестве Янки Дягилевой) // Русская рок-поэзия. Вып. 4. – Тверь, 2000. С.187 – 191.
20. Неганова О.Н. «Я пришёл помешать тебе спать!». Семантика сна в творчестве К. Кинчева // Русская рок-поэзия. Вып. 4. – Тверь, 2000. С. 39 – 44.
21. Нежданова Н.К. Антиномичность как доминанта художественного мышления рок-поэтов // Русская рок-поэзия. Вып. 4. – Тверь, 2000. С. 23 – 29.
22. Никитина О.Э. Белая богиня Бориса Гребенщикова // Русская рок-поэзия. Вып. 5. – Тверь, 2001. С.152 – 162.
23. Нугманова Г.Ш. Фольклорные образы-символы в творчестве А. Башлачёва // Русская рок-поэзия. Вып. 2. – Тверь, 1999.
24. Палий О.В. «Рок-н-ролл – славное язычество...» (источники интертекста в поэзии А. Башлачёва) // Русская рок-поэзия. Вып. 2. – Тверь, 1999.
25. Петрова Н.А. Литература в неантропоцентрическую эпоху. -Пермь. 2001.
26. Петрова Н.А. От бардов к року // Эстетические доминанты культуры XX века. Часть 1. Пермь: ПГПУ. 1995. С.78 – 92.
27. Петрова Н.А. Юрий Шевчук в кругу русских поэтов. Урок-лекция // Современная русская литература на уроках. - Пермь. 2002. С. 69 – 77.
28. Прокофьев Д.С. А.К. Толстой в творчестве К. Кинчева // Русская рок-поэзия. Вып.2. – Тверь, 1999.
29. Снигирёв А.В. «Прогулки по воде» И. Кормильцева и евангельские мотивы: характер и специфика диалога // Русская рок-поэзия. Вып. 4. – Тверь, 2000. С. 144 – 148.
30. Снигирёв А.В. Обращение к имени как интертекстуальная доминанта поэзии Е. Летова // Русская рок-поэзия. Вып. 2. – Тверь, 1999.
31. Снигирёва Т.А., Снигирёв А.В. О некоторых чертах рок-поэзии как культурного феномена // Русская рок-поэзия. Вып. 2. – Тверь, 1999.
32. Тименчик Р.Д. Текст в тексте у акмеистов // Учёные записки Тартуского университета. – Труды по знаковым системам. XVI. 567. 1981. С. 65 – 76.
33. Урубышева Е.В. Творчество Александра Башлачёва в циклизации «Русского альбома» Б.Г. // Русская рок-поэзия. Вып.4. – Тверь, 2000. С.201 – 207.
34. Уфимцева Н.П. «Мертвецы хотят обратно»: семантика смерти в альбоме «Майн Каиф?» группы «Агата Кристи» // Русская рок-поэзия. Вып. 5. -Тверь. 2001. с.79 – 87.
35. Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Поэзия Е. Летова на фоне традиции русского авангарда (аспект языкового взаимодействия) // Русская рок-поэзия. Вып. 2. – Тверь, 1999.
36. Чумакова Ю.А. Трансформация романтического мотива безумия в трактовке группы «Крематорий» (на материале текстов «Двойного альбома») // Русская рок-поэзия. Вып. 4. – Тверь, 2000. С. 174 – 178.
37. Шакулина П.С. Русский рок и русский фольклор // Русская рок-поэзия. Вып. 2. – Тверь, 1999.

Олешков М.Ю.
Нижний Тагил

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ (на материале дидактического дискурса)

Интенциональность представляет собой исключительно специфичное и существенное свойство речи. В речевом механизме можно выделить два типа интенциональных процессов: *на первом уровне* интенции рассматриваются в связи с особенностями функционирования нервной системы человека в онтогенезе; основополагающей здесь оказывается человеческая потребность и способность экстерииоризации внутренних активных состояний: при боли маленький ребенок не только кричит, но производит двигательные сигналы (перебирает руками, ногами, морщит лицо, краснеет), у взрослого в подобной ситуации показательными являются также невербальные сигналы (мимика, пантомимика, поза); интенции этого уровня напоминают рефлекс; *на втором уровне* рассматривается социальная природа интенций, которые оказываются включенными в организацию коммуникации; именно на этом уровне осуществляется связь субъекта с внешним миром; при этом интенции определяются как коммуникативные, поскольку соотносятся с сознательным *внеобращением*. Коммуникативная интенция имеет двухчастную структуру: она содержит объект речи и отношение к нему субъекта; именно поэтому интенциональное содержание речи человека является его важной психологической характеристикой.

Как правило, выражение интенций коммуникативно организовано таким образом, чтобы они были понятными слушающим. Понятность для слушающих интенций говорящего является целью говорящего, и он использует такие известные ему языковые средства, которые, по его предположению, дадут желаемый результат.

Любая интенция (как коммуникативное намерение) находится в непосредственном взаимодействии со сценарием и фреймом той коммуникативной ситуации, в пространстве которой данная интенция должна быть реализована. Следовательно, именно интенция определяет направление поиска тех параметров (характеристик) речевого поведения в ментальных базах (сценариях, фреймах), которые будут способствовать ее реализации, а определенный тип речевого поведения коммуниканта предполагает соответствующее грамматическое структурирование и использование средств невербального воздействия.

В рамках коммуникативной лингвистики категории целеполагания можно трактовать как «довербальное» явление, которое задает коммуникативную установку и определяет сверхзадачу общения [Борисова, 2000: 5].

На этой основе адресант формирует стратегию своего речевого поведения и осуществляет текстопорождение как коммуникативную деятельность. Следовательно, речевая стратегия – это конкретный план речевого воздействия на партнера по коммуникативной ситуации, специфический способ речевого поведения, избранный в соответствии с целеустановкой, интенцией говорящего.

Коммуникативная стратегия речи предполагает отбор фактов и подачу их в определенной последовательности, заставляет говорящего адекватно организовывать речь, обуславливает подбор и использование языковых средств. Стратегия проявляется в тактике – совокупности речевых действий, приемов. Стратегия и тактика функционируют в про-

странстве той или иной коммуникативной модели, которая, в свою очередь, соотносится с понятиями «стиль общения» и «стиль деятельности». Все вышесказанное непосредственно относится и к педагогическому общению в образовательной среде урока.

Дидактическая коммуникация – это своеобразный инструмент решения декларированных задач учебно-воспитательного процесса, при помощи которого субъекты образовательной среды (учитель и учащиеся) в рамках определенной модели вступают в интенционально обусловленные взаимоотношения для достижения образовательной цели.

Коммуникативную модель дидактической коммуникации можно представить в виде схемы, соответствующей современным теориям коммуникации: **адресант** (субъект образовательного процесса - учитель) -> **сообщение** (текст/дискурс) -> **канал** (типологическая разновидность текста – вербальный/невербальный) -> **код** (жанровая разновидность текста) -> **адресат** (субъект образовательного процесса - учащийся) -> **результат коммуникации** (усвоенные знания и сформированные умения) -> **обратная связь**.

Рассмотрим функционирование этой модели в ситуации, когда учитель на этапе урока "изучение нового материала" в рамках развернутого высказывания сообщает учащимся какую-либо информацию.

Адресант (учитель) производит и передает информацию - уже «обработанную» с точки зрения оптимизированности и селективности закодированную идею (сообщение). Под сообщением понимается прежде всего смысл передаваемой информации. В частности, М.Р. Проскуряков, рассматривая «процесс функционирования системы смысла» текста, отмечает, что при этом один из компонентов данной системы – отправитель (автор текста/дискурса), располагая тезаурусом и лингвистической компетенцией, реализует функцию порождения концептуальной информации [Проскуряков, 2000: 208]. Именно концептуальная информация организует систему смысла текста/дискурса, где концепт есть диалектическое единство объема и содержания сообщаемого.

Итак, адресант (учитель), имея конкретный информационный повод, представляя себе словесную систему текста / дискурса, генерирует сообщение. Но речевая деятельность субъекта обеспечивает не только производство, но и восприятие текста. Таким образом, текст/дискурс выступает как предмет деятельности адресанта, а интерпретация результата этой деятельности дает продукт - закодированную информацию, восприятие которой обуславливает результативность акта коммуникации («перлокутивный эффект»), т.е. а) изменение в знаниях; б) изменение установок; в) изменение поведения адресата (учащегося).

Выбор информации, которую необходимо передать, обуславливает тематику словаря дидактического текста / дискурса. Осознание уровня подготовленности адресата влияет на построение текста / дискурса, на структуру предложений и выбор лексики, а также на жанровое "оформление" высказывания. Жанр во многом определяет композицию текста/дискурса и "подсказывает" адресанту (учителю), какой степенью свободы в компоновке материала он располагает. Кодирование предполагает выбор определенной речевой структуры текста / дискурса, что, в свою очередь, обуславливает стилистически оформленную языковую структуру конкретного жанра. Кодирование информации достигается генологическими (жанрообразующими) параметрами текста/дискурса.

Коммуникативный акт предполагает и процесс декодирования сообщения - «перевод его на язык получателя», который определяется восприятием адресата (учащегося), его способностью интерпретировать коды, используемые для передачи смысла. Поэтому декодирование носит в определенной степени субъективный характер.

По мнению И.Р. Гальперина, «информация относительно легко декодируется потому,

что выбранные модели текста существенно помогают вычленению главного, основного, от сопутствующего, второстепенного» [Гальперин, 1981: 34]. В то же время, как считает А.Г. Баранов, процесс понимания текста (декодирование) «заключается не только в установлении значений лингвистических единиц, составляющих текст, но и конструировании когерентной смысловой структуры текста и ее интеграцией с уже существующей когерентной картой мира субъекта понимания, его индивидуальной когнитивной схемой» [Баранов, 1993: 35].

Последний (и важнейший для педагогической коммуникации) компонент акта коммуникации - обратная связь. Под обратной связью понимается реакция (вербальная и невербальная) адресата на сообщение. Именно обратная связь делает педагогическую коммуникацию двусторонним процессом.

Рассмотрим проблему распределения информации в дидактическом дискурсе на примере анализа фрагментов урока русского языка в 6 классе общеобразовательной школы (речь учителя представлена без редакторской правки).

Учитель (завершая проверку домашнего задания и переходя к следующему этапу урока): Так, *"лексика"*, поставьте точку и проверьте, правильно ли вы написали все слова? *Четыре. Садись на место. Оля, надо знать раздел науки уже о языке.*

А сегодня, ребята, мы познакомимся с ещё одним разделом русского языка, который называется «Фразеология». Откроем сейчас учебник на странице... так, 44. Итак, пока ничего не смотрим и не читаем, а думаем. Открыли все: 44-я страница. Проверьте ещё раз: видите, яркими, красными буквами написано — «Фразеология». Посмотрите внимательно на это слово. Как вы думаете: от какого слова произошло слово «фразеология»? Какие родственные слова можно подобрать? «Фраза» и «логика», да? То есть самое близкое слово к слову «фразеология»: фраза. Не слово, а целая фраза. Понимаете, да? Фраза — несколько то есть слов. Давайте посмотрим: от какого слова произошла наука фразеология? Смотрим в рамочку. Из какого языка слово пришло?

В данном примере адресант (учитель) в развернутом высказывании (дискурсе) реализует несколько интенций: интенцию **управление** - ...*поставьте точку и проверьте, правильно ли вы написали все слова?*; интенции **оценка** - *Четыре* и **убеждение** - *Оля, надо знать раздел науки уже о языке*; интенцию **сообщение информации** - основной объем анализируемого фрагмента. Объем высказывания позволяет проанализировать особенности информационной "динамики" представленного текста/дискурса.

Т.А. ван Дейк предположил, что распределение информации происходит на уровне пропозиционирования, причем в тексте/дискурсе пропозициональная структура не сводится к простой последовательности пропозиций, соответствующих отдельным частям (как в предложении), а представляет собой **макроструктуру**, или **макропропозицию**. Макропропозиция определяет тему дискурса, причем если тема индивидуального высказывания обусловлена тем, как информация, содержащаяся в нем, распределяется линейно, то тема дискурса указывает на то, как его содержание организовано иерархически [Дейк, 1989]. В то же время, по нашему мнению, хотя при определенных условиях распределение информации может рассматриваться как способ преодоления **линейности** и **однаправленности** развертывания текста/дискурса, особенности конкретного развернутого высказывания не всегда позволяют говорить об обязательной иерархии содержания. Так, в нашем примере линейная (однаправленная, векторная) структура дискурса не вызывает сомнений, что, в частности, легко определяется последовательностью "цепочки" интенций.

В целом, для распределения информации в дидактическом тексте/дискурсе характе-

рен дуализм: во-первых, сам процесс распределения направлен на внутреннюю организацию текста (структурирует текст на уровне предложения, абзаца и т.п.); во-вторых, этот процесс имеет целью преобразование текстового содержания в «адресную» информацию, предназначенную для конкретного адресата (субъекта образовательного процесса).

С другой стороны, структурирование информационного потока (см. перечисленные выше интенции), установление иерархических отношений между «появляющимися» в процессе речепорождения порциями информации (завершение одного вида учебной деятельности, оценка, постановка новой учебной цели, начало объяснения нового материала и т.д.), маркирование контекстуально значимой информации (*так... а сегодня... давайте... и др.*) и другие факторы позволяют дифференцировать информацию на «данную-новую», различать «топик» и «фокус».

В модели когнитивной обработки текста Т.А. ван Дейка и В. Кинча [Дейк, Кинч, 1988] выделяются стратегии установления значимых связей между предложениями текста. Авторы объединяют их под общим названием стратегий *локальной когерентности* (связности), то есть считают, что основной задачей понимания является конструирование (адресантом) локальной связности (ср. в нашем примере *Откроем...учебник; думаем...; Проверяйте...; Давайте посмотрим...; Смотрим...*).

В то же время, информация производится и воспринимается говорящими и слушателями в конкретных ситуациях, в рамках широкого социокультурного контекста. Поэтому восприятие дискурса - не просто когнитивное, но в то же время и социальное событие, своеобразная обработка опыта, приводящая в конце концов к "интерактивному" утверждению принимаемого сообщая социального мира [Хабермас, 1995]. Фактически, пользователи языка воспринимают информацию, заключенную в соответствующем тексте, на основе эксплицитно известного им социального контекста.

Когерентность (смысловая связность) дискурса связана с реализацией *текстообразующей функции* распределения информации в тексте/дискурсе. В процессе коммуникации информация передается порциями, каждой из которых соответствует пропозиция. Фактически, пропозиция выступает как единица обработки информации. Высказывания в дискурсе связаны настолько, насколько связаны соответствующие им пропозиции. Исследователями отмечается, что в коммуникативном акте на уровне текста структура информации, как правило, включает в себя более одной пропозиции и является полипропозициональным единством [Дейк, Кинч, 1988]. Связность пропозиций, обеспечивающая когерентность дискурса, зависит от степени адаптивности «нового» к объёму включенного «данного». В нашем примере пропозициональная «цепочка» выглядит так: *еще один раздел русского языка (1), "Фразеология" (2), слова, родственные слову "фразеология" (3), фраза, логика (4) и т.д.* Распределяя информацию по отдельным пропозициям и выстраивая линейную пропозициональную последовательность, учитель создаёт "направленный" в информационном плане текст. Наряду с линейной, существует вертикальная зависимость элементов дискурса – «сверху вниз». Вертикальная связь обеспечивает глобальную связность частей текста по отношению к теме всего дискурса [Макаров, 2003: 139]. Темой дискурса, представленной в виде макропропозиции, в анализируемом фрагменте является *фразеология как раздел русского языка*.

Следует учитывать, что, создавая текст, адресант рассчитывает на предполагаемое информационное состояние адресата (учащиеся знакомы с ранее изученными разделами школьного курса русского языка), которое и позволяет ему, распределяя информацию по отдельным пропозициям и выстраивая линейную пропозициональную цепочку, устанавли-

вать информационную когерентность текста.

Итак, решение проблемы релевантности речевых действий, позволяющих эффективно решить коммуникативную задачу в условиях дидактического общения, во многом определяется умением учителя эффективно "выстраивать" дидактический дискурс, адекватно распределяя информацию в соответствии с определенными законами.

В заключение следует отметить, что изучение и анализ особенностей коммуникации в образовательной среде урока не только теоретическая, но и практическая проблема, так как сегодня эффективность образовательного процесса во многом зависит от такого важнейшего компонента профессионализма учителя, как коммуникативная компетентность, предполагающая умение моделировать адекватные дидактическим ситуациям дискурсивные модели, выстраивать стратегии общения, а также прогнозировать последствия дидактического речевого взаимодействия и предвидеть возможность коммуникативной неудачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов н/Д., 1993.
2. Борисова И. Н. Структура интенциональных конфликтных диалогов разговорного языка // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
4. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. Вып. 23. С. 153-211.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М., 2003.
7. Проскураков М. Р. Концептуальная структура текста. – СПб., 2000.
8. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995.

© Олешков М.Ю., 2005

**Пестова Н. В.,
Потапова Н. В.,
Чванов Н. А.
Екатеринбург**

КОНЦЕПТ «ВЕРХ-НИЗ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РАЗНЫХ КУЛЬТУР КАК ОТРАЖЕНИЕ НАИВНОЙ МОДЕЛИ МИРА

В истории мировой культуры, которая запечатлена и в мифологии, и в фольклоре, и в мире художественных текстов, можно констатировать наличие универсальных и национальных черт. Так, общим для многих, если не всех, культур и народов, по какой-то причине является концепт «верх-низ», идущий из глубин наивной модели мира [Лакофф, Джонсон, 2004: 35–45] и являющийся, очевидно, определенным уровнем первичного кодирования информации. В лингвокультурологическом толковании концепта «верх-низ» происходит поразительная встреча научной и наивной моделей мира.

Концепт «верх-низ» относится к группе пространственных концептов и наряду с другими важнейшими универсальными концептами прочно закреплен в сознании и языке каждого народа. Это не случайно, ведь пространство – важнейшая форма мира и жизни в нем человека, оно многократно репрезентировано в сознании, культуре, мифологии языковой личности. Искусство, как известно, основывается не на ньютоновском, а на лейбницевском представлении пространства: по Лейбницу, пространство – «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком существования вещей»

[Цит. по: Топоров, 1983: 228]. Такое пространство упорядочено, структурировано, оно «одушевляется» человеком, «прочитывается» им и являет собой область человеческого представления о мире, т. е. некую «наивную философию» мира [Яковлева, 1994: 18–19]. Категория пространства для человека не только образует пассивную рамку происходящего, но и констатирует природу самих событий, активно воздействуя на них. Разные части пространства наделяются человеком различной ценностью, не случайно категория пространства сплошь мифологизирована. Мифологическое пространство мыслилось многослойным и сакрально неоднородным. В мифологическом мире различаются территория наибольшей «мистической энергии», благотворной для человека, энергетически нейтральные территории и «зловредное», хаотическое, «чужое» пространство, наделенное отрицательными качествами и разрушающее человека. Пространство всегда делилось человеком на «свое» и «чужое» [Маслова, 2004: 82]. Это противопоставление в разных видах «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов, 2001: 126; Свое и чужое, 2001: 3–161]. В основе интересующей нас с точки зрения столкновения научной и наивной модели мира оппозиции «верх-низ» лежат представления о верхнем и нижнем мире в мифологической модели как о пространстве *своем* и *чужом*. У славян оппозиция «верх-низ» была связана с мифом о Перуне, живущем вверху, на небе, на вершине Мирового дерева, и его борьбе с Велесом – божеством нижнего мира. Победа верха над низом заканчивается дождем, несущим плодородие. Верховные вожди – главные, уважаемые, почитаемые люди. Видимо, из глубин национальной мифологии и берут начало выражения русского языка «одерживать верх», т. е. побеждать, и «верховодить», т. е. доминировать, повелевать. Аналогичные по значению словосочетания с компонентом «верх» обнаруживаем в английском (*over*), немецком (*ober*), французском (*dessus*) языках: немецк. **Oberhand** gewinnen – ‘победить, одержать верх’; англ. **overcome** – ‘побороть, победить, преодолеть’; франц. prendre le **dessus** – ‘одержать верх’. Сопоставление языков в таком аспекте дает богатый материал для размышлений об общности происхождения представлений и суеверий в разных культурах. История языка оказывается одновременно и историей мышления, и историей национальной психологии, и историей мифологии. В мифах и сказаниях «зарыто неприметное основание истинности, перед чем мы внутренне робеем» [Гримм, 1987: 408]. Поэтому миф, выражаясь терминологией Гегеля, не может быть «неистинным», «в мифе всегда есть своя поэтическая и нравственная правда» [Найдыш, 2002: 476].

История слова позволяет отразить тончайшие нюансы в истории духовной жизни народа и в формировании его перцептивного и когнитивного опыта [Найдыш, 2002: 478; Перевезев, 2000: 267]. В славянских, германских, романских языках наблюдается одна и та же закономерность в восприятии пространства: специфические черты «верха» и «низа» определяются отношениями в пространстве не между объектами, а оценочным отношением к ним субъекта, обычно коллективного. В рамках научного исследования по формированию адекватного отношения к ионизирующим излучениям (далее ИИ), в частности к такому их источнику, как радон [Чванов, 2004], нас заинтересовало бытование сходных оценочно окрашенных представлений, страхов и суеверий относительно «верха» и «низа» на территории древних Руси, Франции и Германии, т. е. стран, где исторически значительная часть населения занималась добычей руды и подвергалась воздействию неизвестных тогда ИИ, идущих «снизу». Земная кора с предархаичных времен хранит естественные радиоактивные элементы, отвечающие наряду с ИИ космического генеза за естественный радиационный фон. Один из таких элементов – вездесущий уран-238 – является главным

источником радона, который в свою очередь, будучи промежуточным продуктом ядерных превращений, есть везде. Радон-222 – благородный газ без цвета и запаха, почти в 10 раз тяжелее воздуха. Этот «благородный убийца», как и его «прародители», – альфа-излучатель. Наибольшие его концентрации фиксируются в замкнутых пространствах, где он преимущественно и является неизбежным источником ИИ. Таким образом, повышенной радиационной опасностью с риском возникновения злокачественных заболеваний легких характеризуются все без исключения замкнутые и неправильно проветриваемые помещения, при этом подвальные и цокольные этажи относятся к зонам, где концентрация радона наиболее высока. К таким же зонам относятся природные пещеры, подземные рудники, шахты, туннели; станции фильтрования воды; курорты с минеральными водами и зоны некоторых медицинских процедур. Эта научно доказанная сегодня информация в течение многих столетий находила свое специфическое отражение в языке и текстах культуры.

В славянских языках, в частности в русском, концепт «верх-низ» эмоционально окрашен, содержит явную эмотивную оценку, сопряжен с дополнительными смыслами положительного и отрицательного, одобрения и неодобрения. Оценочность четко проступает в языке: «что-то исходит сверху», «на верху блаженства», «на вершине власти», «с верхом», «по верхам», «перевернуть все вверх дном», «ниже всякой критики», «ниже своего достоинства», «низвергнуть в прах», «низринуть», «пасть ниц», «низко пасть», «низкая улочка», «низкий поступок», «низкий человек», «низость». В германских языках концепт «верх-низ», как и в славянских, не является нейтральным пространственным концептом, а трактуется в системе мировоззренческих оппозиций. В немецком языке «верх» – «oben/ober» связан с порядком, включая порядок в голове; с преимуществом, выигрышем, победой, силой, властью; с продвижением по службе, карьерным ростом. Напротив, «низ» – «unten/unter» однозначно связан с негативной сферой, беспорядком, с проигрышем, поражением, бессильем и безвластием, низшими чинами, деградированием. Та же картина наблюдается в английском языке (up/down; over/down; high/low): «наверх» ориентировано хорошее, счастливое, рациональное, сознательное, добродетельное, сильное и властное, здоровое (He is in *top shape* – ‘он в лучшей форме’, букв. ‘в верхней форме’). «Вниз» ориентированы печаль, бессознательное состояние, подчинение силе и контролю, низкий социальный статус, дурное, порочное, эмоциональное, болезнь и смерть (His health is *declining* – ‘он чахнет’, букв. ‘его здоровье падает’) [Цит. по: Лакофф, Джонсон, 2001: 35–45]. Во французском языке в наполнении концепта «верх-низ» также можно обнаружить много любопытных, этических и эмоционально окрашенных языковых явлений. Так, *низина*, *владина*, *углубление*, *котловина* по-французски – ‘depression’, что одновременно имеет и значение ‘депрессия, подавленность, угнетенное состояние’. Складывается впечатление, что значение ряда французских слов с семантикой «низ» напрямую связано с физическим состоянием человека и некоторыми болезнями.

Пути заимствования в языках индоевропейской семьи достаточно хорошо изучены сравнительно-историческим языкознанием, лингвистические «прогулки» по этим путям приносят поразительные результаты и оказывают сильное эмоциональное воздействие, особенно на реципиентов, не привыкших в силу своих профессиональных занятий «слышать» в языке когнитивный опыт человека. Так, немецкое *niedergeschlagen* ‘подавленный’, ‘поверженный’ с морфемой «nieder»-«низ» является синонимом *deprimiert*, ‘подавленный, депрессивный’. Последнее заимствовано через французский из латыни от *dēpressiō* – ‘подавление, понижение’. Как мы видим, уже в латыни в одном слове «сталкиваются» два

значения – «низа» и «угнетения», «подавления». Французское существительное *deprime* означает 'хандру, нервное переутомление', а прилагательное *deprime* означает и буквально 'вдавленный во что-либо, вниз', и переносное 'подавленный'. Оба значения идут из латыни от *premere* 'давить', отсюда и русское 'пресс', и немецкое 'Presse'. 'Власть в депрессии' по-английски 'to fall into a depression', т. е. буквально 'упасть в депрессию'. Таким образом, слова «низ» и «депрессия» в разных языках и культурах оказываются в одном смысловом ряду. Даже самый поверхностный сравнительный анализ показывает, как концепт «низ» коррелирует с негативными психическими и физическими состояниями индивида, отрицательным психологическим и физическим воздействием на него и, наоборот, концепт «верх» сопряжен с добром, благом, процветанием, ростом, продвижением вперед и вверх. В языках трех названных групп обнаруживается полное единодушие в распределении «верха» и «низа» относительно эмоциональной сферы – почему-то все говорят: «Дискуссия опустилась на эмоциональный уровень, но я опять поднял ее на уровень рационального» [Лакофф, Джонсон, 2001: 41]. Нетрудно установить, что в художественных произведениях и устном народном творчестве трех интересующих нас культур герои, живущие и действующие «вверху», как правило, оказываются праведными, благородными, справедливыми, великодушными, мудрыми, спокойными, выносливыми, здоровыми, с красивой внешностью, они практически всегда одерживают верх, верховодят. Все представители жизни «внизу» или в «чужом» пространстве в мифах и легендах, сказаниях и сказках, как правило, если сильные, то жестокие и немилосердные, если кроткие и смиренные, то слабые, безвольные, медлительные, нерешительные, подавленные. Почти всегда «внизу», в пограничном пространстве или в «полом» пространстве (дупло, пещера, ущелье) обитают физически недоразвитые существа или существа с большими отклонениями от общепринятой человеческой нормы: горбуны, карлики, цверги, большоголовые, длиннорукие, коротконогие, трех-шестипалые, одноглазые, лохматые, мохнатые и т. п., т. е. концепт «низ» оказывается эстетически и этически негативно окрашенным. На большом языковом материале когнитивной лингвистики доказано, что концепт представляет собой лингвокультурологическое образование и отражает этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира, это – «культурно отмеченный вербализованный смысл» [Маслова, 2004: 37]. Такой концепт является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом, он всегда окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом, национально и культурно окрашен, несет на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры и является ее основной ячейкой в ментальном мире человека [Вежбицкая, 2001: 14; Степанов, 2001: 43]. Любой концепт многомерен, в нем можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное [Маслова, 2004: 36].

Обнаруженная закономерность прослеживается и в фольклоре – массовом устном художественном творчестве, вошедшем в бытовую традицию того или иного народа. Познавательное значение фольклора увеличивается тем, что сюжеты и образы его произведений обычно заключают в себе широкую типизацию явлений жизни и характеров людей. Сходство в этической и эмоциональной оценке атрибутов «верхнего» и «нижнего» мира в фольклоре поражало уже первых ученых фольклористов. Так, проклятие «чтоб тебе под землю провалиться» не имеет национальности, в той или иной словесной оболочке каждый язык отправляет неугодного куда-то «вниз», на мучения. Русское проклятие «чтоб тебе пусто было» вновь отсылает нас к полюму, чужому пространству. Концепт «верх-низ» начи-

нает функционировать как некий «квант знания» [Кубрякова, 1996: 90], восстанавливающий причудливые связи между донаучной и научной картинами мира, и реципиент начинает по-новому осмыслять известные факты реальной, языковой и художественной действительности. Если узник заключен в высокой башне замка, то он почему-то непрерывно строит планы побега, изобретает для него орудия, духовно контактирует с волей, если же он брошен в подземную темницу, то, как правило, начинает слепнуть, теряет аппетит, чахнет, утрачивает представления о дне и ночи, часто бредит во сне. Соловей-разбойник почему-то обитает в дупле, а отшельник, «странный человек», человек не от мира сего, «чужой» чаще всего живет в глубокой землянке, в пещере или земляной норе. Переступить порог его жилища, даже давно опустевшего, отваживается только совсем бесшабашный, у которого культурная память «стерта» или в силу образования, воспитания, социальной принадлежности эта память не отличается особой глубиной. Совершенно очевидно, что значение слов и выражений трех групп языков, которые заполняют концепт «верх-низ», хранит следы мифологической модели мира и коллективную память народа о дурном, чуждом, зловредном, враждебном «ниже» и благом, родном, своем «верхе» [Маковский 1996]. По мнению одного из ведущих ученых-филологов, занимающихся исследованием мифа, Е. М. Мелетинского, миф – это «древнейший способ концептуализации окружающей действительности и человеческой сущности, первичная модель всякой идеологии, синкретическая колыбель не только литературы, искусства, религии, но, в известной мере, философии и даже науки» [Мелетинский, 2001: 5].

Поразительным образом немецкие сказания, легенды, народные и художественные сказки, особенно сказки романтиков, в которых так или иначе нашел свое отражение быт рудокопов – одной из самых распространенных в Германии в давние времена профессий, а также непосредственно предания и суеверия, характерные для немецкого населения вблизи Рудных гор, оказались созвучны уральским сказкам П. П. Бажова, в которых фигурируют «горных дел мастер», добыча малахита и медной или железной руды. Если герой немецкой или русской сказки по профессии – дровосек, пасечник, бочар, стеклодув или сплавщик плотов, живущий и работающий на чистом воздухе, то он отличается жизнелюбием, веселым нравом, вынослив, физически крепок, любит поесть и поспать, частенько напеваает, не всегда очень умен, но находчив, по-житейски хитер, изобретателен. Он незлобив, терпелив, легко прощает чужие грехи, испытывает сострадание к ближнему и потребность заботиться о более слабом, по внутреннему убеждению, душевному порыву приходит на помощь, часто рискуя собой. Если же он рудокоп, угольщик, трудится в каменоломне, копает колодец или ищет клад, иными словами, часто спускается «под землю», то он, как правило, угрюм, нелюдим, подозрителен, бескомпромиссен, совершает странные, не продиктованные логикой поступки, часто нездоров, страдает чахоткой, впадает в меланхолию, дурно спит, у него бывают видения, галлюцинации. Горный Дух, Повелитель пещер или Хозяйка медной горы «являются» только им, никто из живущих «вверху», «на земле» с ними, как правило, не может повстречаться, это особая привилегия горной «подземной» братии. Герой П. П. Бажова «чахнет», «изроbben», «в глазах зелено и щеки будто зелено подернулись. И кашлял завсе тот человек» [Бажов, 1957: 3]. Говоря словами писателя, «и то сказать, нездорово это мастерство. <...> Отравы чистая. Вот и оберегаются люди» [Там же: 34]. И только «избранным», тем, кому «гора раскрылась», может «блзнить» [Там же: 61], т. е. являться, «показываться» некий горный Дух. Поднявшись «наверх», они обыкновенно «лишены памяти» о том, что было «внизу» и, как водится, уже не бывают по-настоящему счастливы, а пребывают в «постоянной задумчивости и долго не живут»

[Там же: 65]. Это описание физического и душевного состояния «горных дел мастеров», как ни удивительно, точно воспроизводит симптоматику хронической лучевой болезни.

Патфизиология отмечает, что хроническая лучевая болезнь развивается в результате длительного, часто повторяющегося поглощения ионизирующих излучений в малых дозах. На первый план обычно выступают симптомы, обусловленные дезинтеграцией морфофункционального единства ЦНС и угнетением кроветворения, что проявляется астеническим синдромом (вялость, сонливость, слабость, плаксивость, раздражительность, смена настроений, бессонница; «малокровие» – лейкопения, тромбоцитопения). Угнетаются секретная и моторная функция желудка и кишечника (нарушение процессов утилизации пищи, потеря аппетита), дезорганизуются функции эндокринных желез (диспропорция частей тела), подавляются регенерация и репарация на органном (особенно подавляются зоны роста костей) и субклеточном уровнях (генетические дефекты, инициация канцерогенеза), извращается обмен веществ (аутоинтоксикация), снижается иммунитет. Со стороны ВНД отмечается ослабление памяти, снижение интеллекта, нарастание депрессии, психозы, сопровождающиеся бредом, галлюцинациями [Маколин, Овчаренко, Семенов, 1992: 110–111, 183–187; Симеонова, 2004: 43–52].

Анализ русских, немецких и французских сказок с точки зрения характеристик героев, живущих «внизу», выявляет аналогичные закономерности. Так, сын злой колдуньи Загрызы карлик Загрызенко из сказки А. Гамильтона «Тернинка» живет с матерью в *приземистом строении*, он не только безобразно горбат, но еще и хромотает при своем крошечном росте и к тому же обладает «самыми мерзкими на свете ногтями» [Гамильтон, 1990: 265]. Король гномов «Рике с хохолком» из одноименной сказки француженки К. Бернар – «отвратительный человек, сущий уродец» – вместе со своими подданными, такими же уродами, как он, проживает в *королевстве под землей* [Бернар, 1990: 140]. Желтый Карлик из сказки М. К. Д'онуга – «маленький злодей», лысый, с огромными ушами и желтой кожей – живет то в *дупле апельсинового дерева*, то в *низенькой хижине* [Д'онуга, 1990: 57]. Если злая фея и живет во дворце, то путь к нему непременно лежит *под землей*, как у Феи Лагеря – злой, исполненной черных замыслов, одноглазой и однозубой [Новые волшебные сказки, 1990: 396]. Любопытно, что в сказках волшебного содержания, намеренно удаленных от атрибутов реальной «земной» жизни, авторы при описании жилища прибегают к сугубо реалистическим деталям – почему-то крайне важным оказывается тот строительный материал, из которого сделано жилище: замок, дворец – слюдяной, железный, золотой, серебряный, деревянный или какой-то другой дом оказывается в прямой связи с характером, поведением и внешностью его обитателей. В этой связи нельзя не вспомнить одну историческую закономерность – в многочисленных средневековых монастырях и замках Южной Германии и Франции, построенных из самого распространенного и легкодоступного в этих регионах материала – песчаника, пемзы, гранита (как нам сегодня известно, самых радиоопасных материалов) – монахи имели крайне непродолжительную жизнь и умирали от болезней, чьи симптомы укладываются в симптомокомплекс лучевой болезни. Разумеется, монашеская жизнь была несладкой по многим причинам, а монастыри не отличались комфортом – холод, сырость, отсутствие солнечного света, дурная однообразная пища, однако в ряду факторов, способствовавших ранней смерти, заслуживает внимание и особо опасный для здоровья строительный материал и душная теснота никогда не проветриваемой кельи. Добыча драгоценных камней, серебра и золота, охрана несметных подземных сокровищ часто «доверена» в сказках и легендах существам крайне малого роста: горбунам, гномам [Сильва, 1993: 70] или, как в средневековом немецком

эпосе «Песнь о Нибелунгах», карликам – огромные сокровища нибелунгов охраняет подземный народ карликов-альбиносов. Отношение к жителям «низа» оказывается одинаково отрицательно-настороженным в славянской, германской и романской культурах: «Свет не видывал такого уродца – два горба, один спереди, другой сзади, глубоко запавшие глаза с вывороченными веками, вздернутый нос, рыжие космы, лоб в морщинах, шишках и шрамах, гнилые зубы, а сердце еще страшнее, чем все остальное вместе взятое» [Левек, 1990: 391].

Все эти сказочные сюжеты, приметы и суеверия не в рационалистической, а в чувственно-образной форме воспроизводят таинственные причины возникновения и внешние симптомы так называемой «шнеебергской болезни», или болезни шахтеров, большую часть жизни проводивших под землей и подвергавшихся разрушительному воздействию каких-то вредных факторов. Примерно в 1470 году в районе маленького саксонского городка Шнееберг (Schneeberg) на северном склоне Рудных гор (Erzgebirge), а также на их южном склоне со стороны Богемии (Joachimsthal, ныне Яхимов) была развернута интенсивная добыча серебра. В Шнееберге серебро добывали из глубоких шахт, достигавших 400 метров, тогда как в Яхимове добыча велась открытым способом. К началу XVI века среди шахтеров Шнееберга была отмечена необычайно высокая смертность от легочных заболеваний, особенно среди молодых рабочих. Первое упоминание об этом было сделано Парацельсом (1493–1541) в его книге «Über die Bergsucht und andere Bergkrankheiten» («О горной болезни и других заболеваниях»), написанной в 1537 и опубликованной только в 1567 году. В XVII–XVIII веках, с увеличением добычи серебра, меди и кобальта, частота этого легочного заболевания увеличилась, оно получило название «шнеебергской легочной болезни», но только в последней трети XIX века его идентифицировали как рак легких. От него в районе Шнееберга умирало около 75 % всех шахтеров, тогда как процент их смертности в Яхимове был значительно ниже. В XVI веке Парацельс предположил, что «шнеебергская болезнь» вызывалась вдыханием ртутной пыли. Это заблуждение господствовало несколько веков.

В 1898 году Мария и Пьер Кюри выделили из Яхимовских руд радий (^{226}Ra) и полоний (^{210}Po). Так называемая радиевая эманация, позже названная радоном (^{222}Rn), была идентифицирована как радиоактивный благородный газ, образующийся при распаде радия. Уже в 1901 году, начиная с первых измерений радона, его высокие концентрации были выявлены в шахтах Шнееберга и Яхимова; тогда же были описаны первые случаи рака, особенно рака кожи, вызванные «рентгеновским излучением радия» [Защита, 1995: 67]. Медицинские наблюдения показали, что «шнеебергская болезнь» была специфическим профессиональным заболеванием, вызванным содержанием в руде радия и высокой концентрации радона в воздухе нескольких шахт Саксонии. В 1920–1930-х годах гипотеза о связи двух факторов была подтверждена точными измерениями радона в шахтах Шнееберга и Яхимова, тем не менее, его решающая канцерогенная роль не была общепризнана, возникновение легочного рака ошибочно продолжали рассматривать как прямое следствие ингаляции токсичной рудной пыли, мышьяка или слабого здоровья и низкого уровня жизни шахтеров. Приписывание эффектов воздействия радона другим негативным факторам долгие годы оставалось широко распространенным заблуждением. Только исследовательская программа, начатая в 1936 году Б. Раевским в Институте Биофизики Кайзера Вильгельма (позже Институт М. Планка) во Франкфурте-на-Майне, обосновала связь между концентрацией радона и раком легких. На тот момент эта концентрация в исследовавшихся шахтах составляла 70–120 кБк·м⁻³, однако в одной из них этот уровень

равнялся $500 \text{ кБк} \cdot \text{м}^3$ – ее называли «шахтой смерти», так как большинство шахтеров, работавших там, умерло именно от рака легких. В 1940-х годах началась ширококомасштабная добыча и переработка урана в военных целях (территория нынешнего Заира, Канада, штат Колорадо в США, Франция). По директиве правительства СССР в исторически горнорудных районах Восточной Германии, в том числе и в Шнееберге, с 1946 года возобновилась промышленная добыча урана. Во всех районах она сопровождалась дозиметрическими исследованиями и радиобиологическими поисками возможных эффектов от ингаляции радона, однако все попытки объяснить рак легких только радоном оказывались безуспешными до тех пор, пока в 1951 году В. Ф. Бэйлем не была выдвинута идея, что основной причиной заболевания является не сам радон, а дочерние продукты его распада (далее ДГР). Целый ряд исследований в США, Чехословакии показал, что риск возникновения рака легких коррелирует с аккумуляцией экспозиционной дозы ДГР. Высокие концентрации радона наблюдались не только в урановых, но и флюоритовых (Канада), оловянных (Китай), железных (Швеция) рудниках. Сразу после открытия радона в 1901 году измерения показали, что он повсеместно является частью атмосферного воздуха. В 1907 году Э. Резерфорд писал: «Мы должны помнить, что все из нас постоянно вдыхают эманации радия и тория, их дочерние продукты и ионизированный воздух» [Цит. по: Защита, 1995: 71]. С 1950-х годов начались дозиметрические измерения радона в зданиях (первоначально в Швеции по инициативе Р. Зиверта), показавшие высокий уровень его содержания в них, но лишь 20 лет спустя радоновая проблема в жилых помещениях была осознана как опасность, так как уровни радона в некоторых зданиях оказались сопоставимыми с уровнями для шахтеров первых урановых рудников. Так, было установлено, что в большинстве зданий основным его источником являлся не строительный материал (каковым в Швеции оказался алюмосланцевый бетон), а эмиссионно-конвективный поток из почвы. Эти результаты имели большое значение при дальнейшем планировании эффективных методик вмешательства с целью уменьшения концентрации радона в помещениях.

Таким образом, «опыт» соприкосновения с ионизирующими излучениями и их пагубным воздействием у человечества был всегда, так как «они присутствовали в космосе до возникновения самой Земли» [Радиация, 1998: 3] и задолго до формирования живого. Космические излучения, идущие от всех небесных тел, и радиоактивность земного генеза «охватывают биосферу, проникают всю ее и все в ней» [Вернадский, 2004: 42–43], однако научная картина мира, отразившая и объяснившая такое положение вещей, только на рубеже XIX – XX веков сменила наивные представления, идущие из глубины веков и зафиксировавшиеся в текстах культуры череду мотивов, сюжетных коллизий и образов, сложившихся под «зловредным влиянием» *низа*. Подводя итог нашим наблюдениям, мы подчеркиваем, что обилие такого языкового и литературного материала позволяет предположить наличие общего источника его происхождения – какой-то древней, донаучной модели мира, в которой четко отпечатались наивные оценочные представления архаичного человека. Разумеется, это только гипотеза, навеянная языковыми фактами и неоспоримой связью языка с мышлением. Как говорит известный исследователь сказки В.Я. Пропп, в таких разысканиях фольклористика всегда спотыкается о недостаточность историко-этнографического исследования, и «часто приходится ограничиваться констатацией факта связи – и только» [Пропп, 2004: 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. – М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1957.
2. Бернар К. Рике с хохолком // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков. –

М.: Художественная литература, 1990. С. 140-150.

3. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001..

4. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / Предисловие Р. К. Баландина. – М.: Айрис-пресс, 2004.

5. Гамильтон А. Терника // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков. – М.: Художественная литература, 1990. С. 246–352.

6. Гримм Я. Мысли о том, как соотносятся сказания с поэзией и историей // Эстетика немецких романтиков / Сост. А. В. Михайлов. – М.: Искусство, 1986. С. 399–431.

7. Д'юна М. К. Желтый Карлик // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков. – М.: Художественная литература, 1990. С. 54–85.

8. Защита от радона-222 в жилых зданиях и на рабочих местах: Доклад междунар. комиссии по радиологической защите / Пер. с англ.; Под ред. А. В. Кружалов. – М.: Энергоатомиздат, 1995.

9. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Наука, 1996.

10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

11. Левек Л. Принц Аквармарин // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков. М.: Художественная литература, 1990. С. 352–396.

12. Маковский М. М. (Ред.) Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М.: Владос, 1996.

13. Маколин В. И., Овчаренко С. И., Семенов Н. Н. Хроническая лучевая болезнь // Внутренние болезни. Ч. 2. – М.: Медицина, 1992. С. 110–111, 183–187.

14. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – М.: ТетраСистемс, 2004.

15. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001.

16. Найдыш В. М. Философия мифологии: от античности до эпохи романтизма. – М.: Гардарики, 2002.

17. Новые волшебные сказки // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков. – М.: Художественная литература, 1990. С. 396–408.

18. Переверзев К. А. Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 255–267.

19. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / Сост. и ред. И. В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2004.

20. Радиация: дозы, эффекты, риск / Пер. с англ. Ю. А. Банникова. – М.: Мир, 1988.

21. Свое и чужое в межкультурной и монокультурной коммуникации // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. Междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001. С. 3–161.

22. Сильва К. Вирфуп ку дор // Кармен Сильва. Сказки. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. С. 57–79.

23. Симеонова Н. К. Действие ионизирующего излучения // Патологическая физиология: Учебник / Под ред. Н. Н. Зайко, Ю. В. Быця. 2-е изд. – М.: МЕДпресс-информ, 2004.

24. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Академический проспект, 2001.

25. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. С. 227–285.

26. Чванов Н. А. Адекватные отношения к ионизирующим излучениям – залог социально-экономического благополучия // Мед. экология: Сб. статей III Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Приволжск. дом знаний, 2004. С. 112–114.

27. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994.

© Пестова Н.В., Потапова Н.В., Чванов Н.А., 2005

Покровская Е.А.
Ростов-на-Дону

ЧУЖАЯ РЕЧЬ И ДИАЛОГ В ПОТОКЕ СОЗНАНИЯ (на материале русской литературы XX века)

Целью данной работы является изучение новых явлений в синтаксической организации конструкций с чужой речью и диалога в русских художественных прозаических текстах неклассической парадигмы культуры, функционирующих с начала XX века по сей день.

Понятие классической и неклассической парадигмы культуры опирается на идею Ф.Ницше о высоком, аполлоновском, и низком, дионисийском началах в искусстве, на созвучную теорию Д.С.Лихачева о первичных и вторичных стилях, на мысль Д.Чижевского о маятниковом развитии культуры, на концепцию двух парадигм, размываемую искусствоведом А.Якимовичем.

Поток сознания – основной организующий принцип литературы неклассической парадигмы приводит к появлению новаций, носящих радикальный, а подчас и деструктивный для конструкции с чужой речью характер.

Лингвокультурологический анализ синтаксических новаций, пришедших в русский язык в XX веке, показывает, что большинство из них (парцелляция, различные виды сегментации, неграмматическое обособление второстепенных членов предложения как часть более общего процесса – использования ненормативной пунктуации в целях актуализации, -радикальная неполнота предложения и словосочетания, активизация вставки «слабых» конструкций разговорной речи) распространилось в языке под воздействием лингвокультурологического фактора – доминирования неклассической парадигмы культуры в художественной литературе и вне ее [Покровская, 2001]. Одним из проявлений этого доминирования стали радикальные изменения в синтаксической организации конструкций с чужой речью.

В художественной литературе классической парадигмы XIX века окончательно сформировались три формы чужой речи – прямая, косвенная и несобственно-прямая, - характеризующиеся достаточно устойчивыми структурно- семантическими, интонационными и стилистическими особенностями и свойственными им способами введения их в авторскую речь. Вкратце охарактеризуем их.

Прямая речь обладает следующими признаками: установкой на точную передачу чужой речи с сохранением формально-грамматических особенностей (от лица говорящего, то есть от первого лица), интонационных и стилистических (установка на сохранение стиля говорящего, на чем основана индивидуализация речи персонажа). Она вводится авторской ремаркой, вместе с которой она образует сложное синтаксическое целое - конструкцию с прямой речью, имеющую грамматическое, смысловое, интонационное единство. Ремарка имеет ядро, компонент со значением говорения в широком смысле слова, который непо-

средственно вводит прямую речь. Обычно это бывает глагол, семантика которого сводится к инварианту «сказать», и имя – название говорящего.

Конструкция с прямой речью имеет четкое пунктуационно-графическое оформление. По всем этим признакам прямая речь противопоставлена косвенной, которая передает чужую речь от 3-го, авторского, лица, не имеет установок на точное, дословное воспроизведение чужой речи, на сохранение не только грамматических, но и интонационных, стилистических особенностей чужой речи. Косвенная речь вводится авторской ремаркой, образуя вместе с нею сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным, которое имеет стандартное для сложноподчиненного предложения пунктуационное оформление. Промежуточной между этими противопоставленными формами является несобственно-прямая речь, хронологически более позднее образование, унаследовавшая от прямой речи установку на воспроизведение речи чужой с сохранением стиля говорящего, а от косвенной — грамматическую форму третьего (авторского) лица. Она не вводится авторской ремаркой, то есть граница между авторским текстом и несобственно-прямой речью размыта, и не имеет особого пунктуационно-графического оформления. (Разработку этих вопросов можно найти в трудах [Милых, 1961, 1962, 1975; Кодухов, 1957; Чумаков, 1975].

Включенная в поток сознания, чужая речь преобразуется радикально: размывается четкая граница между речевыми слоями разных субъектов - повествователя (автора) и персонажа; форма чужой речи теряет свои характерные признаки вплоть до того, что образуются промежуточные, синкретичные; поток сознания преобразует даже содержание чужой речи: она представлена такую, какую ее воспринимает лицо, чьей сферой сознания организован текст.

Представляется, что преобразование чужой речи потоком сознания – это одно из проявлений тенденции к синтаксическому слиянию, которую отметил В.Г.Адмони, анализируя современную немецкую прозу. Он считает, что это тенденция «... к снятию разделов между синтаксическими единицами, их непосредственное столкновение друг с другом путем вовлечения в единый речевой поток. Таким потоком является столь важный для литературы поток сознания». И далее уточняет, что речь идет о «резком столкновении пунктуационно не отделенных друг от друга разноплановых кусков» [Адмони, 1973: 116-121].

1. Размывается граница между основным (автора, повествователя) и персонажным речевым слоем. Прямая речь теряет характерные для нее способы репрезентации и пунктуационно-графического оформления. Эти явления представлены различными вариантами.

Прямая речь может полностью сливаться с предшествующим текстом, и о том, что перед нами все-таки прямая речь персонажа, можно только догадываться по ее грамматическим формам и стилистическим показателям. Основной грамматический признак прямой речи здесь есть: первое лицо говорящего, что отличает ее от несобственно-прямой и косвенной речи. Стилистические показатели прямой речи тут тоже имеются (в следующем примере наиболее определенный из них — эмоционально-оценочное сниженное «свинья» в адрес персонажа, от автора такая оценка в контексте всего произведения исключается). Факультативные показатели прямой речи – разговорно-речевая краткость, порционная подача информации, парцелляция. Эти показатели мы считаем факультативными, так как они возможны и в речи автора, имитирующего беседу с читателем «здесь и сейчас».

Прятно гудело ветром. Где-то там притаился сон. Так, шаггал мальчик, так. Так оно и было, как она говорит. А я свинья.

Я перед всеми виноват. И дома. И перед ней. Свинья.

Все именно так и было.

(А.Битов. «Улетающий Монахов»).

Ни пунктуационно, ни графически не отделяясь от речи повествователя, прямая речь репрезентируется лишь именем говорящего, оформленным постпозитивной вставной конструкцией.

Сологуб Бальмонта не понял: Бальмонт, восстающий против неравенства вещественного и требующий насыщения низов и Сологуб, восстающий против уравнения духовного и требующий раскрепощения высот. Перед хлебом мы все равны (Бальмонт), но перед Богом мы не равны (Сологуб).

(М.Цветаева. «Бальмонту»).

Сологуб, в своем негодовании, только довершает Бальмонта

-«Накормите всех» (Бальмонт) - «И посмотрите, станут ли все Бальмонтами» (Сологуб). Не может же Сологуб восставать против хлеба для голодного, а Бальмонт против неба для отдельного. Так согласие, рукоплещу обоим.

(М.Цветаева. «Бальмонту»).

Восприятию подчеркнутого как прямой речи способствует последующий текст, где при аналогичной синтагматике реплики выделены кавычками.

Слияние чужой речи и авторской может быть столь сильным, что читатель не может понять однозначно, кому из двух участников эпизода принадлежат те или иные слова. В следующем отрывке из рассказа А.Битова косвенная речь героини включена в поток сознания героя и передается конспективно, сбивчиво (что можно объяснить и ее волнением, и его безразличием, невниманием); подчеркнутая часть предложения, начинающаяся со слов «и что-то настолько уж непонятное...», по-видимому, принадлежит герою-повествователю, чей поток сознания представлен в этом микротексте, хотя возможна и другая интерпретация – это продолжение косвенной речи героини. Такая затемненность смысла создается синтаксическим слиянием – нарушением четких границ между речью повествователя и чужой, когда два речевых слоя не только не разграничены, но, напротив, соединены союзом «и».

А женщина все бежала по тонким и слитным словам, и было в них, как она мчалась на такси через весь Союз, узнав о смерти мужа, как у нее не было денег и к тому же разарили ее квартиру, и как они все ушли на памятник, и как у нее был сын, школьник, и как трудно, трудно, трудно, и сколько счастья, счастья и что-то настолько уж непонятное и самое ясное было в конце, но этого было не задержать, не запомнить - только почувствовать, и, может память о своём чувстве...

- Да, - вздохнул Инфантьев. Вот ведь как.

(А.Битов. «Инфантьев»).

Пунктуационно и графически не оформленная прямая речь может сливаться с косвенной, предшествующей ей. Эта прямая речь может представлять целый диалог, но реплики его сливаются друг с другом и с контекстом. О том, что перед нами все-таки прямая речь, свидетельствуют в следующем примере обращения, грамматические неправильности и стиль, свойственные для говорящего - лакея - и невозможные в речи повествователя.

Ему сказали, что баронессы нет дома. Как так? А вот так.

Они давно уехали, а когда будут, не сказывали. Князь Мятлеев?

Непреренно, ваше сиятельство. Господин камергер? Как с утра уехавши, так до сей поры-с не объявлялись...

(Б.Окуджава. «Путешествие дилетантов»).

2. Форма чужой речи теряет свои четкие дифференциальные признаки, происходит смешение двух разных, что образует синкретичные формы. Это возникает, например, в тех предложениях чужой речи, где грамматические формы лица отсутствуют (предложение

безглагольного строя), ремарка наличествует, что мешает видеть здесь несобственно-прямую речь, пунктуационно-графической специфики прямой речи нет, но и изъяснительного союза – показателя конструкции с косвенной речью – нет тоже:

*И после мучительного думанья внезапное озарение:
а он для нас такой большой, что она его просто не видит.
Она думает – дом, или – гром... Он думает – просто блоха.*

(М.Цветаева. «Мой Пушкин»).

Еще одним случаем образования синкретичной формы чужой речи можно считать со вмещение в одной структуре и прямой, и косвенной речи. Следующий пример из рассказа В.Шукшина представляет одновременно и прямую, и косвенную речь, но не последовательно сменяющих одна другую, а совмещенные. Эта синкретичная форма чужой речи присоединяется изъяснительным союзом «что» и является придаточным изъяснительным, относящимся к опорному слову - глаголу говорения в главной части, что типично для речи косвенной. Но сама грамматическая конструкция — номинативное эмоционально-оценочное предложение, междометие «ах», восклицательная интонация возможны лишь в речи прямой, что подчеркивается ее пунктуационным оформлением - кавычками, - указывающими на точное воспроизведение реплики говорящего:

А кругом говорили, что «ах, какая красота!» *(В.Шукшин. «Чудик»).*

3. Поток сознания приводит к синтаксическому слиянию текста повествователя, реплик диалога, нескольких диалогов; границы разных речевых сфер не обозначены ни ремарками, ни графически. Интересно, что даже пунктуационно они могут не оформляться как самостоятельные предложения, то есть точкой – все дается через запятую. Это вызывает эффект обманутого ожидания у читателя, на чем и основана экспрессивность подобных конструкций. Ведь нормой для русского предложения является прямо противоположное: «Если в двух контактно расположенных предложениях одно из них передает факт объективной действительности, а второе – содержание мыслей, чувств, переживаний, воображения человека, то независимо от средств связи между ними всегда ставится точка. Точка же всегда ставится между предложениями, если авторами их содержания являются разные лица, то есть если одно из предложений – чужая речь» [Гаврилова, 2005: 84].

В следующем примере начало предложения - до «и уходят» - это диалог, но он никак не введен ремаркой, не отделен от повествования, более того, реплики разных персонажей не отделены друг от друга: читатель лишь догадывается, что «спасибо, мальчики, не беспокойтесь, учту» — это ответ героини на реплику ее гостей, причем вообще невозможно понять, вся предыдущая часть говорилась одним или была разделена на «партии» двух гостей, а их было двое, это известно. Реплика Мерзлякова, ремаркой к которой служит «звонит», ничем не отделяется от дальнейшего текста повествователя: «...приходи, звонит, с тобой люди хотят познакомиться, а я по людям изголодалась...», лишь женский род глагола подсказывает, что «я» - это не лицо Мерзлякова, а уже произошел сдвиг в субъектно-речевую сферу повествовательницы.

Желаем Вам, Ирина Владимировна, быть поскромнее, будьте здоровы, не зарывайтесь, ухаживайте за стариком, спасибо, мальчики, не беспокойтесь, учту, ну, пока, и уходят, а тут Мерзляков: приходи, звонит, завтра вечером, с тобой люди хотят познакомиться, а я по людям изголодалась, все больше одна, наедине и при неразрешенной судьбе, хотя чувствую, кажется обойдется, несмотря на совокупность событий или благодаря, ум за разум, и отвечаю, что обязательно буду, только вдруг в дверь звонят в половине восьмого утра. *(В.Ерофеев. «Русская красавица»).*

Диалоги в литературе неклассической парадигмы могут не отграничиваться друг от друга репрезентирующим компонентом, содержащим информацию, необходимую для адекватного восприятия – как минимум, об участниках беседы.

Еще одним случаем процесса синтаксического слияния различных структур является неразграничение двух диалогов. Второй диалог следует непосредственно за первым, но это никак не обозначается, и лишь по содержанию реплик читатель должен догадаться, что участники второго диалога – другие люди.

Дежурный интерн Лева пошел звонить. Николай взял трубку.

-Да, я у телефона.

-Николай Иванович, Юрий Михайлович оперирует Лапина, велел позвонить вам

Положил трубку.

-Юра знал, что я у тебя?

-Да ты что?

(Ю.Крелин. «На что жалуетесь, доктор?»)

Из дальнейшего текста, не сразу, внимательный читатель догадаемся, что реплика «Юра знал, что я у тебя?» начинает новый диалог не введенного автором персонажа - Иры - и Николая, участника предыдущего разговора по телефону. Предшествующий контекст этого несколько не подсказывает, так как предыдущая сцена, которая заканчиваемся предложением «Дежурный интерн Лева пошел звонить», происходила в больнице, а второй диалог - в доме у Николая, и участники второму диалога - другие люди, не названные автором. Так процесс синтаксического слияния можем охватывать даже разные диалоги с разными участниками, а граница между ними практически не обозначена.

4. Наиболее ярким проявлением деформации традиционной конструкции с чужой речью потоком сознания можно считать воздействие сознания воспринимающего на содержание речи: в тексте дается не то, что слышит основной протагонист, сферой сознания которого организован данный микротекст. Конец монолога героини, данного в форме то косвенной, то несобственно-прямой речи, представляет собой незаконченное предложение «больше ее нога...» и вырванные его восприятием отдельные слова:

Он безуспешно пытался вставить хоть слово, но она повелительным жестом прерывала его и говорила все сама, сама, сама...

И он кивал ей, будто бы соглашаясь, но она-то знала, как мало согласия в кивках этого сумасброда... Она не намерена краснеть за него и видеть осуждение в глазах людей, окружавших ее, и выслушивать их соболезнования! Больше ее нога... бесчинство... гнев государя... забвение... (Б.Окуджава «Путешествие дилетантов».)

Субъектная сфера воспринимающего персонажа преобразует, деформирует прямую речь говорящего, которая именно поэтому изобилует усеченными конструкциями:

Беспокоило другое, что он ждал чего-то, а оно не наступало.

-...или, например, - говорил камергер, - западное славянство не заслуживает нашего участия, и оно... зависимости

...ничего... историческое существование....

(Б.Окуджава. «Путешествие дилетантов»)

В таких усеченных конструкциях смысл невосстановим, потому что они даны в восприятии персонажа, не слушающего своего собеседника, думающего о другом.

Такие случаи тоже представляют синтаксическое слияние, о котором писал В.Г.Адмони, хотя здесь налицо пунктуационно-графическое, вполне стандартное, оформление прямой речи. По-видимому, синтаксическое слияние - это более глубокий и разно-

сторонний процесс, чем снятие пунктуационно-интонационных границ между сливающимися структурами.

Чужая речь, которая, как известно, традиционно выражает инстанцию говорящего/пишущего с использованием его же речевых средств, в литературе XX века неклассической парадигмы может одновременно выражать несколько субъектных позиций: и персонажа, которому чужая речь принадлежит, и повествователя, и других персонажей или коллективную. Все эти позиции «переливаются» эксплицитными и имплицитными смыслами, создавая подлинно бахтинскую диалогизацию микротекста.

В приводимом ниже отрывке в косвенную речь дяди Жени вторгается и позиция кэзгбиста, который может прочитать посланное из-за границы, хотя и диппочтой, письмо, и позиция повествователя, откровенно издевающегося над осторожностью служаки режима и, конечно же, гипертрофирующего его эживоки. Слияние субъектных сфер таким образом преобразует чужую речь:

...дядя Женя ни на минуту не утратил бдительности и послал Ленечке письмо диппочтой - копию Ленечкиным родителям, - предупреждающе, чтобы тот прекратил сам знает что и не вздумал это самое; что кое-кто предупрежден и проследит со всей строгостью, ибо на то уполномочен; а если Ленечка не перестанет кое-что, то дядя Женя даст знать кое-куда и тогда будет ай-ай-ай, и пусть Ленечка не думает, что если дядя Женя кое-где, то ему хоть бы хны. (Т. Толстая «Лимпопо»).

В заключение хочется поставить вопрос о художественно-стилистических функциях этих новаторских конструкций, о принципах художественной литературы неклассической парадигмы, которые реализуются, в частности, и в этих конструкциях.

Эти конструкции непривычны; они выразительны, так как возникает эффект обманутого ожидания. Необычность, новизна, нестандартность их в языковой ткани текста реализует один из основных принципов модернизма – антитрадиционализм. Автор творит свой мир, где все, начиная от «вещества существования» (а таковым для литературы является язык) непривычно, странно (принцип остранения!).

Многочисленные и многообразные новации в конструкциях с чужой речью имеют еще одно общее свойство: в них реализуется интимизация, субъективизация текста. Ведь модернистский дискурс настолько субъективирован, что все – время, пространство, события, люди - преломляется через сознание автора (рассказчика, персонажа); он теперь, в отличие от реалистического дискурса, и не имеет установки на воспроизведение действительности. Даже чужая речь, то есть неавторская, подается в тексте, преломляясь через сознание автора. А.Генис писал: «Модернизм совершил «Коперников переворот» в искусстве: вместо того чтобы исследовать объект, модернизм занялся субъектом. Область интересов художника переместилась с действительности на способы ее, действительности, репрезентации, манифестации, конструирования» [Генис, 2000: 203]. Художественная ткань произведения (и авторский, и персонажный речевой слой) представляет собой поток сознания субъекта - повествователя и героя. Для литературы этой парадигмы характерна и полисубъектность, то есть переплетение (отнюдь не только в формах чужой речи!) голов разных субъектов: «Традиционные формы реалистического искусства пытались создать иллюзию действительности, изобразить кусок жизни. Модернизм поставил под сомнение не только изображение реальности, но и само существование ее. Вооружившись афоризмом Ницше «Фактов не существует, есть лишь их интерпретация», модернизм изображал жизнь ареной борьбы разных субъективностей, разных трактовок реальности, существующей лишь в сознании автора» [Генис, 2000: 204]. (Надо оговориться, что автор

этих слов А.Генис понимает термин «модернизм» очень широко, как стиль нового искусства XX века вообще).

Иногда голос автора столь сильно проникает в чужую речь, что невозможно определить форму речи. И здесь мы переходим к еще одному принципу модернизма, реализуемому в этих «странных» конструкциях.

Отказ от рационального в пользу интуитивного, провозглашение алогизма вылились, как известно, в затемнение смысла модернистского текста, в нарушение принципа связности текста. Новации в области конструкции с чужой речью – яркое средство реализации этих принципов. Неясна граница между авторским началом и сферой сознания (речи) персонажа, они четко друг от друга не отграничиваются.

В постмодернистских произведениях новые способы репрезентации чужой речи имеют ярко выраженный эпатажный, почти шокирующий характер. Но в них реализуется иной, возможно, противоположный процесс в искусстве XX века. Постмодернизм приносит в литературу принцип палимпсеста, интертекстуальности, «смерти автора», по вызывающе-категоричному определению Р.Барта: «... текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из разных видов культур и вступающих друг с другом в отношения парадигм, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель. Читатель – это то иностранное, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых складывается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении...». И далее: «...рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [Барт, 1994: 390-391]. Постмодернизм может рождать текст, весь целиком представляющий собой полилог, при котором нет ни одной авторской ремарки. Позиция автора не эксплицируется ни разу, нигде нет указаний на то, кто, с кем, при каких обстоятельствах говорит и какими действиями свои реплики сопровождает. От автора - лишь название: «Очередь». Все остальное его содержание в репликах полилога, диалогов разных лиц, а наступившее молчание автор выражает графически - чистой страницей. Это экспериментальное игровое произведение рассчитано на «умного» читателя, догадывающегося по репликам о том, кому они принадлежат, кому адресованы, какими действиями сопровождаются, при каких обстоятельствах произносятся. Произведение названо романом, хотя его жанровая и родо-видовая атрибуция весьма проблематична.

Неопределимого жанра произведение Л.Рубинштейна «Появление героя» также не содержит ни единого авторского слова, все оно состоит из невведенных реплик, которые, в отличие от «Очереди» В.Сорокина, не составляют диалога, между ними нет даже смысловых связей. Например:

-Спросите лучше у других.

-Спасибо. Мне уже пора.

-И ты поверил, дурачок?

-Да он с утра уже косой.

-Сама-то знает, от кого?

(Л.Рубинштейн. «Появление героя»)

Фразы не склеиваются между собой, неизвестно, кому они принадлежат, о чем они, к кому обращены. Постмодернистский хаос, абсурд, игра с пустотой, небытием создается этими новаторскими полилогами, взрывающимися все законы текстообразования.

Интертекстуальность – важнейшая черта литературы постмодернизма – тоже вносит яркие новации в репрезентацию чужой речи. Авторский текст пестрит неоформленными цитатами: точная передача чужого текста, сохранение грамматических форм лица застав-

ляет считать эти вкрапления прямой речью, но отсутствует необходимая для прямой речи ремарка, отсылающая к источнику и его вводящая, разумеется, отсутствует и графическо-пунктуационное выделение.

Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят.

Что бы ни случилось с моей страной. Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в минуту любых испытаний и бедствий эти глаза не сморанут. Им все божья роса.

(Вен. Ерофеев. «Москва-Петушки»).

Эти неоформленные цитаты могут претерпевать изменения по сравнению с пратекстом:

Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигу. *(Вен.Ерофеев. «Москва-Петушки»).*

Их источником может быть не конкретный пра-текст, как это было проиллюстрировано выше, а типовой текст, клишированный. В следующем примере из романа В.Сорокина герои говорят газетными штампами, например:

Обычно в конце марта весна уже вступает в свои права.

Этот год не исключение, - сказала Светлана.

(В.Сорокин. «Тридцатая любовь Марины»).

Подводя итоги, можно сказать, что в русской литературе XX века неклассической парадигмы конструкции с чужой речью подвергаются существенным деформациям под воздействием потока сознания: размывается граница между авторским и персонажным речевым слоем; минимализируется, вплоть до полного исчезновения, авторский ввод и графико-пунктуационное оформление чужой речи; форма чужой речи теряет свои характерные признаки, в результате чего образуются новые, синкретичные формы; происходит слияние авторской речи и реплик диалогов в единое усложненное сложное предложение, где «голос» каждого субъекта не отделяется ничем от другого; содержание реплики говорящего лица деформируется сознанием воспринимающего ее лица. Эти трансформации связаны с потоком сознания, основным принципом художественной организации литературного текста неклассической парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. Адмони. Особенности синтаксической структуры в художественной прозе XX века на Западе // *Philologica*. Исследования по языку и литературе. Памяти академика В.М.Жирмунского. – Л., 1973. С. 116-121.

2. Р. Барт. Смерть автора // Р.Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994. С. 384-391.

3. Г. Гаврилова. О знаках препинания в предложениях с сочинительной связью // Г.Гаврилова. Избранные труды. Синтаксис предложения. – Ростов Н/Д., 2005. С. 81-86.

4. А. Генис. Модернизм как стиль XX века // Звезда. – СПб., 2000, № 11. С. 201-204.

5. Кодухов. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. – Л., 1957.

6. М. Милых. Конструкция с прямой речью как синтаксическая единица // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961, № 4. С. 136-145.

7. М. Милых. Конструкция с косвенной речью в современном русском языке. – Ростов н/Д, 1975.

8. Е. Покровская. Русский синтаксис в XX веке: лингвокультурологический. – Ростов н/Д, 2001.

9. Г. Чумаков. Синтаксис конструкций с чужой речью. – Киев, 1975.

© Покровская Е.А., 2005

ПСЕВДОАРХАИЗМЫ В СЛОВАРЯХ ЖАРГОНА

Восприятие жаргона как периферийного феномена родного языка массой его носителей заведомо отличается от представлений о социальных диалектах, разделяемых лингвистами. Последним свойственно критическое отношение к околотингвистической мифологии, опирающееся на строгие процедуры проверки данных и ясное понимание ограниченности рамок функционирования отдельного жаргонного слова в социальной, хронологической и географической системе координат. Как не бывает просто индивида, а есть индивид с определенными характеристиками по возрасту, полу, национальной принадлежности, цвету глаз, росту, весу, так и не бывает жаргонного слова вообще, а есть слово, имеющее хождение в определенной социальной группе, в определенных контекстах, с определенным эмоциональным ореолом. Однако в ряде случаев и лексикографы становятся жертвами наивного мифотворчества, а в жаргонные словари проникают описания слов, которым после проведения проверочных процедур приходится отказывать в реальности.

Лексикографический феномен, который будет подвергнут критическому анализу ниже, можно обозначить рабочим термином *псевдоархаизмы*. Это подтип словарных описаний «мнимых слов» (ghost-words), омонимичных архаизмам и проникшим в современные жаргонные словари из письменных источников. Функционирование таких мнимых лексических единиц в современной устной речи, включая жаргоны, представляется крайне маловероятным по причине их полного или почти полного забвения. Последнее, однако, не освобождает автора настоящей статьи от необходимости в каждом случае проводить тщательную проверку источников словарного описания, чтобы не по произволу отказывать в реальности каждому сомнительному слову, попавшему в современные словари жаргонов по произволу.

1. Словарная статья «*бармица* – бусы» [Мильяненко, 1992: 82], «*бармица* – бусы» [Балдаев, 1992 (ББИ): 24; Балдаев, 1997-1: 29], «*бармица*, -ы, ж. Угол. Бусы. ББИ, 24; Мильяненко, 82» [Мокиенко, Никитина, 2000: 45] является, по всей вероятности, результатом переработки краткой выписки из словаря В.И. Даля «**бармица* – ожерелье» (после редактирования: *бармица* – бусы) на основе следующего фрагмента: «*бармица* стар[инное]. оплечье, походившее на отложное *ожерелье* || кольчатый доспехъ на оплечье, на плеча, грудь и лопатки» [Даль-1: 50, на *барма*]. («Ять» в цитатах передается буквой *ь*. Место ударения обозначается полужирным шрифтом.)

Возможно, включение выписки *бармица* в рабочую картотеку было спровоцировано тесным соседством с омонимом, описанным у В.И. Даля в следующем абзаце: «*барма* общ[его рода]. моск. бормотунъ, невнятно, неясно говорящій, картавий». Последнее напоминает «*бармить* – говорить», включаемое в словари уголовного жаргона с 1923 г. [Потапов, 1923: 165], и могло быть выписано в качестве словарной параллели к нему. Уменьшительное *бармица* не зафиксировано в «Словаре русских народных говоров», где есть только *барма* «риза священника» (смоленское, 1858 г.) [СРНГ, 2: 118]. В исторических словарях русского языка представлено однократно в значении, аналогичном «кольчатый доспех на оплечье» (у В.И. Даля): «**БАРМИЦА**, ж. *Кольчужная сетка, от нижней части шлема и до плеч*» (с примером 1556 г.) [Сл. XI-XVII, 1: 74]. Иллюстративных примеров с якобы жаргонным *бармица* 'бусы' неизвестно. Вывод: словари жаргона безосновательно описывают

несуществующее слово, не случайно омонимичное архаизму, представленному у В.И. Даля.

2. «*Вадить* – клеветать, оговаривать» [Милютенков, 1992: 91], «*вадить* – клеветать, оговаривать» [Балдаев, 1992 (ББИ): 39; Балдаев, 1997-1: 55]; «*вадить*, -жу, -дит несов., кого. Угол. Неодобр. Клеветать на кого-л., оговаривать кого-л. Милютенков, 91; ББИ, 39; Балдаев, 1, 55» [Мокиенко, Никитина, 2000: 87]. Это описание находит параллель в словаре В.И. Даля: «*вадить*... стар., а иногда и нынѣ: клеветать на кого, наговаривать» [Даль-1: 160], ср.: [Востоков, 1858-1: 37].

В СРНГ это значение подается в ряду значений омонима «**4. Вадить**» («3. Наговаривать, клеветать на кого-л.»), как ни странно, с отсылкой к академическому словарю 1806 г. [с пометой «стар.»] и все той же цитате из В.И. Даля «стар., а иногда и ныне» [без указания места] [СРНГ, 4: 11-12]. Таким образом, весьма причудливые данные «Словаря русских народных говоров» позволяют заключить, что слово *вадить* в данном значении иллюстрировать было нечем. Косвенной причиной включения выписки «**вадить* – клеветать, наговаривать» в картотеку уголовного жаргона могло послужить созвучие между *вадить* и глаголом *валить* [кого-л.] 'доносить [на кого-л.]', представленным в тех же словарях. Пока иллюстративных примеров с изысканным архаизмом ВАДИТИ 'клеветать' в жаргонной речи никто не привел, эта словарная статья в современных жаргонных словарях остается под большим подозрением.

3. Следующее слово употребляется «иногда и ныне», поэтому материал будет изложен строго хронологически. В.И. Даль в середине XIX века описал слово так: «*гиль* м. стар[инное]. смута, мятеж, скопище. *Гилемь* пришли, толпой, буйным скопищем. *Гилевщик*, участник въ гиль...» [Даль-1: 350]. В 1992 г. в словарях жаргона вместе с многочисленными явными выписками из В.И. Даля появляются следующие описания слова: 1) «*гиль* – группа мятежников» [Милютенков, 1992: 103], 2) «*гиль* (ин.) – возбужденная, мятежно настроенная группа, толпа» [Балдаев, 1992 (ББИ): 55; Балдаев, 1997-1: 87]. Наличие при слове пометы «ин[озычное]» в двух последних словарях при отсутствии пометы «м[ежду]н[ародное]» у Милютенкова указывает лишь на то, что авторы ББИ задумывались над происхождением этого слова и решили, что оно из языков народов СССР (ср.: «Лексика, вошедшая в словарь (около 11 000 единиц), собиралась практически на всей территории бывшего СССР (этим, кстати, объясняется и появление в словаре слов с пометой «иноязычное»...)» [Балдаев, 1992 (ББИ): 9, 13]). В 1993 г. вышел в свет криминальный роман В.П. Смирнова «Гроб из Одессы», в котором, судя по аннотации, легендарная старая Одесса представлена от «эпохи Порто-Франко» ("порто-франко" с 1817 года) и «времен Соники Золотой Ручки» (2-я половина XIX в.) «на протяжении сотни лет». Этот в большей мере посвященный прошлому художественный текст явился, наряду с тремя процитированными словарями, источником (сокращение «См.») для словарной статьи в «Большом словаре русского жаргона» 2000 г., что само по себе требует обоснования: «*гиль*, -я м. Угол., жрр. 1. Мятеж. См.(2), 179. 2. Группа мятежников. См.(2), 179...» [Мокиенко, Никитина, 2000: 124]. Вероятно, БСЖ ссылается на пример употребления слова *гиль* в данном тексте Смирнова: «А вы... из себя гиль не стройте, сдайте рога в каптерку. Фуцан щекотнулся, когда жареный петух клонул...» (В. Смирнов. "Гроб из Одессы") [цит. по: Стецюченко, Осташко]. Насколько текст В.П. Смирнова в части стилизации жаргона зависим от вышедших за год до его публикации словарей [Милютенков, 1992; Балдаев, 1992 (ББИ)], остается неизвестным. Во всяком случае, редкое слово *гиль* (не в значении 'чушь', а в значении 'возбужденная, мятежно настроенная группа, толпа') ранее 1992 г. в жаргонной

лексикографии известно не было.

В СРНГ представлено: «**3. Гиль**, я, м. Толпа, скопище народа. *Гиль народу*. Нерехт. **Костром.**, Диев., **Костром.**, Даль. – Ср. Гильмо» [СРНГ, 6: 171-172]. Пример употребления показывает, что костромское слово *гиль* значит 'множество людей', а не 'бунтующих людей'. Если не считать стилизации писателя Валерия Павловича Смирнова, примеров употребления слова *гиль* в значении 'бунтовщики (собир.)' из уст носителей жаргона не зафиксировано.

4. «**Гобзить** – совершать половой акт» [Мильяненков, 1992: 104]; «*гобзить* – совершать половой акт» [ББИ: 57; Балдаев, 1997-1: 90]; «**Гобзить**, сов. Жарг. Совершать половой акт» [Мокиенко, Никитина, 2003: 104]. Словарная статья является результатом искажения вследствие обостренно-эротической трактовки краткой выписки «**гобзить* – делать плодовым» из словаря В.И. Даля: «*гобзить* что, *дьялать* обильнымъ, *плоднымъ*...» [Даль-1: 363, на *гобина*]. Довольно сильная защита от плагиата была заложена в эту словарную статью самим В.И. Далем. Дело в том, что каузатив на *-ити* со значением 'делать обильным, плодородным' – это большая редкость. Возможно, что даже и придумка (реализация потенциального деривата), принадлежащая самому В.И. Далю. Ср.: «**гобзьѣти**, гл. ср. благоуспѣвати» [Востоков, 1858-1: 85]; **гобзьѣти** (**гобзьѣти**). *Процветать, преуспевать*», которому обыкновенно соответствует каузатив **гобзовати** [Сл. XI-XVII, 4: 49]. Таким образом, существует ряд признаков того, что якобы жаргонный глагол *гобзити* 'futuere' списан у В.И. Даля с неверно понятым толкованием.

5. Следующее слово *дефтер* представлено в живых тюркских языках в значении «тетрадь» и др. Однако внутренняя критика должна предшествовать внешней: «*дефтер* – документ» [Мильяненков, 1992: 113]; «*дефтер* (ин.) – документ» [Балдаев, 1992 (ББИ): 68; Балдаев, 1997-1: 110]; «*дефтер*, -а м. Угол. Документ. Мильяненков, 113; ББИ, 68; Балдаев, 1, 110» [Мокиенко, Никитина, 2000: 156]. В словаре В.И. Даля: «*дефтеръ* или *деветеръ* м. тат[а]р[ское]. старинное. ханский ярлыкъ или *грамата* о выходахъ, т. е. о пошлинь, дани, сборахъ» [Даль-1: 434]. Сомнения в реальности описания этого слова применительно к жаргону остаются, в частности, в связи с тем, что помета «ин.» при этом слове в ББИ не имеет соответствия в виде пометы «мн.» у Мильяненкова, что может указывать на тот же слой компиляции, из которого пришло слово *гиль*.

6. Нет ясности в отношении следующего слова, как не было ее и у В.И. Даля, который поставил 2 знака вопроса в одной строке: «*завировать?* (вира?) кого, задарить, подкупить» [Даль-1: 560]. Ясно, что произвольные преобразования этой записи привели в чтению 'задержать' на месте 'задарить': «*завировать*, -рую, -рует, сов., кого. Угол. 1. Задержать кого-л. Мильяненков, 122; Балдаев, 1, 137; ББИ, 82. 1. Подкупить кого-л. Мильяненков, 122; Балдаев, 1, 137; ББИ, 82» [Мокиенко, Никитина, 2000: 191]. Поводом для выписки этого слова из словаря В.И. Даля послужило наличие в жаргонных словарях последних полутора десятилетий слова *завира*, ошибочно возникшего на месте *хавира* 'дом, квартира' в результате нажатия на соседнюю клавишу «3» вместо «X» [ТСУЖ 1991: 62, на *залепить*; Мокиенко, Никитина 2000: 191]. Это показательный пример того, как одно мнимое слово (*завира*) «притягивает» в словарь другое, не менее мнимое для жаргона слово.

7. Астраханское слово *исад* 'торговая пристань, базар' также, по всей видимости, проникло в словарь жаргона из словаря В.И. Даля: «*исады* м. стар. *исада* ж. арх. *исады* ж. прм. *исады* мн. астрх. изсады, мѣсто высадки на берегу, пристань, торговая пристань, *базарь*...» [Даль-1: 48]. Более верный протографу Л.А. Мильяненков дает: «*исад* – базар» [Мильяненков, 1992: 131]; склонный к литературной правке ББИ сообщает: «*исад* – рынок» [Балдаев,

1992 (ББИ): 96; Балдаев, 1997-I: 171]; БСЖ обобщает: «*исад*, -а м. Угол. Базар, рынок. Мильяненков, 131; Балдаев, 1997, I, 171; ББИ, 96» [Мокиенко, Никитина, 2000: 233]. В говорах известны: *исад*, *исады*, и мн. *исады*, *исади* в различных значениях, например: «**Исад**, а, м. 1. Базар, место для продажи съестных припасов около речной пристани, где пристают торговые суда. **Астрах.**, 1846. Даль (с помет. «стар.») ... » [СРНГ, 6: 211-212]. В Астрахани и ныне известны рынок «Большие исады» и торговый дом «Селенские исады», как и прочие подобные топонимы в иных местах по Поволжью. Старинное слово *исад* (пусть и зафиксированное в территориальных диалектах в 1958 г.) в жаргонном словаре оказалось по недоразумению.

8. Впервые в словарь уголовного жаргона слово *редрый* также попадает в 1992 г.: «*редрый* – рыжий» [Мильяненков, 1992: 221]; «**РЕДРЫЙ** – рыжеволосый» [Балдаев, 1992 (ББИ): 209]. Последнее во втором издании словаря Д.С. Балдаева воспроизведено без изменений [Балдаев, 1997-II: 14]. В сводном «Большом словаре русского жаргона» имеются ссылки только на три вышепротитированные издания: «**РЕДРЫЙ**, -ая, -ое. Угол[овное]. Рыжий. Балдаев, II, 14; ББИ, 207; Мильяненков, 221. <от англ. red hue – красный как рожь>» [Мокиенко, Никитина, 2000: 506]. Ударение и более широкое толкование «рыжий» (а не «рыжеволосый», являющееся характеристикой только человека) принято вслед за Л.А. Мильяненковым. Добавлена этимологическая помета, инспирированная представлением об этом слове как, вероятно, о недавнем заимствовании в связи с английским влиянием в области экспрессивной лексики.

Источником этого словарного описания в жаргонных словарях, по всей вероятности, является выписка из словаря В.И. Даля «**редрый* – рыжий» на основе следующего фрагмента: «**РЕДРЫЙ** стар[ое]. арх[ангелогородское]. в[ол]л[о]ж[о]д[ское]. рыжий, рыжебурый о рогат[о]м[ъ] скотъ. Да благословляю язъ Василей дочери своей теллицу редру, полутора году, стар[ое]. **Рёдра**, кличка рыжей коровы. || В[ол]л[о]ж[о]д[ское]. б[ы]логоловая, пестрая корова?» [Даль-IV: 89].

Даже если описание этого слова переключалось в словарь уголовного жаргона не из словаря В.И. Даля, а (что маловероятно) из диалектной речи, все равно нет оснований включать его в уголовный лексикон, поскольку оно ничем (семантически или грамматически) не отличается от соответствующего диалектного слова, ср.: *рёдрий* и *редрый* [СРНГ, 35; 22].

Если в отношении двух предыдущих слов можно предположить некоторую возможность случайного отражения в жаргонном словаре территориальных диалектизмов, то следующие два слова с высокой вероятностью выводятся из словаря В.И. Даля и для современного русского жаргона являющиеся мнимыми словами.

9. «*Рта* – лыжи [Мильяненков, 1992: 223]; «*рта* (ин. <**НВ!**>) – лыжи» [Балдаев, 1992 (ББИ): 213; Балдаев 1997-II: 19]; «*рта*, неизм. мн. Угол. Лыжи. Балдаев, II, 19; ББИ, 212; Мильяненков, 223» [Мокиенко, Никитина, 2000: 514]. Ср. у В.И. Даля: «*рта* ж. стар. *рты*, лыжи. *Придоша морва на ртахъ...*» [Даль-IV: 106]. Любопытно, что тот же пример из Никоновской летописи (6952 / 1445 г.) приводит И.И. Срезневский в «Материалах» [Срезневский-III: 79]. Если бы слово было выписано в словарь жаргона из словарей территориальных диалектов, его форма была бы *ирта* 'лыжа'. Если бы оно было услышано, оно имело бы вид *ирты* 'лыжи' [ср.: Фасмер-III: 509]. Типичный анахронизм. В выписке игнорировалась несостыковка в форме числа между толкуемым и толкованием.

10. Версию об искажении кратких выписок из В.И. Даля подкрепляет и следующий пример: «*сеунчъ* тат[а]р. стар. радостная вѣсть, особенно о побѣдѣ. *И прислать к царю*

стольника съ сеунчемъ, что онъ городъ Серпескъ взять. И обрѣтоша его уже мертва, и поскочиша къ царю сеунчевати, Курбскѣй]. поздравлять. И пригнаша отъ воеводъ сеунщика, что городъ взяли, гонца, вѣстника» [Даль-IV: 179], а также: [Срезневский-III: 343]. В современных словарях жаргона это слово представлено с 1992 г., однако представлено в сомнительном виде: «сеун – радостное известие» [Милянченко, 1992: 231]; «сеун – приятная новость, радостное известие» [Балдаев, 1992 (ББИ): 222; Балдаев, 1997-II: 37]. Факт не вполне осознанного списывания подтверждается повторным удалением конечного -Ъ, а именно: сеунчЪ > сеунЧ (прочитано при копировании как *сеунЪ) > сеун. Таким образом, не остается сомнений в том, что сеун – это случайная выписка, по ошибке поставленная в общий алфавитный ряд жаргонного словаря.

Наличие в современных жаргонных словарях мнимых слов прямо обусловлено массовыми представлениями о структуре русского языка как средства общения. Русский язык как целое, по общему мнению, состоит из таких составляющих, как, например, нормативный вариант литературного языка, а также территориальные и социальные диалекты. Представление о последних отличается необъяснимой двойственностью: с одной стороны, даже парламентарии и школьники используют жаргонные слова и выражения из широко известного репертуара, с другой стороны, в народе существует наивная вера в то, что помимо такого жаргона должен существовать еще и какой-то герменевтический, настоящий жаргон. Видимо, этот миф своей «зазеркальностью» напоминает, например, наивные представления о субкультуре врагов народа эпохи 1930-х – 1950-х годов (они должны травить колодцы) или представления участников и зрителей вдовских процессов о том, как должны проходить шабаша нечистой силы (участницы должны летать на метлах).

В соответствии с этими представлениями в «настоящем» жаргоне должны быть слова, совершенно непонятные и неизвестные читателю (да и составителю) словаря. Человек из академической среды (лингвист), работающий со словарными материалами, собранными человеком, практически связанным по работе с кругами носителей уголовного жаргона, испытывает естественный интерес и, возможно, подсознательное доверие к тем данным, которые являются в его собрании уникальными, не имеют прозрачной этимологии и подкреплены авторитетом истинного носителя данного жаргона. Однако сам носитель жаргона, испытывая доверие к специалисту, в свою очередь «перепоручает» задачу проверки материала ему. Вопрос о том, кто же все-таки должен выявить мнимое слово или просто исправить ошибки, остается без ответа.

Лингвокультурология, занимаясь «осмыслением коллективного опыта, который закодирован во всем богатстве значений слов, фразеологических единиц, общеизвестных текстов, формульных этикетных ситуаций и т.д.» [Карасик, 2001: 3], не может игнорировать и ту сторону письменной коммуникации, которая, как кажется, связана с фатической функцией языка [Якобсон, 1975]. Как Макар Нагульнов учил буржуинский английский, как русские книжники благоговейно переписывали Азбуковники (копируя, например, «**теплумъ**, церковь; **хруптумъ**, плодъ», лат. *templum, fructum* [Дьячок, Шаповал, 1987: 56]), так, видимо, и наши современники читают жаргонные словари в поисках таинственного. Для успешного выполнения данной функции в словаре должно быть что-то сакральное, непонятное. Отдельный вопрос, насколько сами лексикографы (сознательно или бессознательно) включены в реализацию этого назначения таинственных словариков. Во всяком случае можно констатировать, что авторы жаргонных словарей регулярно становятся жертвами заблуждений. Например, совсем свежий словарь школьного и студенческого жаргона дает слово «ТОНГАК, -а, м. Шк. *Поход или поездка всем классом в целях развлечения.*

terms20.6/03» [Вальтер и др., 2005: 278]. Есть подозрение, что это шутовское *толчан* 'пеший поход' (от *толпать*, например, «Отчет о горном *толчане*, походе в Терской-Алатау», пример из интернета), однако проверить это подозрение не удастся, поскольку тот ресурс, на который имеется ссылка в словаре, уже не существует.

Регулярность, с которой мнимые слова проникают в словари социальных диалектов, сравнима, пожалуй, с частотой фиксации странных слов при собирании фольклора. Обычно не проходит и дня, чтобы информанты не выдали какой-то бессмысленный для них самих, но сберегаемый в коллективной памяти квазивербальный фрагмент и не пояснили, что так искони поется, а что значит, неведомо. Трудно сказать, в какой степени в связи с феноменом мнимых слов в жаргонных словарях проявляется «распредмечивание ценностных смыслов» для носителей жаргона [Карасик, 2001: 16], но не вызывает сомнения, что сам по себе процесс собирания словаря, видимо, способствует на эпическую атараксию и лексикографов. В уже упоминавшихся словарях уголовного жаргона среди весьма сомнительных архаизмов встречается три слова (*жирь* 'богатство', *смага*, *цвѣлить*), которые, будучи поставлены в ряд, у лингвиста вызывают ассоциацию со «Словом о полку Игореве».

11. «*Жир*, -а, м. 1. Угол. Достаток, накопления прибыль. Мильяненков, 120; ББИ, 78; Балдаев, I, 130 // Воровская добыча. ББИ, 78; Балдаев, I, 130» [Мокиенко, Никитина, 2000: 184]. У В.И. Даля: «*жирь* м. ... *Богатство, избыток, роскошь...» [Даль-I: 542].

12. «*Смага* – жар, огонь» [Мильяненков 1992: 235]; «*смага* – жар, огонь» [ББИ: 227; Балдаев 1997-II: 47]; «*смага*, -и ж. Угол., мол. Жар, огонь. ... [Мокиенко, Никитина, 2000: 548]. Параллель у В.И. Даля: «*смага* ж. *жарь*, пыль, *огонь*, полымя, горящий жупель. *Поскочи-ста* (половцы) *по русской земли, смагу мычучи въ пламянь розь* (изъ пламенного рогу), Сл[ово] о п[о]л[к]у Иг[оревь]...» [Даль-IV: 230].

13. «*Цвѣлить* – дразнить, мучить» [Мильяненков, 1992: 270]; «*цвѣлить* – 1. Дразнить. 2. Мучить» [Балдаев, 1992 (ББИ): 273; Балдаев, 1997-II: 130]; «*цвѣлить*, -лю, -лит, несов., кого. Угол. Дразнить кого-л., издеваться над кем-л. ...» [Мокиенко, Никитина, 2000: 658]. У В.И. Даля те же слова в толковании: «*цвѣлить* кого, стар. и зап. (zwicken?) ...дразнить, ...мучить...» [Даль-IV: 571].

Если *жир* в значении 'достаток' еще можно представить в переносном употреблении (однако принадлежность такого употребления исключительно уголовному жаргону еще надо доказать), то два других слова, оказавшись в современном жаргонном словаре, по хорошему, должны стать поводом для сенсации. Значение 'огонь' – архаичное, в народных говорах можно найти значения 'сажа, копать', 'сухость во рту, жажда' [Даль-IV: 230; Фасмер-III: 682-683]. Тот факт (если это факт), что старинное, эпохи «Слова о полку Игореве», значение этого редкого слова до сих пор живет в уголовном жаргоне, заставляет неровно биться сердце историка русского языка. Столь же драгоценным раритетом является глагол *цвѣлить*. Контекст «Слова о полку Игореве» (*Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлиту...*) недостаточно информативен для того, чтобы во всех деталях восстановить значение этого глагола. И.И. Срезневский дает толкование 'заставлять плакать' [Срезневский-III: 1437]. Может быть, современный жаргон подскажет какие-то типовые контексты, которые позволят окончательно прояснить значение этого слова? Однако словари жаргона не выходят за пределы той информации, которая могла быть извлечена из словаря В.И. Даля (иногда в искаженном виде).

Кроме того, существует еще ряд признаков того, что рассмотренные выше архаизмы попали в картотеку жаргонных материалов по недоразумению. Все эти слова в словаре

жаргона появились в одно время и единым списком. Существенной общей чертой этих выписок является игнорирование ударений В.И. Даля, а затем восстановление ударений на произвольном месте:

бармица – оплечье, похожее на *ожерелье* > *бармица* – бусы;

зобзить – делать обильным, плодным > *зобзить* – совершать половой акт;

завировать – задарить, подкупить > *завировать* – задержать, подкупить;

исад – торговая пристань, базар > *исад* – базар;

цэвлитъ > *цвелитъ* – дразнить, мучить.

Характерные ошибки прочтения при копировании говорят о том, что непосредственно со словарем В.И. Даля имел дело человек, не только не получивший филологического образования, но и просто не слишком грамотный.

Накопление немотивированных графических трансформаций свидетельствует о том, что рукописные сокращенные выписки из словаря В.И. Даля были скопированы несколько раз, прежде чем стали частью рабочей картотеки, на основе которой возникли печатные источники 1992 г. [Милютенков, 1992; Балдаев, 1992 (ББИ)].

В ряде случаев имеются явные признаки того, что словарь Л.А. Милютенкова текстуально ближе к протографу, чем более тщательно отредактированный стилистически ББИ. Протограф, то есть рабочая картотека, даже может быть частично реконструирован на основе сопоставления словаря В.И. Даля с двумя печатными версиями. (Второе издание 1997 г. [Балдаев-III] для восстановления шагов искажения выписок из словаря В.И. Даля самостоятельного значения не имеет.)

Таким образом, анализ списка подозрительных архаизмов (13 словарных статей), представленных в жаргонных словарях современного русского языка, начиная с 1992 г., позволяет заключить, что в рассмотренных словарях описаны псевдоархаизмы. Не во всех случаях критика на уровне отдельной словарной статьи дает достаточные основания для того, чтобы доказать, что представленное в словаре описание не отражает реальную практику носителей жаргона. Однако рассмотрение списка подозрительных слов как целого позволяет обнаружить дополнительные признаки письменного заимствования из постороннего источника, которым является «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Выявленный феномен (некритическое включение в словари жаргонов мнимых слов, в частности, явных архаизмов), вероятно, может быть объяснен как одна из форм реализации фатической функции языка в сфере письменной коммуникации. Содержательно пустые формы письменной коммуникации как часть культуры общения еще ждут всеобъемлющего исследования, поэтому и рассмотренный выше частный случай мог быть квалифицирован лишь в предварительном плане. В заключение следует подчеркнуть, что устойчивость феномена доказывает, что он не вступает в противоречие с массовыми представлениями о жаргоне.

© Шаповал В.В., 2005

Шинкаренко М.Б.
Екатеринбург

СТРУКТУРА ДИСКУРСА РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

Дискурс – многозначный термин-понятие ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, – лингвисти-

ки, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии. [О многообразии вариантов определения дискурса см.: Карасик, 2002; Паршин, 1999; Слыш-кин, 2000; Шейгал, 2000; Чудинов, 2002б].

Для уточнения базовой концепции исследователи традиционно рассматривают понятие дискурса в ряду таких смежных понятий, как **язык – речь – дискурс – текст**.

Термин «дискурс» восходит к известной соссюрсовской оппозиции «**языка**» и «**речи**» (la langue и la parole). Речь, в отличие от языка, который определялся Соссюром как социальный, внешний по отношению к индивиду аспект речевой деятельности, как виртуальная система, трактовалась им как индивидуальное действие, деятельность, противопоставленная общественной функции языка [Пешё, 1999: 310-312]. В современных исследованиях дискурс чаще приравнивается к речи в соссюрсовском понимании (язык, в действии, *langage in use*). А переход от понятия речи к понятию дискурса скорее связан со стремлением ввести в классическое противопоставление языка и речи, принадлежащее Ф. де Соссюру, некоторый третий элемент – нечто более «реальное», нежели сама речь, и одновременно более формальное, «виртуальное» как язык, то есть поддающееся изучению с помощью традиционных лингвистических методов.

Также термин «дискурс в современной лингвистике близок по смыслу к понятию «**текст**». Нередко «дискурс» понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (т.е. текст); именно такое понимание является предпочтительным и наиболее распространенным. В основе данного подхода лежат следующие дихотомии, то есть сопоставленность и противопоставленность рассматриваемых понятий, отмеченные в работе Е.И. Шейгала [Шейгал, 2000: 9-10]:

1. Категория дискурса относится к области лингво-социального, тогда как текст – к области лингвистического. Текст – это «вербальное представление, «словесная запись» речевого события» [Михальская, 1998: 367, 381], а дискурс – «текст, взятый в событийном аспекте», «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990: 136-137].

2. Дискурс и текст противопоставлены как процесс и результат. Дискурс предстает как явление деятельностное, процессуальное, связанное с реальным речепроизводством, а текст – как продукт речепроизводства, имеющий определенную законченную и зафиксированную форму [Кубрякова, Александрова, 1997: 97]. Таким образом, «термин «дискурс» подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности» [Зарубина, 2003: 42].

3. Дискурс и текст противопоставлены в оппозиции как реальность и виртуальность. Дискурс рассматривается как реальное речевое событие, как «функционирование языка в реальном времени», тогда как текст лишен жесткой прикрепленности к реальному времени, он представляет собой абстрактный ментальный продукт, реализующийся в дискурсе.

Отмечаемая рядом исследователей [см. напр.: Тураева, 1986: 127] дихотомия «устный – письменный» вызывает ряд сомнений и значительно ограничивает понятие дискурса. В соответствии с концепцией настоящего исследования точнее рассматривать термины «речь» и «текст» как видовые по отношению к родовому термину «дискурс», который в данном понимании объединяет параметры, свойственные речи (связанной со звучащей субстанцией) и тексту (имеющему графическую репрезентацию).

Для более полного определения объема понятия дискурс необходимо также отметить **место текста** в традиционной модели дискурса. Как уже было отмечено выше, дискурс

находит свое выражение в тексте, дискурс возникает и выявляется в тексте и через текст, но ни в коем случае не ограничивается им, не сводится к некоему одному тексту. Преимущество данного подхода состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. «Дискурс обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания / текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [Чернявская, 2003: 54]. Как видно из приведенного определения, понятие дискурса выходит за пределы текста и включает в себя различные условия его реализации.

В качестве минимальной формы дискурса традиционно рассматривают единство и взаимодействие текста и экстралингвистических факторов его реализации. Так, Н.Д. Арутюнова отмечает: «дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова, 1990: 136]. Таким образом, данный подход выражается формулой «ДИСКУРС = ТЕКСТ + ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ».

В монографии Г. Кука понятие контекста берется в более широком понимании и включает себя не только экстралингвистические, но и лингвистические параметры [Cook, 1992: 1; цит. по: Шейгал, 2000: 9]:

- 1) физический носитель текста;
- 2) музыка и графика (видео ряд);
- 3) параязык (мимика, жесты, параграфемика);
- 4) ситуация (свойства и взаимоотношения людей и окружающих предметов в восприятии участников общения);
- 5) интертекст (текст, принадлежащий другому дискурсу, но связанный с данным текстом и влияющий на его восприятие);
- 6) участники общения;
- 7) функция.

Следовательно, за основу методологической базы исследования принимается следующая формула «ДИСКУРС = ТЕКСТ + КОНТЕКСТ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ)».

В ходе настоящего исследования акцентируются и анализируются такие дискурсивные составляющие русской рок-поэзии, как

1. текстовая (поэтические тексты как элемент музыкальных произведений или как самостоятельные произведения);
2. отдельно выделяется такая вербальная составляющая дискурса как заголовок, под данным понятием объединяются названия фестивалей, рок-коллективов, альбомов и текстов;
3. интертекстуальная (рок-авторы по-своему рецептируют фольклорную, советскую и классическую литературную традицию, воплощая в текстах сложное, далеко не однозначное отношение к культурному наследию прошлого, тем самым, воплощая свое мироощущение, мироощущение своего поколения);
4. социальные и культурные характеристики участником коммуникации;
5. культурная и общественно-политическая ситуация, в которой формировалась и развивалась рок-культура.

6. музыкальный и видео ряд;
7. параязык.

Не менее важный аспект понятия дискурса подчеркивает в своих исследованиях В.З. Демьянков: «дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков, 2003: 116]. Данное положение активно поддерживается и развивается исследователями художественного дискурса, определение специфики которого в свете когнитивной лингвистики требует «обращения к проблемам конкретной картины мир, запечатленной в художественном произведении, к проблемам субъекта и объекта, к тезауруса интерпретатора» [Расторгуева, 2000: 184]. Таким образом, центральным звеном в анализе текстового материала является интерпретатор, реципиент, человек как субъект восприятия.

Для полноценного анализа структуры дискурса русской рок-поэзии необходимо отметить ряд существенных характеристик понятия интерпретации.

Термины-понятия восприятие, понимание, декодирование (перекодирование), интерпретация часто в современной науке трактуются одинаково, используются как синонимы. Но для более полной и точной характеристики деятельности реципиента, интерпретатора необходимо разводить данные понятия. Систему данных понятий можно представить в виде иерархической системы (см. схему 1).

Схема 1.

1) Первым этапом является сложный процесс приема информации, т.е. восприятие текста;

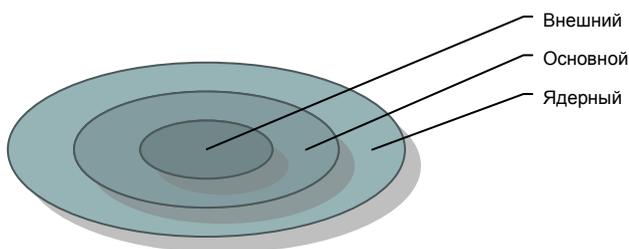
2) «Затем наступает этап осмысления, через анализ вербальной формы, который приводит к пониманию текста;

3) На третьем этапе путем соотнесения декодированной, вычлененной из текста информации с имеющимися знаниями об экстралингвистической реальности (от знания констатирующей ситуации общения до знания необходимых в данном конкретном коммуникативном акте элементов когнитивной базы), происходит интерпретация текста» [Красных, 2001: 231-232].

При характеристике интерпретационного аспекта дискурса необходимо также учитывать ментальные процессы. Понятие менталитет является одним из ключевых понятий в когнитивной лингвистике. Так, исследователи З.Д. Попова, И.А. Стернин предлагают определять «менталитет как специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической» [Попова, Стернин, 2003: 65]. Таким образом, восприятие, понимание и интерпретация обусловлены менталитетом, и в настоящем исследовании наиболее важна социальная обусловленность текстовой интер-

претации. Как отмечает Красных В.В., «в случае монокультурной, но межсоциумной коммуникации основные различия касаются не столько знаний, сколько представлений, а отказаться от своих убеждений или, по крайней мере, терпимо относиться к отличному представлению или убеждениям других подчас бывает намного труднее, чем «просто» попытаться «войти» в мир другой культуры» [Красных, 2002: 33].

Интерпретация рок-культуры, и в частности рок-поэзии – это сложный процесс, так как сам рок – это синтетическое целое, как бы «некое послание, которое доводится до реципиента (слушателя, зрителя) посредством музыки, языка и перформанса» [Шидер, 2002]. Вместе с тем также необходимо отметить, что восприятие рока происходит, конечно же, в широком социальном контексте. Таким образом, основываясь на особенностях интерпретации дискурса русской рок-поэзии в рамках настоящего исследования были выделены три его основных уровня (см. схему 2).

1. Внешний уровень.

Внешний уровень дискурса русской рок-поэзии традиционно представлен двумя основными составляющими: 1) визуальный ряд (обложки альбома, логотипы, а также рекламные плакаты концертов, фестивалей, презентаций альбомов); 2) вербальный ряд (названия фестивалей, рок-коллективов, альбомов и текстов).

Вербальный ряд внешнего уровня дискурса русской рок-поэзии, условно обозначенный как заголовок. Заголовок задает начальный импульс для интерпретации художественного дискурса, именно в рамках заголовка обозначает тема, основные векторы ее развития, что позволяет на основе комплексного анализа метафоры в заголовке создать модель единой метафорической картины дискурса русской рок-поэзии, обозначить типовые прагматические смыслы, обусловившие дальнейшее развитие метафоры в текстовом, ядерном уровне.

Как отмечают исследователи, «проникновение в смысл заголовка, т.е. объективация речевой репрезентации, происходит постепенно, ступенчато, каждый раз добавляя «приращение» к уже имеющемуся» [Расторгуева, 2000: 185]. Данная тенденция ярко выражена в художественном дискурсе русской рок-поэзии: восприятие и понимание анализируемого дискурса чаще происходит по определенной схеме: 1) название фестиваля → названия коллективов → названия текстов → тексты; 2) название коллектива → название альбома → названия текстов → тексты. Каждый шаг добавляет к уже познанному новые смыслы, оттенки, значения, тем самым, дополняя общую картину, и нередко для более полной и корректной интерпретации данные схемы приобретают и противоположный вектор, что позволяет вернуться на шаг назад и с точки зрения уже полученной информации переосмыслить, переоценить познанное ранее.

В качестве отличительной черты внешнего уровня дискурса русской рок-поэзии необходимо отметить отсутствие серьезных ограничений для восприятия, понимания и дальнейшей интерпретации. Данная информация доступна всем носителям русского языка, визуальный ряд нередко выступает как вспомогательный, поясняющий элемент.

Особая значимость заголовка в анализируемом дискурсе определяется самой историей становления русской рок-культуры. В конце 60-х годов появление русской рок-музыки естественным образом началось с заимствования готовых форм. Творчество пионеров данного жанра состояло из произведений или западных исполнителей, или собственных «подражательских опусов с макароническими текстами» [Кормильцев, Сурова, 1998: 3], которые по большей части были фонетической имитацией английской речи, поэтому единственным доступным вербальным средством для творческой самореализации, а главное общения с аудиторией и понимания становится название рок-коллективов. Необходимо отметить, что название рок-коллектива на начальных этапах развития русского рока было действительно единственным компонентом анализируемого внешнего уровня дискурса, так как песни долгое время исполнялись на концертах, не имея фиксированного названия, не объединенные в циклы, альбомы, представляемые только названием рок-группы, да и визуальный ряд сформировалась в традиции русского рока лишь в начале 80-х годов. Таким образом, на протяжении 10-летий в дискурсе русской рок-поэзии единственным вербальным средством для творческой реализации и интерпретации позиции автора было именно название рок-коллектива, которые вместили в себя основные знаковые элементы мироощущения этого поколения.

2. Основной уровень.

Основной уровень дискурса русской рок-поэзии находит свое традиционное выражение в так называемой «звучащей» поэзии, в объединение определенных рок-композиций, которые, по словам И.Смирнова, характеризуются синтезом «музыкального, поэтического (текст) и театрального (шоу)» элементов [Смирнов, 1994: 8].

Описывая ее онтологическую структуру «звучащей» поэзии исследователи отмечают следующие ее уровни, ряды [Свиридов, 2002]:

1. Вербальный ряд – литературная составляющая синтетического текста.
2. Музыкальный ряд – музыкальная составляющая: аккомпанемент, мелодия, вокал.
3. Пластический ряд – артистизм, театральная составляющая синтетического текста: в основном пластика голоса. К этому ряду принадлежат все поэтические средства, материалом которых служит человеческое тело. Рок-культура всегда активно использовала пластический ряд, например, в форме шоу, где задействована пластика не только голоса, но и тела.
4. Визуальный ряд – зрительная составляющая пластической ряда, богато развитая в метатекстовом пространстве шоу.

Признавая синкретичность рок-поэзии как особого жанра культуры, значимость каждого ряда ее онтологической структуры, все же стоит отметить, что, во-первых, его музыкальные, пластические и визуальные элементы являются необходимым условием для целостного восприятия данного культурного феномена, но в то же время они значительно снижают уровень, степень и точность интерпретации русской рок-поэзии, так как «звучащий» текст даже на очень хорошей записи, при хорошей акустике не всегда может быть услышан адекватно авторскому замыслу, нередко театральные элементы рок-шоу, представления выступают как отвлекающие моменты, помехи в процессе понимания и дальнейшей интерпретации. Исследователи русской рок-поэзии (Доманский Ю., Смирнов И.)

также отмечают, что рок-текст в структуре рок-композиции может «катастрофически распадаться на фрагменты, связанные не логикой, а эмоциональным состоянием...». «Рокер на сцене не просто артист — он медиум, аккумулирующий чувства аудитории и выплескивающий эту эмоциональную волну обратно в зал» [Смирнов, 1994: 48, 62]. Естественно, что для большинства реципиентов эмоциональный напор становится серьезным препятствием в процессе восприятия и понимания.

В тоже время необходимо учитывать, что «звучащая» поэзия – «это поэзия не целого произведения (стиха), а отдельных фраз и ключевых слов, которые дают в сочетании с музыкой цепочку образов, воспринимаемых слушателем и дополняемых его собственной фантазией» [см. подр.: Смирнов, 1994].

3. Ядерный уровень.

Ядерный уровень дискурса русской рок-поэзии составляют поэтические тексты рок-авторов.

Попытки дать определение художественного, и в том числе поэтического текста предпринимались учеными всегда, с момента его появления. В настоящее время в современной лингвистике и филологии текста, а также психолингвистике и философии существует целый ряд определений художественного текста. В рамках настоящего диссертационного исследования за основу принято определение предложенное Л.Г.Бабенко: «Это словесное **художественное произведение**, представляющее реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощенную в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь также интерпретирующих действительность), и адресованное читателю, который интерпретирует его в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией» [Бабенко, 2000: 64].

В определении художественного текста необходимо уточнить ряд существенных положений.

1. Традиционно в научной практике текст характеризуется следующими **качествами**: цельность, связность, завершенность, прагматичность [Гальперин, 1981]. Рассматривая признаки художественного текста, Бабенко Л.Г. отмечает: «основу универсальных категорий текста составляют целостность (план содержания) и связность (план выражения), вступающих друг с другом в отношения дополнительности» [Бабенко, 2000: 56]. Также исследователь указывает на такие категориальные признаки художественного текста как связность, завершенность (контекстуально-смысловая), абсолютная антропоцентричность, диалогичность, единство внешней и внутренней формы, развернутость и последовательность, эстетически обусловленная прагматичность, концептуальность и образность, интерпретируемость.

2. Художественный (и поэтический как особая разновидность) текст – это естественная причина, процесс и **результат языковой деятельности**. Текст как система содержит в себе преобразованные в процессе художественной коммуникации основные части языковой системы. Классическое утверждение М.М. Бахтина о том, что только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, что поэзия как бы «выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [Бахтин, 1986], еще раз подтверждает особую связь языка и художественного текста.

3. Художественный текст, входя в **национальную** и шире в мировую **культурную парадигму**, аккумулирует в себе не только индивидуально-авторские эмоциональные и психологические характеристики, не только основные черты языковой личности, компетенции и

способности автора, но и характеристики внешнего происхождения – социальной, эстетической, культурной и духовной природы.

4. Художественный текст характеризуется как абсолютно антропоцентрическая система: «за каждым текстом стоит система языка» [Бахтин, 1986: 299], система культурных ценностей, система эстетических ориентиров как автора, так и читателя.

5. Художественный текст является результатом художественного мышления. В настоящее время ученые выделяют различные типы языкового мышления. Собственно языковое мышление (язык мысли – термин Караулова Ю.Н. [Караулов, 1987: 184-185] при помощи понятий и образов осознает (моделируя, структурируя) обобщенную ситуацию. На данном этапе вербализации мысли (т.е. номинации) начинает действовать речевое мышление, оно крайне вариативно и субъективно, так как обусловлено антропологическими и социальными особенностями говорящего, и отображает конкретный, вариант языковой обобщенной ситуации. Особой разновидностью языкового мышления является текстовое (художественное) мышление (поэтическая речь – средство художественного мышления [Виноградов, 1963: 130], которое отображает также обобщенную ситуацию, но не бытовую, а бытийную или культурную.

6. Художественный (в том числе и поэтический) текст полноценно существует только при его восприятии читателем. Так, например, еще Шопенгауэр отмечал, что антропологизм поэтического текста имеет двойную природу. Антропологизм читателя накладывается на антропологизм автора: «каждый, кто читает стихотворение... должен сам привнести в него нечто, чтобы обнаружить эту мудрость: он извлекает из каждого творения лишь столько, сколько позволяет его способности [Шопенгауэр, 1993: 433].

Основной функцией языкового мышления является номинация (Арутюнова Н.Д, Кубрякова Е.С., В.Н. Телия). В центре же поэтической номинации (или реноминации) лежат функции не столько информативные или когнитивные, сколько функции концептуализации (символизации).

Поэтический текст – это неотъемлемая и особая часть парадигмы художественных текстов, но как объект филологического исследования он нуждается в отдельном и пристальном рассмотрении с разных его сторон.

В настоящей работе поэтический текст определяется следующим образом: «поэтический текст в отличие от «текста» речевого является результатом поэтического мышления как особого типа языкового и его разновидности – художественного мышления. Поэтический текст – это и процесс и результат такого мышления, основанный на особом типе поэтической номинации или реноминации, а также имеющий свой текстовые качества, видоизменяющие поэтический текст как особый вариант художественного текста. Поэтический текст – система, природа этой системы – знаковая. Реализация поэтического текста как системы крайне индивидуальна (антропологизм) и обобщенна (эстетика), что делает ее неотъемлемой частью культуры вообще» [Казарин, 2004: 52-53].

Данное определение нуждается в конкретизации и уточнении некоторых положений, а также дополнении некоторых существенных характеристик поэтического текста:

1. Одна из самых важных характеристик системы поэтического текста – эмотивность.
2. Эстетика поэтического текста – «явление комплексное, которое порождается и формируется на основе эстетики бытия (природы), эстетики языка (мышления) и эстетики природы» [Казарин, 2004: 33]. Таким образом, эстетика поэтического текста – это освоение языка, внутреннего мира человека и действительности единицами поэтического текста. Каждый поэтический текст – это уникальный результат лингвоэстетической, лингвокуль-

турной и лингвоантропологической трансформации единиц системы языка и речи в единицы поэтического текста. Изучение эстетики поэтического текста связано с исследованием общечеловеческих и духовных ценностей, с освоением действительности, с общей семиотикой [Лосев, 1993; Франк, 1995; Боров, 1988:9, 31, 187].

3. Уникальность системы поэтического текста по отношению к другим вариантам художественных текстов заключается прежде всего в его максимальной степени формализации – графической, фонетической, музыкальной и т.д.

4. В содержательном плане поэтический текст также противопоставляется прозаическому. Так, А.А. Потебня в классической работе «Слово и миф» (М., 1989) отмечает, что «поэтическое мышление является образным, а прозаическое – линейным, прямым («математическое равенство» слова и значения)» [Потебня, 1989: 234].

5. Специфическое качество поэтического текста – комплетивность. Поэтический текст является причиной, процессом, реализацией и результатом языковой деятельности и языковой способности [Караулов, 1992: 5-6] автора субъекта социума, эстетика и языка. В процессе поэтической номинации возникают единицы, которые заполняют семантические и знаковые лакуны в языке. Комплетивность поэтического текста связана преимущественно с процессами неологизации, метафорической номинации.

6. Поэтический текст – это причина, и процесс, и результат познавательной деятельности. Так, Мешков Ю.А. отмечает: «в лирическом стихотворении запечатлен акт внутреннего состояния человека в один из моментов познания мира [Мешков, 2000: 130].

Особо необходимо осветить вопрос о интерпретируемости художественного произведения. Интерпретационный момент существует на каждом этапе творческой деятельности: 1) автор, творчески осмысляя действительность, интерпретирует ее; 2) языковое содержание также имеет интерпретационный компонент; 3) читатель познает содержание художественного текста, интерпретирует его. Современные исследователи (Бахтин М.М., Бабенко Л.Г.) отмечают, что художественный текст допускает множественность его интерпретаций. Множественность интерпретаций одного текста обусловлена уникальностью художественного текста как психолого-эстетического феномена, так как он создается автором для выражения своих индивидуальных представлений о мире, знаний о мире при помощи набора языковых средств и направлен читателю. Активно-деятельностное познание художественного текста читателем допускает субъективность, неоднозначность интерпретации, что обусловлено его социальной, культурной компетенцией.

Итак, в рамках настоящего исследования были представлены анализы таких основополагающих понятий современной лингвистики как дискурс и его соотношение с текстом, восприятие, понимание и интерпретация, понятия художественного и поэтического текста. Разработанная в настоящей статье структура дискурса русской рок-поэзии является основой дискурсивного анализа концептуальной метафоры в рок-поэзии, что и обуславливает перспективу данного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – с. 136-137
2. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург, 2000.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986
4. Боров Ю.Б. Эстетика – М., 1988
5. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963.

6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
7. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. - С.116-133.
8. Зарубина Т.А. К вопросу о соотношении понятий «текст» и «дискурс» // Перевод и межкультурная коммуникация: Материалы V Международной научно-практической конференции. Вып. 4. // Институт международных связей. – Екатеринбург: Издательство АМБ., 2003 – 226 с. – с. 41-42.
9. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста: Учебник для вузов. – М: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004 – 432 с.
10. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. - Волгоград, 2002
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987
12. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности – М., 1992
13. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. – Вып.1.
14. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2001
15. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2002.
16. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: Материалы науч. конференции. – М., 1997
17. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993
18. Мешков Ю.А. О поэтах хороших и разных – Екатеринбург, 2000
19. Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория: Учеб. пособие для студ. пед. университетов и институтов. – М.: Изд. Цент «Академия», 1998. – 432с.
20. Паршин П.Б. Понятие идеополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // www/elections.ru/biblio/parshin.htm/ Архив 23 марта 1999
21. Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999 – с.310-312
22. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд. 3-е, стереотип. – Воронеж, 2003. – с. 191.
23. Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989
24. Расторгуева Г.В. Художественный текст как объект когнитологии // Когнитивная семантика: Материалы II Междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября. 2000: В. 2 ч. Ч.1. – Тамбов: Изд-во Тамб. Ун-та, 2000 – 243 с. – с. 184-186.
25. Свиридов С.В. Рок-искусство и проблема синтетического текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – Вып.6. – 173 с.
26. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. - Волгоград: Перемена, 2000. - С. 38-45.
27. Смирнов И. Время колокольчиков, или Жизнь и смерть русского рока. – М., 1994.
28. Тураева З.Я. Лингвистика тексте. – М.: Просвещение, 1986

29. Франк С.Л. Предмет знаний. – СПб., 1995
30. Чернявская В.Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с. – с. 53-55
31. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь, 2001. №1,3,4; 2002б. №1,2,3.
32. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000.
33. Шидер М. Рок как часть целостного искусства // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – Вып.6.
34. Шоленгуэр А. Мир как воля и представление. – Т.2. - М., 1993
- © Шинкаренкова М.Б., 2005

Шустрова Е.В.
Екатеринбург

ИДИОСТИЛЬ Ф. ДУГЛАССА

В предыдущих публикациях была сделана попытка представить историю афро-американской литературы в виде смены масок. Каждая маска представляет собой определенный период, как временной так и жанровой. Всего было выделено четыре маски.

Маска 1. (1760 – 1880) Автобиографии (бывших) рабов, поэзия Ф. Уитли и автобиографические романы Ф. Дугласса.

Маска 2. (1890 – 1910) Поэзия, написанная на разновидности афро-американском английском

Маска 3. (1920 – 29) Произведения поэтов-«пересмешников» (Mockingbird School) и авторов Гарлемского Ренессанса (Harlem Renaissance).

Маска 4. Произведения волны 60-х (Black Arts Movement) и современная афро-американская литература.

Произведения, рассмотренные нами ранее (первые автобиографии и поэзия Ф. Уитли), являли нам больше европейских черт, что вполне понятно и объясняется тем, что «черный писатель – в первую очередь читатель, читатель западноевропейских текстов» [DuBois, 1989: 8]. Вернемся к жанру автобиографии и обратимся к работам Ф. Дугласса. Это три автобиографических романа («The Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American, Written by Himself», 1845; «My Bondage and My Freedom», 1855; «The Life and Times of Frederick Douglass», 1881). Нам предстоит проследить, какие изменения были принесены Ф.Дуглассом в этот жанр афро-американской литературы.

Если авторы первых хроник вспоминают свое детство и юность как годы, проведенные в кругу полной свободной семьи, то Ф. Дугласс – раб с рождения. Если Дж. Гронниосо, Дж. Моррант, Дж. Стюарт, О. Эквиано, Дж. Джи ассоциируют свое отличие от европейца со своей неграмотностью, то мукой Ф. Дугласса становится незнание своего возраста. Именно этим начинается его первый роман:

I was born in Tuckahoe, and about twelve miles from Easton, in Talbot County, Maryland. I have no accurate knowledge of my age, never having seen any authentic record containing it. By far the larger part of the slaves know as little of their ages as horses know of theirs, and it is the wish of most masters within my knowledge to keep their slaves thus ignorant. I do not remember to have ever met a slave who could tell of his birthday, they seldom come nearer to it than planting-time, harvest-time, cherry-time, spring-time or fall-time. A want of information concerning my own was a source of unhappiness to me even during childhood. The white children could tell their ages,

I could not tell why I ought to be deprived of the same privilege. I was not allowed to make any inquiries of my master concerning it. He deemed such inquiries on the part of a slave improper and impertinent, and evidence of a restless spirit. The nearest estimate I can give makes me no between twenty-seven and twenty-eight years of age. I come to this, from hearing my master say, sometime during 1835, I was about seventeen years old [Douglass, 1963: 1].

Именно этот факт мучил его всю жизнь и был причиной горьких записей в дневнике о «серьезной проблеме» [Blassingame, 1977: 2 – 9].

Будучи уже много лет свободным, известным, нужным диаспоре этот человек до конца своих дней пытался установить точную дату своего рождения – факт, уравнивший бы его с белым. Как точно отмечает Г. Гейтс, на могиле раба не было дат рождения и смерти [Gates, 1987: 10-103]. Во многом именно желание не быть рабом и после смерти заставило уже большого Ф. Дугласса отправиться в последнее путешествие и встретиться с наследниками его бывшего хозяина, о чем повествует последняя запись в дневнике [Blassingame, 1977: 8-9].

Положение раба осознавалось Ф. Дуглассом как положение вне времени. Поскольку у раба нет собственных записей и дневников, он вынужден полагаться на память, свою или других. Исчезает он и его круг – исчезает и память о нем, ничего не остается. Исход из рабства один – ты должен вспомнить все, осознать все свои связи, сплести воедино все тоненькие и разрозненные ниточки своего прошлого и записать это. Только так ты найдешь себя, только так ты станешь свободным. Этот крик прорывается в первом романе словами: «вы видели, как из человека сделали раба, вы увидите, как раб создал из себя человека» [Douglass, 1963:1].

Желание вспомнить все детали ведет к скупрулезным описаниям родителей и семьи в целом, их заботы о ребенке.

В первом романе для Ф. Дугласса очень важен образ отца. По его утверждениям – это его хозяин [Douglass, 1963:2].

Автор пытается доказать, что, следуя европейской традиции наследования по отцу, он равный, он не раб. Неравное социальное положение родителей дает толчок к появлению в первой автобиографии ряда оппозиций: мать – отец, раб – хозяин, ночь – день, материальное – духовное, низкое – высокое, дикое – цивилизованное, воображаемое – реальное, чувства – разум, проклятье – чистота, человек – животное. Между этими противоположностями находится сын-мулат, который, если верить Ф. Дуглассу, сразу представляет собой личность, на которую не оказывают губительного влияния тяготы рабства. По Ф. Дуглассу, система рабства мешает человеку развиваться и проявлять свои способности, но на саму личность влияния не оказывает. Довольно противоречивое положение. Тем не менее он хотел так думать и ни в одном своем романе не описывает, как менялись его собственные взгляды. Напротив, автор пытается убедить нас, что он был рожден таким, таким и остался на всю дальнейшую жизнь – как бы не менялось окружение, личность Ф. Дугласса была монолитом, неподвластным изменениям. Однако, если интереса ради сопоставить все три автобиографии [Blassingame, 1977; Walker, 1979; Preston, 1980; Gates, 1987], то обнаружится любопытнейшая вещь – меняются не только взгляды, что вполне естественно, меняются сами факты.

Так, в первой версии своих воспоминаний он пишет, что его матерью была Гарриет Бейли, дочь Айзека и Бетси Бейли, которые «были цветными и довольно темными». Мать была «еще темнее». Отец же, напротив, описывается как некий белый. «Моя матушка скончалась неожиданно и не оставила мне ни малейших сведений об отце... Моим отцом

был белый. Так, говорили все, кто знал о моем происхождении. Говорили, что мой хозяин был моим отцом». Последнее утверждение повторяется несколько раз в разных частях повествования. В первом романе он «был оторван от матери в младенческом возрасте и видел ее не более четырех или пять раз в жизни». Эти визиты были «коротки и проходили под покровом ночи... Ей приходилось пройти длинный путь, чтобы повидать меня ночью... Я не помню, чтобы я хоть раз видел ее днем. Она была со мной только ночью и уходила раньше, чем я просыпался... Не испытав на себе в достаточной мере радости ее успокоительного присутствия, ее нежной заботы, я воспринял известие о ее смерти, как если бы мне сообщили о кончине совершенно незнакомого мне человека» [Douglass, 1963: 1-7].

Десять лет спустя Ф. Дугласс пишет: «Я не могу ничего сказать о своем отце, он окутан для меня покровом тайны, который я не в силах сорвать. Рабство не оставляет отцов, так же как не оставляет оно и семьи. Порядок, установленный цивилизацией, здесь не действует. Ребенок не наследует имени отца и положение последнего не распространяется на дитя. Мой отец был белым или *почти белым*. Иногда [выделено нами – Е.Ш.] говорили, что моим отцом был мой хозяин». Воспоминания же о матери, хоть и остались «отрывочными», но вдруг стали «очень отчетливыми». В частности, указывается, что автор хорошо помнит «ее внешность и манеру держать себя. Она была высокой, хорошо сложенной, с очень темной блестящей кожей, с правильными чертами и среди других рабов отличалась сдержанностью манер». Ее смерть воспринимается уже, как «ужасное горе на всю оставшуюся жизнь». «Я не делаю в жизни ни шага, не чувствуя ее постоянного присутствия, но ее образ нем и я, к сожалению, не помню ни одного ее слова» [Douglass, 1963: 1-5].

Если в первых двух хрониках образ матери нем, а грамотность Гарриет даже не упоминается, то в последнем романе она уже описывается как «единственная среди рабов и других цветных в Такаху умевшая читать». Более того, «она стремилась к знанию. Именно ей, а не своей англо-саксонской крови, я обязан своей тягой к литературе». Про отца же он пишет: «Были слухи, которым у меня нет основания верить, что моим отцом был мой хозяин. Сейчас я склонен думать, что это не так... Об отце я ничего не знаю...он перестал для меня существовать» [Douglass, 1962: 1-7].

В последнем романе Ф. Дугласс описывает изображение, напоминающее ему мать. Оно находится на С. 157 «Естественной истории человека» Дж.Причарда [Prichard «Natural History of Man»] и являет собой «голову статуи.... черты которой так напоминают черты моей матери, что я часто обращаюсь к этой иллюстрации с чувством, которое, как я полагаю, переполняет людей, глядящих на портреты дорогих усопших» [Douglass, 1962: 58]. Но, как справедливо отмечает П. Уоркер, эта голова предположительно принадлежит статуе Рамзеса, представляет собой четко выраженный арийский тип и вовсе не отличается «темной блестящей кожей», не говоря о том, что если это и не Рамзес, то в любом случае – мужчина [Walker, 1979: 134-136].

Скорее всего, Ф.Дугласс не помнил матери, но она становится нужна ему как символ африканского происхождения. Кроме того, как верно пишет Д. Престон: «Ф. Дугласс не появился сразу взрослым непонятно от куда, как, вероятно, полагали его современники; его черные предки на протяжении не менее века до его появления на свет были сильной, крепкой, дружной семьей с фамильной гордостью и традициями, которые были привиты и ему его бабушкой, Бетси Бейли, в жилах которой текла и индейская кровь. Его прошлое коренится глубоко в самой ранней истории Америки» [Preston, 1980: 146].

Таким образом, если в начале для Ф. Дугласса важнее его предполагаемое белое происхождение, то в третьей версии он отказывается от него и на первый план выходит

мать и линия, связанная с ее образом. Это неслучайно и связано с постепенным изменением черт нашей первой маски.

Что касается системы тропов качества, то в романах Ф.Дугласса она представлена следующим образом. Метонимическая группа невелика, и кроме словарных метонимических значений ряда лексем, представлена синекдохальными отношениями между понятиями автор – раса. Из метафорической группы в подавляющем большинстве оказываются зооморфные метафоры, сравнения и эпитеты. Наиболее частотную основу представляют концепты: скот, овца, лошадь, свинья.

We were not regularly allowanced. Our food was coarse corn meal boiled. This was called mush. It was put into a large wooden tray or trough, and set down upon the ground. The children were then called, like so many pigs, and like so many pigs they would come and devour the mush; some with oyster-shells, others with pieces of shingle, some with naked hands, and none with spoons. He that ate fastest got most; he that was strongest secured the best place; and few left the trough satisfied. [Douglass, 1963: 32]

Кроме этого есть еще ряд библеизмов и словарно зафиксированных сочетаний типа: *lofty banks, powerful ocean, noble land* и др. Их усиливает ряд библейских аллюзий (см., например легенду о Хаме [Douglass, 1963: 79]). Олицетворению подвергается только образ корабля, который, как и в первых хрониках, поражает своей чистотой и светом.

Our house stood within a few rods of the Chesapeake Bay, whose broad bosom was ever white with sails from every quarter of the habitable globe. Those beautiful vessels, robed in purest white, so delightful to the eye of freemen, were to me so many shrouded ghosts, to terrify and torment me with thoughts of my wretched condition. I have often, in the deep stillness of a summer's Sabbath, stood all alone upon the lofty banks of that noble bay, and traced, with saddened heart and tearful eye, the countless number of sails moving off to the mighty ocean. The sight of these always affected me powerfully. My thoughts would compel utterance; and there, with no audience but the Almighty, I would pour out my souls complaint, in my rude way, with an apostrophe to the moving multitude of ships: – «You are loosed from your moorings and are free; I am fast in my chains, and am a slave! You move merrily before the gentle gale, and I sadly before the bloody whip! You are freedom's swift-winged angels, that fly around the world; I am confined in bands of iron! O that I were free!» [Douglass, 1963: 52].

Аллегоричные образы корабля, книги и цепи, рассмотренные нами ранее, переходят и в автобиографии Ф. Дугласса. Но если корабль – образ по-прежнему свободный, то концепты книги и цепи претерпевают серьезные изменения. Во-первых, Ф.Дугласс, утверждая в первом романе свое право на наследие отца, а позднее на ум своей матери, не может позволить себе описаний наивных попыток говорить с Библией, и хотя обращение *God Almighty* сохраняется, но обретение грамотности уже не есть божественное чудо, а кропотливая работа, Библию же заменяет словарь и прописи Вебстера:

I then commenced and continued copying the Italics in Webster's Spelling Book, until I could make them all without looking on the book. By this time, my little Master Thomas had gone to school, and learned how to write, and had written over a number of copy-books. These had been brought home, and shown to some of our near neighbour, and then laid aside. My mistress used to go to class meeting at the Wilk Street meetinghouse every Monday afternoon, and leave me to take care of the house. When left thus, I used to spend the time in writing in the spaces left in Master Thomas's copy-book, copying what he had written. I continued to do this until I could write a hand very similar to that of Master Thomas. Thus, after a long, tedious effort for years, I finally succeeded in learning how to write [Douglass, 1963: 64].

...all the education I possess, I may say, I have stolen while A slave. I did manage to steal a little knowledge of literature, but I am now in the eyes of American law considered a thief and robber, since I have not only stolen a little knowlegde of literature, but have stolen my body also [Douglass, 1963: 6].

Цель уже становится настоящими кандалами и символизирует всю систему рабства. Так этот образ будет входить и в последующие произведения афро-американцев. Открыто появляются у Ф. Дугласса и еще два образа. Это ворота или врата – символ несвободы и мук вместо традиционных Райских ворот. Появляется этот образ при описании порки Тети Эстер.

It struck me with awful force. It was the blood-stained gate, the entrance to the hell of slavery, through which I was about to pass. It was a most terrible spectacle [Douglass, 1963: 77].

Второй образ – образ песни – символизирует тоску и имеет четко выраженные африканские черты.

Slaves sing most when they are most unhappy.... The singing of a man cast away upon a desolate island might be as appropriately considered as evidence of contentment and happiness, as the singing of a slave; the songs of the one and of the other are prompted by the same emotion. <...>

The slaves would compose and sing as they went along, consulting neither time nor tune. The thought that came up, came out – if not in the word, [then] in the sound; – and as frequently in the one as in the other. <...>

They would sometimes sing the most pathetic sentiment in the most rapturous tone, and the most rapturous sentiment in the most pathetic tone.... They would thus sing as a chorus to words which to many would seem unmeaning jargon, but which, nevertheless, were full of meaning to themselves [Douglass, 1963: 5 – 7].

С образом песни сливается описание обретения голоса и своего Я, а вместе с ними и свободы. Так, автор становится *видимым*. Для Ф. Дугласса это происходит на собрании противников рабства в Нантакете в августе 1841г., три года спустя после его побега, где ему пришлось обратиться к большому собранию.

It was a severe cross, and I took it reluctantly. The truth was, I felt myself a slave, and the idea of speaking to white people weighed me down. I spoke but a few moments, when I felt a degree of freedom, and said what I desired with considerable ease. From that time until now, I have been engaged in pleading the cause of my brethren [Douglass, 1963: 12].

Young, ardent and hopeful, I entered upon this new life in the full gush of unsuspecting enthusiasm. The cause was good, the men engaged in it were good, the means to attain its triumph, good.... For a time I was made to forget that my skin was dark and my hair crisped [Douglass, 1962: 11].

Позднее Ф. Дугласс пишет, что голос обретается в большей мере через устную, а не письменную речь.

Speech! Speech! The live, calm, grave, clear, pointed, warm, sweet, melodious, and powerful human voice is [the] chosen instrumentality of social reform. While writing served its purpose, some matters were of such urgency that the spoken word was demanded. Humanity, justice and liberty demand the service of the living human voice [Цит. по Gates, 1987: 106].

Это замечание неслучайно и согласуется с устной традицией диаспоры. Интересно отметить, что эта мысль проводится одновременно с обретением голоса образом матери в последнем романе. Как в описании семьи, так и в описании голоса для Ф. Дугласса на первый план выходит наследие Африки. Неслучайно, Б.Т. Вашингтон, пытавшийся стать для

диаспоры тем, чем был для нее Ф. Дугласс, в своей автобиографии делает акцент на сюжетные линии последнего романа Ф. Дугласса, в частности, на первый план выходит черная мать и воспоминания, связанные с черной общиной [*Washington*, 1996].

Научившись «подражать почерку Мастера Томаса», афро-американец хочет создавать работы, которые бы отражали и его черную половинку. Так, медленно, но верно маска начинает поворачиваться к нам своей черной стороной и превращается во вторую маску.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blassingame J. *Slave Testimony: Two Centuries of Letters, Speeches, Interviews, and Autobiographies*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1977.
2. DuBois W. E. B. *The Souls of Black Folk*. Bantam Books, NY-Toronto-London-Sydney-Auckland, 1989 (orig. printed in 1903).
3. Douglass F. *The Life and Times of Frederick Douglass*. N. Y.: Doubleday, 1962 (orig. printed in 1881).
4. Douglass F. *The Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American, Written by Himself*. N. Y.: Doubleday, 1963 (orig. printed in 1845).
5. Douglass F. *My Bondage and My Freedom*. N. Y.: Orton and Mulligan, 1963 (orig. printed in 1855).
6. Huggins N.I. *Slave and Citizen: The Life of Frederick Douglass*. Boston: Little, Brown, 1980.
7. Gates H.L., Jr. *Figures in Black: Words, Signs and the "Racial" Self*. N. Y.: Oxford university Press, 1987.
8. Preston D.J. *Young Frederick Douglass: The Maryland Years*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1980.
9. *The Frederick Douglass Papers*. / Ed. by Blassingame J.W. and Associates. New Haven: Yale University Press, 1979.
10. Walker P. *Moral Choices: Memory, Desire, and Imagination in Nineteenth-Century American Letters*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1979.
11. Washington B.T. *Up From Slavery*. / Ed. by Andrews W.L. N. Y.: Doubleday, 1996 (orig. printed in 1901).

© Шустрова Е.В., 2005

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРОСОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – соискатель кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета

БАЗЫЛЕВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор (Ин-

ститут языкознания РАН)

БАСОВСКАЯ ЕВГЕНИЯ НАУМОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературной критики Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – преподаватель кафедры английского языка Нижне-Тагильской государственной социально-педагогической академии

ВАСИЛЬЕВ А.Д. – доктор филологических наук, профессор Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

ВАСИЛЬЕВА С.Д. – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

ВОРОБЬЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета

ГЛУШАК ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Сургутского государственного университета

ДЕДОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА - аспирант кафедры стилистики и языка массовой коммуникации Омского государственного университета

ДОКУЧАЕВА РАИСА МИХАЙЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского и коми языков Коми государственного педагогического университета.

ДОЛЕВЕЦ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – аспирант кафедры русского языка Ростовского государственного университета, факультета филологии и журналистики

ЗАЦЕПИНА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА - аспирант кафедры немецкой филологии Уральского государственного педагогического университета

КАБАЧЕНКО ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА – ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

КАЙГОРОВОДА НАТАЛЬЯ ГУМАРОВНА – студентка факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета

КАРИМОВА РИММА ХАТИПОВНА - Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германских языков Стерлитамакской государственной педагогической академии

КУЗНЕЦОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирант кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета

КУШНЕРУК СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА – ассистент кафедры английской филологии Челябинского государственного педагогического университета

ЛАСАН ЭЛЕОНОРА РУФИМОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания Вильнюсского государственного университета.

МАЛЬЦЕВА ИНГА ГЕННАДЬЕВНА – студентка Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета

МАРКОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – студентка Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

МОИСЕЕВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ОЛЕШКОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – доцент кафедры русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, кандидат педагогических наук.

ПЕСТОВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета

ПОКРОВСКАЯ ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Ростовского государственного университета.

ПОТАПОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА - студентка Института иностранных языков Уральского государственного педагогического университета

СВЕТОНОСОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель кафедры иностранных языков Псковского государственного технического университета

СОЛОПОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – ассистент кафедры английского языка Челябинского государственного педагогического университета

СТРЕЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – преподаватель кафедры английского языка Нижне-Тагильской государственной социально-педагогической академии

ХАРЛАМОВА ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА - кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

ЧВАНОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – старший преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности Института физической культуры Уральского государственного педагогического университета

ШАПОВАЛ ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ - кандидат филологических наук, доцент Московско-

го городской педагогического университета

ШИНКАРЕНКОВА МАРИЯ БОРИСОВНА - ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ШУСТРОВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английской филологии Уральского государственного педагогического университета